

Геннадий Башиннов

БЕЗСТРАШНОЕ

30 ЛЕТ ПИРА

Annotation

РеалЛитРПГ, дарк-фентези, массовое попадалово в мир, живущий по законам игры. Собственно, больше и сказать-то нечего. Отзывы и тапки категорически приветствуются.

Часть третья. По жестоким правилам. Канал I

Мир привычно выцвел. Здесь ему ни к чему цвета, нет места и для запахов. Деревья, скалы, земля под ногами превратились в белую пелену. Казалось, что я повис в пустоте, только над моей головой разворачивался чудовищный вихрь. Внутри вихря бушевала яростная энергетическая буря, переливающаяся всполохами всех цветов радуги и каждого из оттенков серого.

Выверенным движением я потянулся к буре и хапнул энергии столько, сколько позволял мой канал — после долгих размышлений мы с Комком решили не отказываться от такого мощного источника халявной энергии. К тому же, я оказался не слишком талантливым учеником, и налаживание связей с другими источниками энергии шло очень плохо. Не говоря уже о том, что каналы постоянно рвались, а большая часть местных источников силы перешла на своеобразное самообеспечение.

Но не в этом случае.

Посреди белой пелены торчало тёмно-серое размытое пятно. В реальном мире это был тёмный замшелый валун, на который обратил внимание Комок. Здесь же форма не нужна, да и не важна. Важна энергия, и её у того, что скрывалось в камне, было навалом. Я видел тонкие чёрные щупальца, едва подрагивающие и извивающиеся; они уходили в разные стороны, а их часть терялась за пределами зоны Игры. То, что пряталось в камне, сумело наладить канал с внешним миром. И я собирался этот канал у него забрать.

Хозяин с таким положением дел соглашаться не намеревался.

Я почувствовал мощный толчок в грудь. Прямое физическое воздействие?

Мир резко приобрёл цвета. В голове коротко вспыхнула боль, но Комок почти сразу её погасил. Я инстинктивно набросил Плащ Теней и принялся отступать, вытащив тесак. Телесное обличие Комка — та самая мерзкая пасть с языком-щупальцем в моей левой ладони — лениво раскрыла все ряды своих зубов.

Обстановку я оценил мгновенно. И в который раз понял, что если бы со мной не было Оскала, то я бы погиб. Пёс как обычно молча бросался на исковерканную фигуру с окаменевшей кожей и уродливой вросшей в плечи безротой головой. Хранитель канала мотал своей башкой, пытался дотянуться до пса длинными руками, но Оскал был слишком быстр — он нападал, клацал зубами и резко отступал. Не каждая атака пса оказывалась успешной, но кое-где на руках и ляжках хранителя виднелись раны, забитые каменной крошкой и истекающие бледной сукровицей. Обычная собака вряд ли смогла бы прокусить его шкуру, но Оскалу это оказалось вполне по силам — он каким-то образом умудрялся пить энергию из меня.

«У него есть разум», — сказал мне Комок.

Если существо разумно можно сначала попробовать с ним договориться, и только в случае неудачных переговоров — убить.

«Оскал!»

Пёс поджал хвост и метнулся в чашу. Медлительному хранителю осталось только мотать головой и смотреть вслед удирающему противнику. Но зато теперь он мог переключиться на меня.

Я разлепил губы и сиплым от долгого молчания голосом произнёс:

— Стой.

Стоять каменный хранитель не собирался. На долгое преследование он оказался не способен, но вот быстрый рывок вперёд дался ему легко. Я ушёл от удара, пнул хранителя под колено и резким толчком сбил на землю. По моему тесаку пробежало несколько завихрений Тени, но я не собирался добивать поверженного. Только прострелил ему колени, чтобы не дёргался.

— Видишь? Лучше поговорить. Или я убью тебя и заберу всю энергию, тем самым уничтожив канал. Хочешь, чтобы это произошло?

Хранитель не хотел. Но и сдаваться просто так не собирался. Он тяжело перевернулся на спину. И в тот же миг в меня выстрелил поток отравленного чёрного гравия. То место, где у хранителя должен был располагаться рот, раскрылось и из тонкой вертикальной щели вылезли три тончайших жала...

Окутывающая меня Тень сгустилась, гравий брызгами разлетелся в разные стороны. Поднимающийся над хранителем вихрь песка я разбил несколькими точечными ударами Теневых Плетей, а на рот просто наступил, ломая жала толстой подошвой.

— Я же говорил, что убью тебя, — сказал я, направляя тесак в грудь хранителю. — Ну? — Я надавил ногой на лицо своему противнику.

— Не надо... — едва различимо простонало существо.

— Вот и отлично.

Ко мне подбежал Оскал. Он уселся у моей правой руки, высунув чёрный язык, и пристально уставился своими мёртвыми глазами на каменное существо. Не знаю, может, у пса порода такая или на него влияет моя сила, но вымахал он, будь здоров — острые уши доставали мне до локтя. Его тёмно-серая короткая шерсть тускло поблёскивала на холодном мартовском солнце, уродливая изорванная рожа кривилась, а с гипертрофированных клыков свисала окровавленная слюна.

«Закусить успел, засранец, пока я тут разбираюсь?».

Оскал скосил на меня свой левый глаз, будто говоря, что раз уж мне помощь была не нужна, то ему ничто не мешало пообедать.

«Хороший пёсик. Ты мне опять жизнь спас».

Оскал еле слышно зарычал, принимая благодарность. Умный пёсик.

«А ты опять опасность просрал».

«Ты тоже, — невозмутимо ответил Комок. — Просто хранитель стал частью камня, вот я его и не разглядел. Судя по тому, что такая слабая сущность охраняет устоявший канал, единственное, на что он ставил — неожиданность».

«Или на скорую подмогу».

«Сомневаюсь. Давай уже с ним заканчивать».

Я наклонился к хранителю канала, не забывая угрожать ему тесаком.

— Я всего лишь присоединюсь к каналу, — сказал я. — А ты не будешь мне мешать. Мне очень надо, понимаешь?

— Мне тоже, — пробулькала хранитель. Рта он при этом не раскрывал. — И так большая часть энергии потеряна, а ты ещё предлагаешь остатками с тобой делиться.

— Я не собираюсь тянуть энергию просто так, только в крайних случаях.

— Знаю я вас таких. Сначала не собираетесь, а потом вытяните всё до суха, накапливай за вами потом...

— Вполне может быть, что произойдёт именно так. Придётся потерпеть. Или сдохни

сейчас.

— А канал кто будет охранять? — фыркнул хранитель. — Придёт кто-нибудь и отрубит твой канал. Или выпьет...

— Я же сказал, что убью тебя и высосу из этого чёртова камня всю энергию на насущные нужды. Думаешь, других каналов кругом мало? Выбирай.

— Конечно, мало, — презрительно ответил хранитель. — Но так уж и быть, не буду тебе мешать. Но и ты всё не тяни, хорошо?

— Оскал, проследи.

Пёс поставил передние лапы на грудь хранителю и, приблизив свою клыкастую рожу к его плоскому лицу, тихо зарычал. Теперь за хранителя можно не беспокоиться.

Это был пятый пригодный независимый источник силы, который я нашёл. Третий, к которому я смог присоединиться. Второй, что я не уничтожил из-за неопытности. Нет, источников за последние месяцы я нашёл куда больше, вот только две трети из них мне негодились — от стихий мне проку нет.

Я этого не видел, но земля под моими ногами умирала. Трава пожухла, гумус превратился в ядовитую грязь.

Я опять витал в коконе пустоты, ограниченном потоками энергии. Канал (он напоминал сосуд, по которому текла Скверна) тянулся ко мне. Я протянул раскрытую левую ладонь к каналу и вцепился в него. По моему телу прошла дрожь, я почувствовал, как энергия наполняет меня.

Как это работало? В принципе, просто. Представьте, что я — бассейн, а потоки энергии — трубы этот бассейн питающие. У труб разные диаметры и источники. Из трубы большим диаметром можно сосать энергию быстрее (если хватает под неё места, естественно), но эта широкая труба может вести к слишком маленькому резервуару. Слабый же канал напротив может подпитывать меня понемногу, но на другом его конце окажется практически неограниченный объём энергии. Этот был как раз таким.

Очень осторожно, чтобы не разрушить канал, я копнул немного глубже, проследил его источник. Да, он был вне зоны Игры. Но и во внешнем мире его не было, в него доступ закрыт ещё с ноября. Проверив второй свой канал я сделал вполне ожидаемый вывод — он подпитывался из того же источника энергии. И этот источник был «карманом» вроде того, куда меня как-то раз привела Рилай.

«Возможно, он соединён с зоной Игры, — медленно проговорил Комок, когда я «вернулся» в реальный мир. — Но идти к нему это то же самое, что... скажем, решить, что ты готов убить стаю волков после того, как убил щенка таксы. Я против. Наша гибель резко снизит шансы закончить Игру, я уже не говорю о выживании Матери Тьмы».

Так ли уж резко? Одним из зимних воспоминаний, которое я не вычеркнул из своей памяти, возвращало меня к моменту, когда я израненный и голодный три дня убежал от партии «новичков». Вернее, от двух охотников из партии в десяток человек. И справиться с ними у меня не было ни шанса.

«И так прошло слишком много времени, — сказал я Комку. — Если я не сделаю это...»

«Опять заводишь свою песню про самопожертвование, долг и спасение мира?»

«Нет. Двух каналов слишком мало, чтобы черпать из них достаточно энергии, мне нужно больше. Без владения этим источником я просто погибну. А Игра возобновилась. Ты помнишь послушников Культа, что мы встретили три дня назад? Уже третья партия за неделю, хотя раньше мы встречали их не чаще раза в неделю-две».

«С ними проблем не возникнет...»

«Возникнут проблемы с новичками. И со жрецами Корда».

«Ты нас в могилу сведёшь, ненавижу тебя, ты меня совсем не слушаешь, а когда слушаешь — не слышишь. Зачем я трачу время на такого упёртого человека? Матери Тьме нужно было выбрать мне другого носителя...»

И так далее. Обычное нытьё Комка после того, как он со мной соглашается. Уже через минуту он рассказывал мне, что придумал Матери Тьме хвалебную оду.

«О-о-о, Тьма, ни богатство, ни серебро, ни золото, ничто не нужно мне, кроме твоих тёплых объятий».

Это была грустная ода. Были ещё и весёлые вроде «Славься, славься, Тьма, я принёс тебе...», но рифму подобрать у Комка не получилось. Я ему посоветовал одну, но ему не понравилась, так что мы сошлись на варианте «... бесконечные потоки тёмной энергии, чтобы Сердце твоё билось вечно и никогда не останавливалось». Без рифмы, но Комку понравилось.

— Я свободен? — спросил хранитель. Оскал всё ещё держал его на земле.

«Оскал!»

Пёс отпустил хранителя. Тот с трудом поднялся. Из его сломанных жал тек яд вместе с сукровицей.

— Ненавижу тебя, — сказал он. — Я знаю, куда ты направляешь. И надеюсь, что ты там сдохнешь. Многие и посильней тебя сдохли.

— И тебе счастливо оставаться.

— Если ты выпьешь весь мой камень, клянусь, я найду тебя...

— И сдохнешь в муках, лишённый всей своей силы. Щадить тебя после третьей угрозы я не собираюсь.

Хранитель то ли завыл, то ли заплакал в бессильной злобе и поспешил ретироваться. Камень раскололся, принимая его, и закрылся, будто это был обычный валун.

«Я отследил канал, нам надо на восток».

Я цыкнул. Придётся отклониться от маршрута, но деваться некуда. Сердце Мира слабаков не пощадит.

Первыми весенними ласточками были трупы, вытаявшие на дорогах и в лесах. Некоторых обобрали до нитки, других обглодали (или стесали) практически до костей, но многие погибли в полном боевом обмундировании. Большая часть погибших была игроками и солдатами — мирные жители умирали от голода и болезней мирно, в своих деревнях и хуторах, иногда я находил целые города-могильники.

За зиму Скверна поразила всю зону Игры, вызвав пандемию. Местные и игроки, чьи тела обладали достаточной силой, чтобы пережить болезнь, становились одержимы убийствами, их тела поражали гнойники, сводящие их с ума от боли и превращающие в слуг нового Культа Корда — той дикой помеси оккультизма со служением старому богу. Слабые умирали, поднимаясь после смерти агрессивными и голодными гниющими зомби. Я и сам едва не умер в январе от этой болезни, но к счастью, Комок справился с ней. Впрочем, болезнь затронула не больше четверти населения и к февралю сошла на нет. Но обезумевших людей на дорогах хватало.

В феврале люди просто принялись массово умирать от недоедания. Осенью собрать урожай не было ни времени, ни возможности, да и разбушевавшаяся война и ухудшившаяся погода послужили причиной жесточайшего неурожая. Здесь, на юге, война с игроками, Культ, жрецами Корда и обычными людьми, зимой лишь стала более вялой. Хотя, оккультисты действительно пропали на некоторое время, вероятно, копили силы.

Всего по моим подсчётам погибло не меньше половины местного населения и трёх четвертей игроков из тех трёх фракций, что сходились здесь. Надеюсь, у других фракций дела обстоят лучше, иначе Игру придётся завершать жалким горсткам, а по рассказам местных Сердце Мира — очень крепкий орешек с десятками храмов-крепостей и тысячами жрецов в них.

За три дня мы пересекли несколько рощ, переправились через широкую реку и вышли на болота. За болотами располагалась приличная по высоте сопка — около тысячи метров в высоту. Над сопкой время от времени поднимался пар, видимо, там били гейзеры. Да и судя по большому количеству зелени, болота подпитывались этими гейзерами и не замерзали даже зимой. Туда и вёл канал.

Я попытался найти хоть каких-то местных, чтобы разузнать о дороге или хотя бы разжиться мокроступами, но, угробив на это двое суток, не нашёл даже следа человеческого жилья. Видать, это было гиблое место, и здесь не селились даже в спокойные времена. В самый раз для источника тёмной энергии. В самый раз для меня. И в самый раз для моей возможной могилы.

Я сунулся в зловонное болото, пахнувшее отравой и смертью, наугад и едва не утонул в первые же минуты. Нужно было искать какой-то выход. Комок предложил построить самолёт из дерева и кожи, Оскал молчал, а я думал. Придумал только поискать какого-нибудь проводника. Если не среди людей, то хотя бы из местной-то нечисти можно же кого-нибудь найти?

Я охотился ещё два дня. Утопленники с зеленоватой ядовитой кожей и перепонками на пальцах, полулюди-полулягушки и зубастые ящеры в набедренных повязках явно обладали разумом, но на контакт идти не хотели. Возможно, я не знал их языка — общались между

собой они какой-то странной смесью шипения и кваканья. Остальные местные обитатели разумом не отличались, зато имели длинные лапы, большие клыки, целый арсенал ядовитых шипов, плевков, когтей и, в придачу, мерзкий характер.

Комок предложил мне построить катапульту, чтобы запустить нас в небо. Уж очень он хотел полетать. Оскал шипел от боли, вытаскивая зубами из своей передней лапы ядовитые шипы.

Больше времени терять было нельзя. Я начал впадать в отчаянье.

Я помотался по округе, ещё раз попробовав найти тропу через болото, но тщетно. Пришлось вернуться к своему гнёздышку — шалашу, который стоял рядом с относительно чистой горячей лужей, сейчас никак с болотом не сообщающейся, но, судя по растущему уровню воды, скоро они должны были слиться в единое целое. Вообще, соваться на болота весной — очень плохая идея, даже если какие-то тропы и были, то их могло затопить талыми водами. Но что мне оставалось?

Я собрал свои пожитки, намереваясь идти на юго-восток, чтобы в случае неудачи хоть как-то сократить крюк. Возможно, удастся обойти болото, хотя я слабо на это надеялся: болото простиралось, насколько видел глаз. Да и вообще, вполне может оказаться так, что вход в «карман» именно в болоте и находится. Но перед тем как выйти, мне пришла в голову идея искупаться. У меня аж всё тело зачесалось. Если честно, первый свой день на окраине болота я почти весь отмокал в горячей воде и стирал одежду — за зиму мне подвернулось лишь три случая искупаться. Причём, один раз я купался в ледяной реке прямо в одежде и с сумкой, убегая от тех охотников.

Я оставил одежду на траве, взяв с собой только тесак — всё равно ничего опасного по близости нет, да и Оскал в случае чего поднимет тревогу. Погружение в горячую воду было божественным. Мои мышцы задргались, расслабляясь, я закрыл глаза...

Гарпун прошил моё правое плечо — я всё-таки успел среагировать, но в воде мои движения были стеснены. У меня ни плаща, ни маски, я даже...

Второй гарпун глубоко вошёл мне в правый бок, третий — в бедро. Веревки дёрнулись и потащили меня к берегу, где стояла возникшая из ниоткуда группа людей. Новички, не меньше дюжины человек. А с ними невысокая утопленница с зеленоватой кожей и смешными перепончатыми ушами. Вот только мне-то было совсем не смешно. А уж после того, как я увидел окровавленного Оскала, валяющегося в ногах одного из моих пленителей, я окончательно разозлился.

Но дать волю своей Злобе не мог.

Меня вытащили на берег. Высокий воин в панцирном доспехе и с двуручником в руках наступил мне на правую кисть. Пришлось бросить тесак.

— Это он что ли тут ошивается и всех распугивает? — спросил один из новичков у утопленницы.

— Да. Замучил моего отца до смерти, пытаюсь выведать дорогу через болото. И кроме отца ещё кучу народу положил.

— Так вы и по-человечески понимаете, — прошипел я.

Воин склонился надо мной и неприятно улыбнулся.

— Они — понимают, а вот ты скоро перестанешь.

Он отвесил мне тяжёлую пощёчину. Я в который раз поблагодарил Комка за новые зубы — старые бы я после такого удара выплюнул. Выглядели-то они обычно совсем как человеческие, но были куда крепче. А вот если я злился, то зубы деформировались, особенно

кльки. Как сейчас. Вторая оплеуха была ещё жестче первой. Но меня, по крайней мере, поддержали, чтобы я не упал, и, вывернув голову, я увидел, что Оскал ещё дышит. Комок, как это часто было в критической ситуации, помалкивал — он сейчас был целиком занят тем, что искал хоть какой-нибудь выход из сложившейся ситуации.

Но уже через пару секунд всё стало ещё хуже.

— Эй, Гарт, посмотри-ка, знакомые шмотки! — крикнул один из отряда, до этого громивший мой шалаш. — Маска и плащ. Это тот ублюдок, что пару месяцев назад от нас с Эшком ушёл. Я-то думал, что он в реке подо льдом утонул, ан нет. Живучий говнюк оказался.

— Посмотрим, переживёт ли он переизбыток железа в организме.

— Погодите, — сухо сказал тот охотник, которого называли Эшком. Это был тощий парень с длинным лицом и чёрными сальными волосами. Наконечник его стрелы после первого знакомства я выковыривал ножом из собственного же бока, наверное, не меньше часа.

— Что такое? — зло спросил первый охотник. — Ещё за ним побегать хочешь?

— Нет. Но мы должны дождаться Судью.

У меня по телу прошла дрожь. Кого они должны дождаться? Судью?

А я тогда кто? Комок говорил мне, что в случаях, когда судьба мира висит на волоске, появляется Судья. Один-единственный. И я уже думал, что кто такой Судья — дело решённое. Излишней скромностью я не страдал.

— Ладно, — прошипел Гарт, сплёвывая. — Дождёмся Судью. — Он дёрнул гарпун, стараясь сделать так, чтобы мне было как можно больнее. Ему это удалось.

— Никакой излишней жестокости, — сказал Эшк.

— Хорошо! Но и гарпуны я из него вытаскивать не собираюсь. Или ты хочешь ещё пару дней за ним побегать?

— Нет. Просто оставь его.

«Придётся ждать Судью, — сказал мне Комок. — Я ничем не могу помочь».

«Боль хотя быними».

«И так».

Я про себя застонал. Кровь из моих ран уже не текла, плоть готовилась срастись. Вообще, очень удобно, когда раны склеиваются сразу, но потом они очень долго болят, срастаясь окончательно, и могут раскрыться в самый неподходящий момент...

... что-то заговорило во мне, но я сразу же задвинул это нечто за границы своего сознания. Никаких воспоминаний. Некоторые вещи, которые я видел зимой, слишком жестоки и чудовищны даже для меня, повидавшего всякое. Я просто забыл их, а Комок мне в этом помогал. Забыл, конечно, не до конца, мне чуть ли не через день снились кошмары, но даже это куда лучше, чем помнить. Я — лишь слабый человек, я имею право на то, чтобы не помнить многое.

Тем временем мои вещи уже поделили. Маску и несколько амулетов решили выбросить — парни считали себя верными последователями Корда, и амулеты, которые я забрал у оккультистов и пары ведьм, встретившихся мне зимой, им были не нужны. Ломать, впрочем, ничего не стали, хотя один из охотников порывался растоптать бусы, составленные из височных костей.

Утопленница бродила из стороны в сторону, осыпая меня проклятьями и жалуясь, что ей теперь кормить младших сестёр. Чем-то она напомнила мне Топлюшу. Наверное, той же

непосредственностью и кровожадностью. Я был на грани смерти, но всё равно не мог отвести взгляда от двух тряпок, едва прикрывающих её грудь и пах. Я слишком давно не видел живых женщин. А спал последний раз с Фиалкой, четыре месяца назад.

Хоть помечтать перед смертью...

Они вышли как будто из ниоткуда, ещё дюжина человек — девять друидов и трое воинов для поддержки. Среди них было три женщины — две друидки и воин. Одну друидку я знал, и очень близко. Вторая ничем не выделялась. А третья...

Меня будто током прошило. Комок тихо пискнул и «убежал», я практически перестал ощущать его. Никаких сомнений в том, что перед нами Судья, не возникало.

На вид девушке было лет восемнадцать-двадцать. Её почти белые волосы были стянуты в конский хвост, своим кончиком едва не достигающим земли. Вокруг её белёсых, как у слепого, глаз можно было разглядеть тонкую сеть шрамов. Полные бледные губы сжались в нитку, едва она меня заметила. Значит, зрячая. И очень сильная. И дело вовсе не в кольчуге, небрежно зажатом подмышкой шлеме и бастарде, прицепленному к поясу с правой стороны. Аура света буквально сминала меня.

— Можно убивать, — оскалился Гарт, указывая на мою задымившуюся кровь. — Это приговор.

— Давай, приговоры будет выносить Судья, — в сухом и бесцветном голосе Эшка впервые прорезалось раздражение. Он сделал шаг вперёд и припал на колени, кланяясь идущей впереди девушке.

— Это он? — спросила она.

— Да.

Я посмотрел на Инчу, но та лишь отвела взгляд. На её лице читалось то ли «очень жаль», то ли «сам виноват». Может, действительно, с тем утопленником (интересно, каким из десятка?) нужно было помягче?

— Его кровь дымиться, — бесстрастно сказала Судья, — значит, он — слуга Тьмы. Он пришелец. У него нечеловеческие клыки. Его левый глаз похож на глаз чудовища, а не человека. Он до смерти запытал кучу местного народца. На болото его могли привести только тёмные дела. Кончайте его.

Вот и весь суд. Я закрыл глаза. Комок тихо пискнул.

Вот так, думаешь, что ты готов к смерти каждую секунду, но на самом деле это не так. И уж тем более не хочется погибать, как свинья на бойне.

— Судья, постой, — услышал я знакомый голос. — Я знаю его.

Моё сердце яростно забило в груди. Неужели шанс?

— Хватит резину тянуть! — рявкнул Гарт. — Пришьём его, и дело с концом.

— Судья... прошу, Суди его.

Я приоткрыл правый глаз. Левым — тёмно-серым, без белка, с чёрной точкой зрачка посередине — решил лишний раз не светить. Разве только что не было Суда?

— Инча, ты думаешь, у него есть шанс? — с тем же спокойствием в голосе спросила Судья. — Я без Истинного Зрения вижу его прогнившую натуру.

— Когда я его впервые встретила, шанс ещё был.

Утопленница запричитала, требуя возмездия, но её уже никто не слушал.

— Это было давно?

— По нынешним временам — целую вечность назад. Но я хочу верить.

— Да он тебя, поди, просто оттрахал, пока ты там в лесу своём сидела? — фыркнул

Гарт, но тут же сник под тяжёлым взглядом Судьи, а через миг вообще куда-то исчез.

— Хорошо, — медленно сказала она. — Но только ради тебя, Инча. Свалите его одежду в кучу. Вытащите гарпуны. И расступитесь. А ты не дёргайся, иначе никакого Суда не будет.

Когда всё это было сделано, Судья, небрежно бросив шлем на траву, приблизилась ко мне. Её правая ладонь небрежно лежала на рукояти меча, но у меня по этому поводу не было никаких надежд — в случае приговора клинок увидит свет очень быстро.

Наши глаза встретились. И я замер. Я совершенно точно знал, что сейчас свершится Суд, и противиться его решению нет абсолютно никакого смысла. Но хотя бы это решение точно будет справедливым.

Судья на несколько секунд закрыла глаза, как будто бы слегка изогнула шею, а потом её глаза распахнулись. Они излучали потоки белого света, окутавшие меня с ног до головы. Этот свет не освещал, он сжигал. Слой за слоем моя суть раскрывалась перед ней. Злоба, Комок, Оскал, всё, что я видел и что сделал. Вся моя суть сейчас говорила Судье стоит ли выносить приговор или нет. Павел, Вася, Маша, Алексей. Каждая моя мысль, каждый мотив предстали перед Судом.

Это я вспоминал всё, что со мной произошло. Судья же будто сдирала с каждого моего поступка все внешние слои, оставляя лишь самую суть.

А потом пустота. Ничего. Глухая стена, отгораживающая мою старую личность от новой? Или абсолютное ничто, будто бы меня до Игры и не существовало? И этот барьер не смогла преодолеть даже Судья.

Потоки света рассеялись. Судья закрыла глаза и пошатнулась. К ней никто не приблизился, чтобы поддержать. Я видел в её спутниках какой-то животный страх, и в то же время безудержную преданность и обожание. Если не сказать — обожествление. Сейчас, когда выносятся приговор, никто бы и не посмел к ней приблизиться.

Судья упала на четвереньки. Её вырвало желчью. Она стояла так несколько секунд, тихо постанывая.

— Срам прикрой, — простонала она, наконец.

Гарт едва слышно выругался. Я уже успел заметить, что его лицо слегка перекосилось. Видимо, приговор исполнялся мгновенно самой Судьёй, и я зря волновался несколько последних секунд.

Я поднялся и шагнул к ней, чтобы помочь подняться, но она резко выставила перед собой ладонь.

— Только посмей прикоснуться ко мне. Я бы с удовольствием тебя убила, но это моё личное предпочтение. Истинное же Зрение считает по-другому. Сейчас я оглашу... ох-х... — Судью ещё раз согнул спазм.

Пока я одевался, Инча помогала Судье прийти в себя. На лице друидки читалась искренняя жалость к пострадавшей. На меня она не смотрела.

— Приговор, — тяжело дыша, проговорила Судья. Её усадили на сухую траву, что выгребли из моего шалаша. — Ты обязан возместить утопленнице по имени Синеглазка ущерб... на её усмотрение. В общем, а-а-а-а... твою мать... выступишь виру. — Правый угол её рта презрительно дёрнулся. — И ещё... Синеглазка. Ты обязана проводить его туда, куда он захочет. И назад, если он соблаговолит вернуться. Или, скорее, если он СМОЖЕТ вернуться. — Судья перевела взгляд на меня. — А вам, ублюдки, я желаю сдохнуть. Не знаю, что вы такое, но скоро узнаю. И тогда я вас найду... и... а-а-а... — Она остановилась, закрывая глаза, а после махнула рукой. — Уходим.

Отряд ушёл, оставив со мной израненного Оскала и недовольную утопленницу.

— Что-то все встреченные мной за последнее время существуют грозятся меня убить, — сказал я псу, тяжело вздыхая. Оскал прикрыл глаза. Раны на его теле быстро затягивались. Заживает как на собаке, а?

— И я бы убила, — буркнула Синеглазка, — но перечить Судье не могу. Куда тебе нужно?

— Я укажу направление. А ты покажешь, как туда пройти.

Но куда больше меня сейчас занимала моя новая белокурая знакомая. Она, видите ли, не знает, кто я такой. Но и я снова не знаю этого, хотя ещё несколько минут назад мне казалось, что все точки над «ё» моей личности расставлены.

Ещё шаг по пружинящему полотну мха. Страшно только в первый раз, потом приходит уверенность, даже если зелёно-коричневое покрытие начинает немного расползаться под ступнёй, как в этот раз. Просто сейчас весна, и воды на болоте слишком много. И ещё шаг...

Я ушёл в трясину по пояс. Комок истерично завизжал, а Оскал тихо заскулил. Вот, кажется, мне и крышка... Плевать на всех судей и все оправдательные приговоры. Месть — вот что главное для местных. А то, что мы уже так долго идём по трясине, это нормально — отсюда я точно не выберусь, да и мечь нужно подавать холодной.

Но утопленница действительно не могла противиться вынесенному мне приговору. Она упала на живот, зацепилась ногами за какую-то торчащую посреди тропы корягу, и схватила меня за шиворот.

— Вот сюда! Да, сюда! Да, держи его, скотина клыкастая! А ты не шевелись, придурок, быстрее же потонешь!

Оскал вцепился клыками в мой капюшон и потянул, но этого явно было недостаточно — трясина засасывала меня внутрь, я погрузился в неё уже по грудь и продолжал тонуть.

— Вот так! — рыкнула Синеглазка.

Она отпустила меня и нырнула в трясину. Ей-то что, утопленнице...

Мне в поясицу вцепились две тонкие руки. Мощный рывок, и я над трясинной уже по грудь. После второго по пояс.

— Да не сучи ты ногами!

— Я не сучу!

— Сучишь!

Оскал зарычал и потянул мой капюшон. Синеглазка выбралась на тропу и, ухватив меня за руку, резким движением вытащила меня на относительно сухое место. Я хватал ртом воздух так, будто не дышал целую вечность, хотя моя голова даже не проваливалась под воду. Утопленница лежала рядом.

— Ну ты и тяжёлый, — проворчала она, утирая с лица грязь.

— Какой есть.

— Я же сказала туда не ходить.

— Не сказала.

— Значит, подумала.

Я тяжело вздохнул. Решила, что ли, сделать так, чтобы я ей жизнью был обязан? Или просто пугнула со злости?

Синеглазка посмотрела на меня каким-то странноватым взглядом и хихикнула.

— А если в тине тебя измазать, ты даже ничего, симпатичный.

Я ответил ей злой улыбкой, показывая свои клыки, но вызвал лишь второе «хи-хи». Человеческая мораль чужда нечисти и нежити, хотя они и способны на человеческие (или почти человеческие) эмоции. Да, я убил её отца. Но ей, в целом, было на это плевать, её куда больше беспокоило то, что она могла стать следующей моей жертвой, и потому привела помощь. Она без каких-либо угрызений совести бросит своих сестёр на голодную смерть. Хотя, в то, что утопленницы со своей силой и умениями охотиться под водой умрут от голода, я лично сильно сомневаюсь. Её сёстры поступили бы так же. В конце концов, их

породила Тьма.

На ту семейную идиллию с купанием детей и почти нормальными отношениями, что я видел на Туманном озере, способны только те, что когда-то жили по-человечески. Те же, что родились уже мёртвыми, как Синеглазка, любят только себя. Ну, по крайней мере, так говорил Комок.

— Теперь я знаю, куда мы идём, — сказала Синеглазка.

— Да? И куда же?

— На Остров Пропавших.

— Что за остров?

Синеглазка пожала плечами.

— Просто остров посреди болота. Но очень нехороший, даже для нас, кого люди считают нехорошими. Понимаешь... он то есть, то его нет. Можно спокойно его пересечь, а можно сделать по его поверхности два шага и потеряться. Мы с сёстрами ходили на него... шли, вроде бы, вместе, вчетвером, но одна куда-то пропала, как сквозь дно провалилась. Отец говорил, что мать ушла туда... Она была из тех немногих, что вернулись. Тогда поговаривали, что на острове можно загадать желание, и оно сбудется. Мать хотела, чтобы мы стали людьми, ведь она когда-то была человеком. Она... — Утопленница сглотнула, переживая мрачные воспоминания. — Когда она вернулась, её всю покрывала чёрно-зелёная чешуя. И она совсем обезумела. Убила всех моих братьев, но её смогли усмирить. Отец долго пытался достучаться до неё, но, в конце концов, пришлось её убить... высушить на камнях под солнцем... чтобы её Скверна не распространилась на всё болото. Это было лет сорок назад. Отец так после этого так и не нашёл себе новую жену, всё о нас заботится.

То есть Синеглазке и её сёстрам никак не меньше сорока. Насколько я понимаю, росли утопленники ничуть не медленней людей, просто старели гораздо — гораздо! — дольше. Но когда ты хочешь, чтобы свершилась месть, лучше надавить на жалость, глядишь, Судья послушает. К счастью, в этот раз суд был действительно беспристрастным.

— Долго до него идти? — спросил я.

— Не знаю. Он... ну, как будто плавает, хотя под ним твёрдая земля.

«Это цикл, — сказал мне Комок. — Каждый «карман» как будто плавает, потому вокруг него такие большие охранные зоны вроде этого болота или той рощи, про которую ты мне рассказывал. Это как-то связано со строением этого мира».

«Ясно».

— Пошли дальше? — спросила Синеглазка, потягиваясь. Повязка с её груди вызывающе поползла вниз.

— Сейчас, дай только почиститься.

И даже с Синеглазкой дневной переход оказался чертовски тяжёл. Многие местные про Судью ничего не слышали, и уж тем более им было плевать на её волю, потому они всячески старались мне помешать. Ну, или они просто хотели жрать.

Но дело не только в этом. Болото жило. В нём кипели гейзеры. Понимались пузыри метана. Всё это воняло, отравляло воздух, сушило слизистую. А когда начались самые комариные места, я решил, что это просто пытка.

Я растоптал какую-то змею, больше похожу на пиявку, и с остервенением размазал по лицу кровавую грязь с останками самых нерасторопных комаров. Синеглазка, хихикая, плелась впереди — её холодная кровь комарих не прельщала.

— Сейчас будут дымные места, там комаров будет меньше.

Ох, надеюсь...

То, что я принял за гейзеры, действительно оказалось пластами тлеющего торфа. Зловонный дым едва позволял дышать, но утопленнице было куда хуже, чем мне. Земля стала горячей и сухой, а для жительницы воды такая окружающая среда не совсем приятна. В какой-то момент Синеглазка закашлялась совсем тяжело и повалилась на колени, с трудом подавляя рвотные позывы. Я взвалил её себе на плечо и, полуослепший от дыма, пошёл наугад, благо земля под ногами была твёрдой.

Эта пытка дымом и жарой продолжалась всего несколько минут, но и этого чуть не оказалось для утопленницы достаточно. Для Комка тоже — он весь извёлся, рассказывая мне, как тяжело очищать от продуктов горения мои лёгкие.

Я как будто прорвал дымовую завесу и оказался на плоской, покрытой травой, поляне. В центре её возвышались старые каменные развалины, кругом лежали поваленные статуи, под ногами ещё можно было различить дорожку из белого камня. Я увидел заросший пруд и чуть не бегом рванул к нему. Не церемонясь, я бросил Синеглазку прямо в воду и зашёл в неё сам по пояс — подошвы моих сапог нагрелись так, что у меня в сапогах вполне можно было сварить вкрутую яйца. Кольчуга тоже нагрелась, но подкольчужная стёганка спасала. Синеглазка мгновенно ожила и принялась плескаться, не поднимаясь на поверхность, её уши смешно зашевелились. Жабры, видимо. Если бы не они, перепонки между пальцами и зеленоватый оттенок кожи, утопленницу ничем не отличить от человека...

Я отвёл от неё взгляд и принялся чистить одежду, жалея, что испортил чистую воду — пить хотелось ужасно. Впрочем, в десятке шагов отсюда виднелся второй такой же прудик.

Я привёл себя в порядок, напился из второго пруда и наскоро перекусил. Утопленница появилась только раз, чтобы пожаловаться на обожжённые ступни и сказать, что раньше так сильно жарко не было. Но потом всё же выбралась на траву, таща в каждой руке по рыбине.

— Сегодня ночуем здесь, — сказала Синеглазка, выжимая на себе свои тряпки. Не знаю, зачем — её мокрая одежда никак не должна была стеснять. Наверное, у меня подглядела и решила повторить. — Ночью вглубь болота соваться опасно, даже мне, а уж тебе с твоей сладкой тёплой кровью... — Утопленница хихикнула.

— Комары сожрут, да?

Лицо моей проводницы приняло серьёзное выражение.

— Твари куда хуже комаров. В глубине болота живут пиявки с человека размером. А ещё там есть Прыгунки. Запрыгнет такой тебе на лицо, сунет в рот щупальце и отложит в живот яйцо, а когда оно вылупится, личинка начинает пожирать твои внутренности до тех пор, пока ты не умрёшь. А когда умрёшь, дождёт тебя, а потом уползёт в болото, где вырастет в другого Прыгунка.

— Так и знал. Кстати, что это за место?

— Не знаю, — утопленница пожала плечами. — Какое-то старое спокойное место, почти посередине пути, — закончила говорить она с набитым ртом. Вторая рыба прожила лишь на несколько секунд дольше первой. — Те, кто идут к Острову, всегда останавливаются здесь на привал. Поговаривают, что утопленникам здесь делать нечего, но, сколько я себя помню, здесь ни с кем ничего плохого не случилось.

Я кивнул, но решил исследовать руины. Больше из любопытства, даже не думал в тот момент, что Синеглазка может меня предать и привести в какое-то опасное место. Если бы она хотела меня убить, не вытаскивала бы из трясины.

«Похоже на развалины храма Корда», — сказал Комок.

Я с ним согласился.

Оскал прыгал между камнями, гоня какую-то мелкую живность. Ему путешествие через дым тоже не понравилось, но пожаловаться пёс не мог. К счастью, потому что трёхнытиков я бы не выдержал.

По руинам судить довольно сложно, но этот храм не слишком-то напоминал тот, что я видел в Драконьем Клыке. Там храм представлял собой, фактически, крепость. Здесь же скорее какую-то средневековую виллу — колонны, аллеи, дорожки, арки, статуи, невысокие тонкие стены; всё было сделано из белоснежного камня. Кое-где ещё росли одичавшие цветы. Рядом с третьим прудиком валялись опрокинутые солнечные часы.

Я поднялся по ступеням — камни по-прежнему оставались достаточно устойчивыми — и очутился посреди груды обломков, которые когда-то были стенами и потолком. Посреди развалин возвышалось тайное капище храма. И тут уж сомневаться не приходилось, на нём совершали человеческие жертвоприношения. Нечто напоминающее клетку, составленное из берцовых костей, всё ещё не разохлось и зловеще поднималось над капищем.

«Видимо, проделки Гаспа».

«А что есть сила Гаспа, как не извращённая сила Корда? Что-то слишком уж много совпадений в действиях Культа сейчас и во время прошлого пробуждения Гаспа».

«Хочешь сказать, Гасп вернулся и осквернил жрецов?»

«Нельзя исключать такое развитие событий. Или кто-то очень хочет походить на своего властелина, и был ему очень хорошим учеником».

«Не знаю, не знаю... — задумчиво протянул Комок, и тут же без перехода заявил: — Я тут новую оду сочинил, хочешь послушать? Мать Тьма, Мать Тьма, я подношу тебе в подарок кровавую жертву...»

Я запоздало сказал, что хочу, но слушал в пол-уха. «Карман», куда я иду. Что если его Сотворил Гасп? Я к этому ублюдку и на пушечный выстрел не приблизился бы, не говоря о том, чтобы пользоваться чем-то Сотворённым им... Или я просто лгу себе, думая, что я другой? Клинок Тени, эти амулеты, не силы ли Гаспа послужили для их создания? Что мешает мне завладеть этим источником энергии и пустить его тёмную силу на благое дело? И я смогу это сделать. Именно потому, что я хоть и был избран Тьмой, но с Гаспом меня ничто не связывает. Гасп породил Скверну, а меня она не затронула.

Не хотелось бы себя как-то оправдывать, но то, что Судья сохранила мне жизнь и приказала отвести на Остров, говорит о том, что я на правильном пути. Или ещё не до конца с него ушёл.

Оскал куда-то запропастился, но с ним это бывало. Костёр жечь не было смысла — здесь и так достаточно тепло. Если пойдёт снег, он, наверное, растает ещё в воздухе, а уж от дождя можно будет спрятаться в развалинах. Я лежал на своём плаще и смотрел в темнеющее небо. Хотелось поговорить с кем-то кроме Комка, но Синеглазка ушла ночевать в пруд, заявив, что её обожжённым ступням не дело сохнуть на суше.

Сон уже почти сморил меня, когда к моему правому боку прижался кто-то мокрый и холодный.

— Я знаю, как ты возместишь мне смерть отца.

— И как же?

— Хочу сильного сынишку.

Раздевать Синеглазку почти не пришлось. Мы перекатились с плаща на траву, где я стянул последнюю одежду с себя. Целоваться утопленница совершенно не умела, но я

быстро смекнул, что мы обойдёмся без этого.

— Вообще, я не могу забеременеть от обычного человека, — сказала Синеглазка после. — Но ты не человек. И в тебе, как и во мне, живёт Тьма.

— Одного раза для этого может быть недостаточно.

— Правда?

— Конечно.

— Тогда давай начнём заново.

Смерть VI

Он забыл. Зато помнил я.

Порвался очередной сосуд, совсем рядом с нами. Хозяин сам едва не поддался действию вылившейся Скверны. К счастью для пса, он умудрился убежать, хотя в его левой задней лапе засел арбалетный болт. Хозяин несколько секунд готов был убить любое живое существо, что попало бы ему в поле зрения. Но, как и всегда, он сумел справиться со Скверной внутри себя.

Хозяин выл и бился головой о дерево, стараясь утихомирить Злобу. Я пытался сделать так, чтобы Скверна от него отстала, оставив после себя Тьму. Чем больше Тьмы, тем мы сильнее. Но Мать не зря выбрала его — он оказался сильнее, он ещё находил в себе силы сопротивляться. Он вспоминал что-то, наверное, те вещи, которые я ненавижу больше всего — его встречи с той утопленницей, общение с другими людьми. Он называл их друзьями. Странно, но и меня, и пса он тоже держал за друзей. Я в это время пытался напомнить ему об отрубленной голове утопленницы у его ног, о безруком друиде.

Но я не могу управлять его сознанием. А он иногда моим может. Заставляет соглашаться с ним. Зачем было спасать тех крестьян от Культа, раз они и так сдохнут в ближайшее время от голода? Но мы их спасли, а я ещё и вылечил от Скверны, хотя мне этого и не хотелось.

Иногда меня пугало другое. В хозяине иногда просыпалась какая-то сила. Будто бы и тёмная, но... другая. В ней не было Скверны или Смерти. Что-то другое, куда более неприятное для меня.

В тот раз я не совладал с хозяином. Но в следующий раз у меня это получится. Возможно, очень скоро...

Я посоветовал ему идти через город. Говорил, что срежем путь. Или купим нормальной еды — хозяин много жаловался, что ему надоело жареное на открытом огне мясо. Говорил, что убьёт за крупицу соли. Но не убил, хотя я ему об этом напомнил, когда он спасал крестьян. Он только посмеялся...

Хозяин не знал, куда он идёт. А я знал. Сосуд порвался прямо у храма Корда, в самом центре города.

Я не помню, чтобы он был в таком состоянии. Будто спал, но в то же время передвигался, всё видел, но как будто не замечал.

Мы шли по замёрзшим развороченным трупам. Потоки крови застыли на улицах, открытую канализацию покрывала толстая красная корка. В кровь вмёрзли ошмётки тел и внутренности. Мы перебрались через гору убитых и дошли до храма Корда. Там было несколько выживших, жрецы в основном. Они откалывали от тел куски и пытались их жрать. Хозяин перебил всех жрецов и пошёл дальше, будто бы ничего не видел и ничего не делал.

Я говорил с ним, но он меня не слышал. Просто шёл, уставившись в одну точку перед

собой. И так через весь город. Ни развешанные на стенах трупы, ни разодранные младенцы, ничто не отвлекало его. Я видел, как четырёхлетняя девочка застыла с младенцем на руках. Нет, она не пыталась его спасти, она разгрызла ему шею, а её саму кто-то пригвоздил к мостовой копьём.

Этот разрыв имел куда более сильные последствия, чем прошлый. Это становилось критично. Ещё парочка таких, и в этом мире некого будет спасать. Если хозяин потеряет цель, как я доведу его до конца? Как мы тогда вернёмся во Тьму?

А потом я увидел брата. Не знаю, как он смог прожить здесь почти день. Он издыхал. Я потянулся к нему, но неожиданно он отверг меня. Это безмозглое существо решило, что я уже не его собрат. Он сдох, идиот, прямо на моих глазах, но мне всё равно было его жаль. Мог ли я ему помочь?

А когда мы вышли из города, хозяин обратился ко мне так, будто ничего не произошло. Спросил, почему мы не купили соли и нормальной еды.

Я сказал, что нас не пустили в город.

Я проснулся в холодном поту от собственного крика. Сон, тёмный, тягучий и кровавый, умирал в моей памяти, вызывая лишь бессвязные образы, но и их я быстро вымел из своей головы.

— Это всего лишь кошмар, кошмар... кошмар...

Я обманывал себя, и хорошо это знал. Но не обманывать не мог.

Комок спал, ему это тоже нужно. В такие моменты до него достучаться совершенно невозможно. Да и спрашивать его о кошмаре не было особого смысла: он жил во мне, мысленно со мной общался, но в моё сознание ход ему был заказан.

Синеглазка заворочалась, но не проснулась. Здоровый крепкий сон. Прямо как у трупа. Я прикрыл её оголившуюся грудь плащом, хотя в этом не было никакой надобности — ночью стало только теплее.

После таких кошмаров сон мог не вернуться долго. Я поднялся, натянул на себя одежду и отправился искать Оскала. Возможно, он захочет побегать за палкой...

Сделав два или три шага, я остановился. Кажется, за последнюю секунду температура скакнула ещё на пару градусов. Неужели тлеющий торфяник сдвинул свои границы?

Нет, это не торфяник. Мой нос защекотал привычный сладковатый запах разложения. Я отступил к нашему с Синеглазкой лежбищу, бесцеремонно сдёрнул с неё плащ и накинул себе на плечи, готовясь уходить в Тень.

Тихий хруст ломающихся костей, вот что я услышал следующим. Потом шорох покотившихся камней. Смрад разложения стал ещё сильнее. Резкий порыв ветра принёс запах гари, но он сразу же улетучился. Некая сила охраняла это место от огня.

— Ты чего не спишь? — пробормотала сонная Синеглазка. — Я же говорила, что здесь...

Запах разложения смешался с вонью гниющих зубов.

— Ты... здесь... — прошипел исковерканный низкий женский голос. — Я... чую... тебя... выродок... гасповский... выродок... Дай... я... сожру... ТЕБЯ!!!

Раздался громкий треск, будто сломалось не меньше сотни сухих костей одновременно. Посыпались камни. Одна из устоявших колон храма обрушилась.

Из-под тайного капища храма на меня ползло нечто бесформенное. Я видел лишь смутные образы — что-то мешало мне разглядеть тварь получше, не помогала даже навешанная Метка. Единственное, что я понял — выползень размером с нормальный такой дом. Что ж, если она хочет убить меня, пусть идёт сюда, где мне не мешает сила Корда.

— Синеглазка, уходи к торфяникам. Быстро!

Поздно — утопленницы уже и след простыл. Умная девочка.

Я трижды разрядил арбалеты, но слышал только щелчки стали о кость и камень. Я глубоко вдохнул, чувствуя, как во мне разгорается Злоба. Давненько я как следует не дрался, ох, давненько. Есть возможность проверить, сколько мне удалось скопить энергии и сколько я смогу вытянуть из собственных каналов во время драки.

Обрушив очередную колонну, тварь, наконец, выбралась на открытое пространство. Она напоминала паука-сенокосца — восемь непропорционально огромных костяных лап, в центре которых на высоте в полтора метра висел кокон, напоминающий составленное из

костей человеческое туловище, из нижней части которого торчало три костяных же жала, с которых капал яд, источающий смрад гниения и смерти. Владелец костяного экзоскелета прятался внутри кокона, я мог рассмотреть лишь два ярко-зелёных глаза.

Может, это шанс? Неужели всё так просто?

Я выстрелил в глаза костяной «паучихе», но, как и следовало ожидать, они оказались защищены — отверстия мгновенно закрылись костяными заслонками, отбившими стрелы.

— Я... чую... большую Тьму... чую Скверну... Я... чую... тебя... ГАСПОВСКИЙ ВЫРОДОК!..

Плащ Тьмы вырос за моими плечами. Он прикрыл меня так, как птица закрывает крыльями своих птенцов. Если раньше Плащ давал мне лишь ускорение и шанс увернуться от атаки, то теперь он спасал от враждебной магии и оружия, действуя как щит. Неприкрытым у меня осталось лишь лицо, но его защищала маска. Я склонился к земле и метнулся вбок, огибая паучиху справа. То место, где я был долю секунды назад, расцвело кучей острых костяных шипов.

Я набросился на тварь, стараясь подрубить сухожилия на одной из её ног, но тщетно — никаких сухожилий не было, кости связывала магия. Первый ответный удар я отразил тесаком, второй принял Плащ Тени. Защита заскрипела, но выдержала. Тень тремя потоками устремилась вдоль костей, но её остановила короткая вспышка света. Паучиха каким-то образом умудрялась использовать ещё и магию Корда, причём, ничуть не осквернённую силами Гаспа.

Свет, кости и разложение, что это за адская смесь такая?

«Комок! Просыпайся, быстрее! Комок!»

«Славься Тьма, славься Тьма...», — пробормотал во сне Комок.

Сладких снов, халявщик!

Паучиха резко сорвалась с места, атакуя меня сразу четырьмя лапами и двумя жалами. Я проскользнул мимо лап, принял удар одного жала Плащом, второй отразил тесаком. Мой клинок скользнул по жалу, прочертив полосу до самого его основания, но и здесь никаких соединительных тканей не было, по крайней мере, снаружи кокона. Я атаковал основание жала двумя Клинками Тени (я же говорил, что Клинок Тени просто так не сломать — он слился с моим Плащом, одно плохо — физического воплощения у него теперь не было и, если на использование Тени сил не оставалось, рукопашную драться приходилось обычным клинком), но те рассеялись в белых вспышках, стоило им коснуться кости.

Я очутился у самого костяного кокона, посреди сплетения лап и жал. Попробовал выбить паучихе глаз, но костяная заслонка опять сделала своё дело. Атака Клинков Тени вновь ушла в защиту, а вспышка света от столкновения наших враждебных друг другу магий чуть меня не ослепила.

Я попробовал отступить, но паучиха уловила движение и навалилась на меня, нанося беспорядочные удары жалами. Одна из лап чуть не размазала меня по белому камню дорожки, две других ударили мне в грудь. Я сгруппировался для падения, но лишь на долю секунды — хотя силы в паучиха должна иметь немерено, меня лишь пошатнуло: Тень погасила силу удара.

Значит, я подпитан энергией достаточно, раз уж моя защита выдерживает подобные удары. Но почему тогда мои атакующие заклинания действуют с той же силой, что и раньше? Я ведь чувствую, что стал гораздо сильнее после того, как присоединился к тому каналу. И Комок как назло спит...

Я ужом проскочил сквозь лапы, надеясь найти хоть одно слабое место коконе, но с правого бока таких не нашлось — сплошной слой толстых сросшихся костей. С тыла — тоже. А вот левый бок... Я заметил на коконе странную кость, явно выбивающуюся из общей картины. Что-то вроде заслонки, что на глазах, но больше, хотя толщина была такой же. Не ахти какая ахиллесова пята, но хоть что-то.

Пропустил толчок в бок. Целенаправленно упал на землю и покатился по ней. Резко остановился и, вывернувшись, швырнул своё тело в сторону, уходя от удара сразу трёх жал. Паучиха, упустив, как ей казалось, реальный шанс, невнятно завизжала. Я спрятался за камнями, ушёл в Скрытность. Паучиха, атаковавшая то место, где я спрятался, на миг дезориентировалась.

Но мне хватило. Я нырнул её к левому боку и мощным ударом вогнал свой тесак в кость. Ставка сработала — большая заслонка не выдержала, и клинок с хрустом пробил кость и вошёл в плоть паучихи. Рёв чуть не оглушил меня. Заслонка задёргалась, но тесак засел прочно, так что этими движениями паучиха только нанесла себе больше вреда.

Как бы то ни было, мой противник ещё не думал сдаваться. Паучиха обрушила на меня череду ударов своих лап и жал. Я ушёл от неё как можно дальше, надеясь, что рана истощит её силы, но не тут-то было — она как будто только прибавила твари сил. Она догнала меня и принялась гонять по развалинам.

Я послал в место, поражённое тесаком, несколько Клинков Тьмы, но яркие вспышки света их по-прежнему отражали. Паучиха и не думала терять силы, а я остался без основного своего оружия — несколько ножей, распиханных по одежде не в счёт, на них я мог нанести только Яд, Тень их не принимала.

Мы сделали два круга по развалинам. Драка перешла в ту стадию, когда любая моя ошибка могла стать роковой. Но, к счастью, ошиблась паучиха. Одна из её лап угодила между камней, она замешкалась, вызволяя её. И тут чёрной молнией из-за ближайших камней на паучиху напал Оскал.

Мой пёс всегда знал, когда атаковать жертву. И всегда его атаки приносили свои плоды. Так случилось и в этот раз — Оскал запрыгнул на верхушку костяного кокона и вцепился во что-то, что я не заметил за всё время драки. Утробный рык паучихи сменился на тонкий визг, едва не вывернувший мне наизнанку уши. Оскал исчез среди камней в один прыжок, но одного укуса было достаточно — паучиха заметалась среди камней, врезалась в груды камней и завалилась на бок.

Я очутился у чудовища почти мгновенно, завладел тесаком и двумя удара разворотил кость-заслонку. Паучиха издала пронзительный вопль, дёрнулась... и её кости рассыпались бесполезной грудой посреди камней. Кокон, который больше не прикреплялся к лапам, упал и прокатился по земле. На его вершине я заметил её одну заслонку, из которой сейчас торчал какой-то сокращающийся хобот. Приблизившись, я понял, что тот засасывает и всасывает воздух. Оскал одним укусом располосовал его конец, да ещё и впрыснул яд — верхние клыки у моего пёсика ничуть не уступают змеиным, да и токсины в них сильнейшие. Правда, часто ими он пользоваться не мог.

— Оскал, умница.

Пёс возник из темноты и сел рядом со мной. Судя по позе, он ожидал команды, позволяющей ему добить жертву и начать её пожирать.

— Погоди, я хочу проверить, кто там прячется в этой костяной тюрьме. Слышишь меня, эй, ты?

Тихий жалобный стон в ответ. Каждая тварь пытается вызвать жалость перед смертью, какие бы дела она не творила, находясь в полном здравии.

— Гасповский... выродок... — магия больше не уродовала голос паучихи, и теперь я слышал приятный женский голос. — Вытащи... меня... не хочу... умирать... так...

Я осторожно приблизился к кокону. Впрочем, жала валялись рядом, лишь отверстия в коконе источали яд. С коконом долго ковыряться не пришлось — старые кости чуть ли не рассыпались в руках.

Она не была человеком уже очень давно. У неё была красная, будто окровавленная, кожа. Вместо каждой конечности торчало по два тончайших щупальца, видимо, управляющих лапами. В паху были три источающие яд раны. Напротив желудка размещался нарост со вторым хоботом, он-то и вёл к боковой заслонке — через неё тварь должна была питаться. За плечами подобный нарост, соединённый, судя по всему, с лёгкими. У неё были прекрасные большие груди и очень красивое зеленоглазое лицо, которое не портило даже полное отсутствие волос.

— Кто с тобой это сделал? — спросил я.

— Корд...

Я вздрогнул.

— Что?

— Я... сама его попросила. Он... сделал благо. Я — страж Леса Трупов. Я охраняю его от гасповских выродков! Таких, как ты! Это вы сделали со мной!

— Я не Гасповский выродок. И давай-ка определись, кто с тобой это сделал — гасповские выродки или Корд.

Обрубок, когда-то бывший одной из самых прекрасных женщин в мире, некоторое время молчала.

— Загляни мне в глаза, — сказала она, наконец.

Со всеми предостережениями (вторая обработка светом мне ни к чему, да и умирающая вполне могла выкинуть какой-нибудь фокус) я сделал так, как она попросила.

— Какая же я... дура... — с тихим и жалким смехом проговорила паучиха. — Просто в тебе живёт Тьма, но она не извратила твою сущность. Зачем мне было нападать на тебя? Я же почувствовала энергию Судьи... Я всего лишь дала волю собственной ненависти, наплевав на свой долг...

Я была настоятелем этого храма сорок лет, а ещё пятьдесят до этого — послушницей. Это были прекрасные девяносто лет. Энергия Корда не давала мне состариться и продлевала жизнь, значит, я всё делала правильно и хорошо служила ему. Ко мне приходили сотни людей за советом и помощью, и я помогала каждому.

Наш храм стоял между двумя городами — Светлым Озером и Прохладным Лесом. Боги какие это были города...

Пока не пришёл Гасп со своим Культом. Я вижу по твоим глазам, что ты многое видел. Но то, что вытворяют оккультисты, когда рядом их глава... Никто не способен на подобную жестокость, никто. Со мной ещё обошлись мягко — отрубили руки и ноги и оставили в утеху для ближайшего приспешника Гаспа, Гниющего. Догадываешься, почему его так называли? Думаю, догадываешься.

Но что они сделали с остальными послушниками... Мои муки должны были длиться вечно, но их пытали и убивали быстро, за несколько дней, от чего они страдали гораздо сильнее меня. Энергия храма была отравлена Гаспом, а после этого он взялся за города.

Сейчас вместо маленького Светлого Озера — болота, а большого Прохладного Леса — Лес Костей, самое большое скопление тёмной энергии, которое Гасп приготовил для войны с Кордом. Именно в Лесу Костей меня и держал Гниющий... десятки, наверное, лет...

Но пришёл Корд. Гниющий, этот ублюдок, отравляющий своим существованием жизнь всего этого мира, умудрился сбежать. Но Гасп не ушёл, нет. Я своими глазами видела, как Корд выдирает из Гаспа куски чужой плоти, как тот выл от нестерпимой боли, как его собственная осквернённая плоть дымится, сгорая в Свете...

Что было дальше с Гаспом, я не помню, но помню, как ко мне пришёл Корд. Сказал, что вычеркнет все эти годы из моей памяти, восстановит мне моё тело... Но я хотела другого. Я попросила оставить меня такой, какая я есть, какой меня сделали годы мук в плену у Гаспа и Гниющего. Но ещё я попросила эту силу. Я и останки других послушников храма стали охранять тропу к Лесу Костей, чтобы гасповские выродки не могли к нему проникнуть и начать выкачивать энергию из хранилища. Они, конечно, пытались, но те, у кого не хватает силы, меня не интересовали, а уж тех, у кого хватает, я останавливала и пожирала...

Но я проиграла... Не знаю, хорошо ли или плохо то, что ты идёшь туда. Надеюсь, что Лес тебя всё же сломает, и ты погибнешь. Если же ты сумеешь завладеть источником... Тогда ты не зря избавил меня от всех этих мук.

А теперь... убей меня...

Я приблизился к паучихе и один чётким ударом отсёк её голову от тела. Потом долго бродил по развалинам, пока не нашёл какую-то полуистлевшую тряпку, которой хватило на саван.

Копать яму руками и ножом было долго и муторно, но что эти мои усилия по сравнению с десятками лет постоянных мучений?

Когда я вернулся к нашему с Синеглазкой биваку, утопленница уже мирно посапывала, подложив ладони под щеку. Я на миг испытал острое желание, но подавил его. Просто Злоба искала выход.

Так много моментов, когда я её подавливал. Но уже скоро, через пару месяцев, я дам ей волю. И тогда они заплатят, заплатят все — Властелины, их ставленник, Игрок... Все ублюдки, из-за которых сила Гаспа проснулась.

Комок пробормотал во сне, что хочет к маме.

Сам того не заметив, я заснул. И мне опять снились кошмары.

Мы, наконец, выбрались на твёрдую землю. Выглядел я как грязный скрюченный старик, который без опоры и шага ступить не может, да и чувствовал себя примерно так же. Я отбросил палку, которую выломал на руинах для удобства, и тяжело улёгся на влажный мох. Солнце едва-едва прошло зенит, а я уже практически не чувствовал ног — переход по трясине с боем дико выматывал. И это с учётом того, что воевать-то пришлось по большей части против комаров.

«Отдохни, в такие места лучше ходить ночью».

«Заткнись».

Комок опять обиделся. Плевать, слишком уж я был на него зол. Этот мелкий засранец без моего ведома на ночь выкрутил всю мою энергию на защиту, оставив для атаки только необходимый при использовании заклинаний минимум. Он пытался защищаться, мол, я слишком беспечен, что Оскал мог не поднять тревогу, и что вообще было бы, если бы я не проснулся от кошмара. Я его не слушал. Приказал больше так не делать. В чём-то Комок, конечно, был прав, но, думаю, исход боя не висел бы на волоске, если бы я мог биться в полную силу.

Синеглазка принялась бродить вокруг меня, намекая, что раз уж она хочет от меня ребёночка, то пора бы нам заняться делом. Для неё-то переход по мокрому — лишь приятная прогулка, хотя и ей пришлось ещё разок попотеть, вытаскивая меня из трясины: кажущаяся надёжной кочка буквально расползлась у меня под ногами. Я делал вид, что намёков не понимаю. Это удавалось ровно до тех пор, пока она не забралась на меня сверху и не начала стягивать с меня штаны. Как тут откажешь?

Вечером пришлось прикончить зелье выносливости, одно из трёх у меня оставшихся. Силы восстанавливались слишком медленно. Комок какое-то время молчал, но потом всё-таки соблаговолит сказать, что остров тянет из меня энергию.

«И, вероятно, в «кармане» будет ещё хуже. Либо он выпьет тебя, либо ты выпьешь его».

Когда солнце растворилось в поднимающихся от гейзеров клубах пара, я собрался в дорогу. С собой я брал самое необходимое — оружие, флягу воды и минимум еды. Если не получится справиться с каналом быстро, буду драть когти.

Я договорился с Синеглазкой, что она будет ждать меня на острове неделю (мало ли, вдруг придётся по той или иной причине задержаться на обратном пути), собрал свои вещи, окликнул Оскала... И понял, что пёс не слушается. Он наотрез отказался идти со мной в «карман», даже пару раз заскулил и вильнул хвостом, чего с ним вообще практически не случалось. Пораскинув мозгами, я решил, что так будет лучше — не нужен мне сломанный пёс, а Лес Трупов мог извратить его так же, как сделал это с матерью Синеглазки.

В общем, я пошёл к центру острова в одиночку. И лишь через пару минут понял, что я остался совершенно один — Комок спал. Вообще был в полном отрубле, похуже, чем прошлой ночью. Я даже шаг замедлил. Я слишком долго не оставался действительно один, привык полагаться на своих спутников, а тут...

Я стиснул зубы и ускорил шаг. Делать нечего. Назвался ставленником Тьмы, полезай в место с таким внушающим надежду названием как Лес Трупов. Обратной дороги у меня нет.

Переход случился куда быстрее, чем в прошлые разы. У меня как будто бы разъехали в

разные стороны глаза, и я уже шагал по узкой тропе среди густых зарослей невероятно уродливых елей. Несколько десятков шагов, и я вышел на небольшую полянку.

Мне в глаза сразу бросилась полуземлянка с замшелой крышей. Рядом с низким входом свежевал ондатру её хозяин — невысокий старик с изуродованным лицом и неестественными проплешинами, торчащим то тут, то там посреди длинных спутанных волос. Увидев меня, старик с тяжёлым вздохом выпрямился и направил на меня кривой нож. С лезвия упало несколько капель крови, которые с шипением впитались в землю. Под распахнутой рубахой я заметил узлы шрамов, расползающиеся по всему телу. Со старика когда-то сдирали кожу. И как минимум прижигали раны.

— Стой, — сказал старик скрипучим голосом. — Вот сюда, — нож метнулся в сторону, указывая на ящик у землянки, — сложи всё своё оружие сюда. Амулеты, еду, зелья — тоже. Маску в первую очередь. А перед маской ещё и плащ сними.

— Это ограбление?

— Это условие прохода в Лес. Давай-давай, поторопись, я не намерен с тобой время терять. Видишь, ужин готовлю?

— А ты вообще кто такой? Хранитель Леса?

Старик фыркнул и издал пару скрипучих смешков.

— Нет, парень, я привратник, с хранителем ты встретишь попозже. Меня здесь оставил Корд. А до него Гасп. А до Гаспа я жил тут сам по себе, лесничим был. Лесничим же я стал из-за Корда. Только теперь вместо леса болото, а вместо города Лес. Так что не перечь. Ничего с твоим добром не случится. Если ты вернёшься, конечно. Если не вернёшься, оно тебе и не к чему, а?

Я надул щёки, выдувая воздух сквозь сжатые губы.

— А если я сначала тебя убью, а потом пойду в лес с оружием и в плаще?

Теперь старик загоготал в голос. Он ржал до слёз, пуская сопли и слюни, сгибался от хохота, валялся на земле, молотил руками и ногами. Через минуту это больше начало походить на истерику, но старик с ней справился.

— Думаешь, — сказал он сдавленным голосом, — если бы я мог умереть, я бы не убил себя сам? Ты мою рожу видишь? Что ж, попробуй, убей, если силы не дороги. Можешь раскроить мне черепушку — она срастётся. Отрежь руку — прирастёт. Я бессмертен, парень. Боги прокляли меня. Оба бога, по очереди. Но я помню, кто сделал это первым, а кто вторым, хотя разницы между их проклятьями нет никакой. Они прокляли меня, и ещё несколько сотен других. Дабеля, Кролта, Шибо. Уйтеску, Карру, жену Шибо, как там её звали... Мы не можем умереть, сколько бы нас не убивали. Это сделали для того, чтобы мы испытывали муки до конца своей жизни.

Я, например, очень любил потрошить маленьких оленят, меня тогда звали Потрошитель, хи-хи. Потом, когда я совсем соскучился по человеческой компании, решил, что можно потрошить маленьких девочек, они тоже миленькие. Да и с ними можно было много чего другого сделать, не только сердце вытащить. Одной из моих жертв стала правнучка самого Корда. Вот он меня и проклял, правда, сначала отправил в пыточные до конца жизни своего внука, чтобы тот знал, что боль, которую я причинил ему, отдаётся мне сторицей. Ну а когда внук умер, Корд меня отпустил, и я стал лесничим. У меня никто не смел даже мышку королевскую в лесу убить. Потом пришёл Гасп и сделал так, чтобы я оставался лесничим навечно, хотя лес-то стал уже совсем другой. Вот, значит, в каком порядке всё было.

Правда, что-то в последнее время наших поубавилось. Ко мне заходил Чёрный Трактирщик Гренн — он в своё время очень любил убивать постояльцев и скармливать убитых живым на завтрак — говорил, что его позвали куда-то, чтобы искупить свои поступки. Я надеялся, что и ко мне придут, ведь сам-то я это место покинуть не могу, но так никто и не появился. Видать, придётся мне сидеть тут до скончания веков. Или пока новый Палач не решит, что эта Смута — последняя.

А теперь, давай-ка оставляй своё оружие и иди уже в Лес Трупов. Чем быстрее ты это сделаешь, тем лучше для тебя. Или можешь подождать здесь пару дней, пока лес не высосет из тебя все силы, и умереть быстро, едва ступив на опушку.

— Убедил.

Предварительно напившись вдоволь и перекусив, я вытащил всё своё оружие, завернул его вместе с маской и съестным в плащ и положил в ящик. Привратник придирчиво меня осмотрел и сказал, чтобы сапоги я тоже оставил. Я сначала хотел его послушать, но потом увидел, что у него самого сапоги совсем износились, и отправил старика к чёрту. Он сначала побрыкался, но потом сам ляпнул, что грех таким сапогам пропадать, и, поняв, что сам выдал свою хитрость, заткнулся.

Чувствуя себя совершенно голым, незащищённым и одиноким, в одной рубахе, штанах и сапогах, я вновь углубился в ельник.

Было над чем подумать. Особенно, если вспомнить, что первого моего знакомого непися звали Гренн, и был он владельцем трактира. Именно этих неписей по первому времени убивали раз за разом, резали на куски, но те как будто совершенно не чувствовали боли и отказывались умирать, восстанавливая конечности и даже отрубленные головы. Не знаю, что с ними случилось после отмены респауна, но, думаю, всех перебили — именно ведь это им обещали? Среди бессмертных были ещё сын мельника, дочь Гренна, служанка в трактире, Васильковий Король, мясник и кузнец. Кузница убили, это я точно помню. Всего стартовых локаций было всего-то сорок девять. Помножить на семь... триста сорок три проклятых. Вполне себе реальная цифра, если принять слова Потрошителя за правду. Промой им мозги, заставь говорить заученные фразы, и дело в шляпе. Просто потом, с течением времени, блокировка слетела. Или у них начал просыпаться разум.

Кроме них из людей в первой деревни никого не было. А тех, что были, убивали сразу — они были обычными «мобами». Кстати, о мобах. Легко ли воскресить, скажем, убитого волка? Думаю, да. Алексей это проделывал и не раз. Он, конечно, не совсем возвращал их к жизни, скорее, заставлял двигаться их трупы, но у трупов оставались зачатки инстинктов (особенно сильно они хотели жрать). Думаю, человек с более сильными способностями вполне мог и воскресить погибшего «моба», некоторые респаунились каждые пять минут — это даже меньше, чем время, которое человек может провести в состоянии клинической смерти. Да и зомби, у которых предварительно срослись раны, выглядели порой вполне сносно. Повысь у «мобов» регенерацию, как это сделано с игроками, и дело в шляпе...

Или вообще, можно заставить волка или другого «моба» «вырубиться» за какое-то время до смерти, игрок получал за него опыт, переставал его бить, а волк тихо регенерировал, а потом выходил из «отключки». Со всякими живыми существами, думаю, я разобрался. Остались родственники Топлюши и Синеглазки.

Зомби, вампиры, утопленники... И так уж ожившие мертвецы. Одна проблема — после их умерщвления «вылупляется» собрат Комка, то есть остатки негативной энергии в виде полуживого-полумёртвого слизня, который далее отправляется на утилизацию в Сердце

Тьмы. Слизень находит ближайший сосуд и просачивается в него — снаружи в него попасть можно, а вот из него уже выбраться нельзя, то же самое происходит, когда негативная энергия уходит через Сердце Тьмы. Поднять второй раз труп — не проблема, но ещё нужно вернуть в тело слизня, который со всей возможной скоростью стремится к ближайшему сосуду. Как это сделать? Да никак. Ведь слизень никуда не исчезает, оставаясь рядом с трупом, мировая канализация уже нарушена, часть сосудов и вовсе исчезла. Просто повторно оживляем мертвеца, а слизень сам в него забирается. Временно оставшиеся на свободе слизи начинали делать то, что делает, в принципе, любая негативная энергия — отравлять всё вокруг. Когда же энергию на респауны решили не тратить, Скверна начала расползаться по миру в бешеном темпе. А тут ещё из разрывов появляются новые слизи. Всё кругом гибнет... Скверна пожирает мир...

Судя по всему, сначала эта игровая система работала. Но потом, как водится, сломалась. Или её сломали намеренно. Слишком много тёмной энергии накопилось в стартовых локациях, всё живое начало гибнуть уже не от рук игроков, а от болезни. Тогда нубятники решено было закрыть, чтобы, как это ни странно, сохранить игрокам жизни — мы же были нужны для Игры и каких-то ставок, о которых упоминала Алая. Да и закрытие первых локаций подстёгивало медлительных ребят вроде нас продвигаться дальше. Вероятно, создатели даже попробовали включить канализацию, отменив респаун монстров, надеясь, что хотя бы часть слизи достигнет Сердца без системы сосудов, но было уже поздно, Скверну уже было не остановить.

Или, думается мне, всё так и было запланировано, кому интересны судьбы безликих обречённых, выброшенных в этот негостеприимный мир. Да и местные жители тоже никого не волновали, они стали лишь смазкой для наших клинков и расходным материалом. Если это так... Хотя, так или не так, разницы нет, я всё равно поклялся вытянуть из виновных кишки. Вытянуть медленно, так, чтобы они всё прочувствовали...

Ох, и не понравятся мои догадки тем, кто привык считать, что мы находимся в виртуальной реальности. Хотя, думаю, таких осталось не так уж и много — жизнь должна уже была научить даже самых упёртых.

Я шёл, уставившись в одну точку, поглощённый своими чёрными мыслями. Но потом что-то привлекло моё внимание. Ели, всё более низкие и уродливые, начали пропадать. Вместо них появились другие «деревья» — выросшие в землю, исковерканные и изуродованные мумифицированные трупы. Время стесало их плоть, оставив лишь обтянутые жёлтой кожей деформированные кости.

Одно «дерево», судя по двум свисающим с рёбер кожаным мешкам когда-то бывшее женщиной, пошатнулось, наклоняясь к тропе, и дохнуло на меня гнилью из неестественно растянутого рта. Мерзко, конечно, но таким меня даже без прямого вмешательства Комка уже не прошибёшь. «Дерево» протянуло свои исковерканные руки, но я лишь отмахнулся от них.

Я на что-то наступил. Поглядев вниз, увидел переломанную ступню, торчащую из-под земли. Я её раздавил. Из сломанных костей медленно потекла студенистая чёрная жидкость. Не кровь, и не яд. Что-то другое, куда более мерзкое. Скверна. Я лишь раз вдохнул зловонные испарения, чтобы понять, что лучше побыстрее убраться от растекающейся по тропе лужи. «Деревья» действовали всё более агрессивно, но никакого реального вреда мне причинить не могли — слишком медленно они двигались. Я бежал вперёд, ломая тянущиеся ко мне руки. И из каждой сломанной кости начинала бежать чёрная жижа.

Тропа заколыхалась. Из-под земли вырос лес из деформированных костей, я почувствовал, как мои ноги путаются в них.

Где-то дальше, в центре леса пробудилось нечто. Оно звало меня к себе. Хотело посмотреть на меня, покопаться в моей голове, исказить моё тело. Я не принадлежал этому лесу, а значит, я должен был вернуться во внешний мир, но уже совершенно другим существом, или остаться здесь навсегда, превратившись в одно из деревьев.

Я, будто обезумев, побежал вперёд, не разбирая дороги. А потом земля подо мной расступилась, и я провалился в костяную клетку, пронизывающую землю до самого её центра...

— Кто ты?

— Я не знаю...

— Зачем ты пришёл сюда?

— Я не знаю...

— Что же ты тогда здесь делаешь?

— Я не знаю...

Кругом тьма. Кругом кости. Мои бёдра, плечи, грудь, живот — всё пронзали кости. Я не мог ни шевельнуться, ни вздохнуть.

— Я выпью тебя.

О да, он мог это сделать. Шипящий и одновременно грохочущий голос, преисполненный ненавистью. Владелец голоса медленно шевельнулся в своём коконе, будто пробуждаясь, но я-то знал, что он никогда не спал. Пусть его тело долгое время прибывало в покое, его воля отравляла эту землю. Покой его тела говорил лишь о том, что он экономит энергию до того времени, пока не сможет ей воспользоваться.

Или кто-то не выпьет её...

— Шутишь? Ты сможешь выпить меня? Это я выпью тебя, Пустой.

И он начал пить. Каждая кость, пронзающая моё тело, стала высасывать из меня энергию.

Но я не могу позволить ему сделать это! Никак не могу! Но почему?

— Ты не можешь сопротивляться. На что ты надеялся, придя сюда? Твоих сил не хватит даже на то, чтобы выбраться отсюда изменённым. Ты ничтожество, Пустой. Ты ничто.

Я не знал, на что надеялся, когда шёл сюда. И надеялся ли вообще на что-то? Кругом лишь тьма и кости. Тьма разъедает плоть, плоть превращается в грязь, грязь смывают дожди и свежая кровь, грязь превращается в Скверну, остаются лишь сухие полые кости, которые пронзают этот мир. Весь мир стоит на костях, они пьют из него силы. Из него и меня.

Я не могу ему позволить сделать это... не могу...

Издательский хохот. Мне не на что надеяться. Я сейчас умру. Моё тело вольётся в этот костяной мир, моя плоть иссохнет, кости деформируются, и я превращусь в одно из деревьев, что сохнут здесь.

— Я выпью тебя, — повторил уже в третий раз голос, будто подтверждая мои мысли.

Я закрыл глаза, хотя это был лишь театральный жест — кругом и так царила тьма. Я побеждён. Скоро я присоединюсь к вам... к тебе, Топлюша... к тебе, Тёмная Мать... к тебе, Павел...

Я зашипел и дёрнулся. Я вспомнил их лица и их имена. Я не знаю, кто они мне. Не знаю, что их смерть не должна быть напрасной.

Передо мной появился Корум. Он тяжело дышал, будто долгое время бежал ко мне откуда-то издалека. Его изорванная и обожжённая кожа свисала лохмотьями с костей, но он всё ещё был облачён в полный доспех, а на его плечах лежал оплавленный меч.

— Пошли, — сказал Корум. — Я заберу тебя с собой. Наше место там, на севере. Там мы потеряли друзей и любимых. Потеряли самих себя. Те, кого мы убили, ждут нас. — Он прикоснулся почерневшей от огня левой рукой к своему обгоревшему лицу. — Эти муки —

ничто по сравнению с тем, что они нам готовят. Но ведь мы этого заслужили? Мы безжалостные убийцы, наша совесть черна от спёкшейся крови, наши души сгнили и кишат червями. Только бесконечные муки и огонь очистят нас, да и то не до конца. — Левая ладонь берсеркера потянулась ко мне. Запахло смертью и горелым мясом. — Пошли.

Я дёрнулся. Потом ещё раз. И ещё.

— Нет, — прошипел я, — нет... НЕТ!!!

Я уже убил его. Я. Его. Убил. Мне нечего бояться мертвецов, ведь я жив. Значит, я сильнее. Сильнее!

Корум покачал головой и убрал руку.

— Как знаешь. У нас с тобой одна дорога, Пустой. Она может быть короче или длиннее. Это дорога мук. Зачем ждать, делая себе ещё больше? Исход один — смерть.

— Плевать. Плевать. Плевать! Я здесь не для того, чтобы умереть. Я здесь... я...

— Зачем ты здесь? — прошипел-прогрохотал голос. — Неужели для того, чтобы спастись самому и спасти ещё кого-то?

— Нет. Я не собираюсь спастись. Я не могу никого спасти. Но я могу отомстить.

— Кому?

— Виновным.

— Зачем?

— Зачем убивают людей? Конечно, для того, чтобы они умерли.

Издвательский хохот едва меня не оглушил.

Корум покачал головой и ушёл. Его сменила Тёмная Мать. Обнажённая, она будто выставляла напоказ свою опалённую половину тела — плоскую грудь без соска, будто оплавленное лицо. От самого её лба до паха шла идеально ровная красная полоса — след от удара, нанесённого Корумом.

— Правда, я красивая? — спросила она, проводя скрюченными пальцами по тому месту, где должна быть грудь. — И ты отверг меня. Хотя я сделала всё для твоего возвышения.

— Ты убила Топлюшу...

— Убила. Потому что я женщина. — Тёмная Мать приблизилась ко мне, её изуродованные губы едва не коснулись моих. Её кислое зловонное дыхание едва не вызвало у меня тошноту. — Я должна была бороться за своего мужчину. Я ведь любила тебя.

— Нет.

— Любила. По-своему. И дорожила тобой. А ты... — Её лицо перекосилось. — Поматросил и бросил. Натрахался вдоволь и выбросил, когда мне больше всего нужна была твоя поддержка. Я не говорю о том, что ты даже не попытался меня защитить от Корума. Что, думал, он меня пришьёт и делу конец, трахай кого хочешь? Ну уж нет.

— Нет... — буквально простонал я.

Тёмная Мать прижалась к моему уху своими губами. Скрюченные пальцы правой руки принялись терзать мой ремень.

С трудом, но я всё же вырвался из её хватки.

— Я никогда тебя не любил тебя. И ты меня тоже. Мы были одиноки, и лишь временно составили друг другу компанию. Я не мог тебя спасти, не мог. Ты сама выкопала себе могилу...

— Сама себе? Это когда же? Когда пьяная решила тебе дать? Или поняла, что из тебя может выйти толк, и решила защитить вложенные в тебя активы, убив твою шлюшку? Или в

тот момент, когда сделала главой клана?

Я внезапно рассмеялся.

— В тот момент, когда поставила галочку рядом с надписью «Героический режим». В тот момент, когда не поняла, что всё кругом — реальность, а не игра. А в реальности всё имеет свои последствия. Думала, ты такая альфа-самка и интриганка? Первый психопат с проклятым мечом разделал тебя, как свинью. — Я дёрнулся, стараясь высвободиться из мёртвой хватки костей, Злоба буквально пожирала меня изнутри. — Иди сюда, и я покажу тебе, насколько ты слаба.

Тёмная Мать улыбнулась. Её лицо на миг потеряло форму, фигура будто размазалась во тьме, и передо мной уже стояла Топлюша.

— Ты убил меня, — сказала она. — Ты бросил меня, оставил одну, а она меня убила. Выходит, именно ты убил меня.

Я закричал, выгибаясь всем телом, но кости в моём теле не давали мне сдвинуться ни на сантиметр.

Издевательский хохот гремел, оглушая меня. Фигура Топлюши растаяла, на её место осталось человекодереву женского пола. Её неестественно вытянутый рот искривился в паршивой улыбке. Я заметил, что её руки пронзают мою грудь.

— Что ж, хорошее представление, — сказал тот, кто был в коконе. — Я потянул время, вытянул из тебя достаточно сил, пора тебя уже кончать.

Кости зашевелились, ввинчиваясь в мою плоть. Они проникали всё глубже и глубже, причиняя невыносимую боль, высасывая из меня последние крупички силы. Но я не умирал. Что-то внутри меня сопротивлялось, хотя казалось, что меня выжали досуха.

Нет, что-то во мне ещё осталось. Я вспомнил всё — боль, отчаянье, Злобу. Но не только они составляли мою суть. Я помнил и другое — любовь, дружбу, надежду.

Я рассмеялся.

— Наличие Тени говорит о присутствии Света, а не о его отсутствии.

Я вцепился зубами в кость, пронзающую мою грудь, и сжал челюсть. Раздался хруст, кость дёрнулась, стараясь вырваться из моего захвата, но тщетно. Я перекусил её, и в моё горло потекла чёрная жижа. Эта жижа обжигала, хотя не имела никакой температуры. Я знал почему — это была чистая энергия. А кость — один из каналов, ведущих к кокону. И я пил из него.

Человекодереву попробовало отступить, кость у её плеча сломалась, оставляя в моих зубах не соединённую ни с чем полый осколок. Но я выпил уже достаточно. С невероятными усилиями я поднял правую руку. Кости сопротивлялись, но я ломал их одну за другой. И они отступили. Но меня уже было не остановить. За моими плечами расцвела Тень, охотящаяся за Тьмой.

— Хо-хо! Да ты готов измениться! Что ж, прими мою силу, Пустой!

Кости расступились, оставив большой свободный участок. Я снова стоял на тропе, будто никуда не проваливался. Моё тело покрывала кровь, но никаких ран на коже не было, одежда тоже оставалась целой. Я будто бы только вошёл сюда, не сделал и шага.

Что это было? Галлюцинации? Или морок? А есть ли разница?

Дорога впереди кишела трупными червями. Они лезли из-под земли, целыми связками вылезали из струпов на сухой коже человекодеревьев.

— Хочешь силу? Жри её полным ртом!

Нет, это были не черви, это родственники Комка, только мелкие. Я произвольно сжал

губы, чтобы эта мерзость действительно не попала мне в рот.

Но ничего не происходило. Черви копошились на земле, не обращая на меня никакого внимания.

— Спасибо, Комок, — сказал я и, ухмыляясь, двинулся по тропе, стараясь держать как можно уверенней. Я растоптал, наверное, сотню червей прежде, чем их хозяин отдал им приказ возвращаться. Уверенного гогота на этот раз не было, но зловещая тишина тоже не предвещала ничего хорошего.

Первые два раунда были за мной, но я даже не знал их количества.

Кости III

Меня жгло огнём. Что-то внутри хозяина заставляло меня испытывать невероятные муки. И я не мог ничего сделать, не мог бороться с ним. Такое уже было, в тот момент, когда он вернул пса. Не воскресил, не оживил труп, а именно вернул, выдрал откуда-то, куда он собирался уйти. Зажёг в нём огонь жизни, но уже изменённый — озлобленной, привыкшей страдать скотины, а не милого щенка, просящего еды и не понимающего, почему ему так больно.

Я видел их, моих сородичей. Они вяло ползали по полостям внутри костей, крохотные, жалкие. Но они были сродни мне. А нечто в Коконе сродни Сердцу Тьмы. Но я совершенно чётко знал, что это не моя Мать, а какая-то мерзкая пародия на неё. Пародия могущественная, по местным, конечно, масштабам. Сущность не могла переводить энергию куда-то ВОВНЕ, она лишь копила её, и её копилка была уже почти полна. Ещё чуть-чуть, и карман прорвёт, и мои мелкие собратья хлынут во внешний мир. Эффект будет схож с разрывом сосуда.

На миг я чуть не сломался. Хозяин выжигал меня, собратья звали к себе, Сущность Кокона хотела завладеть мной. Я готов был отдаться Сущности. Нет, не для того, чтобы выжить — она разрушила бы меня за несколько секунд, не в силах поглотить, слишком её сила была мала для того, чтобы выпить настоящего сына Тьмы. Но я бы не мучился от того, что со мной делал хозяин.

Зачем ему это? Зачем бороться с самим собой? Дай он волю своей Злобе, и сущность в Коконе изменила бы его, дала бы силу, с которой можно было идти к самому Сердцу Мира. Но он упорно продолжал цепляться за то, что я никак не мог понять.

Я готовился уснуть, чтобы хотя бы снизить боль — до хозяина я не мог достучаться, будто сама Тьма не хотела, чтобы я с ним разговаривал. Но тут я заметил ЭТО.

Изломанная фигура ползла на двух конечностях за моим хозяином. У неё не хватало левых руки и ноги. Это была она, та, что послужила основанием для морока. Видимо, Сущность сделала с ней то же, что она сделала с собственной рукой — сбросила, как ящерица хвост, чтобы хозяин не выпил через её полые кости слишком много энергии. Но теперь это было не обычное человекодеревцо, что растут вокруг. С ужасом я наблюдал, как из её культей растут новые кости, а под кожей начинает появляться мясо.

Хозяин... изменил её... самостоятельно...

Я почувствовал панику. Кому ты отдала меня, Мать Тьма? Зачем ты мучаешь меня? Он чужд нам. Чужд так сильно, как может быть чужд человек очень похожий на тебя, но в то же время являющийся абсолютно другим. Он нас использует в своих целях, не задумываясь о том, что Тьма после его действий не преумножается, а трансформируется в нечто чуждое и Тьме, и Свету.

Он отбрасывает Тень. И мёртвое в его Тени расцветает.
Я заскулил и убрался куда подальше.
Мать, надеюсь, ты знала, что делала.

Деревья шуршали сухой кожей и костями. Перекошенные лица склонялись ко мне по мере моего продвижения по тропе. Теперь я знал. Ненависть и боль, исказившие их лица, относилась не ко мне.

— ... я всего лишь хотела жить...

— ... мама, за что ты так со мной?..

— ... пожалуйста, только не моего ребёнка, только не его...

— ... пощадите...

— ... что вы делаете, мы же соседи?..

— ... тише, тише... так будет лучше... мы просто умрём вместе, не чувствуя никакой боли... тише, родная...

— ... лучше уж я, чем они...

— ... нет, нет, нет...

— ... я дам вам денег... дам... заберите моих детей, мою жену, только не троньте меня...

Я шёл вперёд, сцепив зубы. Я смотрел в глаза каждому из них. Нет, они давно уже не жили, они умерли больше сотни лет назад. Это были куклы, оболочки, в которых вместо всего человеческого остались лишь боль, муки и ненависть.

— Вот видишь, — сказал мне Хозяин Кокона, — что бывает, когда бог хочет силы? Думаешь, если её захочет человек, жертв будет меньше? Глупец. Чем меньше у тебя силы, тем больше тебе её нужно. Готов ли ты к таким жертвам?

— Эта жертва была давным-давно принесена. Мне осталось лишь сделать так, чтобы она не была напрасной.

— Ты уверен, что она была напрасной, раз Гасп не достиг своей цели?

— Она напрасна до тех пор, пока я не использую её для того, чтобы уничтожить всё, что сделал этот больной ублюдок.

— Думаешь, Гасп делал это ради удовольствия? Думаешь, его слуги были рады ежесекундно испытывать муки и причинять боль другим? Нет, Пустой, это не так. Всё это сделано ради необходимости. Необходимости лишь всех мук, необходимости подарить покой этому миру.

— Уничтожив его?

— Конечно. Но, в первую очередь, Корда.

— Вы проиграли.

Хозяин Кокона рассмеялся.

— Гасп — да, я — нет. Я всего лишь вместилище энергии и одновременно её хранитель. Энергия никуда не делась, я — тоже. С чего же ты решил, что я проиграл?

— Потому что скоро энергии здесь не будет, а твоё мёртвое тело начнёт разлагаться.

— Какой же ты грозный. Но, подумай, что сделаешь ты, заполучив эту силу. Не приведёшь ли ты этот мир к гибели? Не сделаешь ли ты за Гаспа его работу?

Издвательно расхохотавшись, Хозяин Кокона исчез.

Я чуть не до хруста сжал зубы. Нет, нет и ещё раз нет. Когда я получу эту силу, всё будет по-другому. Она пойдёт на благое дело. Этот ублюдок просто морочит мне голову. Я выжгу

калёным железом...

... всё, что создавалось тысячелетиями. Храмы Корда будут разрушены, его Культ падёт — как и Культ Гаспа — тысячелетие культурного развития уйдут впустую, сотни тысяч людей погибнут. Для того ли всё это делалось? Неужели поколения местных строили всё это для того, чтобы сначала пришли Властелины, а после них армия чужаков всё это уничтожила?

Нет. Нет. Нет! Всё УЖЕ уничтожили Властелины. Нужно спасти хотя бы крупницы, хотя бы кого-то. Для того чтобы начать всё сначала. Чтобы дети, выросшие на руинах этого мира, дали своим детям возможность жить нормально. Мёртвые растения удобряют землю, на старых пнях растут молодые побеги. На развалинах этого мира вырастет новый.

Человекодеревья предприняли ещё одну попытку выпить из меня всю силу. Их руки и зубы наносили уже настоящие раны, но я не обращал на них внимания. Те, что пытались выпить меня, отступали, лишённые энергии начисто. Раны затягивались, оставляя после себя только полосы запёкшейся крови и шрамы. Эти шрамы соединяли меня с каждым деревом, нанёсшим мне рану.

— Ну! — крикнул я. — Идите сюда! Все вы! Идите! Я выпью вашу боль! Вашу ненависть! Я переработаю их в энергию и сторицей верну тем, кто это с вами сделал! Ну же!

Костяная клетка под землёй зашевелилась. Кости лопались, чёрная кровь текла из них, но она никуда не пропадала. Потому что моя Тень приниживала землю, она падала на те деревья, мимо которых я проходил. Тень росла, ширилась. Мне всего лишь нужно было её отбрасывать. А для этого нужно было разжечь в себе огонь.

Но он и так горел.

Кто зажжёт его? Откуда он взялся? Я не знаю. Знаю одно — я всего лишь человек, который не потерял ещё надежды.

— Кто ты, Пустой? — через какое-то время спросил меня Хозяин Кокона.

— Скажи сначала, почему ты называешь меня Пустым?

— Ты пришёл сюда практически пустым, вот почему. Твоей целью была месть, ты желал лишь набраться сил и уйти. И твои потенциальные резервы поражают. Но они пусты.

— Сейчас я их наполню.

Хозяин Кокона грустно рассмеялся.

— Лишь наполовину. Или большую часть. А может, и меньшую. Но не до конца — это точно.

Мне надо поторопиться, чтобы принять тебя, как подобает. Впервые за долгое время я немного опасаюсь за своё спокойствие. Пока же...

Деревья расступились. Передо мной открылось совершенно пустое место. Над головой — чернота. Земля тоже была чёрной. Казалось, что здесь, посреди леса, появилось огромное Ничто, ступив в которое, я навсегда останусь в нём.

Но я уже знал, что такое прыгать с головой в омут, поэтому шагнул вперёд.

Моя нога не встретила никакого сопротивления, и я едва не провалился в это Ничто. Но серые крылья Тени за моими плечами не дали мне упасть. Широкие — покрывающие сотни квадратных метров — они держали меня прямо на границе этого Ничего. И тогда я спокойно зашагал вперёд, будто шёл по твёрдой земле.

Хозяину Кокона это не понравилось. Из сердца Ничто в меня хлынули потоки тёмной энергии. Они едва не смяли мои крылья, прорвав их в нескольких местах. Но этого было мало. Я купался в этой силе, пил её, одновременно залатывая прорехи в крыльях и заполняя

свои хранилища.

Поняв ошибку, Хозяин Кокона закрыл портал, но он лишь стал слабее, а я сильнее.

Лес зашевелился, сухо поскрипывая костями и шурша кожей. Одно из деревьев у тропы повернуло ко мне своё лицо. Его правая нога, вросшая в землю, дёрнулась, он задрал её, вытаскивая неестественно вытянутую ступню на поверхность. Шевельнул левой, и, непомерно длинная, она тоже вышла из-под земли. Человекодереву разинуло пасть, издав то ли стон, то ли шипение, и повалилось на своих товарищей. Их руки-ветви подхватили его, не давая упасть на землю, а после осторожно опустили. И тогда дерево поползло за мной, не в силах встать из-за непропорциональных ног.

Наверное, впервые за всё время, что я находился в Лесу Трупов, я обернулся.

Это дерево было не единственным. Исковерканная фигура ползла буквально в шаге от меня, а за ней, будто привязанные за верёвки, тянулись другие — десятки, если не сотни.

— Ты проигрываешь, — сказал я Хозяину Кокона.

— Ты забрал сотню моих деревьев из сотен тысяч и думаешь, что побеждаешь? Глупец.

— Кроме них у меня есть ещё кое-что.

— И что же?

— Тень.

Тропа оборвалась. Я едва не упал, но уже не в пустоту, а чёрную жижу Скверны, покрывающую твёрдую, как камень, отравленную землю.

— Я пришёл к тебе.

— Я ждал тебя.

Лес заколыхался, будто подул резкий штормовой порыв. Но никакого ветра не было, просто деревья начали валиться одно на другое, в грязь, на отравленную землю.

— Придётся поковыряться, чтобы всё это восстановить, — с тяжёлым вздохом проговорил Хозяин Кокона. — Но всё-таки сначала я убью тебя.

Грязь в десятке метров передо мной забурлила, из-под неё медленно начало расти что-то вроде постамента, на котором восседало мертвенно-бледное бесполое существо, похожее на отрастившую руки и ноги миногу размером с крупного человека. И постамент, и существо на нём закрывал прозрачный пузырь.

Пасть, занимающая практически всю верхнюю половину туловища Хозяина Кокона, раскрылась, показывая десятки рядов острых треугольных зубов. С тихим звуком разрывающейся плоти кокон лопнул, разъединившись на две аккуратные половинки. Тяжёлый запах разложения едва не сбил меня с ног, но мне было не привыкать.

Хозяин Кокона поднял правую лапу, заканчивающуюся десятками щупалец, на конце каждого из которых была маленькая копия пасти, венчающей тело самого Хозяина.

— Постой, — медленно проговорил он неприятным тонким голосом, — тебе ведь некуда спешить, ты и так пьёшь мою силу. А вот я — ха-ха! — перед смертью хочу поболтать. Ко мне редко заходят гости.

— Говори.

— Хм? Я думал, что ты предложишь сразу начать драку. Судя по тому, что я о тебе узнал, ты весьма нетерпеливый человек. Ну что ж, раз ты хочешь поговорить... начнём, пожалуй, с новостей. Как там мои создатели из Кюльта? Как поживают драгоценнейшие Крылатый Зогг, Многоликий и Гниющий? Уж очень они мне полюбились, когда жили здесь.

— Крылатого Зогга убил я. Многоликий тоже мёртв, а тот, кто убил его, погиб от моей руки. Гниющий будет следующим. После тебя, конечно.

— Печальные и радостные новости одновременно. Печальные потому, что они погибли. Радостные благодаря тому, что за долгие годы ожидания меня вознаградят дракой с приличным противником. Ладно. Ещё вопрос — Культ Корда, наконец-то, сгнил?

— Гниёт. Или, скорее, догнивает.

Хозяин Кокона рассмеялся. Я прекрасно слышал его смех, его голос, но не мог определить источник звука.

— Значит, мой Созидатель оказался достаточно силён для того, чтобы проклясть Корда. Видишь ли... Гасп не мёртв.

— Какое открытие.

— Ты знал об этом?

— Догадывался.

— Догадливый человек. Терпеливый, как оказалось, и догадливый. Редкое сочетание таких полезных качеств для того, кто живёт так мало. Начнём драку?

— Теперь твоя очередь отвечать на вопросы. Мы же ведём диалог.

Хозяин Кокона фыркнул.

— И правда. Что ж, задавай. У тебя их тоже всего два. Я, к сожалению, тоже иногда испытываю нетерпение, а сейчас мне очень хочется подраться.

— Что случилось с Гаспом, когда его настиг Корд?

— Уф... твои вопросы, судя по всему, будут требовать более долгих ответов. Что ж, умрёшь осведомлённым.

Корд настиг нас здесь, в этом лесу. Хотя тогда леса-то здесь ещё не было, но, скажем так, сажены торчали повсюду. Гасп понимал, что нам не спастись — слишком мало силы он успел скопить. Поэтому он разослал всех, кто успевал уйти, по самым потаённым уголкам этого мира, а сам вместе с оставшимися принял безнадежный бой.

Как и любой другой безнадежный бой, длился он долго, до полного уничтожения одной из сторон. Я тогда спал в своём укрытии, но чувствовал, как Гасп сопротивляется, даже не пытаясь тянуть силу из меня. Её всё равно бы не хватило, а разрушать только что построенное старый бог не хотел.

В конце концов, Корд разорвал тело Гаспа чуть ли не на семь частей, лишь одна из которых сохраняла жизнь — голова, шея, позвоночник с тазом и правая половина груди с рукой. В таком виде Гасп не смог бы сделать ничего плохого даже мыши. Корд бросил его здесь, ушёл на какое-то время, а вернулся уже с собранным воедино молотом. Он, конечно, знал, что один бог другого убить не может, особенно тот, что был сотворён тем, кого он собирается убить. Но был уверен, что сил в Гаспе осталось столько же, сколько и в тех недоучках, которых сам Корд когда-то убивал.

Ну, у него не получилось. Молот опять развалился на куски, а сам Корд едва не потерял все свои силы. А Гасп с раздавленной головой всё равно продолжал подавать признаки жизни, да ещё и умудрился проклясть последователей нового бога. Предсказал им, что их сожрёт такая гниль, как и его самого. Этого Корд допустить не мог. Он поместил живые останки Гаспа в самое надёжное, как ему показалось место — в гробницу Изменённой Алу, где, по его мнению, его жёг бы её Свет, не давая восстановить силы, а сам ушёл искать тех, кто бы смог убить бывшего бога. По логике вещей это те, у кого много сил, но сами они ещё не стали богами. Второй вопрос.

— Значит, Корд сам поспособствовал уничтожению своего Культа и осквернению Сердца Мира. И, полагаю, те, кого он хотел привлечь к уничтожению Гаспа, сейчас правят

этим миром.

— Это не вопросы, а твои догадки, их я подтверждать не обязан. Задавай уже вопрос и давай драться.

— Кто сейчас собирает сосуды в Сердце Мира?

— Это мне не известно. Но знаю, что останки Гаспа и Изменённая Алу ему помогают. А теперь... — минога-переросток совсем по-человечески склонилась, вытягивая вперёд верхние лапы, — давай проверим, сможешь ли ты забрать мою силу.

Хозяин Кокона бросился на меня, стараясь смять одним ударом. У меня не было ни оружия, ни даже плаща, но и он мог пользоваться только своей пастью и верхними конечностями. Конечно, не считая силы, что переполняла нас.

Я ушёл от удара, зашёл противнику в правый бок и хлестнул по его белёсой плоти левой ладонью, из которой послушно высунулось щупальце, хотя Комок и спал. Они рассекли плоть Хозяина, практически не встретив сопротивления, но с отвратным чмоканьем рана заросла за какую-то секунду.

Мой противник отдалился от меня на приличное расстояние и остановился. Его толстое студенистое тело нервно подрагивало.

— О-хо-хо, подрастерял я прыть с прошлого раза. Как-то, лет сорок назад, ко мне приходил один охотник за чужой энергией. Вот мы с ним побегали. Когда я победил его, ему пришлось поклясться, что он отдаст мне всех своих детей, а когда я потребую, откроет для меня разум. Его звали...

— ... Нервил. Его я тоже убил.

Я атаковал. Но не Хозяина, а его постамент. Не знаю, думал ли он, что я не замечу эти тонкие белёдые нити, соединяющие его с камнем, или это была ловушка, но я привык полагаться на единственный шанс.

Из-за моей спины выстрелило несколько Клинков Тьмы, они посекали камень, выбив из него целый ворох щебня, но ни одна нить не пострадала. А Хозяин Кокона предугадал моё движение. Он смял меня, его лапы вцепились мне в бока.

И тут пришло время для силы. Тень и Скверна смешались, режа, коя и разрывая друг друга на куски. Несколько зубастых щупалец упали грязь, отсечённые Тенью, но два других успели разодрать плоть на моей груди до самых рёбер.

Мы стояли какое-то время, стараясь пересилить друг друга чистой энергией, но, кажется, в этом плане силы у нас были близки. Тогда я воткнул левую ладонь в живот Хозяина Кокона, а Комок, сейчас полностью подчиняющийся моей воле, проделал в нём дыру размером с мою голову.

— Бесполезно, — сказал мой противник.

— О, нет, дружище, совсем нет.

Я подсёк чудовище под правое колено. Хозяин Кокона припал к земле, и я распорол ему туловище до самой пасти. Лишь смех в ответ, но он быстро сменился на недоумённый вопль — я оставил несколько отравленных шипов в его теле. И сейчас они принялись терзать то, что скрывалось под белесой плотью — тело карлика, заключённое в оболочку.

— Нет! Нет! Не может быть!

Я отступил от Кокона и потянул правую руку назад. В мою ладонь удобно легло костяное копьё, когда-то бывшее человеческой берцовой костью.

— Как ты заметил, я догадлив, — сказал я. — А ещё наблюдателен. Я заметил, что нити, связывающие тебя с камнем, торчат из определённого места. Чуть выше того, где у

человека задница. У карлика же там будет голова. Я это проверил, разделив тебе живот. И увидел твою лысину. Зачем пытаться оторвать нити, если можно ударить туда, откуда они ведут? Да и признайся, — я пнул стеклянную полусферу, валяющуюся в грязи, — не может же это быть Коконом?

— Паскуда! Эти кости меня всё равно...

— ... а вот эти вполне.

Я метнул копьё в Кокон, прошив его насквозь.

— Это моя сила... неужели...

— Это обычная кость, она ни с чем не соединена. И вот это — обычные кости, когда-то принадлежащие людям.

Сотни человекодеревьев ступили в грязь. Их исковерканные руки-ветви тянулись к Хозяину Кокона.

— Ты сам признался, что ты всего лишь хранитель. А хранители, которых я раньше встречал, были слабы. Зачем тому, кто создал этот тайник, конкурент? Что случилось бы с Гаспом, если бы там решил использовать эту энергию? Нет, он не мог этого допустить. Поэтому создал тебя таким — ты можешь хранить и накаливать, но не использовать. Хотя, пара козырей у вас, хранителей, в карманах, конечно, имеется. Например, ловушки, расставленные настоящим хозяином тайника. Попытки свести с ума иллюзиями...

Та, что изображала моих погибших товарищей, доползла до Кокона первой. Её левая рука вонзилась в плоть. Хранитель Кокона завыл от боли. А за ней уже следовали другие. Их руки, ноги, зубы принялись терзать Кокон.

И тогда он поддался. Мёртвая плоть принялась рассыпаться под напором чёрной жижи, хлещущей из хранителя Леса Трупов. Его визг был последним, что я услышал перед тем, как мир раскололся.

Смерть VII

Из-за низких туч выглянуло солнце. Оно осветило чёрную жижу, в которой я стоял, и та неожиданно оказалась зелёно-коричневой, под цвет обычного болота — Скверна начинала уходить из этого места. Человекодеревья толпились у камня, не понимая, что происходит. На их деформированных костях нарастала плоть, да и сами кости начали укорачиваться, возвращая себе привычную форму.

Тысячи вытянутых лиц, которые впервые за сотню лет изменили выражение, повернулись ко мне. Тысячи принимающих обычную форму тел расступились, когда я шагнул к камню.

Именно он был хранилищем, и его чернота не изменилась, даже когда засветило солнце, оно-то и впитывало в себя Скверну, пытаюсь выжить. Я закрыл глаза и протянул к нему левую руку. Комок — который уже что-то бессвязно верещал у меня в голове — послушно раскрыл свою пасть.

Я ударил своей силой, силой Комка и Тенью в самый центр камня, и он послушно развалился. Зыбкая земля и болотная жижа закрыли его осколки.

«Что ты делаешь? Ты уничтожил канал!».

«Нет, я открыл новый. Свой».

Я чувствовал этот остров. Всё болото, что его окружало, всех его жителей. И они питали меня.

Сотни тысяч когда-то живых людей разбредались по округе. Они медленно обретали

разум и воспоминания. Пусть я не вернул их к настоящей жизни, как и Оскала, но это лучше бесконечных мучений.

Найдя тропу, я принялся возвращаться. Через какую-то четверть часа я вышел к ельнику, ещё пять минут потребовалось на то, чтобы найти хижину Лесника. Урод сидел у ящика и перебирал мои вещи. Завидев меня, он икнул и поспешил взяться за недоеденный ужин, делая вид, что мои вещи его совершенно не интересуют.

— Карлик в Коконе, — сказал я леснику, принимаясь разбирать ящик. — Что это был за карлик?

— Кто его знает. Обычный цирковой карлик, который ненавидел всех людей. Его били и унижали, насильовали и заставляли насильовать всякую животину на потеху простому люду. Уродец трахает овец и собак, вот потеха-то. Я бы посмотрел, хе-хе. Вот он и согласился на то, чтобы стать хранителем Кокона, надеясь, что это поможет уничтожить человечество. А чего это, тучи что ли? Ты сломал карман?

— Да, — кивнул я.

Изуродованное лицо Хранителя Леса осветилось.

— Я что, могу идти? Я свободен?

— Нет, — покачал я головой. — Потому в этом случае ты опять возьмёшься за маленьких девочек. — Я выпрямился, поправляя ремень. — Поэтому я убью тебя.

— Я же говорил...

Он замолчал навек. Его глаза закатились под лоб, будто он пытался рассмотреть тесак, раскроивший его макушку. Тремя ударами я отделил его голову от тела. Труп повалился на траву и остался лежать неподвижно, лишь густая багрово-чёрная отравленная кровь нехотя струилась из шеи. Голова вовсе не торопилась прирастать обратно.

На тропе появились первые человекодеревья, уже больше напоминающие обычных людей. В местных болотах добавится нежити. И им, и местным старожилам придётся побороться за место под солнцем, но разве жизнь, пусть и не полноценная, не борьба?

Оскал ждал меня на прежнем месте. Он даже вильнул пару раз хвостом, приветствуя меня. Синеглазка встретила меня с недоумённым выражением лица.

— У тебя не вышло пройти к Лесу? Тебя же час всего не было.

— Всё вышло. Давай возвращаться. Заночуем на острове.

Синеглазка заволновалась так, что чуть не затанцевала на месте. Она указала на запад.

— Видишь, дыма меньше стало? Какие-то странности творятся.

— Наоборот, всё логично. Давай, поторапливайся, я ещё хочу закрепить успех в создании маленьких утопцев.

Синеглазка кокетливо улыbnулась и, принохиваясь, принялась искать тропу, ведущую из болота.

Смерть VIII

Хозяин слёг в тот же вечер. Слишком велик был кус, который он заглотил. Я затаился, надеясь, что хозяин его переварит, в противном случае у меня оставался один выход — убить нас быстро, а не ждать, когда мы сгорим в агонии. Но он как будто бы и не старался справиться с захлестнувшим его потоком энергии. Вместо этого он продолжил погружаться в череду своих кошмаров, как выдуманных, так и нет.

В прошлый раз я бы постарался подтолкнуть его к той бездне отчаяния и безумия, с которой он боролся, но сейчас я боялся вообще высываться.

Он уверовал в то, что надежда есть. Что он обязан помочь (кому вот только). И кто поможет ему? Я? Это обидно, но меня он расценивал лишь как средство для боя, да кампанию в те моменты, когда у него не было равного собеседника. Оскала — тоже. Да, мы, вроде бы, и друзья, но не те, у кого можно попросить помощи, скорее он сам собирался нас защищать. И не доверял он нам, особенно ко мне. Не могу его в этом винить. У меня есть свои чёткие цели — уничтожить того, кто рвёт сосуды, и вернуться к Матери Тьме. Что станет с хозяином после победы над виновником происходящего, мне наплевать. Нет, не совсем так. Если хозяин не погибнет, я буду рад. Если погибнет... ну что ж, не оставаться же с ним до конца жизни? А если уйдёт со мной... даже не знаю. Наверное, это лучший вариант.

Череда кошмаров сменилась воспоминаниями. Мёртвые города. Их хозяин проходил, не глядя по сторонам. Пати игроков, утверждающих, что есть местных можно, ведь они не люди. Их мы перебили за несколько секунд.

Он это забыл. Я помнил. Но в этот раз мне тоже стало тяжело, как и хозяину. Может, мне тоже вычеркнуть это из своей памяти?

В этом-то весь и смысл — забывать зло. Забывать боль. Если помнить всё, можно сойти с ума. Или, что хуже, потерять надежду.

И хозяин её потерял. Он тонул и тянул меня за собой. Вот-вот его должны были оставить силы, и он бы стал неуправляемым чудовищем, желающим лишь мести. Ему стало бы плевать на всех игроков, всех местных. Пусть весь мир погибнет, но он отомстит. За себя и за всех погибших.

Крылья Тени, держащие его над Скверной, рвались. Они не были способны выдержать нас обоих. Но, что хуже всего, я тянул его вниз.

Будь у меня тело, я бы вздохнул, как это часто делал хозяин, когда нужно было сделать что-то неприятное, но необходимое. Лучше умереть сейчас, иначе его безумие поглотит и меня. А это прямой путь к Скверне. Я бы закрыл глаза и расслабился, если б мог. Вместо этого я послал то, что составляло моё тело, во все органы хозяина и попытался отключиться от всего. Уйти в небытие...

И тогда...

... он начал сопротивляться мне. Мы одновременно будто очнулись от тяжелого сна.

Что случилось? Почему появилась эта тяга к жизни?

И тогда его подсознание показало её. Ту мерзость, что причиняла мне боль.

Судья.

Бесстрастный взгляд белёсых глаз. Плотно сжатые бледные губы. И Свет, причиняющий мне боль.

Да, в этот раз мне тоже стало больно. Но её образ, возникший в сознании хозяина, удержал нас где-то у самой границы, которую нельзя было пересекать, а потом вытолкнул вверх.

Мы окончательно очнулись. Рядом сидела утопленница. Я «вгляделся» в неё внимательней, и понял, что она носит моего ребёнка. Моего, Комка, не Безымянного человека, хотя именно он дал семя для его зачатия. Неужели какая-то часть меня тоже в этом участвовала?

Я... я... не могу описать это чувство, потому что я никогда раньше его не испытывал. А если бы испытал раньше, то умер бы.

Но сейчас... сейчас...

Я ушёл в себя в полной растерянности. Нужно изучить происходящее с нами повнимательней.

Я потерял целую неделю, приходя в себя на болоте. Да и в дорогу двинулся, ещё не восстановив силы как следует.

Когда Синеглазка поняла, что я сам могу о себе позаботиться, она начала пропадать на болоте. Впрочем, винить её не в чем — она ухаживала за мной все три дня, что я валялся без сознания, и кормила рыбой из пруда. Я же бредил, метался и блевал чёрной слизью. Глядя на отравленную траву, могу предположить, что из меня выходила Скверна, которой я набрался в «кармане». К счастью, интерес к сексу у Синеглазки в эти дни пропал совершенно, её куда больше интересовали новые соседи.

Человекодеревья вернули себе прежние тела и теперь разбрелись по округе в поисках пропитания. Разум ещё не проснулся в них окончательно, но они могли представлять опасность для старых жителей. Да и ресурсов на всех могло не хватить. По словам Синеглазки зрело что-то вроде раздела сфер влияния. Местные утопленники, да и другие разумные твари, не были бездумны, у них было даже что-то вроде культуры, а уж отношения между собой у них складывались ничуть не проще, чем у людей. Легко относиться к ним как к безмозглым тварям, которых можно убивать только ради лута и опыта (а именно так я относился к подобным существам ещё осенью), но когда узнаёшь о строгой иерархии, разделах охотничьих угодий и семьях, если хотите — кланах, сразу начинаешь считать их равными людям.

В общем, новичков хотели поставить на место, временно ограничив их свободу, а уж после договориться с теми, кто обрёл разум. К счастью, время на то, чтобы вывести меня из болота, у Синеглазки нашлось. Почему она была так занята? Да просто оказалось, что после смерти отца она вроде как глава клана, состоящего из нескольких семей утопленников и примкнувших к ним жабо-людям.

Уверен, что болотным жителям тоже безразлична судьба этого мира. Кто знает, возможно, удастся использовать их.

Оказавшись на твёрдом, я в первую очередь двинулся к тракту. Ну, во вторую, в первую-то я отлежался в источнике, смывая с себя остатки Скверны. Весна во всю вступила в свои права, снег почти сошёл на нет, судя по разбухшим ручьям, горные перевалы тоже начали освобождаться от сугробов. Передо мной стояла дилемма — двигать сразу на юг, или свернуть на север, чтобы попытаться разнюхать хоть что-то о судьбе моего клана. К счастью, тракт ожил, и я встретил пати из полудюжины игроков, которые рассказали мне о том, что путь с севера ещё будет недоступен в течение пары недель. Столько времени терять я не мог, хотя даже и не пытался дать себе ответ, в чём причина такой спешки.

За три дня путешествия по практически безлюдной местности я вышел к Каменной Опоре — древней стене, построенной во времена Первой Смуты для обороны центральных частей Империи от северных варваров. Фактически, эта стена являлась границей местности, которую сейчас называют Сердцем.

Первая Смута, кстати, началась, когда Империя Гаспа рухнула. Закончилась она воцарением Корда. Вторая была во время крайнего посещения Гаспом этого мира. Третья, стало быть, идёт сейчас, и виноват опять Гасп, только об этом мало кто знает. У местных крепко утвердилось мнение, что она будет последней. После неё или мир и покой, или

вечный покой.

Когда в первые дни своего пребывания здесь я смотрел на карту, эта местность обозначалась как место всеобщей свалки. То есть члены всех восьми фракций собирались здесь воедино. Если вспомнить тот хаос, что был на севере, происходящую здесь резню я даже не могу себе представить. Некоторые задания, получаемые игроками одной фракции, имели, прямо скажем, враждебные цели по отношению к игрокам другой. Это в игре. Здесь же могло вообще происходить всё, что угодно. Быть может, там установился мир, и игроки всячески помогают друг другу и местным.

Что ж, сейчас и узнаем. По дороге спросить было некого — мне встречались или бродяги, или разбойники. Та пати игроков была единственной, да и те собирались пока отсиживаться по лесам, терроризируя банду разбойников, которая им чем-то не понравилась.

На воротах стояла целая застава из новичков — два десятка воинов и друидов. Поэтому я решил перемахнуть стену где-нибудь в другом месте, благо таких было достаточно — Каменная Опора давно потеряла свою актуальность, и в некоторых местах из-за отсутствия ухода разваливалась буквально на глазах. Я отошёл на пару километров восточнее и спокойно проник через стену сквозь прореху размером в дом. С полчаса пришлось поплутать, запутывая следы — Опора патрулировалась. Но уже вскоре я оказался в полутора километрах южнее стены на тракте.

Что ж, мир и покой здесь, возможно, и царили. Глядя на стройные ряды виселиц, тянущиеся по обеим обочинам тракта, в этом можно было убедиться. Ну, потому что буянов здесь уже не должно остаться — виселицы скорее напоминали новогодние ёлки, только вместо гирлянд на них висели люди. Причём, судя по одежде, досталось всем — и местным, и игрокам, и новичкам, и оккультистам, и жрецам Корда. На самом деле, такая не избирательность внушала надежду: вполне может быть, что кому-то удалось договориться, и репрессиям подверглись только ненадёжные слои населения. По крайней мере, за весь день я не наткнулся ни на одного живого оккультиста или разбойника. Хотя народу-то на дороге хватало. Я встретил два торговых обоза и один обоз переселенцев. И тех, и других хорошо охраняли. Вот только охрана состояла из новичков и местных солдат. Ни одного игрока.

Как бы за здешний порядок не пришлось платить кровью игроков. Так уж каждый раз складывается, что мы всегда оказываемся с краю, что нами всегда можно пожертвовать.

К обозам приближаться я побоялся. Но мне как-то нужно вызнать о том, что здесь происходит, не напорвшись на какой-нибудь враждебно настроенный вооружённый отряд. В этом случае лучше всего всегда искать какого-нибудь оригинала, живущего в одиночку и на отшибе. В условиях постоянной войны задача нетривиальная, но когда меня останавливали трудности? Здесь, кажется, всё спокойно, а значит, время на поиски у меня есть.

Искать, впрочем, долго не пришлось. В нескольких сотнях метров от тракта я наткнулся на большую обнесённую каменной стеной усадьбу, из широкой трубы которой мирно поднимался дым. Охраны не видно. Ворота нараспашку. Здорово смахивает на ловушку...

Услышав детский крик, я даже вздрогнул от неожиданности.

— А ну, иди сюда! — возмущённо кричал какой-то паренёк. — Или я всё бабушке расскажу!

Меня аж мороз продрал. Кричал Смоги.

— Никого убивать нельзя, — сказал я Оскалу. Пёс не стал возмущаться — вблизи этой

усадыбы он вообще притих. Гая, судя по всему, опять создала нечто вроде заповедника, куда недоброму существу лучше не соваться. Пёс и не стал — остановился у левой створки ворот и сел неподвижно, будто статуя.

— Верни мяч! Кому говорю! Ну, деда, ну, верни мяч!

— А не хрен говорить, что шустрее деда, — с издевательскими нотками в голосе ответил Локт. — Дед ещё многих молодых за пояс заткнёт.

— Меня заткнёшь? — спросил я, входя в ворота.

Локт уставился на меня, впрочем, не выказывая удивления. Он некоторое время стоял, молча изучая меня, а потом протянул мяч парнишке.

— Я бы на твоём месте не рисковал сюда приходить, — медленно проговорил старик. — Слишком уж зла была на тебя старуха. Но раз уж пришёл... — Старик мотнул своей лысой головой в сторону двухэтажного дома. — Заходи.

Мы прошли по земляной дорожке, сжатой с двух сторон кустами, на которых уже распустились листья — в угодьях Гаи жизнь всегда была ключом. Дом выглядел ухоженным, но большая резная дверь несла на себе следы огня.

— Пришлось отбивать дом у ваших, — пояснил Локт. Вид у него был мрачный. — Сейчас они три виселицы заняли. Совершенно свихнувшиеся были ублюдки. Пытали и жрали оккультистов, думая, что так смогут забрать их силу. Простых людей, впрочем, тоже не щадили. Да и других игроков. Командир их вообще поехавший был. — Старик передёрнул плечами. — Наносил ритуальные раны на телах своих же людей... если их людьми можно назвать. Они-то себя Пожирателями называли.

— Не распинаясь так, и сам прекрасно знаю, что многие заслужили смерть. Где, кстати, твоя жена?

— Ушла в город. Будет через час, не меньше.

Я остановился на пороге дома.

— Тогда, пожалуй, расскажи ты о том, что здесь происходило, и я уйду.

Локт покачал головой.

— Я тебе ничего толком не расскажу, у нас тут великие дела моя благоверная творит. И я же сказал, что старуха БЫЛА на тебя зла.

— А сейчас что, не злится из-за убитой внучки?

— Злится. Но убивать тебя уже не собирается.

Дом оказался пуст — дети бегали по заднему двору. Локт увёл меня в кухню, где собрал обед из солений и хлеба, а так же вытащил из какого-то закутка бурдюк с брагой. Приличный такой бурдюк, литра ни три.

— Давай-ка сдвинь вот эти два кресла и вот тот стол в кучу, а то Смоги из меня все силы выпил. Шустрый засранец растёт.

Мы уселись друг против друга и взялись за закуску и, в первую очередь, брагу.

— Что у вас там с Хорвиллом произошло? — спросил Локт. — Судя по тому, что ты уже здесь, тебе никак не позже ноября нужно было уходить.

— Расскажи лучше, как вы здесь оказались.

— Да-да, — старик ещё и кивнул, показывая, что полностью, абсолютно и безоговорочно со мной согласен. — Старухе моей тоже интересно будет тебя послушать, а мне два раза одно и то же слушать не охота.

Рассказывать было особо нечего. За пару дней до нашего отплытия из замка Локт, Гая, дети и десяток сопровождавших погрузились на драккар и уплыли на юг. Шли в основном по

морю, огибая материк с запада. В конце ноября выгрузились на побережье, а после Гая провела их по «укромной тропе» сюда. Поместье они заняли ещё в конце января, до этого ютились в городе, где количество домов после осени и начала зимы явно преобладало над количеством желающих в них поселиться. Вся история.

— Сейчас-то здесь порядок? — спросил я, когда Локт закончил свой рассказ.

— У нас всё неплохо, — пожал плечами старик. — А вот что с другими творится, лучше у неё спроси. — Он кивнул за мою спину.

— Сиди-сиди, — холодно сказала Гая, двигая третье кресло к столику. — Я тебе говорила, плешивый, чтобы ты кого попало в дом не водил?

— Он сам пришёл, — пожал плечами Локт, наливая браги в заранее припасённый третий стакан.

— Сам, значит, — фыркнула старуха и сделала глоток. Тут же её глаза полезли из орбит. — Ты что, старый, совсем охренел мои заначки воровать? Я эту брагу для особого случая берегла.

— А он что, не особый случай? — дед потыкал в меня пальцем и, часто моргая, закивал, сам с собой соглашаясь. Быстро его развезло.

Гая впервые на меня взглянула. Комок, который последние дни и так не проявлял никакой активности, миг ушёл в себя так же далеко, как и в «кармане».

— Особый, — со вздохом ответила ведьма. — Давай, Безымянный, рассказывай, что там с моим племянничком. Боюсь, ничего хорошего?

Я кивнул.

Мой рассказ тоже длился не особо долго — смерть Хорвила, осада Драконьего Клыка, пробуждение Комка, появление Игрока, моя встреча с Судьёй и поход в Лес Трупов. Выпадало несколько месяцев, но даже если бы я захотел про них рассказать, мало что вышло бы — провалов в памяти слишком много, а унылые полуголодные скитания по заснеженным дорогам и тропам никому не интересны. Из них, в общем, и состояла большая часть зимы. Темнота, холод и голод превратились в какой-то дурной сон. Пока я рассказывал свою историю, Гая внимательно меня изучала. Особенно пристального внимания удостоились мой левый глаз и рука, хотя последняя кроме шрамов ничем не выделялась — Комок сидел тише воды ниже травы. Впрочем, не думал же я, что Гаю просто так обмануть?

— Я знала, что ты вынес из Сердца Тьмы не только посмертный подарок Рилай, — с тяжёлым вздохом произнесла старуха. — Но то, что с тобой связана Тьма, даже не предполагала. И что это за Игрок — знать не знаю. Зато остальные части твоего рассказа многое проясняют. Дед, тащи карту.

Локт медленно поднялся и, пошатываясь, ушёл. Вернулся он минут через пять с потрёпанной бумажной картой, которая носила следы множества кружек с пивом и даже, судя по запаху, кровяной колбасы.

Изображения на карте были даны схематически, без особого соблюдения пропорций, зато местность представлена наглядно. Почти правильный круг диаметром в полторы тысячи километров — это Каменная Опора. В самом её центре — главный храм Корда, Сердце Мира. Три крупных реки. Пустующая местность с названием Белая Роща. Два с половиной десятка городов и шестеро больше деревень и хуторов. Две сотни храмов Корда, как привязанных к какому-либо населённому пункту, так и стоящие отдельно. Почти половина из них находились в Сердце Мира или рядом с ним.

— Вот, — Гая обвела пальцем северную часть круга, включающую в себя часть Белой

Рощи. — Вот эту территорию мы контролируем. Более или менее, судя по тому, что всякие проходимцы вроде тебя тут слоняются. Оккультисты и осквернённые жрецы, впрочем, тоже пока что попадают. Да и просто плохие люди никуда не делись, хотя на виселицах каждый день новые обитатели. Мы тут всю зиму не в потолок плевали, знаешь ли. Договаривались, подкупали... кое с кем воевали. Дед рассказал, как нам этот дом достался, да?

Отряды ходят на север за стену, ищут выживших, стараются помогать хотя бы тем, что очищают леса от всякой нечисти. Потихоньку собирают войска и оружие. Свободного оружия в последнее время куда больше, чем способным их владеть, но у нас уже набралась приличная армия — полторы тысячи пришлых, почти семь сотен героев, сотня магов и десять тысяч простых солдат. Потому у нас всё относительно спокойно — территория небольшая, а войск много.

Вот здесь. — Южная оконечность круга. — Здесь. — Юго-западная. — И здесь. — Западная. — Засели ваши. Там тоже более или менее спокойно, с нашей помощью додавливается Культ, но некоторые ваши отряды поглядывают на нас, да и на тех, кто с нами сотрудничает, косо. Наши в долгу не остаются... но до открытой свары дело пока не дошло. В общем, считай эти три территории отдельными государствами, состоящими... как это... ну-ка, дед. Да, в вооружённом нейтралитете, да ещё и в двух из них может гражданская война начаться. А вот тут. — Гая обвела весь восток. — Война уже идёт. Воюют все со всеми, да ещё и новые партии беженцев и пришельцев появляются. Мы в войну не вмешиваемся, так, понемногу помогаем героям, но их там мало. Договариваться будем с победившими. Не получится договориться... раздавим. Цацкаться мы ни с кем не собираемся, есть цели поважнее, чем делёжка власти и денег.

Вот эта местность. — Большой неправильный круг в центре, почти половина всей территории, изображённой на карте. — Не осталось практически никого, с кем можно разговаривать. Беженцы ещё приходят, но уже реже, да и большая часть пришедших поражена Скверной. Мы трижды пытались занять хотя бы часть земли, но каждый раз нас выдавливали обратно. Потеряли, должно быть, полторы тысячи человек, одних героев больше сотни. Многие, я в том числе, думаем, что решать дела нужно одним ударом по Сердцу... но до этого ещё далеко.

А вот тут. — Старуха указала на клочок земли, являющий собой остатки Белой Рощи. — Вот тут те, кого мы будет давить уже очень скоро. А после твоего рассказа, думаю, уже в ближайшие дни.

— Остатки Культа Гаспа, — тихо сказал я.

— Да. И, судя по твоему рассказу, лишённые самого большого своего источника энергии. Их к тому же, обезумевшие жрецы Корда дают с юга — им-то гасповские выродки тоже ни к чему. Но драка всё равно будет горячей.

— Кто бы сомневался.

— Туда хочешь? — прямо спросила Гая.

— Конечно. У меня есть пара вопросов к Гниющему.

Старуха ответила на мою недобрую улыбку ещё более злым оскалом, который угас за долю секунды.

— Узнала я, что ты не виноват, — с тяжёлым вздохом сказала она. — Из верных источников узнала. Но Меч Тени что-то не вижу.

— Клинок Тени, — заплетающимся языком поправил её Локт. — У меча... а, плевать, всё равно не запомнишь. Бабы...

Я поднял руки, из которых хищно высунулось несколько лезвий.

— Ты его поглотил? — с каким-то благоговейным ужасом в голосе спросила Гая.

— Я его сломал. А уж он, видимо, решил, что поживёт во мне.

— Никак не пойму, что ты за человек, и откуда свалился нам на головы. Но даже если бы я хотела тебя убить, то права бы такого не имела. Не говоря уже о том, что сейчас-то вряд ли с тобой справлюсь. — Гая в очередной раз тяжело вздохнула. — Переночуешь у нас, а утром я тебя с посылкой отправлю в город. Там встретишься со своими... Если тебе позволят.

Я закатил глаза.

— Что сегодня за день внезапных появлений? — проворчал я, поворачиваясь к входу. Там стояли Судья, Инча и Эшк.

— Привет, мама, — сказала Инча, глядя только на Гаю. — Локт.

— Приветствую, — медленно произнесла Судья. Вот её белёдые глаза смотрели исключительно на меня.

Эшк промолчал.

— Ещё один Суд? — спросил я, заплетающимся то ли от браги, то ли от страха языком.

— Раз ты вернулся из Леса Трупов, то да.

Я закрыл глаза и вжался в кресло. Но поток обжигающего Света всё равно застал меня врасплох.

Я вышел в дорогу ещё до рассвета, оставив спящего Оскала у Гаи. Суд (и алкоголь) вымотали меня до такой степени, что я сразу завалился спать, а проснувшись посреди ночи, решил, что лучше не терять время, слишком уж я соскучился по нормальной компании. Благо Гая не спала. Она снабдила меня большим пакетом с лекарствами и попросила найти некоего Свея, который был кем-то вроде главы местных игроков. Мне же проще — не нужно будет долго искать человека, который расскажет мне положение дел.

Жизнь на тракте уже кипела — полтора десятка вооружённых людей (игроков среди них не было) развешивали на более или менее свободной виселице убитых ночью оккультистов. Меня проводили подозрительными взглядами, но никто ничего не спросил. То, что я находился за стеной, уже давало мне право спокойно здесь расхаживать. А уж выданный Судьёй брелок (дырявый белый камушек на белой же бечеве), который следовало носить на правой стороне груди, и вовсе обеспечивал мне свободный проход в любое публичное место. Так, по крайней мере, сказала Инча. Она заглядывала ко мне буквально за пару минут до того, как я лёг спать. Я, впрочем, в тот момент ни на что и не надеялся.

До города идти было два часа, и за эти два часа я не встретил никого подозрительного. Вообще никого. Чёрт, я наткнулся на молочника, который гнал в город телегу. Он был один, без охраны. Молочник, конечно, беспокоился, а моё появление у телеги вызвало у него настоящую панику, но само по себе отсутствие охраны о многом говорит. Ощущение вроде того, когда до победы ещё далеко, но врагу уже сломали хребет.

Впрочем, Гаспу сломанного хребта явно не достаточно. И это только один враг, когда-то уже разгромленный, мы же только доведём дело до конца.

В паре километров от городской стены начался пригород. Частично разрушенный и в основном пустующий, но кое-где люди жили. Возможно, самые упёртые или те, кто уже успел вернуться в свои дома за последние недели относительного покоя. Черета виселиц, к счастью, здесь закончилась, и я смог вдохнуть полной грудью почти свежий воздух — всё-таки ветерок приносил запах разложения и сюда.

Зато храм Корда у дороги разрушили до основания, а его жрецы, судя по всему, сожжены прямо на развалинах. Что-что, а его уже не восстановить. Я прошёлся по руинам и с некоторым удивлением обнаружил, что тайное капище исчезло. Означало ли это полный крах системы, выводящей из этого мира негативную энергию, или наоборот кто-то пытался её спасти, собирая хоть какую-то необходимую материальную базу, я не знаю. Впрочем, прежде чем что-то восстанавливать, нужно ещё устранить тех, кто этому мешает.

До места назначения я добрался уже после рассвета. Кирпичный Мешок — крупный город. Позже я узнал, что суммарное население, проживающее в пригороде и за кирпичной (откуда и название) стеной до смуты, составляло около пятнадцати тысяч человек. Сейчас здесь находилась едва ли половина от этого числа, причём, около трёх сотен являлись игроками, ещё в полтора раза больше народу — новички или, как их здесь все называют, герои. Настоящие герои, местные, родственники, соседи, просто известные люди, оказавшиеся в один момент за пределами игровой площадки, а теперь вернувшиеся, чтобы всё исправить.

Из-за высоких — около восьми метров — стен и крупной каменной (вот куда весь

местный камень подевали) крепости неподалёку от города, эту местность сделали форпостом союзных войск. Под союзом понималось объединение местных солдат, героев и игроков.

Рядом с достаточно узкими для такой кирпичной машины воротами стояла стража — полдюжины вооружённых воинов. Их командир был из новичков, и это сразу бросалось в глаза: слишком уж хорошо вооружён — двуручник, отличные доспехи и куча амулетов, по большей части скрытых под одеждой, остальные же стражники довольствовались обычными мечами и копьями. Я с наглой рожей, скрытой, правда, под маской, зашагал мимо них, но меня недвусмысленно попросили остановиться, едва не пырнув копьём в брюхо.

— Опять долбаный чужак, — проворчал один из стражников и убрёл в сторону караулки.

— Этого я ещё не видел, — подал голос другой.

— Потому и прёт, будто ему всё дозволено, — фыркнул командир. Он недобро уставился на меня из-за открытого забрала шлема. — Оружие своё снимай, иначе в город я тебя не пушу.

Меня это начинало раздражать. Больше всего из-за того, что я вообще ни хрена не понимал, что происходит. В двадцати метрах впереди меня два вооружённых типа ругались с бабкой, торгующей супом. И это, кажется, совершенно нормально, по крайней мере, стражникам было плевать на тот факт, что у них на поясах висят мечи.

— У меня знак от Судьи, — сказал я, отвечая командиру ещё более недобрым взглядом. Думаю, в плане отсутствия тепла мой взгляд перещеголял, но стражник и не думал меня пугаться.

— Вижу я знак, — с нескрываемым презрением ответил стражник. — Потому в город ты пройдёшь. Но вот всё своё оружие оставишь под опись, таковы условия вхождения в город для ваших.

— Для наших?

— Для пришлых, — буркнул первый стражник, успевший к этому моменту вернуться. В руках он тащил деревянный ящик, а за пояс у него была заткнута бумага и перо с чернильницей. Ящик был небрежно брошен у моих ног, а письменные принадлежности переключались в руки командира, который уселся за невесть откуда взявшийся столик.

— Оружие и амулеты в ящик, — скомандовал командир, обмакивая перо в чернила. — К оружию приравниваются все стреляющие виды вооружений, — заговорил он явно по заученному, — дробящее оружие кроме кастетов; всё древковое вооружение, в том числе магические посохи и палочки; клинки с длинной лезвия больше четырёх дюймов; метательное оружие в том числе ножи, сюрикэны и гра... гранаты; а так же другие виды вооружений, в том числе удавки, режущие нити и так далее, кроме того, что является необходимым минимум для самообороны. Да побыстрее, я уже веду запись. Тесак с полуторной заточкой... арбалеты...

Я сложил в ящик тесак, арбалеты и три из четырёх ножей.

— Это метательный нож, — быстро сказал один из стражников, указывая на нож, который я когда-то отобрал у оккультиста.

— Хрен там, — жёстко ответил я. — Этой зубочисткой только в ближнем бою мышей колоть. От мышей мне обороняться можно? Необходимый минимум?

Командир тщательно осмотрел нож и нехотя разрешил мне его оставить.

— Стрелы от арбалетов тоже оставь. Вот, хорошо. Теперь амулеты. Кроме знака Судьи,

конечно.

Намереваясь добиться объяснений от Свея, я послушно сдал полтора десятка своих оберегов, отдав даже крысиный череп, хотя проку от него давным-давно никакого, кроме связанного с ним такого редкого для меня тёплого воспоминания.

— Шлем пусть отдаст, — подал голос кто-то из стражников. — Больно жуткий.

— Шлем-то зачем?

Главный стражник закатил глаза, какое-то время молчал, видимо, вспоминая, а потом заговорил как по бумажке:

— Боевым артефактом может считаться часть доспеха, имеющая магическую силу или созданная при помощи магии. В случае спорного момента может быть вызвана специальная магическая комиссия... — Он тяжело вздохнул и уставился на меня уже скорее с мольбой. — Вот только честно тебе говорю, это дело пару часов точно займёт, а с такого ранья ещё больше. Не порть день ни себе, ни нам.

— Ладно, — буркнул я, скидывая шлем. Всё равно в городе он мне ни к чему. Оружие, в принципе, тоже, я и с магией неплохо справлюсь. Но всё равно обидно.

И подозрительно.

— Пакет от Гаи?

— Да. — Я показал завязку, как мне говорила ведьма.

— Так, хорошо. Напиши здесь своё имя и подпиши, что опись составлена правильно.

Я внимательно изучил список. Всё правильно. Подписался как Доктор и, проклиная того бюрократа, который сочинил эти чёртовы правила, двинулся уже в город, но остановился.

— А где квартал Обжигателей? — спросил я у стражника. — Мне пакет туда нужно отнести.

— Да прямо перед тобой. И это, парень, так, по дружбе советую, хоть у тебя и есть знак Судьи, по городу без нужды не броди, а то мне же твой труп могильщикам сопровождать.

— Трупов я и сам наделать могу, но за совет спасибо.

— Все вы крутые, пока с настоящим героем не встретитесь, — недобро ответил кто-то из стражников, но я никак на это не отреагировал. В своих силах я не сомневался.

Я двинулся по улице, начиная понимать происходящее. Этот квартал был трущобами, который, судя по названию, когда-то заселяли те, кто делал кирпич. Не богема, прямо скажем.

Трущобы ещё спали, я встретил только патруль — ещё полдюжины человек, возглавляемых новичком, для разнообразия — престарелой магичкой с опалённой лысой головой. У них спросил дорогу в таверну, где жил Свея.

— Дык перед тобой, — почти дословно повторил командира стражи один из патрульных и ткнул в сторону низкого, но довольно длинного кирпичного здания без вывески. Магичка и вовсе не снизошла до разговора, хотя открытой враждебности проявлять тоже не стала.

Уже сгорая от бешенства, я ввалился в таверну. На меня уставились четыре пары глаз. Две принадлежали затасканным служанкам, одна обрюзшему старому трактирщику, а четвёртая высокому белобрысому мужику лет тридцати. У последнего на правой стороне груди висел такой же, как и у меня, брелок. Впрочем, я и без него бы узнал игрока класса берсеркер.

— Мне нужен Свея, — громко сказал я, ни к кому в отдельности не обращаясь.

— Я за него, — ответил белобрысый, смахивая с длинной бороды крошки. Остальные ко мне сразу же потеряли всякий интерес. — А кто его спрашивает?

— Нужен лично Свей. У меня пакет от Гаи.

Мой собеседник насмешливо изогнул бровь.

— Только появился в здешних краях, а уже такие знакомства? Расслабься, Свей — это я.

Я подошёл к его столу и протянул руку для рукопожатия.

— Доктор.

Свей ответил крепким пожатием и кивнул на стул напротив.

— Садись, сейчас тебе принесут завтрак. Пакет оставь, занесём его попозже к раненым.

Повтори-ка, как тебя звать?

— Доктор.

— Какой доктор?

— Чумной. Маска как-то была такая.

— Всё понял. Я-то думал, фанат Доктора.

Я осторожно покачал головой. Некоторые культурные явления, выбивающиеся из стандартного набора, для меня — лес густой.

— Ты садись-садись. С севера пришёл? Там и встретил Гаю с Судьёй?

— погоди. Сначала у меня пара вопросов. Что за нахрен с оружием? И что, мать его, за гетто для игроков?

Свей тяжело вздохнул и как-то сразу помрачнел.

— Мы предпочитаем говорить «место компактного проживания».

Я заскрипел зубами. Значит, мне ничуть не показалось.

— Таково было условие мира. Мы не хотели повторения резни подобной той, что была в Драконьем Клыке или в Синей Речке.

— Синяя Речка — это в тридцати километрах на юго-восток?

— Да.

Значит, это дерьмо происходило повсюду. Мы не были нужны никому. Мы только мешали. И нас расселили по «местам компактного проживания».

— Неприятно, я понимаю. Но с партией героев, которые пришли до зимы, у нас не оставалось никаких шансов. Я сам едва унёс ноги из Драконьего Клыка. Тамошний заправила, Старейший, изнасиловал и убил мою жену. Успей я к ней...

— Погиб бы, — угрюмо проговорил я. — Я знаю Старейшего. Но к моему счастью, он выступал в качестве союзника.

— Союзника? Этот выродок? — Кулаки Свее сжались до такой степени, что побелели костяшки пальцев. — Рассказывай, кто ты такой и откуда пришёл, а потом я обрисую тебе обстановку здесь.

Больше всего моего нового знакомого заинтересовали два клана, которые могли прийти с севера. Заинтересовали настолько, что едва я об этом заикнулся, он всадил свой сапог мне в колено и быстро перевёл тему на моё знакомство с Гаей.

После начал свой рассказ сам Свей.

Сбежав с дюжиной других игроков из Драконьего Клыка, они направились сразу на юг, надеясь заручиться поддержкой большой партии игроков, которые сразу же ушли к Каменной Опоре. Свей собирался вернуться и отомстить, разрушив Драконий Клык до основания. Вскоре они наткнулись на несколько других групп беженцев и большую пати, планирующую зимовать перед перевалом, во время перехода которого я чуть не погиб от

голода. Их число достигло сотни. Свей к этому времени поостыл и план мести отложил на потом, понимая, что мёртвых уже не спасти, а новую пати на севере угробить, как два пальца об асфальт. Потому он решил продолжать движение на юг, но уже для того, чтобы закончить игру, полагая, что сделав это, накажет виновных во всём происходящем. По дороге предполагалось собрать как можно больший отряд. В города заходить побоялись, опасаясь ловушки, потому клан довольно долго петлял по тропам и лесам, разбираясь на ходу с начавшими появляться повсеместно одержимыми и оккультистами. Наконец, поняв, что на севере завелась новая зараза, а терять время на поиски других беженцев смысла нет, Свей повёл клан через горы.

Каким-то чудом практически никого не потеряв, они совершили рывок к Каменной Опоре, куда прибыли уже в ноябре — всё-таки даже по осенней распутице двигаться выходило быстрее, чем зимой.

— Здесь было примерно то, что сейчас твориться на западе — наших не били, но смотрели искоса. Уже тогда нам отвели пару кварталов, откуда лучше было не высовываться. Но и к нам тогда никто враждебно настроенный не совался, иначе можно было заплатить жизнью. Несколько желающих мы повесили у ворот в назидание другим. Тогда нами руководил Гаррет. Злой, в общем, и резкий, как понос, мужик, его больше боялись, чем любили. И, поверь, тех из наших, кто ему не нравился или кто говорил, что ему не нравится Гаррет, в живых уже нет. Но клан, Тёмные Воины, стоял, пускай на страхе перед местными и Гарретом. В лучшее время нас было восемьсот человек. Ещё три клана помельче в сумме добирали до полутора тысяч человек. А ещё кругом слонялась куча сброда, которые к кланам присоединиться не захотели. Их били все, в том числе и мы. Если проступок был серьёзный, конечно. В основном игроков мы по понятным причинам старались не трогать.

На востоке и местные, и некоторые игроки схлестнулись с китайцами. Не знаю, в чём причина, возможно, не преодолели языковой барьер. Это нам, выходцам из бывшего СССР с этим просто. До сих пор хлещутся. Из-за этого хаоса там сейчас залегло много оккультистов.

Там, где царил относительный покой, уже готовились к зимовке, и тут произошёл невероятно сильный набег оккультистов с севера. Причём они не собирались никого убивать или сводить с ума, они бежали. Большую часть мы перебили, но многие ушли в Белую Рощу. А через неделю объявилась причина их бегства.

Судья долго не разговаривала. Да и какой, к чёрту, мог быть разговор? Нас семь сотен осталось после драки с оккультистами, у других кланов тоже по несколько десятков человек полегло, многие были ранены. Местных вояк, в городе и крепости, две с лишним тысячи, а тут ещё девятьсот человек приходят. Им с воплями радости открывают ворота, а наши кварталы окружают типа зеваки, но у всех оружие. Судья вышла вперёд, говорит, давайте вашего старшего. Гаррет вышел...

— И она его Судила, — закончил я, поёживаясь.

— Ну да. Говорю, человек он был злой. Но сильный. Я думал, его бы и четверо лучших наших в одиночку не взяли. А тут он едва меч успел достать, как его череп уже на три куска развалился, а левая рука в лужу отлетела.

На самом деле, Судья сама же возможную резню и остановила. Мы-то уже оружие похватали, намереваясь с боем из города вырваться, но та крикнула, чтобы вышел наш новый представитель, мол, с ним она и будет вести переговоры. На выбор дала два часа. Мы тогда не знали, что к чему, и что это за Суд, думали второго смертника послать придётся... в общем, я вызвался. Ничего, как видишь, перед тобой сижу.

Переговоры у нас вышли короткие. Или полное подчинение, или смерть. Но кое-какие условия я поставил. Нашли парочку юристов у себя, у них каких-то местных крючкотворов... С постановлением ты уже познакомился у ворот. Мы тут вроде нежелательной диаспоры в гетто. Оружие можно взять, только если идёшь в рейд. Квартал могут покинуть только те, кого Судили. Но я лично из него выходил два раза, когда к местному правителю ходил, а некоторые другие даже с брелоками ни разу не высывались. Нормальный мужик, кстати, этот граф, но нас недолюбливает. Его тоже судили... вообще, обратил внимание на то, что все, кого помиловали на Суде, как минимум не мудаки. Сегодня выйду из квартала в третий раз, и ты со мной пойдёшь.

— Так и какие же вы права-то тогда выбили? Возможно в туалет не по расписанию ходить?

— Не злись, сами не рады. Что выбили? Дай-ка вспомню. Самосуд на территории компактного проживания. Опись сдаваемых предметов. Раненых в рейдах лечат вместе с героями в местной лечебнице лучшие лекари. Простых солдат, к примеру, сами солдаты и штопают. Обслуживающий персонал нам выделили, вон служанки, трактирщик. Они все собирались из этого квартала уйти, но Судья запретила. Ну и так, по мелочи. Нас ведь хотели вообще здесь одних бросить, время от времени пользуясь нашими услугами в качестве пушечного мяса. Пушечным мясом мы быть не перестали, но хоть какие-то условия для нормальной жизни у нас теперь есть.

— Ясно.

— Ладно, всё не так плохо. — Свей улыбнулся и хлопнул меня по плечу.

— Но и не так хорошо.

— Не будь пессимистом. Есть у нас парочка идей, как выбить ещё кое-какие плюшки из Судьи. Ты поел?

Я кисло посмотрел в свою тарелку с нетронутой похлёбкой. Ранний завтрак у Гаи не потерпел бы компании из этих помоев.

— Поел.

— Тогда пошли к раненым. Познакомишься с парой ребят. Там же мой зам лежит, её тоже Судили, но пострадала она в рейде. Но чур клинья не подбивать, её я забил.

Я усмехнулся.

— Хорошо.

Не знаю, может, Свей просто тряпка, который не смог отстоять свои интересы. На самом деле, я в этом сильно сомневаюсь — в нём чувствовалась сила. И я видел, как у него загорелись глаза, когда я упомянул о возможном появлении большого клана с севера. Сдаваться он не собирался. Выбьем кое-какие плюшки? Ну уж нет. Мы или станем равными героям, или погибнем в борьбе.

«Твоё появление прямо таки ломает устоявшийся уклад любого места», — насмешливо сказал Комок. Он объявился впервые за несколько дней.

«Ты где был?»

«Думал. И изучал твою новую силу. На оружие можешь наплевать, хотя с ним, конечно, будет лучше. Нам нужно будет научиться паре фокусов, и тогда ты станешь сильнее тех парней, что гнали нас тогда по реке».

«Ещё одна хорошая новость».

«А что была первая?»

Я посмотрел на Свее, дружелюбно раздающего тумачи игрокам, стягивающимся на

завтрак.

«Определённо».

Долго ждать не пришлось. В сопровождение Свей взял двух воинов, Люпина и Виктора, а так же невысокую магичку, Лину. Парни выглядели крепко, а у Лины, которая, судя по одежде, принадлежала к фракции вестлингов, с правого бока явно не хватало пары рёбер, что для колдуна не так критично. Стоило заглянуть в её узкое лицо, чтобы понять, что девчонка куда сильнее северных магов. Ей-то по распоряжению Свее я и передал пакет от Гаи. У каждого из нас была метка Судьи.

Я думал, что мы сразу направимся в центр города, но Свей посреди квартала свернул куда-то налево.

— Зайдём за ещё одним из наших, — сказал он, оборачиваясь ко мне. — Ничего?

— Я никуда не тороплюсь.

«Странный у него тон», — пробормотал Комок.

«Сам слышу. Нам явно приготовили какую-то проверку».

«Может, убьёшь их и вернёшься к Гае?»

«Ты идиот? Зачем я, по-твоему, искал других игроков? Чтобы убивать?»

«Не знаю, зачем, но вот потренироваться на них можно. И что тебе с ними делать? Почему нельзя их убить? Ты же знаешь, что они гораздо слабее героев. Зачем тебе слабые союзники?»

«Заткнись».

Комок обиделся, но в этот раз действительно заткнулся, а не продолжил спорить или жаловаться. Что-то в нём за последнее время сильно изменилось. Или, быть может, во мне, раз он меня так слушает.

Нашей целью был небольшой кирпичный дом с частично обрушившимся вторым этажом. Я шагнул в дверной проём следом за главой игроков...

... и резким движением ушёл влево, отшвырнув с дороги вооружённого кухонным ножом парня. Отступить было некуда — выход перегородили воины и магичка, потому я забился в тёмный угол, угрожая нависшему надо мной Свее ножом.

— Что здесь происходит? — прошипел я, делая вид, будто вовсе и не ждал ловушки.

— Я же сказал, прежде чем идти в город, нам нужно забрать одного из наших, — ответил Свей.

— Что-то тут человек десять, и на одном из них нет метки Судьи.

— На тебе есть, вот поэтому я ещё не понимаю — наш ты или нет.

Я усмехнулся.

— И что, у тебя есть своя Судья, которая расскажет тебе, стоит ли мне доверять?

Свей покачал головой и, отступив, уселся на предложенный ему одним из воинов стул.

— Хочешь — обижайся, хочешь — уходи, но слишком уж ты подозрительный. Прямо скажу, ты больше похож на засланного казачка, чем на случайного прохожего. И Гаю знаешь, и Судью, и со Старейшим корешился. Конечно, может, просто у тебя всё так «удачно» сложилось, но ты и меня пойми — приходит ко мне совершенно незнакомый тип, рассказывает, насколько он нереально крут, едва не выдаёт во всеуслышание совершенно секретные данные о северных кланах... И, знаешь, что самое странное? Он вроде как игрок, но и того узнавания, как это обычно бывает, нет. Посмотрел бы я на тебя мельком, принял

бы за местного. Или ты и есть местный провокатор? Может, не было никакого Суда. Может, ты сюда пришёл, чтобы нас подтолкнуть на бунт. Откуда я знаю, вдруг ты уже всё, что тебе нужно узнал, а завтра перед рассветом в этом районе города соберутся герои со стражниками, окружают квартал и начнут зачистку?

— Зачем мне это?

— Ты мне скажи.

— Говорю: мне не зачем. Я игрок, что бы ты себе не навоображал. Я, мать твою, в одну рожу шатался всю зиму по дорогам, надеясь найти для своего клана союзников...

— Мягко стелешь, — прервал меня Свей. — Но мне-то что с твоих слов?

— Да иглу ему под ноготь, — буркнул Люпин. — Посмотрим, как он тогда запоёт, и о чём будет его песня.

— Это всегда успеется. Или, быть может, тебя сразу в расход пустить, чтобы не мучился?

Я фыркнул.

— А что, если моя смерть — и есть та самая провокация?

— Вполне возможно, — согласился со мной берсеркер. — Но если нет, то на исчезновение обычного игрока никто внимания не обратит.

— И ты с чистой совестью встанешь на следующий Суд?

Свей искренне рассмеялся.

— У кого здесь чистая совесть? У тебя может? Гляжу на твою рожу и начинаю сомневаться. Моя тоже слегка поизмаралась. Да и причём здесь вообще совесть? Я буду знать, что сделал, как должно. Что защитил людей, своих людей, а не поставил их жизнь под угрозу из-за какого-то незнакомца.

Мне это начинало надоедать. Комок, который, как оказалось, успокоился только на время, продолжал пилить меня, предлагая испытать силу. Но ведь действительно не убивать же я их сюда пришёл.

— Хорошо. Говори, как доказать, что я ваш.

— А я не знаю. Понимаешь, ты сам вроде как выбора не оставляешь. Ладно, пришёл бы ко мне обычный парень, я бы поселил его в пустую квартиру, было бы время к нему присмотреться. А тут мне утром приходит сообщение, что через три дня мы выдвигаемся на Белую Рошу, поэтому нужны будут лучшие силы, а через полчаса заявляешься ты и начинаешь тыкать своими связями с людьми, которых я бы лучше в жизни никогда не знал. Нет времени к тебе присмотреться. Слишком много риска, а я рисковать не люблю.

Я уже начал злиться, а это плохо. В моменты, когда я прекращал себя контролировать, могло произойти что-то плохое. Кажется, такое уже было, но воспоминания упирались в глухую стену забвения. Возможно, они придут ко мне ночью. Но если я сорвусь сейчас, такое уже не забудется. И мне действительно ничего не останется, кроме как сотрудничать с Гаей и Судьёй. Игроки же меня проклянут. Мне даже в клан дорога будет закрыта... Нет, есть пара ребят, которые меня ни за что не бросят. Но мне ни к чему обрекать нас на одинокие скитания.

Нужен какой-то выход, нужен срочно.

— И что же ты тогда не отдаешь приказа меня убить? Ждёшь благодати какой или знака свыше?

— Жалко тебя убивать, — совершенно искренне ответил Свей. — А оставлять в живых рискованно. Потому-то и тяну время, раздумываю.

— Отлично. Давай-ка я решу за тебя. — Я вжался поглубже в угол, пряча нож за голенище правого сапога. — Я оставляю вам всем жизни, потому что мне вас тоже жалко, а ты оставляешь меня на особом положении и не препятствуешь моему проходу вместе с войском в Белую Рощу. Доверяй, не доверяй, мне наплевать. Могу на Гниющего даже в одиночку пойти, хоть сегодня. Только донимать меня не надо, хорошо?

Я не стал слушать ответ. Да и что они могли ответить? Их было четырнадцать, а я один. Но я знал, что они слабее. Ни один из них не дотягивал до четверти силы Корума, а я с той драки стал сильнее в разы.

Да и находимся мы, в конце концов, в закрытом затемнённом помещении, полном закутков и теней.

Я ушёл в Тень. Я будто растворился в ней, лишившись тела. Мой плащ превратился в крылья, которые закрыли всех находящихся в помещении. Я почувствовал каждого из них. Сердцебиение, дыхание, температуру тела. Я знал, куда ударить так, чтобы противник не смог защититься. Так, чтобы жертва умерла быстро или наоборот мучилась долго. Этот дом стал моим миром, миром Тени. А я в этом мире совсем не гость.

«Шагни вперёд, — сказал мне Комок, — только медленно. Представь, что ты — это каждый лоскут Тени здесь, что они шагают вместе с тобой».

«Я сам всё прекрасно понимаю».

Никакого обучения не требуется. Уйдя в Тень, я познал свою силу, будто одним кликом выучил новое умение. Пусть его нужно будет изучить лучше, практиковаться в использовании, но основы уже заложены в моей сущности на уровне инстинктов.

Четырнадцать моих двойников, созданных из Тени, с левыми глазами, горящими багровым пламенем, шагнули к каждому присутствующему в доме игроку. Я окончательно перестал быть человеком, превратившись в самую суть полутьмы-полусвета, именуемого Тенью.

— Иллюзии! — рявкнула Лина, в обеих её ладонях зажглись огненные шары, а за спиной начал расти шар, состоящий из ядовитого дыма. — Они не опасны! Ищите настоящего!

— Ошибаешься, — сказала Тень.

— Я настоящий, — сказал Двойник, подходя к волшебнице. Он протянул к ней руки и затушил оба огненных шара.

— Вот он!

Поток ядовитого дыма окутал Двойника, но ему не нужно было дышать, у него не было кожи, чтобы её могло разесть, и глаз, которые можно ослепить. Свей прыгнул к Двойнику и вlepил по его спине стулом, но тот прошёл сквозь и врезался в тощую грудь волшебницы, отшвырнув её к двери.

— Иллюзия, — выдохнул берсеркер, но Двойник обрушился на него, нанося отвлекающие удары, в то время как второй прыгнул ему на спину.

Остальным игрокам тоже было чем заняться — Двойники терзали их, отвлекали, кто-то покатился по полу, колошматя бесчувственный стусок Тени так, будто от этого зависела его жизнь. Хотя это не так — они могли разве что посадить несколько синяков или что-нибудь сломать. Будь у меня оружие, каждый двойник был бы вооружён так же, как я. Но я не торопился доставать нож, иначе пришлось бы перевызывать Двойников, а силы они пили — будь здоров. Да и я ведь не хотел никого убивать, о чём на миг даже забыл, слишком велико было упоение новообретённой силой.

Едва очухавшаяся Лиана встала на четвереньки. Что-то зашептав, она подняла правую руку, и огнём пыхнуло так, что чуть ставни на окнах не повывлетали. Двойники от этого не пострадали — у них гореть было нечему, та часть меня, что следила за распластавшимся в укромном месте телом, успела поднять Теневой Щит, а вот другим не так повезло — у пары ребят даже одежда начала гореть.

— Лиана! Ты нас всех угробишь! Хватит! Слышишь, Доктор? Хватит! Я согласен, ты на особом положении, и никто тебя не достаёт! Но если я почую что-то подозрительное, мигом вылетишь из города, и, клянусь, ни один клан тебя к себе не примет!

— Мой примет, — ответил я, выходя из-за двери. — И ничего ты с этим не сделаешь. Но я согласен.

Свей уставился на меня так, будто пытался что-то во мне рассмотреть. Я лишь зло и самодовольно ухмылялся в ответ.

Что я мог сделать? Главу клана можно было понять. Я даже не обижался на него. Просто нужно доказать свою надёжность. Но как бы эта демонстрация силы не вышла мне боком — многие присутствующие могли затаить на меня злобу. Но не Свей. Я видел его сквозь призму Тени, добрейший и благороднейший человек, ничего удивительного в том, что он прошёл Суд и выжил.

— Ты действительно мог нас всех убить? — спросил он.

Я провёл рукой, указывая на учинённый погром. Игроки тушили одежду, плевались, потирая ушибленные и опалённые места. Да, пара ребят точно заимели на меня зуб.

— Представь, что было бы, если бы я не спрятал нож и захотел бы им воспользоваться.

— Крыс? — обратился Свей к одному из тех, кто находился в доме до нашего прихода.

— Полный ноль, — буркнул невысокий носатый парень. — Я даже отследить не успел, как он ушёл, не говоря уж о потом. У Двойников полный маг иммунитет, занятная штука.

— Трея?

Тошная коротко стриженная девка, которую я сначала принял за парня, пожала плечами.

— Под описание подходит. Только Репей писал, что у того Доктора не было левого глаза. А у тебя что, босс?

— Всё сходится. И Репей с Алексеем в его рассказе про Драконий Клык проскальзывали.

Что-то я ни хрен не понял. Я высказал это вслух.

— Мы тебя ждали, — сказал Свей, поднимая перевернутый в драке стул и усаживаясь. — Видишь ли, часть наших после резни на материке пробилась на север, к Песцам, и у нас сохранились средства связи. Песцы вышли к Драконьему Клыку через три недели после того, как ты ушёл. Они намеревались уничтожить город, но там их встретили ребята из Теневой Рати, которую ты по старинке назвал Серверной Ратью, добрых семьдесят человек. Объединившись, они убили Старейшего и установили свои порядки в городе. Исполняющий обязанности главы клана Репей — он себя по-другому и не называет — сказал, что к нам рано или поздно должен выйти их босс, который на зиму ушёл качаться в одиночку. Зовут его Доктором, он не похож на других игроков, рожа у него такая наглая, что так и просит кирпича, а сам он — лучшая крыса, которую мы только можем себе представить.

— И что он — Владыка Тени, — добавила Трея.

— Что ты и доказал.

— Это он так пошутил, — пробормотал я, совершенно ошарашенный.

— Возможно. Но я никогда такого не видел. Видимо, ты действительно прокачался за зиму.

Я усмехнулся.

— Так что, мы теперь союзники? Убивать меня не будешь?

— Нет, не буду. Но и о союзниках речи не было. Ты теперь на особом положении, и тебя никто не достаёт. — Улыбка у Свея была просто ангельская. — Чем меньше ты готов дать, тем меньше от тебя попросят. А я своё слово держу. Ступай обратно в таверну, найди Клюкву, она выделит тебе комнату и всё расскажет. А мы идём к раненым.

«Нужно было их убить», — сказал я Комку.

«А я о чём говорил?»

«Я пошутил».

«А. Ну тогда — ха-ха».

«Ха-ха».

Я вышел из дома и направился обратно к таверне, надеясь, что завтрак ещё продолжается — слишком уж вымотался, мне требовалась хоть какая-то энергия. Но через два десятка шагов меня догнала Трея.

— Вот, — прошептала она, засовывая мне в карман бумагу, — тут тебе Репей привет передавал. Только при местных не читай, и вообще поаккуратней.

Я с благодарностью кивнул и заторопился к таверне. Правую руку жгло огнём, ветхая бумага в моём кармане превратилась в самую желанную мной вещь на свете.

Но одновременно с этим я слишком боялся её читать, опасаясь дурных новостей.

Не помню как добрался до таверны. Ел или нет — не знаю. Клюква — милостивая румяная девушка лет двадцати — отвела меня в один из домов, где мне досталась комната — закуток с крохотным столиком, лежаком и ящиком. Клюква что-то говорила об одеяле, но я её не слышал.

Когда я наконец остался один, трясущимися руками вытащил бумагу из кармана и развернул.

«Привет, босс, надеюсь, ты это прочитаешь. Нет, не надеюсь — знаю. У нас всё как обычно, надеюсь, что у тебя получше.

Мы выходим на юг, думаю, там и встретимся.

Новостей куча, даже не знаю, как начать... наверное, поговорим при встрече. Но это не сказать не могу. Наверное, потому что хочу, чтобы наша встреча ничем не была омрачена.

Алексей сейчас на их стороне. У него новая рука, и он очень хочет её испытать на тебе, потому что ты по его словам зло, которое нужно уничтожить. Прости за эту новость, но ты бы узнал об этом рано или поздно.

Исполняющий обязанности главы клана Теневая Рать

Репей».

Я закрыл глаза и тяжело повалился на голый лежак. Перед глазами плыли серые круги, казалось, что я вот-вот потеряю сознание. Хотя, быть может, я его и потерял. Не знаю.

Не знаю, зачем пришла Трея. Наверное, принести одеяло, хотя это собиралась сделать другая девушка, я даже не вспомнил бы, как её зовут. Возможно, она читала письмо. Но я не знаю, почему мы оказались на этом одеяле, не знаю, зачем я стянул с неё штаны. Не знаю, была ли она согласна, но, думаю, да, иначе мы бы не лежали в обнимку ещё какое-то время. Не знаю, зачем попросил, чтобы она пришла ночью.

Возможно, я впервые почувствовал себя абсолютно одиноким. Ничего не знаю.

Ничего.

Трея пришла уже за полночь. Я валялся на лежаке, тупо уставившись в потолок.

— Вот, — убийца положила на стол какую-то еду. — Тебе нужно поесть.

— Знаю.

— Но не будешь?

— Нет. Не хочу.

Девушка уселась рядом, уперев ладони в лежак. В полутьме я видел её профиль — горбатый нос, тощие ссутуленные плечи, острые колени. Она какое-то время молчала, а потом тихо произнесла:

— Я думала, ты покрепче будешь.

— Я тоже так думал. Видимо, ошибался.

— Мы все много кого потеряли...

— Потеряли, — перебил её я, чувствуя как внутри меня медленно, но неотвратимо закипает Злоба. — Если бы его убили, было бы проще. А он встал на сторону того, с кем мы сражаемся. Может быть, рассказать тебе, что делаю оккультисты с обычными людьми? Он сейчас занимается тем же самым. Человек, который был моим другом, которого я знаю с первого дня своей... — я чуть не сказал «жизни», но осёкся. Не зачем знать всем о моей амнезии. Да и здесь мне не слишком-то доверяют, плодить какие-то домыслы или дополнительные подозрения ни к чему.

— Наверное, — тихо сказал я, — дело в том, что у меня есть время похандрить, а раньше не было.

— Тогда, может, займём это время чем-нибудь другим?

Трея стянула свою куртку, занялась завязками на рубаше. Я уже был полуголым. Мы какое-то время копошились прежде, чем начать. Трея была сверху, а я сжимал в ладонях её плоскую грудь. Через какое-то время она тихо застонала, прошептала «Я всё», и мы поменялись местами.

— Какой-то ты... грубый, — тихо сказала убийца, когда мы закончили.

— Какой уж есть.

— Ф-фух. А я, пожалуй, поем.

Мы какое-то время молчали. Я думал о том, встречу ли некро-друида в Белой Роще. Выходило, что если он всё ещё жив, вероятность высока — большая часть живых оккультистов сейчас сосредоточилась там. Если уничтожить их, Культу конец.

— Ты ходила на юг? — спросил я.

— Ага, ещё как. — Трея подняла правую руку, показывая мне длинный шрам на рёбрах. — Легко отделалась. Гайка — это помощница Свея — вообще едва выжила, у неё даже почку одну вырвало... Мы, в общем, в одном отряде были.

— В Белой Роще были?

— Нет, к Сердцу ходили. — Убийца поёжилась от воспоминаний.

— Что там происходило?

— Что-то тебя на хандру так и тянет... Ну да, расскажу, чего уж там. Сколько у каждого таких моментов было?

Трея затолкала в рот последний кусок сыра, запила его двумя глотками воды и улеглась

рядом со мной.

— В общем, было это две недели назад. Точно не знаю, каким числом мы выдвинулись, но наших было пятьсот человек — аж три клана собрали. С нами шло сотни две героев и с тысячу обычных солдат — конница, лучники там... мечники.

Сначала всё было гладко. Ну, изуродованные трупы кругом, конечно, но это как обычно...

Её голос убаюкивал. Или...

— Посмотри мне в глаза, — сказал я то, что вовсе и не собирался говорить.

Трея мельком глянула на меня, но этого было достаточно. Она продолжала рассказывать, а я как будто смотрел её глазами на всё происходящее.

Ну да, всё как обычно — сожжённые хутора, разграбленные деревни. Кругом валяются те, кто не пережил зиму. Многие умерли от гноящихся ран на коже. Стоило взглянуть на такой труп, и сразу приходило понимание — болезнь поражает и внутренние органы.

— Нужно было идти пораньше, пока так не воняло, — сказал кто-то знакомый рядом. — Ещё заразу какую-нибудь поймает.

— Тут кругом одна зараза, — ответили ему.

— Так зачем тогда ещё от трупов заражаться?

— Заткнитесь, — обрезал Люпин. Он шёл в первом ряду, а сейчас смотрел куда-то в нашу сторону. Взгляд у него был злой. — Трея, ну-ка проверь, что с Крысом, давно от него новостей нет.

Трея вышла из строя и, распластавшись по земле, рванула вперёд. На мою Скрытность это вовсе не походило. Она двигалась очень быстро, резко уходя то в одну, то в другую сторону, чтобы её труднее было засечь.

Крыс и другие разведчики должны были держаться в километре впереди основных сил. Трея пробежала уже полтора, но так никого и не нашла. Нужно возвращаться либо за поддержкой, либо, если уже поздно, останавливать отряд и собирать вторую разведгруппу. От героев, что идут позади, помощи ждать не стоит, а обычные вояки полезны только при штурмах да осадах — они пушечное мясо ещё похуже игроков.

Трея уже собиралась повернуть назад, когда увидела труп с разрубленной головой. Труп этот, судя по состоянию, стал трупом ещё до того как выпал снег, но голову ему разрубили буквально только что. Кто и зачем?

— Трея!

Убийца резко ушла в сторону, найдя укрытие в развалинах какого-то постоянного дома. Казало бы, никого. Но кричал точно Крыс. Где он? Трея искала товарища глазами, наобум раскидывала Обзор — заклинание позволяло увидеть всё скрытое на небольшом участке, главное, чтобы он был в поле зрения. Умение так же распознавало засады и ловушки. Но...

Ничего.

— Сиди на жопе ровно! — раздался ещё один громкий крик Крыса.

Уже что-то. Значит, опасность где-то близко. Но где?

— Где наши?

— В двух километрах. Скорее всего, ожидают нашего возвращения, либо двигаются очень медленно.

— Твою мать.

Крыс спокойно разговаривал, но его найти практически нереально, слишком он силён в умении исчезать и оставаться незамеченным. За Трею, значит, он тоже не особо

беспокоился. Но в то же время сказал сидеть ровно. Наверное, просто не нужно двигаться...

Один из трупов шевельнулся, поднял голову на пару секунд и тут же опустил обратно, превратившись в обычного полуразложившегося мертвяка.

— Это трупы? — рискнула подать голос Трея.

— О да. Их тут куча, и что-то они куда живее, чем выглядят. В общем, это ловушка, и мы в неё вляпались, как зелёные новички.

— Что будем делать?

— Сидеть ровно.

— И всё?

— Заткнись, и не задавай больше глупых вопросов.

Легко сказать. Трея за несколько минут проверила почти всю близлежащую местность. Со счёта она сбилась почти сразу, но выходило, что кругом лежит не меньше двух сотен мертвяков. Если все они в один момент встанут...

Рядом раздался тихий шорох камней. На короткий миг мертвечиной запахло куда сильнее, чем обычно, но этого Трее хватило. Она ужом выскочила из своего укрытия, швырнув в сторону звука полдюжины отравленных кунаев, следом полетела травяная дымная бомба, предназначенная для усыпления противника.

Но мертвые не спят.

Жрец Корда с сильно разложившимся лицом выглянул из-за камней. Ошмётки его губ безвольно болтались, но из-за почти оголённых зубов Трее показалось, что он ухмыляется. Тихо зашипев, он перепрыгнул через преграду, за ним двинулось с пяток осквернённых. От них Трея ушла бы легко, но она очутилась на дороге, где «мёртвых» тел лежало чуть не два десятка. Один из осквернённых вцепился ей в правый сапог. Тихо пискнув, Трея упала в грязь. Мертвец уже был мёртв — черные стрелы, которыми пользовался Крыс, уже торчали из его головы и спины, но своё дело он сделал — задержал её. Убийца яростно брыкалась, но её держало уже три мертвяка, а жрец шёл к ней, припадая на сломанную левую ногу. Ладонь его правой руки была раскрыта и направлена Трее куда-то в область сердца. Девушку окутал могильный ужас, она почувствовала, как кто-то буквально пытается влить в неё поток чего-то настолько гадостного, что даже сопротивляться не было никаких сил...

— Давай!

Там, где только что находился жрец, вспыхнуло пламя. Трея взвизгнула, когда её обдало потоком горячего воздуха, но благодаря этому она пришла в себя. Кривой кинжал отсёк кисть одному из мертвяков. Второй что-то промышчал, когда его вздутый живот лопнул напополам, и тёмная вонючая масса его сгнивших внутренностей высыпалась на дорогу.

Два ударных отряда прошли по дороге и развалинам за минуту или две, оставив после себя уже окончательно упокоенных мертвецов. Крыс с отрядом разведчиков, возникшие из другого крыла того постоянного двора, в котором пряталась Трея, тем временем загнал ещё двух жрецов в ловушку и с расстояния превращал их в фарш.

— Байт от бога, — буркнул Крыс, подходя к Трее. — Дура, на кой хрен так орала-то? Спокойно бы отсиделись.

— Мы наживкой что ли были?

— Сомневаюсь, что так было запланировано, но вышло именно так. Думаю, Гаечка с Люпином просто решили за тобой проследить. В противном случае мы бы тут так и куковали ещё чёрт знает сколько времени.

— Это и был противный случай, — буркнула Трея...

... Город. Узкие улочки, дома со стенами покрытыми гарью, грязью и кровью. Кое-где сквозь грязь проглядывают рисунки человеческих органов, частей тел, каких-то странных химер. Где это возможно к стенам и дверям прибиты люди. Прибиты они были давно, но жизнь ещё в них не угасла. Они открывали рты и стонали. Обмороженные до черноты, с изувеченными пытками телами, недостающими конечностями.

— Да не тратили бы на них время, выяснили же, что они безобидные.

— Ты идиот? Нельзя так людей оставлять!

— Это не люди уже давно...

— А сам чего тогда снимаешь?

— Заткнись уже и помогай.

Трея вместе с другими снимала тела со стен, добивала их и складывала в большую яму, с таким трудом вырытую в месте, где-то когда-то был прекрасный сад. Когда яма наполнился, её начнут жечь, а они перейдут к следующей яме, что чуть дальше по улице. Гореть яма будет полтора дня. А потом её нужно будет заполнить снова... Тупая, тяжёлая и мерзкая работа. Но так сказала делать старуха с угрюмым взглядом. Причин она не называла, орала только что-то на счёт энергии. Ну, может, Гайке сказала... Хотя тоже вряд ли.

В первый день работы было тяжелее всего. Трея проплакала потом всю ночь — ей, как девушке, выделили самый лёгкий груз. Детей. Еле шевелящихся, изуродованных, разорванных на части. Первый как будто смотрел на неё своими пустыми глазами, тянул к ней руки... У них не осталось разума, так сказала Гайка, но если бы кто-то из тех, кого Трея отковыривала от стен, заплакал или позвал маму, она бы сошла с ума. К счастью, этого не произошло.

Второй день был чуть лучше. А на третий они отупели настолько, что перестали что-либо замечать. То, что они снимали со стен, даже не ассоциировалось с людьми. Кто-то так не смог. Пятеро сошли с ума, они сгорели вместе с первой партией, ещё десятка два игроков с нервными срывами увели куда-то на север. Вернули, наверное, домой, где снова отобрали у них оружие и посадили под замок.

Трею это раздражало. Когда-то они сами были себе хозяевами. Пусть Гаррет — тот ещё урод, но с ним всё равно жилось лучше. Теперь пришли герои, взяли власть в свои руки, отобрали оружие, опять дали его, выгнали из города, отправили в это чёртово полное трупов место, а теперь заставили хоронить недобитков.

— Что за дерьмо, — сказал Крыс, внезапно останавливаясь. Полутруп, который они тащили, тихо засвистел, выпуская из дыры в животе зловонный газ.

— Да рука у него...

— Твою мать! — заорал Крыс и, бросив тело, толкнул Трею куда-то в сторону.

По улице пронёсся смерч. Он сбивал игроков с ног и обжигал их своим холодом, но длился считанные секунды. Трея поднялась с мостовой, пытаясь не обращать внимания на боль в локте — Крыс не слишком-то церемонился, толкая её.

— Кажется, кому-то не нравится то, чем мы здесь занимаемся, — с усмешкой сказала Гайка.

— Мне не нравится, — ответила Трея.

— Я имею в виду осквернённых жрецов.

— И что нам до их мнения?

— А то, что раз это им не нравится, значит, мы тут не балду пинаем, — ответил за Гайку Крыс. — Но что-то мне кажется, ветерок-то не успокоился...

Второй порыв смял их, как кукол. Плотный поток ветра протащил Трею по улице, она напоролась боком на что-то острое. От кровопотери и боли в глазах плыло, но Трея привычным движением влила в горло зелье здоровья — она сделала бы это, наверное, даже в бессознательном состоянии.

Посреди криков и матерщины раздался новый звук. Тяжёлое, глухое шипение от которого черепную коробку сдавливало как тисками. Трея понялась...

... чтобы упасть снова. Нечто настолько быстрое, что невозможно было себе вообразить, пролетело мимо, едва зацепив нескольких игроков. Гайка до этого устоявшая за счёт того, что вцепилась в одного из прибитых к стене, упала. Её голубой плащ почернел от крови, в животе зияла огромная рана.

Трея бросилась к подруге, на ходу доставая из поясной сумки повязки. Рядом с магичкой уже был Крыс, но он едва шевелился — кусок собственного скальпа болтался у него над ухом.

— Магия, — заплетающимся языком проговорил Крыс. — Какая-то странная. Как будто человек был...

Это был человек. Он улетел куда-то дальше по улице, но быстро вернулся. Трея видела его лишь секунду — невысокого полуголого парня с неестественно огромными ладонями и пальцами, заканчивающимися кривыми клинками. Он в третий раз пронёсся по улице, оставив после себя ещё полдюжины тяжелораненных.

— Пугает, сука... — просипел Крыс. — Не хочет убивать...

— Почему?

— А кого, думаешь, прибьют к стенам взамен тех, что мы сняли и сожгли?

Трея выругалась и принялась работать над раной Гайки быстрее. Люпин куда-то запропастился, Гайка без сознания. Игроки, потерявшие лидера, кое-как рассредоточились по улице, заняв оборону, но пока на них больше никто не нападал. Несколько человек занялись ранеными, двух спасти не удалось, ещё парочка вряд ли дотянет до ночи. Бывало и хуже.

Вернулись ушедшие к центру города основные силы. Там ещё шли вялотекущие бои, но герои с обычными солдатами давно ушли, оставив игроков заканчивать работу по уничтожению осквернённых.

— Уходим! — орал Люпин. — Раненых на носилки и уходим! Три минуты на всё про всё!

— Что случилось? — спросил кто-то.

— Ничего за исключением того, что на нас кто-то напал, а нашим великим героям настучали по рогам и вышвырнули из... какого-то там города, который они двумя днями раньше взяли штурмом.

— Что будем делать с нападавшим? — практически невнятно пробормотал Крыс. Его вело из стороны в сторону — возможно, когти нападавшего были отравлены, но от зелий он в который раз отказался, сославшись на то, что нужно спасти Гайку, а его рана не такая уж и серьёзная.

Люпин развернулся к нему, явно намереваясь наорать, но, увидев, в каком охотник состоянии, прикрыл рот.

— Что-что, бежать от него со всей скоростью, на которую способны, — пробурчал воин. — Ну, шевелитесь!

К счастью, нападавший больше не появлялся — у него нашлись другие дела. В основном

— преследовать отступающие отряды героев, которые понесли куда большие потери.

Впрочем, и обратная дорога игроков не была прогулкой. Зачищенные несколькими днями ранее места вновь кишели трупами и жрецами. В паре мест пришлось прорываться с боем, закладывая дорогу трупами, своими и чужими.

Боль, кровь и усталость. Холод по ночам. Стоны раненых. Шипение нападающих осквернённых. Ещё четыре дня ада, которые превратились в один бесконечный кошмар. Потом быстрый переход по зачищенной местности, стены города... чехарда с оружием... таверна... стакан самогона и забытьё.

Я тяжело вдохнул, чувствуя, как вновь становлюсь собой. Ощущение было похоже на плавное пробуждение, когда что-то уже начинаешь осознавать, слышишь какие-то звуки из реальности, но всё ещё спишь.

— ... вот так. Свей говорил, что в случае удачной атаки тем, кто останется на юге, разрешат пользоваться оружием, да и для нас что-нибудь удастся выторговать. Не знаю, пользуются ли погибшие оружием, но нас разоружили в двух километрах от города. Даже Судья вышла со своей гвардией... Но мы и не думали сопротивляться. А если бы и решили бунтовать, на нас бы набросились свежие войска, а поддержать бы нас смогли двести человек с кастетами и перочинными ножичками.

Знаешь... столько народу погибло. Столько друзей. У меня двоих парней убили. Одного давно, осенью ещё, а второго во время резни в Синей Речке. Я даже не представляю, что будет, если подобное начнётся здесь, а у нас даже оружия для того, чтобы постоять за себя, нет.

— Ничего, — тихо проговорил я. — Мы что-нибудь придумаем.

— Свей так же говорит. У тебя же какие-то связи с Судьёй налажены?

— О да. Она хочет меня убить, но Внутреннее Зрение говорит ей, что нельзя.

— А с Гаей?

Угу. Из увиденного я понял, что солдат из Треи не ахти. Информатор тоже не очень. Но раз уж Свей так интересуется моей жизнью...

— Она хочет меня убить за то, что я убил её внучку. Возможно, за сына — тоже. Но она уже не может. Да и не виноват я в их смерти... В смерти внучки не виноват, — поправился я. — А сын заслужил смерти.

— То есть тебя все хотят убить, но вынуждены сотрудничать?

— Выходит, что так.

— Ну и ладно. Наверное, у них ко всем нам такое отношение. Давай спать.

Трея уткнулась лицом мне в плечо и мгновенно засопела. Я спать не собирался.

«Комок».

«Что?»

«Что это было за видение?»

«Обычное видение. Ты залез ей в голову, чтобы подробней узнать о происходящем, вот и все дела. Без её согласия ты бы такой фокус не провернул... ну, пока что не сможешь проверить, дальше будем смотреть».

«Я так не умел».

«Ты и иллюзии из Тени делать не умел. Давай-ка тоже спать».

«Я не...»

То, что Комок ещё мог делать без моего ведома, так это нажимать в моём мозгу кнопку «Быстро спать». Конечно, если я был в безопасности, а недосып смог бы пагубно

сказаться на моём здоровье.

В тот день мне снились чужие кошмары.

Следующие два дня прошли в суете. Свей составлял списки добровольцев, редактировал их, исходя из каких-то своих предпочтений, а потом подавал Судье, чтобы местные власти подготовили оружие и снаряжение каждому. Добровольцев было достаточно — больше ста пятидесяти человек, из которых босс выбрал сто двенадцать. Сто тринадцатым был я. Предполагалось, что в бой нас поведёт Люпин, но за несколько часов до выхода Свей решил самостоятельно возглавить наш поход на Белую Рошу. Трей в списке, к счастью, не было, хотя она и собиралась идти со мной.

Кошмары Трей, которые теперь преследовали меня, помогли отвлечься от предательства Алексея. Возможно, мне нужно было почувствовать чужую боль, чтобы осознать — все мы страдаем, у каждого из нас есть свои скелеты в шкафу, и некоторые поступки, которые для постороннего выглядят шокирующе и необычно, обоснованы какими-то тараканами в голове. Если докопаться до мотивов... кто знает, может, для некро-друида ещё не всё потеряно.

Надежды... сколько раз они оказывались несбыточными? Сколько из них осквернены кровью. Сколько погасли, так и не разгоревшись. Но если прекратить надеяться, лучше залезть в петлю, иначе останется один выход, и ведёт он на ту сторону баррикад.

Кроме того, я нашёл для себя ещё одно занятное дельце, о котором никому не распространялся хотя бы потому, что вероятность провала была как никогда высока. Но дело это нужно было сделать.

Мы покинули квартал через два дня, перед рассветом. Шли тремя партиями. В первой, состоящей из тридцати шести человек, в том числе меня, шли разведчики, ассасины и прочие охотники, во второй (сорок пять игроков) — воины, в третьей — боевые маги, бафферы и друиды. За стенами нас уже ждала армия героев и местным маги с ополчением. Число героев я оценил в две с половиной сотни человек. Ещё примерно столько же местных — два конных разезда по три десятка всадников, десятков магов, а остальные и вовсе представляли собой лёгкую пехоту. Судя по трём десяткам телег, выстроившимся на тракте, обычные войска и вовсе предназначались для охраны обоза. Впрочем, больше они и ни к чему, только плодить одержимых и некро-химер. А в этом, учитывая густую заселённость центральных территорий, и так нужды никакой нет.

— Ну, сейчас начнётся, — буркнул кто-то из разведчиков, указывая на последних воинов, выходящих из-за ворот.

— Что начнётся? — спросил я.

Разведчик — невысокий сухой парень в зелёной одежде с маленьким кривым луком на плече — покосился на меня, но отвечать не стал. Вместо него заговорил Крыс:

— Маги. У каждого по пятьдесят побрякушек на одежде, и, не приведи бог, хоть одна потеряется.

— Нужно было их с полночи сюда отправлять, — отшутился кто-то.

— Ага, — кивнул Крыс, — чтобы их тут какие-нибудь оккультисты или разбойники тёпленькими без мясного прикрытия взяли. Или ты бы согласился с полночи охранять ворота? Местные-то не разбегутся нам помогать.

— Да шучу я, шучу. Ты чего такой смурной, Крыс?

— Предчувствия хреновые.

— Они у тебя всегда хреновые. Держи хвост пистолетом.

Всё вышло так, как и предсказывал Крыс. Если поддержка вместе с воинами управилась с лутом за полчаса, то магам на это потребовалось около часа. Герои и простые солдаты начали проявлять нетерпение, но выходить в дорогу без нас никто не собирался. Нашему отряду представлялась честь быть авангардом объединённого войска. Ну, или если называть вещи своими именами, пушечным мясом.

Наконец, через час после рассвета, мы выдвинулись по дороге. Дюжина разведчиков, разбившись на три звена, рассыпались по ближайшим лесам. Я вышагивал рядом со Свеем, за моим правым плечом крался Крыс. Босс всем своим видом показывал остальным, какая я важная фигура, но, судя по всему, держал меня рядом, чтобы не спускать с меня глаз.

Со мной никто не обсуждал приход моего клана. Ну, или если быть честным, моей пати в числе клана Теневой Рати. Никто не говорил мне, где они находятся, пересекли ли они горный хребет, отделяющий северные земли от центральных. Если Свей и собирался налаживать со мной контакт, то только после зачистки Белой Роши от остатков Культа Гаспа.

Ну что ж, у меня от него тоже была пара секретов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

На ближайшие полсотни километров дорога должна оставаться безопасной — здесь были напрочь зачищенные от всякой пакости земли. Потому никто особо не беспокоился, некоторые даже пели походные песни. И первый день, за который мы отмахали добрых двадцать километров, действительно прошёл спокойно. Мы шли по ровной дороге, утыканной по обочинам виселицами. Часто встречались крестьяне, которые снимали с виселиц тела — вонь от них явно не способствовала комфортному проживанию в посёлках и хуторах, расположенных у дороги, около половины которых уже обживали — залатывали дыры, очищали поля. За войском частенько увязывались стайки детей, да и их родители не отставали. В нас кидали камнями и сухими лошадиными яблоками, героев и обычных солдат поддерживали криками. Хоть дорогу цветами не устилали. Наверное, потому что цветов ещё не было.

К вечеру, у дороги, ведущей к Чёрной Твердыне — той самой каменной крепости — нас встретила вторая часть войска. Ещё полторы сотни игроков из клана Стройбат, сотня героев (среди них Судья с ближайшим окружением) и пять сотен человек тяжёлой пехоты, большую часть которой, судя по вооружению, представляли собой спешившиеся кавалеристы. Меньше четырнадцати сотен человек против всего Культа. Вероятно, у Судьи и приближённых были какие-то более или менее точные сведения о численности недобитков из Культа, иначе она вряд ли обошлась бы столь небольшой армией.

Хотя, вполне возможно, что в дальнейшем к нам присоединятся ещё войска.

Ночь — я спал, как ангел, завернувшись в плащ и уткнувшись носом в прогоревший костёр — прошла без происшествий. Наш бивак располагался поодаль от лагеря местных, но так было даже лучше. Спать, по крайней мере, куда как просторней. Второй день и вторая ночь тоже не принесли никаких потрясений. Однажды я поймал себя на том, что посреди дороги начал задрёмывать. Комок и вовсе расслабился, лишь изредка давая о себе знать. И третьи сутки совершенно ничем не запомнились, разве что один из местных сержантов подрался с героем во время ночной стоянки, а мы потом слушали, как он орёт, пока ему вправляли вывихи. За эти три дня мы прошли те полсотни километров, где налаживалась

жизнь. Впереди были ещё три десятка километров до границы Белой Роши, где хотя бы можно рассчитывать на подмогу, ещё километров десять подвергались постоянным набегам как со стороны войск союзников, так и оккультистов. А дальше начнутся такие знакомые и привычные места, где за каждым деревом может скрываться враг.

Где-то через час после того, как мы снялись с третьей ночёвки, мы прошли незримую границу. Хотя, не заметить её было несложно. Дорога практически опустела, кое-где начали попадаться неубранные с полей тела, ни над одним из хуторов и поместий не поднималось дыма. Наши разведчики впервые наткнулись на противника, и пусть это оказалась всего лишь шайка дезертиров, их свежие трупы, наспех подвешенные на ближайшем дереве, недобро намекали нам, что это только начало. Впрочем, недобрый намёк сделали и мы — эти полдюжины убитых говорили другим ублюдкам, что в эти земли идёт порядок.

В этот день мы остановились на ночёвку задолго до заката. Четырнадцать сотен человек — войско пусть и небольшое, но во время похода оно, хоть и построенное в колонну по четыре человека, растягивалось на добрый километр, и это не считая обоза. Несколько человек, отправленных Свеем в арьергард, приволокли ворох рабочих топоров и лопат. Свей с разведчиками какое-то время бродил по округе, выбирая место для ночёвки. Двести шестьдесят игроков он решил разместить на вытоптанном поле — по всему его периметру тянулись каменные стены, составленный из камней, мешающих обработке земли. Ближайшая берёзовая роща за полчаса превратилась в рощу берёзовых пеньков. Стену кое-где укрепили, где-то наспех вкопали грубые колья, часть древесины пошла на дрова. Несколько магов вместе с Гаей и Инчой обошли лагерь кругом, накладывая какие-то охранные заклинания.

Свей, стоя рядом со мной, угрюмо наблюдал за ними.

— Через пару дней ночевать будем у занятого другим кланом города, — сказал он. — Там должны были подготовить нам нормальный лагерь. Но вот дальше придётся наблюдать эти рожи каждый день. — Берсерк повернулся ко мне. — Ты же знаком с обеими?

— Да.

— Не можешь выспросить у них какие-нибудь обереги? Может, сами с охранными заклинаниями справимся? И им мороки меньше.

Я какое-то время раздумывал. Меня так и подмывало подойти к Гае, чтобы узнать, что с моим псом. А тут сам босс отправляет меня на переговоры. Провоцирует на что-то? Проверять?

— Думаю, смысла идти нет. Я был у Инчи в гостях, скажем так. У Гаи — дважды, в первый раз ещё на крайнем севере. Лучше них охранные заклинания никто не поставит, поверь.

— И всё-таки попытка не пытка. Не заставляй меня превращать просьбу в приказ.

Я молча пошел к периметру. Маги уже почти закончили, оставался только небольшой участок, который они не прошли. С трудом, но я заметил серебряные нити, тянущиеся по земле, а так же несколько амулетов, расположенных на довольно приличном расстоянии друг от друга. В амулетах энергии было порядочно, действовали они вроде бомб, но вот нить — обычная сигнализация, не более.

— Привет, — сказал я и помахал друидкам рукой.

— Привет-привет, — буркнула старуха, даже на меня не взглянув.

Друидка промолчала, будто меня и не заметила. Я терпеливо ждал. Гая какое-то время делала вид, что занимается исключительно охранными заклинаниями, но потом

остановилась, упёрла кулаки в бока и проворчала, обращаясь к Инче:

— Не видишь, к тебе женишок пришёл, чего молчишь-то как немая?

— Не женишок он мне, — огрызнулась друидка. Она впервые подняла на меня глаза. —

Чего надо?

— Поговорить, — пожал я плечами. — Лучше с обеими сразу.

— Я своему мужу изменять не намерена, — рыкнула Гая. — Даже с таким красавцем ясноглазым да рукастым. А вы, голубки, поворкуйте.

— Поговорим! — рывкнула Инча. — Подальше от неё! — она ткнула в мать пальцем и, развернувшись, ушла в сторону пеньковой рощи.

Я, делая вид, что не замечаю Гаю, пошёл следом. Как реагировать на происходящее я совершенно не знал.

Инча спустилась в небольшую ложбинку и, обхватив себя руками, уселась прямо на траву.

— Что вы там устроили? — пробормотал я, садясь рядом.

— Ничего. Не понравилось ей, что в гостях ты у меня был.

Я кашлянул.

— А как она узнала о том... что я был в гостях?

— Почуяла твою силу в моих амулетах. — Друидка вздохнула и посмотрела на меня из-под густо упавших на лицо прядей. — Чтобы отвести всякое зло, нужно это зло познать, и в амулетах оно тоже должно быть — иначе не распознать дурные мысли и намеренья. — Она говорила нараспев, будто делая заговор, но продолжила уже обычным тоном: — Гая знала, что твоя кровь уже после выхода из Сердца Тьмы ни на что не годилась — слишком много в ней было всякой гадости. Значит, я могла использовать в амулетах только твоё семя. Ну а дальше сам додумай.

— Ясно. — Я помолчал. — Вообще, я по делу.

— Да я догадалась, что не просто так поболтать пришёл. Я видела, как за тобой следят твои же...

— А вот это уже не твоё дело, — отрезал я и повторил просьбу Свевя.

— Бесполезно. У пары ваших девочек есть хорошие способности, но их ещё учить надо месяцы, если не годы. А такими амулетами лучше всего пользоваться своими, иначе можно причинить себе вред. Вернее, — после короткой паузы поправилась Инча, — и я, и Гая делаем так, чтобы амулетами могли пользоваться только мы.

— Понял. Давно была у детей?

Друидка усмехнулась.

— Всё с твоим псом нормально. Мелкие на нём как на коне ездят.

— Да ладно, — пробормотал я, совершенно ошарашенный. Оскал за ухом-то себя давал почесать только в исключительные моменты.

— Говорю, как есть. — Инча поднялась и отряхнула платье. — Пошли, не нужно тут долго сидеть. А то твои подумают, что тебе совсем нельзя доверять.

«И старуха решит, что мы тут кувыркаемся», — читалось в её тоне.

— Пошли, — согласился я.

Инча посмотрела на меня с тоской и тихо сказала:

— Зря я тогда тебя пожалела.

— Зря, — кивнул я. — Но если бы той ночи не было, боюсь, Судья бы казнила меня во время встречи на болоте, даже если бы ты за меня заступилась. Или я бы давным-давно был

вместе с Гниющим, что более вероятно.

Друидка тихо вздохнула и, не глядя на меня, направилась к лагерю героев.

В своём лагере я получил пару едких замечаний на счёт скорострельности. Свей же молча меня выслушал, покивал головой с видом «я ни на что и не надеялся» и отправился в обход периметра. Я увязался следом.

— Они знают, что ты мне не доверяешь, — сказал я так, чтобы слышал только он. — Вероятно, воспользуются этим, чтобы в конец нас рассорить.

— Мне-то что с того? Изгой здесь ты, не я.

Я едва не вспылал, но сумел сдержаться. Прошёл ещё какое-то следом за боссом, а потом двинулся к кострам поваров за ужином.

«Нужно тебе искать других друзей, — запел в очередной раз Комок свою песню. — С этими тебе ничего не светит».

«Я узнал, что в клане есть пара инженеров, — ответил я. — Говорят, они могут построить самолёт...»

«Правда? Нет, не может быть, ты лжёшь!»

«Правда-правда. Они хотят с самолёта бомбить Сердце Мира теми бомбами, которые мы использовали во время обороны Драконьего Клыка».

«Ничего об этом не знаю».

«Спать меньше надо».

Комок какое-то время молчал, а после осторожно промямлил:

«Думаю, тебе не нужно просто так разбрасываться союзниками».

Уже стемнело. Каша пахла дымом. Тёмный лес кругом знакомо таил в себе опасность. Я ел, вслушиваясь в шумы за пределами очерченного магией прямоугольника, в котором сгрудились больше двух с половиной сотен человек.

«Вы слишком беспечны, — подтвердил мои мысли Комок. — Если бы я знал о вашем приближении, то атаковал бы там, где меньше всего ждут — на границе обжитой земли».

Я вычерпал остатки каши из миски, запил её глотком подогретой воды с пивом (по-другому это пойло и не назвать) и отправился на поиски Свей. Тот сидел у своей палатки, назначая ночных дозорных.

— Босс, — сказал я.

— Что такое? Спать иди, ты у нас привилегированный боец, тебе в дозор не надо.

— Знаю. Потому и пойду в охрану. Один. И за периметр.

Свей ухмыльнулся в бороду.

— Зазноба, поди, ждёт? А с Треей что, поматросил и бросил?

Я заметил злой взгляд Крыса, направленный на меня. В общем-то, если вспомнить о том видении, что посетило меня во время разговора с Треей, то всё вполне логично.

— Ошибаешься, — сухо отрезал я. — Но в дозор я пойду. Если опасения, что лагерь может превратиться в ловушку.

Рядом была куча народа из тех, что считали меня приближённым Свей. Об этом говорила Трея — о северном клане почти никто не знал, ходили лишь осторожно пущенные слухи. Моё появление (а все знали, что я пришёл с севера) считалось первой ласточкой перемен, бойцы клана верили, что можно надеяться на помощь, ведь многие их товарищи ушли именно на север.

Если Свей сейчас ответит отказом, он открыто покажет, что не доверяет мне. Покажет, что он ждёт с севера не понятно кого, да ещё и опасается пришельцев. Я осознанно шёл на

эту провокацию, и белобрысый берсеркер это понимал.

— Не люблю я рисковать, — медленно проговорил он, — чужими жизнями — особенно. Посиди-ка ты внутри ограды эту ночь, а там посмотрим.

— Ты рискнёшь чужими жизнями, если не отпустишь меня в дозор, — сказал я, стараясь придать своему тону как можно больше убедительности.

Свей смерил меня долгим недобрым взглядом.

— Я отдал приказ, — процедил он. — Если ты его ослушаешься, можешь продолжать путь вместе со своими старыми знакомыми. И в квартале Обжигателей тебе делать будет ничего.

Так, значит. Вне «мест компактного проживания» безоружного игрока ждала верная смерть. А за городом остаться не получится — нам строго запрещено покидать его без распоряжения Судьи. Ослушавшихся в теории должны были тащить на суд, но на деле вешали на любой подходящей для этого ветке.

Вот, значит, что ты мне предлагаешь, Свей. Или слушайся, или умри. И всё это, конечно же, из лучших побуждений.

Но ведь и я действую, исходя, из них же.

— Приятно было провести время, — чопорно ответил я, надевая маску на лицо. — Ухожу, ссылаясь на своё особое положение и договор о том, что мне никто не будет мешать.

— Договор был в том, чтобы тебя никто не доставал.

— Это то же самое.

— Что ж, и тебе пока.

Чувствуя направленную на меня со всех сторон недоброжелательность, я покинул черту лагеря.

«Нельзя бросать других игроков, кто мне так говорил?»

«Я и не бросаю».

Я пересёк рощу пеньков, ещё одно поле и оказался в лесу. Он встретил меня зловещей тишиной и едва заметным запахом смерти. И, словно пёс, я пошёл на этот запах.

«Не слишком ли рискованно?» — спросил у меня Комок.

«Нет. Никого реально сильного я в окрестностях не чувствую. А мне нужно испытать свою новую силу».

«Кого-то реально сильного ты можешь и не почувствовать, а вот он тебя — запросто. Впрочем, дело твоё. Да я и сам что-то заскучал».

Вот именно — моё дело, привычное и знакомое, а не то, чем я занимался последние дни. Мне нужно размяться.

Не скажу, что мне не нравилось в городе из-за каких-то там стен, сковывающих мою свободу или подобного бреда. В городе тоже было хорошо — там куча закутков для засад, множество затемнённых мест. Просто там не на кого было охотиться. А здесь, в тёмном лесу, где уже на протяжении многих месяцев чуть ли не ежедневно гибнут люди, добычу найти не сложно. Возможно, когда-то здесь жили лешие или кто-то в этом духе, сейчас же это был настоящий лес мертвецов — Культ не щадил никого, так же как и осквернённые жрецы Корда.

А самая ожесточённая борьба велась именно между ними, люди долгое время здесь оставались лишь третьей силой. Я прошёл три больших могильника, где догнивали останки оккультистов и одержимых, и два с осквернёнными. Останки обычных людей валялись то тут, то там — их убирать было некому.

Но первые, на кого я наткнулся в лесу, были именно люди. То ли дезертиры, то ли разбойники — какая к чёрту разница, кем являлись эти отребья? Полдюжины грязных оборванных, но хорошо вооружённых людей заняли ложбинку в кустах, где преспокойно жарили на костре мясо. И это в километре от нашего лагеря. Не сомневаюсь, что они давным-давно нас засекали и не почувствовали никакой угрозы для себя.

Зря.

Я затаился за кустами, вслушиваясь в тихий разговор. Вечные темы — где бы достать нормальной жратвы, выпивки и одежды. Где бы разжиться золотишком. Трахнуть бы какую бабёнку, даже если совсем страшную и завшивевшую. В общем, ноль полезной информации.

Абсолютно бесшумно я ужом прополз к ним. Какое-то время смотрел на лицо их предводителя, двадцатилетнего от силы парня с изъеденным оспинами отупевшим от постоянных лишений лицом. Или, скорее, не отупевшем, а абсолютно пустым — за кусок мяса такой человек мог убить хоть незнакомца, хоть собственного ребёнка.

Интересно, что с ним было, если бы он дожил до конца смуты? Вернулся бы к себе домой, занялся старым своим делом, будто то башмачная или отцовская ферма? Женился? Нарожал детей? Или продолжил разбойничать?

А другие? Вот этот отощавший сорокалетний мужик с желтухой или пятнадцатилетний парнишка с буквально обросшими чирьями и прыщами щеками?

Их всё равно убьют. Не я, так игроки. Не игроки, так герои. Какая разница — одержимые разорвут их на части или они превратятся в осквернённых?

Есть разница. Она в том, что они сейчас здесь, думают, как кого-то ограбить или изнасиловать, а не сидят за стенами города, готовые отдать свои жизни во время его обороны. Люди, что сейчас находятся в этом лесу, суть, преумножают зло. Они — материал

для создания мерзких тварей, которых я поклялся уничтожить до последнего ублюдка.

«Раньше не замечал в тебе рефлексии в моменты, когда нужно было убить кого-то... такого... мелкого и ненужного».

«Раньше у таких, как ты сказал, мелких и ненужных под боком не было городов, где царил порядок. У них отняли выбор — убивать, чтобы выжить, или жить, чтобы не убили других. В который раз ты не различаешь одержимого и обычного человека, вставшего не на ту дорогу».

«А в чём разница-то? Это уже ходячие трупы, нужно просто сделать их неходячими».

Я чуть не вздохнул в полный голос, но отвечать не стал. Для Комка такие очевидные вещи — лес густой.

«Разница хотя бы в том, что у одержимых будущего нет, а у этих могло быть. В том, что у одержимых это будущее забрали, а эти отказались от него сами...»

«Ой-ой-ой. Слушать твоё нытьё не хочу. А ты не отказался от будущего? Я на самолёте хотел...».

Я перестал слушать. Впереди ещё вся ночь, но тянуть смысла нет. Эти разбойники ещё могут сослужить мне службу.

Плащ стал Крыльями Тени, закрывшими ложбинку и ближайšie кусты. Я вновь потерял физическое тело. Закрыв глаза, сосредоточился. Суть каждого из разбойников предстала передо мной. Так я выбрал себе троих для исполнения плана. Трое других умрут быстро.

В прошлый раз мне показалось, что создать двойника — легче лёгкого, но теперь это потребовало массы усилий. А потом я понял, что дело в оружии — не так-то просто оказалось создать теньевые копии тесака, сжатого в моей правой руке, он-то никакого отношения к моей силе не имел, оставаясь обычным клинком. Нужно было найти какую-то замену. Я какое-то время прощупывал Тень, стараясь найти отклик. И, спустя пару минут, мне это удалось. Помог Клинок Тени.

Шесть одноглазых фигур с короткими клинками, выросшими прямо из их рук, поднялись из кустов и шагнули к разбойникам. Самый молодой разбойник лишился жизни, так ничего и не поняв, его голова покати́лась к костру. Двойник, сделавший свою работу, рассеялся. Второй сюрприз.

Кто-то из разбойников заорал, второй даже успел схватиться за оружие, но оба умерли быстро. Четвёртый рубанул своим мечом, метя двойнику в голову, но тот плевать хотел на эти удары. Он распорол противнику брюхо и мощным толчком зашвырнул его в кусты. Туда же отлетел пятый противник, у него недоставало правой руки и обеих ног по пах.

Главарь шайки тоже пытался оказать сопротивление. Он даже умудрился трижды скрестить клинки с двойником, но третьего удара не выдержал его меч — часть лезвия полетела на землю. Двойник оттолкнул главаря к ближайшему дереву, схватил его за загривок, вмял лицо в грубую и шершавую кору и надавил. Булькающий вопль разбойника, глаз и половина лица которого остались на коре дерева, зазвенел в моих ушах. Двойник коротким движением повредил своей жертве спинной мозг, а потом зашвырнул её на дерево. Разбойник, всё ещё заходящийся криком, повис в ветвях. Он мог шевелить только головой, а пережатый позвонками нерв отдавался во всём его теле чудовищной болью.

Двойники рассеялись. Я вышел к двум другим. Тот, что остался без ног, умер. Второй потерял сознание, но я привёл его в чувство, да ещё и влил ему в горло зелье здоровья. Через пару секунд он повис рядом со своим товарищем.

«И что дальше?» — недовольно буркнул Комок.

«Дальше будем ждать, какая рыбка клюнет на их муки — оккультисты или кто ещё».

Рыбка клюнула, и покрупнее, чем я рассчитывал. Я не учёл, что лагерь союзников совсем рядом, и вопли разбойников привлекут к себе внимание Судьи и подручных.

Они пришли вчетвером — Судья, Инча, Эшк и Гарт. Проверили место боя. Выругавшись, Эшк выпустил две стрелы в недобитых мной разбойников.

— Я надеялся, что это он тут орёт, — буркнул Гарт. — Ну и ублюдок, такое с людьми...

— Это та шайка, которую искали за похищения детей, — оборвала его Инча. — Я помню их описание.

— Хочешь сказать, они это заслужили? — фыркнула Судья.

— Трех он убил быстро, — тихо сказал Эшк. — Один мучился недолго. А вот эти двое, если вспомнить описание, и есть зачинщики. Ты помнишь, в каком состоянии они вернули того мальчишку?

— Каждому Судье нужен Палач, — едва слышно прошептала Инча.

— И слышать не хочу! — рыкнула Судья. — Эшк, он где-то недалеко?

— Не знаю, госпожа. Он стал гораздо сильнее с нашей прошлой встречи.

— Я тоже это почувствовала. В любом случае, если он продолжил в том же духе, его это не спасёт. Ладно, возвращаемся, нужно обрадовать Свея, что его человек жив. Уж очень он переживал.

— По-моему он бы предпочёл, чтобы мы принесли его труп, — проворчал Гарт.

— Все бы предпочли, — отрезала Судья. — Уходим.

Они ушли так же быстро, как и появились.

Я спустился с дерева, едва не спихнув с ветвей одного из убитых. Проверка силы прошла удачно. Особенно если учесть, что Эшк не засёк меня, хотя смотрел на меня чуть ли не в упор.

«Не сработал твой план, — злорадно произнёс Комок. — Вернёмся в лагерь? Спать хочу».

«Ночь только началась, а в лагерь нам путь заказан, вспомни слова Свея».

«Тогда я спать, а ты делай что хочешь».

Делать было особо нечего — вопли убиваемых распугали многих. Я наткнулся на два свежих человеческих лагеря, но решил не тратить силы на поиски беглецов. Обшарив территорию километр в поперечнике, я решил не отвлекаться и идти на запах смерти, который вёл меня строго дальше от дороги, вглубь леса.

В полутора десятках километрах далее запах стал чуть ли не осязаемым. Смерд разлагающихся тел едва не сбивал с ног, а Комок, который мог его немного приглушить, спал. Я пересёк какой-то особо густой бурелом, буквально усыпанный костями, и вышел к небольшой реке.

В темноте я разглядел водяную мельницу, совмещённую с большим двухэтажным каменным домом. Колесо её не вращалось, лишь тихо поскрипывало. Причиной тому была запруда, выстроенная в нескольких десятках метров вверх по течению. Запруду эту соорудили, должно быть, с прошлого года, со знанием дела и никуда не торопясь. И всё равно чтобы навалить такую кучу голов потребовалось очень много времени. Вбитые в дно реки ряды человеческих костей держали конструкцию.

Я поднял череп со свисающими с него ошмётками кожи. Не хватает нижней челюсти, верхняя тоже повреждена. У другого нет височных костей, у третьего выломан нос. У каждого черепа в темени зияла дыра, через которую, видимо, доставали мозг.

Кажется, я нашёл фабрику по производству оккультистов. И она вовсе не заброшена. Двери дома распахнулись и из них вышли улыбочатый и нюхач. Они тащили обезглавленное голое тело с частично обрезанным мясом. Направлялись они явно к запруде. Я вышел из воды и обогнул «плотину», чтобы было лучше видно, что происходит. Никаких тел я до сих пор не заметил.

Потому что их жрали. В пруду был целый питомник для мелких химер. Причём, это были какие-то новые твари, их даже с натяжкой можно назвать живыми. Круглые безглазые головы с клыкастыми ртами торчали над уродливыми бесформенными туловищами с абсолютно случайным числом конечностей, заканчивающихся длинными когтями.

Служители Культа зашвырнули тело в пруд. Химеры, словно пираньи, набросились на него, терзая своими клыками и когтями. Оккультисты развернулись, чтобы уйти, но я им не позволил. Их тела с раздавленными головами нырнули в пруд вслед за их жертвой. Химеры, не особо разбираясь, кто тут еда, а кто хозяин, набросились на них с таким же аппетитом. Впрочем, для этих тварей — всё еда.

Я направился к мельнице. Плащ Теней то разрастался, то наоборот сжимался, окутывая лишь моё тело. Двойников я призывать не стал — слишком много требовали сил, да и этих ублюдков я собирался придушить собственными руками.

Сторожевая химера, спрятавшаяся под водой у мельничного колеса, не почувствовала моего приближения. Я спокойно вошёл в раскрытые двери.

В доме царил настоящий разгром. Переломанная мебель валялась по углам, её свалили туда, чтобы освободить помещение для большого котла. Огня под котлом не горело, но жидкость, пахнувшая варёной требухой и кровью, бурлила. Над варевом на миг появилась голова будущего оккультиста — лысая, изуродованная, с прилипшими к ней фрагментами черепов других людей. Судя по торчащим из кожи двум дополнительным парам глаз, вот-вот должен был появиться глазач. Глаза, ещё не втянувшиеся в голову и торчащие на стебельках, казались безумно вытарашенными. Гомункул в котле испытывал чудовищные муки.

В помещении находилось всего три оккультиста — два трёхротых и медиум с тремя лобными долями, но на этот раз с полным набором конечностей. Медиум следил за варевом, а трёхротые спокойно спали у потухшего камина.

Я набросил на весь дом Тень. Её щупальца поползли по стенам, вверх по лестнице, на второй этаж. Там на лежаке лежал ещё один медиум, чья единственная рука больше напоминала ласт. Долго и мучительно он совокуплялся с невесть как выжившей ведьмой, древней развалиной, которой не помешало бы заменить половину тела.

— И это всё? — спросил я с разочарованием.

Медиум резко повернулся в мою сторону. Я отбросил его ментальную атаку и атаковал сам, но уже с помощью физической силы — два Клинка Тени прошили его голову, а третий разрубил тело пополам.

Разбуженные зовом медиума трёхротые атаковали меня, из-за чего крысиный череп, болтающийся на моей груди, рассыпался в прах. Я зарычал от злости и налетел на них с тесаком. У трёхротых оружие тоже было, но я не дам им ни шанса — изрубил головы в капусту, одному отрубил руку. Потом оттащил тела к чану и оставил там.

На втором этаже меня ждали. Ведьма раздавила в горсти сразу ворох свои амулетов — сушеное сердце, две почки и печень. Наверное, надеялась, что я от этого сразу умру. Я смёл ведьму с дороги, отшвырнув в другой конец комнаты. На миг моих висков будто что-то коснулось, я почувствовал покалывание в глазах. У простого человека после этой атаки

вытекли бы глаза, а из ушей полез мозг, но я давно перестал быть простым человеком. А может, и человеком вовсе.

Я вскочил на лежак, каблуком раздавил медиуму голову и, третьим движением, прыгнул к ведьме. Она всхлипывала, пытаясь подняться — удар о стену переломал ей ноги. Я схватил ведьму за волосы.

— Ты пойдёшь к Гниющему, — сказал я. — И скажешь, что передаёшь привет от одной настоятельницы храма Корда. Он как-то отрезал ей руки и ноги, а теперь я сделаю это ему. Поняла?

Ведьма бессвязно заверещала в ответ. Смесь из угроз и мольбы о милосердии меня быстро взбесили. Я схватил её за лицо и выдавил большим пальцем правый глаз.

— Поняла?!

— Да! Да-да-да-да...

Я отшвырнул ведьму к лестнице, прыгнул за ней следом и ударом ноги спустил на первый этаж. Несмотря на все повреждения, ведьма очень шустро уползла куда-то в предрассветную тьму.

Химера толклась у дверей, не зная, что ей делать.

— Нет твоего хозяина, — сказал я ей. — И уже не будет.

Клинки Тени изрубили её тело за несколько секунд. Я снял левую перчатку и положил ладонь на самый большой ошмёток химеры. Разбуженный Комок что-то проворчал, но послушно принялся пропитывать мясо ядом. Спустя четверть часа я отволоч останки химеры к пруду и зашвырнул их туда. Вода забурлила от набросившихся на мясо трупоедов.

Игнорируя все вопросы Комка, я вернулся к мельнице. Пусть её стены и каменные, но потолок и перекрытия деревянные, не говоря уже о мебели. Огниво я нашёл быстро. С ним пришлось повозиться, но вскоре куча мелкой щепы весело потрескивая горела в углу дома.

Оставалось последнее дело. Я нашёл стул и, встав на него, принялся вылавливать гомункула из чана. Варёво обжигало кожу, разъедало плащ, но я справился, хотя пришлось повозиться. Тело недоделанного оккультиста полетело на пол. Его почти сросшийся рот раскрылся, и я услышал тихий стон. А за ним последовал мучительный вопль — я швырнул его в огонь, который уже пожирал мебель и перекинулся на потолок.

Выходя, я закрыл дверь и припёр её черенком от лопаты. Вой гомункула преследовал меня ещё несколько минут.

«Куда теперь?» — спросил Комок.

«К войску, срежем дорогу по лесу».

«А пустят?».

«В обоз пойду — спать охота».

Мы шли по предрассветному лесу, и я слышал, как по нему ползёт весть о ближайшем конце Культа.

Но Гниющий, спрятавшийся в самой глубине Белой Рощи, был с этим не согласен. Он почувствовал уничтожение своей лаборатории и теперь искал виновного. Я почувствовал его злобу, прикоснувшись ко мне, и я ответил ему тем же.

«Не боишься? Он — почти бог. Гасп хотел сделать из него своего преемника, я прочёл об этом из его силы».

«Нет. Только жалею о том, что отпустил ведьму».

Я проснулся уже после полудня. Комок всё это время бдел, обещая разбудить меня в случае опасности. Опасности, значит, не было.

Я выбрался из-под вороха пыльных мешков и угрюмо глянул на возницу. Тот ответил таким же мрачным взглядом, но в этот раз даже пикнуть побоялся — под утро я недвусмысленно намекнул ему, что с ним может случиться, если он не пустит меня поспать. Возница, конечно, сказал, что позовёт героев, на что я ответил, что уж ему-то точно будет наплевать на всё происходящее вне зависимости от того, поймают меня герои или нет.

Жутко хотелось есть, а полуденный привал я, судя по всему, проспал. К своим идти не хотелось (да и вряд ли мне там обрадуются), у местных спрашивать тоже толку нет. И что делать? Я вытянул ноги и, уставившись в никуда, размышлял о еде, не собираясь пока слезать с воза. Комок заявил, что хочет спать и «ушёл».

От голода меня спасла Инча. Должно быть, знала, где я еду. Она притащила мне свёрток с пресным комковатым сыром, твердокаменной вяленой кониной и двумя тёмно-серыми сухарями, пахнущими плесенью. Молча отдала всю снедь мне и так же молча ушла, никак не отреагировав на мою благодарность.

Интересно, Гая в курсе?

— Не понимаю, — медленно прошипел возница, — как такие светлые и добрые люди терпят здесь всякую мразь.

— Да ещё и подкармливают, — промямлил я, стараясь прожевать конину. Пришлось выпустить зубы. Это придало лицу возницы, который на свою беду повернулся ко мне, бледно-зелёный оттенок, что порядком меня позабавило.

— Нападения за утро были? — спросил я, разделавшись с едой.

— Нет... — нехотя ответил возница.

— Ясно. Сколько ещё до города?

— До Светлого Места? Миль десять.

Вот оно как. Двигались мы, вроде бы, и не медленно, но прошли за этот день всего десяток километров. И пройдем ещё не более двух-трёх, если вспомнить, как рано вчера был объявлен бивак. Значит, до города, где нас поджидает подкрепление, доберёмся не раньше послезавтрашнего обеда.

Я спрыгнул с воза и, пообещав вознице встречу под утро, ушёл в лес. Тот в ответ злобно (но очень тихо) выругался. Я, не оборачиваясь, помахал ему рукой. Плевать мне было на его ненависть ко всем игрокам и ко мне лично. Армия пёрла вперёд так, будто её командиры знали, что никаких засад и ловушек по дороге нам не готовят. Сколько мы миновали хуторов подобно вчерашнему? Сколько дезертиров и разбойников сейчас спрятались по лесам, ожидая нашего ухода?

Впрочем, армия для такой работы не годится. Зато гожусь я.

К тому же, меня бесило то, что я отпустил ведьму.

Сначала я отошёл назад на те десять километров, что союзники прошли за день. Дорога была пустынной и выглядела абсолютно заброшенной, если не считать свежее лошадиное дерьмо. Лес, кажется, тоже пустовал. Слишком далеко заходить я не стал — не хотел терять времени, надеясь, что дальше в лесу разбойники и оккультисты будут встречаться толще, да

и в большем количестве. Тогда я нагнал войско (в одиночку под Плащом Тени я двигался в разы быстрее войска), время от времени всё же отклоняясь на километр-полтора от дороги. Как раз объявили привал, все опять взялись за строительства лагеря. Я прошёл через ещё незакрытые дыры в «сигнализации», вынырнув из Тени перед самым носом пары ребят, сооружающих ров, взял свободную лопату и принялся им помогать. На меня косились, но гнать никто не гнал. Я вместе со всеми закончил работу, принял ужин и, так и не обменявшись ни с кем даже словом, ушёл за периметр.

В сгущающихся сумерках вновь запахло кровью и смертью. За час я обошёл все окрестности, но наткнулся только на заброшенный лагерь оккультистов. Я поворошил золу с осколками обгоревших детских костей, надеясь, что хоть как-то получится засечь противника, но лагерь, судя по всему, был заброшен уже несколько дней. Тогда, не выбирая никакого особого направления, я углубился в лес.

Ночь вышла муторной и грязной. Я убил трёх слухачей, двух нюхачей и полдюжины прячущихся на заброшенной ферме людоедов. Допросив одного из людоедов, я узнал, что о приближении нашей армии знали за неделю, и почти все, кто мог бояться нашего гнева, разбежались. Вероятно, местный сброд будет ждать исхода битвы в Белой Роще, а уж потом решать, возвращаться или нет.

Пусть добыча и была скудной, но я порядочно наломался, таская трупы. Плевать, что здесь никого не осталось, кто-то всё равно вернётся. А значит, нужно оставить возвращающимся знак. Из людоедов я составил гирлянду и повесил её на дереве объявлений на пересечении двух лесных дорог, а служителей Культа подвесил на тракте, чтобы их смогли увидеть союзники. Чёрт знает, что за игру я затеял и с кем играл. Вероятно, хотел побесить Судью. Острая неприязнь по отношению ко мне выливалась в ответную злость от меня. Я не собирался никому ничего прощать и, тем более, подставлять другую щёку для удара.

Ночевал опять в обозе, у знакомого возницы. В этот раз он вякать не стал.

День вновь начался спокойно. Армия плелась по пустующей дороге со скоростью хромой черепахи, а я сходил с ума от скуки. В этом занятии мне очень сильно помогал Комок, принявшийся сочинять очередную оду Тьме по принципу стихотворения про Джека, построившего дом. Этот стих мне как-то рассказывала Тёма, уж очень он ей нравился, и от этого мне становилось только хуже. Не знаю, из каких глубин моего подсознания выудил Комок. Вскоре испортилась дорога — весенний паводок затронул несколько лесных речушек, и те совершенно размыли тракт, превратив его в подсыхающее грязевое болото.

В конце концов, я плюнул на всё и решил выйти на охоту засветло. К тому же, меня посетила мысль о том, что человеческий сброд может активизироваться днём, пока прячутся оккультисты. Я быстро обогнал разведчиков, всё так же идущих впереди армии, и углубился в лес.

Днём лес жил. Более или менее. Я встречал птиц и зверей. Пришествие Культа даже принесло им благо — все ночные хищники были убиты и съедены, в том числе и те, которых призвала магия. Впрочем, одержимые жрали и дневных существ ничуть не меньше ночных хищников.

Где, интересно, все эти звери прячутся ночами? Впрочем, тысячи инстинкты, выведенные тысячами поколений, у них должны быть. Я даже какое-то время наблюдал за бегающими по дереву белками, удивляясь этому чуду. Под деревом лежала груда полуразложившихся трупов, что давно стало обыденной картиной.

Я собрался уже уходить, когда трупы зашевелились. Я подготовил дюжину Клинков и принялся ждать того, кто из неё появится.

Из-под трупов выбрались двое детей, самых грязных и оборванных, которых я когда-либо видел. Мальчик лет десяти и шестилетняя девочка. Парень осторожно свернул кусок брезента, которым они укрывались, лёжа в груде гнилого мяса, спрятал его в помятый туесок на своём боку и, поддерживая едва идущую девочку (она сильно хромала на левую ногу), заспешил куда-то в сторону севера. Меня, находящегося под действием Скрытности, они не видели.

— Ничего, — шептал парень, — пара недель и мы дойдём до земель, которые очистила Судья. Пара недель, и мы найдём маму...

— Мама умерла, — пустым голосом ответила девочка и, после долгой паузы, добавила: — Есть хочу.

— Найдём еду в лесу. Обязательно найдём.

— А те мертвецы, под которыми мы спали?

— Слишком гнилые. Мы найдём лучше. Может, я убью белку...

Они ушли из поля моего зрения, хотя слышал я их ещё долго. Они совершенно обыденно обсуждали чудовищные вещи — каннибализм, убийства, пытки. Всё это они видели последние месяцы своей короткой жизни. Они привыкли к этому. Я ничем не мог им помочь — у меня и крохи еды не было — но им не требовалась помощь, они научились выживать самостоятельно.

Кто из них вырастет, если они выживут? Ребята вроде тех, что я убивал последние пару ночей? Или вполне нормальные люди, которые смогут справиться с этими воспоминаниями, не дать им свести себя с ума?

Я, совершенно растерявшийся, ещё стоял какое-то время на месте, но потом всё-таки выбросил ненужные сейчас мысли из головы и двинулся дальше. Перед этим я услышал победный крик парня, убившего камнем зазевавшегося зайца.

Если эта парочка будет держаться тракта, они спокойно доберутся до ближайшего города...

Я выругался в голос и бросился за ними.

Лучше уж я спасу двоих детей, чем схожу на охоту за людьми.

Когда я вырос перед ними будто из-под земли, парень вполне профессионально запустил в меня камнем, который я остановил Теневым Щитом.

— Я — слуга Судьи, — сказал я со всей убедительностью, которую смог вложить в голос. — Сейчас её войско идёт на юг по тракту, чтобы покарать Гниющего. Пойдёмте со мной, и я устрою вас в обоз, где вы ни в чём не будете нуждаться. Ногу девочки вылечат.

Дети смотрели на меня с недоверием. После долгой паузы я догадался, наконец, снять маску и выдать из себя улыбку.

— Жряки не разговаривают, — прошептал парень девчужке, видимо, имея в виду одержимых. — И многоглазые — тоже.

— Я боюсь его...

Я мог увести их силой... нет, не так. У меня была возможность увести их силой, но я не мог этого сделать. Эти дети пережили слишком много, и я не хотел их пугать лишней раз.

— Вот, — я показал знак Судьи, — это дала мне сама Судья. Я... я вроде у неё в гвардии. Ты же знаешь, что такое гвардия, парень?

— Знаю. И знаю, что ты — пришлый. Я видел пришлых. Трое жили с нами, их мама

приютила. Сказала нам, что это наши новые папы. Другие не доверяли пришлым, но мама сказала, что всё в порядке. Что они будут нас защищать. И знаешь, что?

— Что?

— Они нас не защитили. Один сгнил заживо от Чёрной болезни, когда сошёл снег, и убил двух других, мама осталась, чтобы их закопать, а нас отправила к Судье.

— Мама тоже заболела, — вставила девочка. — У неё палец отвалился, вот этот, — она показала мне указательный палец правой руки.

— Тебе это приснилось, — быстро сказал парень.

— Нет. Я видела, когда она обнимала меня.

— Я сильнее тех троих, и я смогу вас защитить, раз те трое не смогли, — пообещал я. —

И я покажу вас Судье.

Судья — магическое слово. И, в конце концов, это были дети. Пусть и выжившие благодаря таким недетским вещам, как каннибализм и прятки в трупях.

— Веди нас к Судье, — распорядился парень после недолгого раздумья.

— Я сделаю лучше. Я вас отнесу.

Я подхватил детей на руки и, растворившись в Тени, потащил их к обозу. Девчонка завизжала, но уже через секунду я различил в её крике восторг. Парень помалкивал. Ему было страшно, он понимал куда больше девчушки.

В километре от уже располагающейся на ночлег армии я наткнулся на Эшка с двумя другими разведчиками. Ну, или они наткнулись на меня. В общем, я так торопился, что не заметил одного из них и свалил с ног, тем самым выйдя из Тени.

Мне в лицо уткнулся наконечник стрелы, но, увидев детей, Эшк сразу опустил лук.

— Кто это? — ошарашенно спросил он.

— Дети. Я нашёл их в куче трупов.

— Мы там прятались, — внесла ясность в наш разговор девочка. — В них тепло ночью, главное, укрыться брезентом и высунуть нос наружу. Вот так. — Она показала, как нужно держать голову, когда прячешься среди мертвецов.

— И ты нас в лесу нашёл, — добавил парень.

— Раньше, — поправил я его, — просто не знал, что делать с вами.

— И что ты сейчас с ними собираешься делать? — спросил Эшк.

— Несу в обоз, чтобы покормить. А ты сходи за Гаей — у девчонки гнилая рана на ноге.

— Понял.

Мы разделились.

Знакомый обозник встретил меня с той же кислой миной, но, увидев детей, испытал тот же шок, что и мы с Эшкой. Кого-кого, а уж двух обычных ребятишек в этом проклятом месте никто не ожидал. Но парень быстро пришёл в себя. Он засуетился, расстелил мешки, приволок детям какой-то еды и, главное, воды. Я же пока рассматривал рану девочки. Выглядела она скверно — колено пострадавшей превратилось в багрово-коричневую шишку с двумя нарывающимися гнойниками.

«Трупный сок попал в небольшую ранку, вот и вся недолга. Если бы ты их не нашёл, девчонка лишилась бы ноги или вообще умерла».

«Будет, что рассказать Судье во время следующей экзекуции».

А вот и сама Судья с Гаей и Инчой. Прямо неразлучная тройка. Впрочем, первая, узнав, в чём дело, быстро ушла. Гая сразу же взялась за колено девчушки, потребовав от меня объяснений.

— А я уж думала, ты совсем изнутри прогнил, — буркнула старуха, когда я закончил рассказ.

— Тогда, наверное, Судья бы меня казнила, — огрызнулся я.

Гая тяжело вздохнула и, исподлобья зыркнув на меня, проворчала что-то в духе «дело может быть не только в Судье». А потом добавила:

— Можешь идти, спаситель. Развешивай людей на деревьях, как ты любишь делать.

— Дядя хороший, — вступилась за меня девчужка. — Хороший, — повторила она Гае.

Я улыбнулся ей в ответ и ушёл. Пусть Гая объяснит ей, что даже плохие люди иногда делают хорошие вещи.

А мне действительно лучше ещё раз пройтись по лесу, чтобы пополнить счёт своим жертвам. Одного хорошего дела в день достаточно.

Уходя, я столкнулся с Эшком и Судьёй. Они меня, впрочем, не видели. Судья раздавала распоряжения — детей она собиралась отправить на север в сопровождении того сержанта, которого помяли позапрошлой ночью.

— Думаешь, их приютят? — спросила, наконец, Судья, и впервые в её обычно бесстрастном (ну или полном ненависти, когда она говорила обо мне) голосе я услышал что-то человеческое.

— Я сам как-то оказался в такой ситуации, — пожал плечами охотник. — Когда мою семью вырезали, мне было двенадцать. Люди с соседнего хутора меня приютили — у них не хватало рук для работы в поле.

— Девочка ещё долго не сможет работать в поле.

— Их с радостью приютят, поверь. Слишком много детей не пережили зимы. А этим удалось. И в лесу они выжили. Справятся и сейчас. Повезло им, что...

— Повезло, — оборвала охотника Судья. — Им просто повезло.

Эшк нахмурился.

— Он спас их, и ты не можешь этого отрицать.

— Не могу. Вот только есть ли толк в том, что он спас двоих, когда... — Судья замолчала и принялась озираться. — Ты что-нибудь чувствуешь?

Эшк принялся. А я предпочёл ретироваться, так как, скорее всего, на секунду забыл о маскировке.

«Вот мир, который поглотит Тьма...», — бубнил Комок в моей голове.

К полудню следующего дня мы добрались до Светлого Места.

Возможно, когда-то оно и было светлым, сейчас гряда из семи холмов могла быть светлой только с той точки зрения, что солнца здесь хватало. Стены пребывали в плачевном состоянии, несколько кварталов явно забросили, а над одним из них поднимался дым пожара.

Я только проснулся и пришёл к игрокам, надеясь перехватить чего-то съестного — Инча свою гуманитарную помощь прекратила после первого же раза. Завидев меня, Свей махнул рукой, подзывая. Рядом с ним стояло около полудюжины приближённых и пять человек из клана Стройбат, в том числе их глава — высокая носатая мастерица ядов и повелительница ядовитых тварей Шапокляк, бежавшая в эти земли со своим кланом, когда на востоке началась резня.

— Здесь должны были построить лагерь для войска, — сказал Свей, указывая на груды свежих углей и золы. — И должны были этим заниматься наши. Двести человек, целый клан. Не вижу ни лагеря, ни игроков.

— И я должен сходить к своим друзьям и разузнать, что же произошло? — насмешливо спросил я.

— Мы объяснений не получим ещё долго. Нам приказали просто ждать и готовить лопаты.

— Попробую что-нибудь узнать.

Я ушёл в Тень, чтобы не мозолить глаза героям, и направился на поиски Инчи. Свей, кажется, поостыл. Да и я не нарывался на неприятности (лагерь я же не для удовольствия помогла строить). Судя по его поведению, мы вроде как по отдельности, но он собирался использовать меня при нужде. Не скажу, что меня это полностью устраивало, но такая роль всё же лучше изгоя.

Судья с приближёнными ушла в город. На воротах стояла стража, которая сейчас занималась тем, что готовилась пропускать войско в город. И не только войско, но и обоз. Нам же готовили пилы, топоры и лопаты. Судя по всему, игроков планировали оставить за стенами. В прошлый раз, насколько я могу судить, это кончилось плохо. Я вернулся к нашим, сообщил эти новости и сказал, что послоняюсь ещё по городу, чтобы разузнать побольше. Шапокляк заявила, что у меня не получится — она, мол, защитную магию отсюда чуёт, и я поспорил с ней на порцию лучшего её яда, поставив пару медных монет.

Сосредоточившись как следует, я растворился в Тени. Уйти и раствориться — не одно и то же. Что-то подобное я проделал при более близком знакомстве со Свеем, а так же когда убивал тех разбойников. Я и сам не мог точно сказать, в какой момент где находится моё тело. Да и само восприятие мира поменялось — я то глядел на землю сверху, то буквально скрёб глазными яблоками о траву, то смотрел с высоты своего привычного роста. Я по сумасшедшему петлял, так как мог увидеть одну и ту же повозку с разных ракурсов, в том числе и её дно. Всё это происходило моментально, будто кто-то сделал склейку, вырвав к чертям собачьим ненужные кадры самого перемещения. Единственное, что оставалось неизменно — это цель. С трудом могу определить время, но за воротами я оказался секунд через тридцать с момента спора с Шапокляк, преодолев за это время метров триста

пятьдесят.

Я долго петлял по пустующему и частично разрушенному городу. Мирных жителей здесь осталось по минимуму, да и те в основном занимались обслуживанием гарнизона. Портные, кузнецы, шляхи, повара... Всего сотни четыре человек на три с половиной сотни войска. И среди них ни одного игрока. Хотелось схватить первого же попавшегося героя и хорошенько у него выспросить, что к чему, но я не мог так рисковать. К тому же, есть надежда, что друидка расскажет мне всё по-хорошему.

Я выследил Судью, а по её следу нашёл и Инчу. Они как раз заканчивали какое-то совещание с командиром здешнего гарнизона — бородатым мордоворотом лет пятидесяти, облачённым в волчью шкуру, под шерстью которой я учуял железные пластины.

— ... до ночи нападения не будет, — сухо говорила Судья. — Так что пока отдыхаем.

— Мне нужна отдельная комната, — буркнула Инча, испепеляя взглядом Гаю.

— Да хоть дом, — отозвался герой в волчьей шкуре. — Выбирай любой. — Он мотнул головой в сторону более или менее целых жилищ.

Они разделились. Инча и ещё несколько человек разошлись в разные стороны, явно намереваясь провести время в одиночестве, но большая часть героев вместе с Судьёй и Гаей остались в группе. Меня это более чем устраивало.

Инча ни от кого не пряталась и не скрывалась, видимо, город действительно безопасен. Друидка за четверть часа нашла себе уцелевший домик в небольшом проулке и зашла в него. Я нырнул следом.

— Я не вижу тебя, — сказала друидка, — но могу сказать, что работа грубоватая.

— Да ладно, — ответил я, возвращая себе нормальное тело у камина.

Инча не удержалась и вздрогнула, но быстро взяла себя в руки.

— Ты надеялся, что проскочишь, пока я не установила защиту, но дело в том, что я поставила её в тот момент, когда увидела этот дом.

— Больше, надеюсь, меня никто не засёк?

— Думаю, что нет. Я сама узнала о твоём присутствии только в тот момент, когда ты ворвался в дом. Зачем ты пришёл?

— Мне нужна информация.

Инча вздохнула.

— Тогда жди, когда я закончу с защитой. И спрячься на это время как следует, мало ли кто пожалует ко мне в гости.

Я так и сделал. Ждать пришлось довольно долго. Не знаю, входило ли в установку защиты раскладывание шкур и амулетов, а так же расстановка на столе еды и выпивки, да и не моё это дело.

— Что ты хочешь от меня узнать? — сказала, наконец, Инча, усаживаясь за стол. Я в тот же миг очутился напротив неё.

— Где другие игроки? Здесь должно было находиться не меньше двух сотен наших.

— наших? — выгнула друидка правую бровь. — Ты, нечеловек, до сих пор считаешь их своими?

Так, вот это интересно. Кажется, раз уж я не смог разузнать что-то о себе, кто-то сделал это за меня.

— А кем мне их считать? Я прибыл сюда как один из них.

— Прибыл с ними? Или, скажем, появился чуть раньше или чуть позже других?

Я с трудом удержался от того, чтобы вздрогнуть, хотя меня будто молнией ударило.

— Это всё, конечно, для меня очень интересно, — сказал я как можно мягче, стараясь привести свои чувства в порядок, — но мне нужно знать, что случилось здесь прошлой или позапрошлой ночью.

— Позапрошлой, — ответила, вздохнув, Инча. — Уже по утрам. А ты сам-то как думаешь?

— Атака оккультистов?

— Вот видишь, ты сам догадался.

— Мне нужны подробности.

— К чему они? Результат-то...

— Не юли, — резко произнёс я.

Друидка ещё раз тяжело вздохнула.

— Игроки возвели большую часть лагеря, и им было приказано выселяться из города — как показалось Стальному Волку, для защиты от нападения лагерь уже вполне годился. Сам понимаешь, многие... наши вас недолюбливают, а Волку не нужны были конфликты. Но он ошибся. В ту же ночь было совершено нападение, будто именно этого Гниющий и ждал. Оккультисты ударили и по городу, но основные свои силы они повели к лагерю игроков. Часть «ваших» убили, но куда большую увели в плен, а укрепления сожгли колдовским пламенем. Люди Стального Волка...

— Дай ещё раз догадаюсь, — прошипел я, — ни хрена не делали, решив, что легко отделались? Ведь именно поэтому ты пыталась избежать этой темы? Не попробовали контратаковать, чтобы отбить союзников, не попытались...

Теперь пришла очередь перебивать Инче:

— Они защищали город и людей, которые добровольно остались здесь. Представь, что было бы, если бы оккультисты взяли город? Нам бы пришлось ещё чёрт знает сколько времени его штурмовать. И это могло быть ловушкой.

— Любое предательство можно скрыть за красивыми словами, — в бешенстве прошептал я. — Любое предательство можно объяснить высшими целями. Чёрт вас, ублюдков, возьми! Стоит поговорить с одним из вас, гордо именующих себя героями, и будто в говне искупался.

Инча потупилась взгляд. Будто ей было стыдно. Хотя, ей-то, возможно, и стыдно. Но вот остальной шайке во главе с Судьёй на нас плевать. Мы — расходный материал, предназначенный для стройки их победы. Останутся материалы после стройки — хорошо, нет — ну и насрать.

— Ора... Судья подобного не допустит, — тихо сказала Инча.

— Именно поэтому наши ребята сейчас копают траншеи и втыкают в землю колья у городской стены, а вы с обозами спрятались ЗА ней? Ждёте второго превентивного удара от Гниющего?

— Всё не совсем так. Успокойся, пожалуйста. Я не могу сказать, да и сама не всё знаю, но ты знай — никто вас в беде не бросит. Верь мне.

Я скрипнул зубами, но больше ничего об этом говорить не стал.

— Отлично, — буркнул я после паузы. — Ты что-то намекала на счёт моего появления здесь?

Инча выдавила жалкую улыбку и, наклонившись через стол, погладила мою левую щеку.

— За эту информацию нужно будет заплатить.

— Цену я знаю, да?

Друидка улыбнулась уже совершенно искренне.

Мы занялись сексом на столе, разметав еду по углам. Сам процесс немного успокоил мою Злобу, большего мне и не нужно было.

Вру, конечно.

— Не одевайся, — прошептала Инча, когда мы закончили. В этот раз она никаких туесков не доставала, просто осталась сидеть на столе. Ей нужен был именно я, а не материал для амулетов. — До заката ещё уйма времени. — Она соскочила со стола и, потянувшись, улеглась на расстеленную шкуру. — Иди ко мне?

Я лёг рядом.

— Говори.

— Деловой какой, — хихикнула друидка, но тут же приняла серьёзный вид. — Так я была права? Ты появился отдельно от других игроков?

— Много народу появлялось поодиночке.

— Нет, я имею в виду первое прибытие. Мы говорили с вашими — нам тоже интересно, кто вы такие, и зачем здесь появились — и все, кто прибыл в первый же день, появились одновременно. Раз! — и куча народу в одном месте.

— Я появился раньше других, — признался я. — На несколько секунд раньше Алексея, а тот на пару секунд быстрее других.

— Алексея? Кто такой Алексей?

— Мой... друг. Был моим другом. Некро-друид, Гая с ним знакома.

Инча резко села, но потом сразу легла.

— Это бред какой-то — некро-друид, такого не бывает. Друид работает с живой плотью, а некромант — с мёртвой. Совместить это невозможно.

— А с чем тогда работают оккультисты?

— Тут по-разному. Есть те, что с живой, есть, что с мёртвой. Так почему ты говоришь, что он был твоим другом? Он погиб?

— Нет. Он теперь с Гниющим.

— Ничего удивительного, — угрюмо произнесла Инча, — на него тоже наложили метку Избранника. Возможно, удастся найти человека, которого привлекло сюда что-то доброе... Не обижайся, но лучше бы твой друг погиб. Он может стать очень опасным противником. Если встретишь его, убей. Убей быстро и без разговоров.

— Сам разберусь, — буркнул я. Конечно же, я не собирался убивать Алексея при встрече, я надеялся перетащить его на свою сторону. — Но что-то я ни черта не понял. Давай-ка поподробней, и про меня рассказывать не забывай.

— Послушай. Вы здесь чужие. Мы... мы догадываемся, кто вы, и как сюда попали. Знаем, что в этом виноват тот, кого ты встретил — Игрок, но кто он такой на самом можем только догадываться.

Зато я почти точно знаю, кто ты такой. Ты — Палач. Скажи, ты ведь не помнишь о себе ничего, кроме того, что было уже здесь?

— Да.

— Вот видишь, я права. И ничего удивительного, что Рилай приняла тебя за Судью — вы, по сути, одно целое, только разделённое в двух разных существах. Теперь слушай внимательно. Во время смут появляются двое очень важных людей. Их... ну, как будто призывает сам мир. Или их приход предопределил Гасп, больше некому. Может, это его издёвка. Или он сделал это ещё будучи мудрым и благородным существом.

Первый — Судья, он обязан Судить. Ты сам всё видел, да и на своей шкуре почувствовал. Судья будто выворачивает саму суть человека наружу, а потом решает жить ему или умирать.

Второй — Палач, он обязан исполнять вынесенные Судьёй приговоры.

В нашем случае вы нашли друг друга слишком поздно, и Судья научилась убивать сама, а Палач научился Судить, если вспомнить тех разбойников, что ты бросил в лесу умирать. Но это лишь придатки к вашей силе, они появились от безысходности.

Но самое важное, — Инча сглотнула слюну, — вы должны будете решить жить этому миру или умереть, когда кончится Смута. Судья заглянет в душу каждому живущему, каждому немёртвому, каждому...

— Я понял, — тихо проговорил я. — А я, в случае чего, должен буду исполнить приговор.

А для этого нужна сила, которую я сейчас собираю. Или которая собирается в меня помимо моего ведома.

«Комок, ты слышал её?»

«Каждое слово».

«И что теперь делать?»

«Плыть по течению, что же ещё? Всё это высокие материи, а нам ещё нужно уничтожить Культ».

— А что случится, если я или она погибнет?

— Придёт новый Судья или Палач. Возможно, тебя заменит твой бывший друг, но я в этом сильно сомневаюсь. Думаю, Судий и Палачей начал призывать Гасп, он научил этому Гниющего, а тот вызвал мощного союзника для себя, им-то и оказался твой друг. Вернее, он стал твоим другом, потому что ты как будто зацепил его с собой для Гниющего.

— А что на счёт памяти?

— Ты — пустой, чистый лист, понимаешь? Как ты можешь исполнять приговор, если будешь пристрастен?

— Судья-то память, как я погляжу, не потеряла?

— Тут другое, — Инча благоговейно вздохнула. — Судья была ещё маленькой девочкой, когда поняла, что такое добро, а что — зло. Когда её отца, очень большого человека...

— ... и потомка Корда...

— ... свергли с трона и убили, её мать изнасиловали и, изувечив, выставили на поругание всему городу, её саму, ни в чём не повинную пятилетнюю девочку, ослепили и сломали ей правую руку так, что она никогда бы не смогла взять меч и отомстить обидчику. В этот момент она познала зло. Добро же пришло к ней от обычных людей. Её подобрал и выходил какой-то жрец. Он дал ей знания об этом мире, людях и богах, а после и выучил биться левой рукой. Но она отказалась от мести, выяснив, что её отец был жутким тираном, а человек, который его сверг, наоборот лучший правитель для людей. Узнать — одно, но понять — совершенно другое, не зная во что верить, она ушла в жрицы Корда и провела в молитвах несколько лет, надеясь разобраться в своих чувствах.

Но с вашим появлением началась Смута. И в тот же день к ней явился странный человек. Она увидела его, он шёл к ней через тьму, которую она видела все последний годы, и Свет освещал ему дорогу. Будучи ослеплённой, она даже снов не видела, представляешь? Этот человек коснулся её глаз, потом — правой руки, а после молча исчез. Проснувшись, она снова увидела свет, а её рука вновь шевелилась. Тогда она поняла, что она — Судья...

— Что-то не помню никаких людей, идущих ко мне сквозь тьму, — проворчал я, прерывая поток патетики, льющийся из уст Инчи.

— Ты — всего лишь орудие, главная в вашей паре Судья. Если она навяжет тебе свою волю, не подчиниться ты не сможешь.

Я вздохнул.

— Приятно слышать.

— Прими это как данность. Странно одно — почему пришлый стал Палачом. Хотя, возможно, ты и не пришлый вовсе.

— Все игроки всегда принимали меня за своего... — Я осёкся. Столько раз меня пугали с местным. Однажды меня чуть не убили игроки. А однажды наоборот спасли местные. Если вспомнить слова Свея об узнавании... — Я точно игрок. Вероятно, меня иногда путают с местным из-за того, что я — Палач.

— Может, и так. Наверное, в этом мире не нашлось никого, кто был бы достоин.

— Или кого можно было бы проклясть таким способом.

Инча погладила мою левую щеку, осторожно прикасаясь подушечками пальцев к тонким шрамам.

Есть в этом какая-то странная символика — я должен быть слеп на один глаз, а моя левая рука, фактически, не принадлежит мне, являясь вместилищем для сгустка Тьмы. Тьма вылечила мой левый глаз. Судья же перестала быть инвалидом из-за вмешательства Света. Мы обязаны этому миру и нашими увечьями, и, одновременно, излечением от них. Две противоположные сущности, обитающие в этом мире, являющиеся его частью, не хотят, что он погибал. А мы — их орудия.

— Это не проклятье, — говорила там временем Инча, — это дар. Я найду способ, чтобы вы с Судьёй встали на одну сторону, и тогда мы сможем спасти всех.

— Думаешь, я этого так хочу? Да мы и так, вроде, на одной стороне.

— Но не вместе. Будто тянете одно одеяло каждый на себя. Ну, ничего, — говоря это, Инча крепко прижалась ко мне, её рука поползла по моему бедру вверх, — вы справитесь.

Мы поцеловались.

А я думал о том, что Инча ответила лишь на один вопрос — кто я. Но такой ответ не подразумевает понимания моей сути.

Чистый лист? В этот чистый лист уже вписано слишком много, и все буквы — кровью и грязью. Во мне уже слишком много привязанностей и ненависти.

Смогу ли я справиться с возложенными на меня обязанностями? Смогу ли уничтожить этот мир, если понадобится?

И не захочу ли я этого, окончательно возненавидев его?

Я перемахнул городскую стену за полчаса до заката. Игроки трудились, не покладая рук, но сооружённые ими ров, вал и частокол не остановили бы и взбесившуюся козу. Долго искать Свея не пришлось — он сидел внутри своей палатки и «любезничал» наедине с Шапокляк. Насколько я понял из обрывка разговора, который успел услышать, они распределяли доли в предстоящей добыче. Носатая повелительница ядов не соглашалась отдавать Свею больше пятидесяти процентов, а тот пытался убедить её, что снаряжение ОЧЕНЬ понадобится ему для блага всех игроков, и ему потребуется никак не меньше трёх четвертей от добытого. Начинал он, судя по всему, процентов с девяноста.

— Многоуважаемый Свей намекает на то, что число членов нашего клана может резко увеличиться, — сказал я, усаживаясь к ним на расстеленную прямо на земле шкуру. — А значит, нам снаряжения нужно гораздо больше, чем вам. И я могу поручиться за его слова.

Шапокляк сузила глаза, внимательно меня разглядывая.

— Где ты выцепил этого факира? — спросила она, игнорируя мои слова. — Что-то раньше я его не видела.

— Я пришёл с севера, это всё, что нужно сейчас знать.

— Там же никого не осталось?

— Всегда остаётся кто-то, — осторожно проговорил Свей. — Поэтому нам нужно будет семьдесят процентов добычи.

Повелительница ядов оттаяла. Лицо, озарённое надеждой на лучшее, не перепутать ни с каким другим.

— Но этот разговор останется между нами, — настойчиво сказал берсеркер.

— Я не намерена вселять в своих людей ложную надежду. Отлично, получишь свои семьдесят процентов. Но если вы меня обманули...

— Мы не обманываем тебя, Рита. Ты же меня знаешь.

— Знаю.

Свей перевёл взгляд на меня.

— Что ты разузнал в городе?

Я вкратце рассказал ему, присовокупив рассказ своим одним своим предположением, смысл которого сводился к тому, что раз герои и войска активно отдыхают с марша, то нападение ожидается не далее как сегодня вечером.

— То есть мы тут вроде сыра в неработающей мышеловке, — угрюмо заключила Шапокляк. — Я отдам своим людям приказ отдыхать, иначе они оружие в руках от усталости держать не смогут. Два лишних бревна в заборе нас не спасут.

— Скажи им делать вид, что они работают. Я своим скажу то же.

— По-моему, они там все тем самым и занимаются, — подал я голос.

— А источник информации достоверный? Нас точно хотят превратить в приманку?

Я пожал плечами.

— Достовернее его нет.

— Выставим тройные дозоры, — сказал Свей. — И, кстати, ты не знаешь, сигнализацию кто-то придёт ставить? Время-то уже прилично, скоро закат.

Я снова картинно пожал плечами, а потом ухмыльнулся:

— Как-то не по себе становится, когда начинаешь понимать, что тебя готовят в качестве жертвенного агнца.

— Или козла отпущения. Ладно, план действий согласован. Рита, иди, мне нужно поговорить с ним наедине.

— Иду-иду.

— Постой, — резко сказал я. — А мой яд?

— А где доказательства того, что ты проник в город? Останемся при своих, парниша.

Я вытащил из кармана три знака Судьи, которые своровал у Инчи — именно она их делала. За то, что они находились у меня, мне грозила быстрая и мучительная смерть — выдавать их могла только Судья и только тому, кого она судила, и, конечно же, не более одной штуки на руки. После гибели обладателя знака, он возвращался Судье.

— Этого достаточно?

— Где ты их взял? — выдохнул Свей.

— Украл у мастера, который сейчас находится в городе. Помнишь, они вошли самыми первыми — Судья и её приближённые?

— Откуда мне знать, что ты не взял их раньше?

— Оттуда, что взял бы я их раньше, пропажу бы давно обнаружили и меня бы уже за них казнили. Сейчас же, когда они готовятся к бою, у нас есть время, чтобы их использовать.

— Как ты хочешь их использовать? — спросила меня повелительница ядов.

— Сначала гони яд. И я сам выберу, какой захочу.

Шапокляк вывалила на шкуру несколько склянок. Я простёр над ними левую ладонь.

«Комок».

«Нюхаю уже, нюхаю... Хм... мм... ага... да... нет... нет... Положи ладонь ей на лицо, я сам всё сделаю».

«Зачем?»

«Клыки, самый сильный яд у неё в клыках. Вы же спорили на самый сильный яд?»

«Думаешь, она согласится?»

«Ну, убеди её. Мне нужен этот яд, он в разы сильнее нашего».

— Рита.

— Что?

— Открой рот, закрой глаза.

— Ты идиот?

Я ушёл в Тень и припечатал левую ладонь ко рту Шапокляк. Комок управился за секунду, но вряд ли это понравилось повелительнице ядов.

— Ты охренел? — прорычала она. — Что, мать твою, это было? — Шапокляк сплюнула кровью. — Ты, мать твою...

— Мы спорили на самый сильный яд. И я взял его сам, так как два раза ты уже попыталась меня надурить. А теперь на счёт знаков Судьи...

Мы вышли из палатки через четверть часа. Шапокляк злая и недовольная, Свей сосредоточенный, а я преисполненный злой радостью. Повелительница ядов нас покинула, а мы с берсеркером направились к земляному валу.

— Пахнет кровью, — сказал я, ухмыляясь. — Кровью и смертью. Чувствуешь?

— Чувствую. Но не понимаю, чего тут весёлого.

— А я не весёлый, я злой. Очень-очень злой.

— Думаешь, сработает?

— Конечно. — Я протянул Свею кусок пергамента, который дала мне тогда Трея, и босс впился в него глазами. — Конечно, сработает. Давай обратно. Я пока пошёл в разведку.

Я оставил ошарашенного Свея и через несколько секунд уже бежал к опушке Белой Роши. Смрад гниения, грязи и желчи, вонь смерти и крови, запах Скверны медленно надвигался на меня. Я полу-инстинктивно нашёл укромное место и затаился там в ожидании.

Вот так, я ожидал долгой и кровавой войны, тяжёлых походов сквозь неблагоприятную наполненную врагами местность, а противник решил атаковать самостоятельно.

И я знал почему. Потому что он боится. Меня. Судью. Героев. Игроков. Нас. Людей.

Нелюди бредут сюда, я чувствую, как дрожит под их ногами и лапами земля. Я слышу крики, вопли, стоны, вой. Чувствую, как на меня надвигается жуткая аура безумия и боли. Но я здесь потому, что не боюсь их. Я пришёл сюда, чтобы убивать их и, если понадобится, быть убитым. А они — для того, чтобы попробовать спасти свои жалкие недожизни, продлить свою агонию. Когда Гасп остался в Белой Роши прикрывать отступление Культа, он лишь оттягивал неизбежный конец Гниющего и всех его прихвостней.

Мы пришли, чтобы завершить дело, которое не смог завершить Корд. Так, скажите, зачем нам боги, если мы, люди справимся гораздо лучше?

«Как ты?» — спросил Комок спустя какое-то время. Вокруг царила непроглядная темень. Кажется, я даже задремал.

«Устал, — честно признался я. — Чертовски устал. А ещё мне больно».

«Отдых ещё не скоро, а вот боль я сниму как только переварю яд».

Я сидел на ветвях огромного многовекового дуба. Опушка Белой Роши медленно приходила в движение. Химеры, одержимые, оккультисты и даже несколько ведьм. Тысячи существ, которые когда-то были людьми, сейчас собрались здесь. И против них жалкие восемнадцать сотен людей.

Как я и думал, Гниющий решил нанести превентивный удар. Пока город в плачевном состоянии, пока лагерь не готов, пока войско не отдохнуло с марша. Моё появление тоже сыграло свою роль — я чувствовал, как его злобная воля ищет меня, но я научился прятаться очень хорошо.

Куча одержимых, сотен пять, не меньше, в сопровождении полудюжины оккультистов высыпалась на большое выжженное поле, где ещё год назад росла пшеница.

«Вот он — мой отдых, планирование и интриги — не мой конёк, но, кажется, скоро придётся брать на вооружение и их».

«И, тем не менее, у тебя получилось?»

«Узнаю в скором времени».

Я спрыгнул с дерева и, словно нож в масло, вошёл в нестройную толпу одержимых, шедшую к Светлому Месту с правого фланга. Крылья и Клинки Тени рвали безумцев на части, потрошили их тела и расшвыривали ошмётки по окрестностям. Впрочем, они, в отличие от оккультистов, умирали быстро. Переломанные и освежёванные тела улыбочатого и слухача корчились в муках ещё какое-то время после того, как Тень коснулась их, с этими ребятами я торопиться не собирался. Этого оказалось достаточно для других — они просто бросили подконтрольных одержимых и смотались к своим основным силам.

Зло Гниющего коснулось меня, но что мне до его зла?

— Ну! — крикнул я ему. — Давай, достань меня!

Он, конечно же, попробовал, но я растворился в Тени и отступил, оставив после себя полсотни трупов. Оставшиеся безумцы тупо сбились в кучу и, завывая, принялись водить жуткий, изломанный, неестественный хоровод вокруг умирающего слухача. Они случайно затоптали его насмерть и остановились, не зная, что делать дальше.

Я в этот момент был уже далеко.

— Где ты, сучка, где? — напевал я, рыская по лесу. — Где ты?

Боль и кровь пьянили меня. Я давно уже дал волю своей Злобе и не собирался её сдерживать, переход какой-то определённой черты просто выключил в моём мозгу кнопку с названием «Достаточно». Пересечение этой грани сделало меня полубезумным, но контролируемое безумие — лучшее состояние, которого стоит придерживаться в ближайшее время. Нормальный вряд ли вынесет, что может произойти в ближайшее время.

Я почуял её. Тащилась на телеге вместе с двумя лобастыми медиумами. Однажды я уже отпустил её, но второй раз такое не повторится. До повозки не меньше километра, но я преодолел это расстояние сквозь Тень за несколько секунд.

— Привет. Где взяла новый глаз?

Ведьма взвизгнула, но от химер, тащивших повозку проку не было — в этот момент они принимали меня за своего.

Жизнь оккультиста — причинение мук. В том числе самому себе. В жутких муках он рождается, в муках живёт, в них же черпает силу. Моя левая рука сейчас представляла собой опухший обрубок с почерневшей подушкой ладони и толстыми непослушными червями пальцев, из-под деформированных ногтей которых сочился яд и гной. Но Комок уже обещал, что справится с ядом Шапокляк, хотя на это понадобится время.

Я опрокинул телегу, оставив медиумов, сбрызнутых новым ядом и неспособных пошевелиться под тяжестью телеги, умирать. А вот ведьму я вытащил из-под телеги, ещё раз переломал ей ноги, а после сжал её горло правой рукой. Я чувствовал, как её позвонки трещат, как я выдавливаю из неё жизнь. Это было упоительно. В этот момент я готов был сразиться с самим Гниющим, пусть с ним будут хоть миллионы приспешников.

Но резкий окрик Комка вернул мне разум.

«Я справляюсь, сейчас боль немного пройдёт. И, кажется, ты уже должен был возвращаться к городу? Часть атаки ты уже сорвал».

Я выругался сквозь зубы, но та эйфория, что пьянила меня, уже прошла. Осталась лишь Злоба да желание убивать. Убийцы на рожон не лезут, напомнил я себе, и принялся отступать к городу.

Но отступать, собственно, было уже некуда. Поняв, что дырявые разваливающиеся стены и куча палок воткнутых в холмик земли — плохая защита, от которой могут ещё и помехи возникнуть, Судья вывела своё войско в поле у опушки Белой Роши. Так что, отойдя буквально на несколько сот метров назад, я очутился в эпицентре сражения местной пехоты и химер.

Герои действительно впечатляли куда больше игроков. Их колдовство было куда мощнее, а мелькающие то тут, то там артефакты-бомбы причиняли рядом химер чудовищный вред. Я едва не погиб под дружеским (впрочем, дружеским ли?) огнём и едва сумел смотать удочки. Оценив обстановку, я понял, что тяжеловооруженные пехотинцы выполняют роль ничуть не лучшую, чем игроки, то есть простого мяса, пущенного вперёд для того, чтобы сдержать противника, пока маги стараются нанести врагу как можно больший урон.

Но всё было бы слишком просто, если бы герои разгромили химер, пока пехота их сдерживала. Где-то в глубине строя химер зашевелилось что-то огромное. Из-под земли вырос чудовищных размеров хобот, который наотмашь упал на ряды пехотинцев, вырубив в строю настоящую просеку. Хобот — или, скорее, сосуд — задрожал и через пару секунд лопнул, выливая на пехотинцев потоки Скверны. За несколько секунд, наполненных гнилой вонью и нечеловеческим визгом умирающих, половина тяжёлой пехоты была уничтожена, вторая бежала. За ними с трубными воплями бросился поток химер — им, рождённым Скверной, чёрная жижа нипочём.

Впрочем, их быстро завернули назад — Гниющий явно готовил массированный удар по всему фронту, намереваясь раздавить нас одним ударом. Затяжная битва ему была не к чему — герои мясо вроде одержимых вряд ли почувствовали бы, рано или поздно, выкосив всех, пополнить же ряды безумцев было негде. Когда основное твоё преимущество — численное превосходство, лучше пользоваться им сразу.

Я отступил к лагерю игроков. Все наши были в боевой готовности — за плотным строем персонажей ближнего боя, среди которых стояла половина убийц и охотников, прятались разбитые на несколько групп маги и друиды. Пехота и герои уже откатились к стене. Я заметил, что конница в сопровождении нескольких десятков героев направляются в левый фланг армии Гниющего. Возможно, тоже стараются оттянуть массированную атаку.

Я перебрался через ров и вал с частоколом, ещё раз с горечью поняв, что от них практически никакой защиты. Свей ещё находится в тылу, раздавая последние распоряжения. Вскоре он займёт место в первых рядах, приняв командование пехотой, здесь же, рядом с кастерами, останется Шапокляк. Повелительница ядов удовлетворительно крикнула, увидев мою распухшую руку.

— Не по вкусу пришлось, а? — с гордостью спросила она.

— Опухоль уже почти спала, через пару минут и вовсе буду в... — Я заикнулся и, едва успев стянуть маску, сблевуул за землю. Вытоптанная почва задымилась. — В общем, скоро буду в норме.

«Уже в норме», — сказал мне Комок.

«Отлично, а то не хотелось бы проводить второе из трёх генеральных сражений раненым».

— Уже в норме, — сказал я и помахал перед Шапокляк рукой, с которой прямо на глазах спадала опухоль.

Через секунду меня скрутил ещё один спазм, и на этот раз рвота продолжалась долго.

«Извини». — Эта зубастая паскуда издевалась.

«Да пошёл ты...»

Очухавшись, я улыбнулся Рите, а та покачала в ответ головой.

— У меня полгода ушло на этот яд.

— Что в лесу? — нетерпеливо спросил меня Свей.

— Тысяч пятнадцать одержимых, оккультистов от трёх до четырёх сотен, химер примерно столько же. Ну и Гниющий, который умеет вызывать из-под земли сосуды со Скверной, очень быстро превращающей людей в кости, лежащие в лужах гнили.

— Ты, кажется, ещё веселишься? — буквально прорычал босс. Его бесила моя жажда боя. Для него предстоящая битва вовсе не возмездие Культу, он думает о том, сколько человек из клана погибнет, сколько будет ранено, куда уводить людей в случае поражения. Что будет, если погибнет он. Я мыслил как убийца, которому дали работу, и я был готов её

выполнять, он же был предводителем, на плечах которого лежит ответственность за сотню с гаком жизней здесь и ещё больше — в Каменном Мешке. Нет, конечно же, я тоже переживал за наших, и был готов отдать жизнь за их спасение, но ответственность я спокойно перекладывал на Своя. Хотя бы потому, что он гораздо лучше справится.

Я оскалился, показывая боссу вылезшие зубы.

— Радуюсь тому, что сегодня все получают по заслугам, — невнятно проговорил я в ответ.

Проревел горн.

— Готовимся к обороне! — рявкнул всем Свей. — Я на своё место, — сказал он Шапокляк и скосился на меня. — А ты куда пойдёшь?

Я расправлял за спиной Крылья Тени, а Комок, окончательно переваривший яд, разодрав левый рукав моего плаща, высунул наружу своё жало вместе с пастью, в которой уже начали водить хоровод ряды треугольных зубов. Я ещё раз ухмыльнулся, и в этот раз вместе со мной ухмыльнулась маска, сросшаяся с моим лицом.

На меня смотрели с ужасом, будто на чудовище. Но я и был чудовищем, хотя всё ещё оставался человеком, пусть где-то глубоко внутри. И буду им оставаться до тех пор, пока меня заботят судьбы других людей, плевать, как я выгляжу, и что за тварь живёт в моём теле. И пусть люди благодарят судьбу, что это чудовище на их стороне.

— Мне в строю будет тесновато, но я буду держаться недалеко.

— Отлично. По местам.

На левом фланге поднялся знакомый мне по первой встрече с Гаей столп света. Только в этот раз его сопровождал бешеный, закладывающий уши, визг одержимых, попавших под его действие. Верещали они так, будто их сжигают заживо и, думаю, это было недалеко от истины.

Я ощутил толчок тёплого воздуха, наполненного влажным смрадом сохнувшей грязной одежды. Мимо меня пробежало десятка три героев во главе с Эшком. Охотники. Видимо, проводят разведку боем. Прикрыв глаза, я принялся. На них — и, значит, на меня — пёрло около тысячи одержимых, за спинами которых маячило едва ли с десятков послушников. Никакой особо полезной информации герои не получают.

Я вслушался в Тень. Выходило, что оккультисты действовали по знакомому плану — большая их часть вместе с химерами и примерно половиной одержимых залегли в лесу, в то время как вторая половина безумцев ведётся горсткой послушников на убой. Вероятно, тоже планируют провести разведку боем, пожертвовав частью мяса — вряд ли Гниющий достоверно знал, где расположилось наше войско. Я отписался по этому поводу Свею, а сам двинулся за Эшком.

Впрочем, с охотниками я столкнулся почти сразу — они организованно отступали. Некоторые были ранены, одному оторвали руку, его тащили на себе двое товарищей. Пройдя ещё сотню шагов, я наткнулся на место их стычки с одержимыми. Около полусотни утыканных стрелами трупов громоздились на лесной тропе, другие одержимые отступили вглубь леса и топтались на месте. Если так пойдёт и дальше, их неуверенная разведка будет стоять им приличной части войска.

Хотя, когда на твоей стороне девятикратное преимущество, вряд ли думаешь о потере жалкой горстки самых бесполезных своих юнитов.

Я обошёл сгрудившихся у череды оврагов одержимых и нашёл кукловодов — дюжину оккультистов. Они не прятались, уверенные в том, что находятся в безопасности. Глупцы.

Мои иллюзии выросли из-под земли и одновременно навалились на каждого противника. После секундной паники, потеряв двух товарищей, послушники дали отпор. Их ментальные атаки за долю секунды рассеяли все мои иллюзии, из-за чего я провёл несколько неприятных секунд — мои глаза будто выдавливали, уши заложило до боли, а за уголки рта кто-то будто потянул крюком. Но Комок быстро справился с этой болью.

«Что за хрень? Крыс говорил...»

«Твой Крыс — убогий охотник. Эти иллюзии несут твой ментальный след, но при этом защиты от разумов оккультистов у них самих никакой нет, вот рикошетом ударило и по тебе. Нужно будет над этим поработать, жрецы Корда в этом плане ещё опасней будут».

Что ж, поработаем. Но пока нужно уничтожить оккультистов. Они не сидели без дела — из-под земли то тут, то там вылезали небольшие «сосуды», проливающиеся Скверной на землю. Скверна начинала кипеть, образуя что-то вроде защитного круга.

Где-то у стен города тем временем вновь что-то грохнуло, а потом раздались звуки уже ближнего боя. Видимо, оккультисты прощупывали оборону союзников то тут, то там, не собираясь переть вперёд цельным фронтом. Возможно, где-то оборона и не выдержит. Скорее всего, на позициях игроков. Потому-то я как можно сильнее должен оттянуть атаку

на них.

Я раскрутил Теневой Вихрь, распротёр Крылья над ставкой оккультистов и прыгнул прямо в их круг. Скверна встретила меня отчаянным сопротивлением, но я продавил щит и ворвался в группу противников. Бойня продолжалась с минуту, а после я двинулся дальше в глубину леса, оставив за своей спиной разбредающую толпу одержимых.

Но на этот раз меня выследили. Внезапно я по колено провалился в лужу Скверны, вылившуюся из-под земли. Ноги жгло огнём. Я выбрался из лужи, но тут мне дорогу перегородил появившийся откуда-то из-за деревьев сосуд, вот только в этот раз из него не вылился поток жижи. Он лопнул пополам, и на меня набросилось нечто чёрное и бесформенное, закутанное в десятки слоёв тряпок и шкур. Я отбил первый натиск существа и отступил, старательно избегая разливающейся по земле Скверны, существо же метнулось куда-то в лес.

— Алексей, — тихо сказал я. — Это ты?

Это был он. Я чувствовал. Неестественно длинная деформированная левая рука с десятками щупалец вместо пальцев могла быть только даром от Гниющего моему старому другу.

— Я, — прошелестел его голос, сильно искажённый, но ещё узнаваемый.

На мои Крылья Тени спикировало несколько разлагающихся ворон. От соприкосновения с Тенью они лопнули, разлетевшись в разные стороны ворохом перьев и отравленных кусков мяса. Зашипел разлившийся яд, но Крылья выдержали.

— Почему ты примкнул к ним? — как-то жалко, словно обиженный ребёнок, спросил я.

Ответа на мой вопрос не последовало.

Я увидел его. Некромант спрятался в небольшой ложбинке. Намереваясь оглушить его, чтобы после битвы поговорить с глазу на глаз, я набросился на него, целясь из Тени в левую руку. Клинки впились в руку некроманту, кромсая плоть, чтобы отделить проклятый подарок Гниющего...

... и его плоть взорвалась, окутывая меня облаком яда, способного даже разесть мою Тень. Я отшатнулся, пальцами правой руки сдирая со своего тела пятна из расплавленной одежды и яда.

— Ты не собираешься сдерживаться, — сказал из ниоткуда тот же сиплый бесстрастный голос. — Это хорошо. Я тоже не хочу драться вполсилы.

Я взлетел на дерево, всё ещё счищая с себя яд. Полдюжины выжженных ран невыносимо болели, кровотока и уже истекая гноем. Комок полностью ушёл в себя, не давая яду некроманта расползтись по моему телу.

Я наугад метнул в лес несколько Меток, но ни одна не нашла Алексея. Искать среди теней тоже не выходило — некромант всё под своими ногами превращал в Скверну...

Ещё несколько Меток в те места, где концентрация Скверны была наибольшей, дали результат. Я увидел сгорбленную фигуру, упирающуюся левой рукой в землю. Два арбалетных болта щёлкнули на зубах у выбравшегося из-под земли скелета — Алексей успел выставить не один слой защиты.

— Почему ты примкнул к ним? — повторил я уже со злостью в голосе.

— Ты меня предал. Предал нас всех. Друзей, клан... Бросил нас в кругу врагов. И тогда я решил выступить против тебя. Что тебя удивляет?

— Ты тоже предаешь клан.

— Что мне клан? Я хочу уничтожить весь этот ублюдочный мир. Я его ненавижу.

Ненавижу всех этих вырожденков, искажающих свои тела, ставящих опыты над людьми. Ненавижу здешних богов, делающих из людей бездумные орудия для своей войны. А тебя я ненавижу больше всех.

— Ненависть ко мне оправдывает то, что присоединился ко всем «этим вырожденкам, искажающим свои тела»?

— О, это только на время. Для всех итог будет один — вечный покой и для нас, и для местных, для всего мира. Но тебя я хочу прикончить собственноручно и прямо сейчас.

Алексей застонал, его тело выгнулось, в то время как левая рука оставалась неподвижной.

Земля заходила ходуном. Разрывая дёрн, на поверхность полезли сотни скелетов — человеческих, звериных. За моей спиной поднялись убитые мной оккультисты.

Лес наполнился тем же бесстрастным и от этого ещё более зловещим голосом.

— Ты будешь первым. Потом падут другие.

Я как можно плотней укутался в Плащ и спрыгнул на землю. Тень разметала десяток шевелящихся костяков, но здесь их собрались сотни. Я попробовал прорваться к некроманту — наброшенная Метка не давала ему ускользнуть от меня — но скелеты и трупы буквально завалили мне дорогу, не давая пройти. Я отступил, надеясь резко изменить направление атаки, но тут же на меня со всех сторон набросились одержимые. Сквозь толпу скелетов я разглядел трёх лобастых, появившихся из глубины леса.

Тем временем в движение пришла не только земля. На миг прощупав тени, я понял, что почти вся армия Гниющего двинулась вперёд. Кажется, они нашли слабое место... и пока не понятно, где оно. Кто не выдержал? Игроки? Герои? Обычные войска?

Я взлетел на очередное дерево, растворился в Тени, понимая, что нужно уходить.

— Со мной этот фокус не пройдёт, тёзка. Я тебя тоже пометил. Сейчас ты потеряешь сознание, а потом я отнесу тебя к Гниющему для того, чтобы он вытащил из тебя все силы, что ты забрал в Лесу Трупов.

Мои раны, которые уже начали затягиваться благодаря Комку, вспыхнули жесточайшей болью. В каждой принялись прорасти семена полых костяных колючек, наполненных ядом. Дюжина тончайших шил пронзили мою правую ладонь — ту, которой я обдираал прожжённые куски одежды.

«Ты недооценил его, — с мрачным злорадством сказал мне Комок, — ты не хотел его убивать. Ты и драться-то с ним не хотел. И вот тебе результат».

«Ты можешь мне помочь?»

«Могу, — вздохнул Комок. — Сейчас будет ОЧЕНЬ больно, и снять я эту боль не смогу, пока не управлюсь с колючками».

Я на миг потерял сознание. Ничего удивительно — ощущения были такие, будто каждую мою кость выдирают из тела: шипы успели прорасти сквозь мою плоть и впиться в скелет. Это длилось какие-то секунды, но я едва не сошёл с ума и не умер от болевого шока.

За это время я успел свалиться с дерева, моё тело завалило десятком скелетов и дюжиной одержимых. Алексей подошёл ко мне на расстояние вытянутой руки.

Комок выплюнул ему в лицо каждую собранную в моём теле колючку, щедро смазанную ядом от Шапокляк. Они прошли сквозь защитный слой Скверны, циркулирующий под слоями шкур, в которые некромант кутался, и глубоко вошли в его тело. Алексей отшатнулся, опоздав лишь на миг, поднимая свою левую руку для защиты, и в этот момент Комок своим жалом и десятком пастей превратил добрую половину щупалец на

левой руке некроманта в кровавое мясо.

Я растворился в Тени и, едва понимая, что происходит, отступил к городу.

«Один — один, — заметил Комок. Он очень гордился собой. — Это у меня с твоим другом. У тебя — ноль».

«Заткнись».

Комок хихикнул.

«Интересно, что будет, когда Гниющий прознает, что ты уже ухлопал всю энергию?»

«Если Гниющий меня достанет, то ничего хорошего мне точно не светит вне зависимости от того, получит он желаемое или нет».

«О, это точно. Я знаю, где они прорвались».

«И где же?»

«Ну, раз они хотят поймать тебя, чтобы забрать энергию...»

Я на ходу влил в себя два зелья здоровья и одно — Злобы, её запасы тоже начинали истощаться из-за того, что по моим собственным энергетическим каналам сейчас сила едва струилась.

Сквозь лес и толпы штурмующих город одержимых нельзя было не разглядеть полыхающие деревянные укрепления лагеря игроков.

— Я тебя достану... — едва слышно раздалось за моей спиной. Впервые в голосе Алексея прорезались эмоции, и я не слышал раньше, чтобы в слова вкладывали столько ненависти.

«Вас раздавят одним ударом, нужно что-то делать...»

«Ещё рано, Комок, рано».

«Потом может быть поздно».

«Если станет поздно, я погибну здесь в одиночку».

Зелья привели меня в чувство. Я быстро добрался до задних рядов одержимых, штурмующих деревянные укрепления. Пожар успели потушить, и теперь над рядами безумцев носился чудовищный вихрь, слепленный из огня и каменной крошки.

«Сюда стянулась, должно быть, половина нападающих».

«Вижу».

Зацепив по дороге двух оккультистов, я врубился в нестройные ряды одержимых. На меня секунд тридцать не обращали никакого внимания. За это время я прошёл толпу насквозь и пошёл по периметру ограждения, убивая на своём пути всех, до кого мог дотянуться. Иллюзии и прочие энергозатратные умения я не использовал, полагаясь лишь на Клинки Тени и Плащ, но для толпы безумцев этого было достаточно. Проблема в том, что там, где я убивал одного, сразу становился другой. Отступать одержимые, как обычно, не собирались, а сюда ещё и пёрли основные силы противника.

— Ну, — тихо прошептал я, — Инча, скажи, что ты была права, что Судья нас не бросит.

Но героям, кажется, было чем заняться. На левом фланге, где расположилась большая часть героев, один за другим росли столпы света, а в сердце нашей обороны, занятой в основном обычными войсками, шла беспорядочная свалка, которая грозила вот-вот закончиться разгромом союзников.

Если оккультисты прорвутся в город... Что будет? Город пуст, жалкие три с половиной сотни одержимых им не слишком-то помогут.

Я беззвучно выматерился, дойдя до края наших позиций, и, развернувшись, пошёл

обратно. Становилось всё хуже. Оккультистов, кажется, прибыло, некоторые начали мелькать в первых рядах, они старались достать своими ментальными атаками игроков, но о крысиных черепах слышали не только на севере. Я принялся целенаправленно выслеживать и убивать ублюдков, но те как будто получили приказ бегать от меня — стоило мне появиться рядом с послушником, как того и след простывал, а мою дорогу начинали преграждать особо озверевшие одержимые.

Ураган надо головами одержимых тем временем рос и рос. Я почувствовал что-то неладное ровно в тот момент, как сквозь шум боя до меня донёсся зычный голос Свея:

— Все за ограду!

Дважды меня просить было не нужно. Я в три прыжка преодолел расстояние до уже наполовину упавшего частокола и запрыгнул в организованно отступающие ряды воинов, заняв свободное место рядом со Свеем.

По центру урагана прошли три молнии. Именно прошли — медленно, как ток между катушками Тесла, извиваясь и меняя длину и форму. А потом...

Я упал на колени, оглушённый — не спас даже Плащ — и какое-то время тупо тряс головой, приходя в себя. В ушах звенело, глаза слезились, нос заполнился вонью горелых волос, одежды, мяса и земли. Сквозь слёзы я сумел разглядеть то, что происходило там, где только что толпились полторы тысячи одержимых.

«Тебя бы не спасли никакие Крылья...»

Я проигнорировал Комка, с чувством злого удовлетворения наблюдая за тем, как по земле ходят валы из песка и огня; как с неба хлещут молнии, превращающие песок в стекло, а одержимых и оккультистов в горстки пепла; как смутные фигуры каменных големов втапывают обгоревшие тела в мёртвую землю; как кипящая кровь одержимых обращается в лёд, пронзающий и выживших, и мёртвых насквозь; как тяжёлые наковальни из сжатого воздуха вжимают в землю оккультистов и протаскивают их бесформенные тела по изуродованной земле; как жгуты перегретой воды рубят паникующих на части, превращаются в пар, обжигая бегущих до костей.

Буря угасла резко, будто кто-то одновременно нажал отмену, лишь несколько вихрей осталось бродить по мёртвой парящей земле, да последний голем тяжело топтался по сожжённой каше из мяса и костей, когда-то бывшей десятком людей, но и его движения угасали, становясь всё более медленными и вялыми. Над побоищем установилась тишина, хотя, быть может, это я оглох.

Но, несмотря на чудовищную разрушительную силу, буря имела сравнительно небольшую площадь — часть противников, находящихся по краям, всё-таки выжила, и сейчас в панике отступала. Но навстречу горстке выживших из леса медленно, сплошным широким валом, уже катились волны призванных зверей, миньонов, фамильяров и духов, большая часть которых имела премерзкий вид и десятки средств для убийства и пожирания — от огромных когтей и зубов до пучков ядовитых тентаклей. Этот вал переехал отступающих и, повинувшись воле призывателей, развернулся, чтобы встретить отряды химер, рвущиеся на место погибшей армии одержимых.

— Нормально, — едва слышно просипел Свей, хотя судя по движениям рта, он орал изо всех сил. — У нас есть время, чтобы отдохнуть. Пятая и шестая роты — на вал, остальные разбираем раненых и убитых.

Тяжело ранено было полтора десятка человек, убито почти втрое больше. Мелкие раны затягивали жгутами и бинтами да заливали зельями здоровья. Все уже привыкли воевать с

такими незначительными повреждениями. Разве что одному парню раздавило правую кисть, и ему пришлось сидеть с тяжёлыми. Ранеными занимались сами воины — у магов были другие заботы. Стихийники приходили в себя после вызванной бури, призыватели ещё держали своих питомцев, бафферы же и вовсе валились с ног — на них пришлась большая часть энергии, которую потратили на эту смертоносную атаку.

— Как дела? — проревел Свей в ухо Шапокляк. Повелительница ядов пожала плечами и, повернувшись к полумёртвым от усталости призывателям, рывкнула в ответ:

— Минуты три-четыре ещё продержат, и всё.

Свей пихнул меня в плечо.

— Давай-ка на разведку.

Я растворился в Тени.

В лесу ещё шла бойня. Первый ряд химер полностью смяло, и я, не особо глядя под ноги, брёл по их развороченным телам, но те, что шли второй волной вместе с одержимыми и оккультистами, мясом заваливали остатки призванных существ, растаскивали их в разные стороны и рвали на части. Потери противника были чудовищными, но оккультисты никогда не считались с потерями.

На миг остановившись в более или менее безопасном месте, я закатил глаза, уходя из физического мира. Это было тяжело, но я сделал это, несмотря на навалившуюся усталость.

Над головой кипела настоящая буря — чёрные тучи стягивались к месту боя, кипя энергией. К земле медленно опускались целые вихри, и, готов поспорить, они сейчас с утроенной силой перекачивали энергию из бури в игроков и героев. Возможно, нашим удастся восполнить силу быстрее... И всё равно на подобную атаку наши кастеры вряд ли будут способны, а при участии воинов в первом акте битвы погибло около двух тысяч одержимых — лишь одна седьмая часть от их общего числа.

Настала черед готовить свои козыри героям. Союзники, мать их. Вроде и в одной армии, но как будто дают нам понять — вот это ваш угол и ваши противники, а тут — наши. Вы не суйте нос к нам, а мы не сунем к вам.

Я собирался уже возвращаться, когда почувствовал что-то неладное под ногами. Вглядевшись, я увидел тонкую сеть сосудов, тянущуюся из центра Белой Роши к Светлому Месту. Они медленно, но уверенно расползались от одного место драки к другому, откуда разрастались по всей земле.

Это плохо. Чёрт, это хуже всего. Если я смогу какое-то время воевать по колено в Скверне, то другие — нет. Нужно что-то...

— Я опять достал тебя...

Нет, не достал, — безмолвно ответил я и, оставив дюжину своих иллюзий, отступил к городу. Мёртвые твари, призванные Алексеем, в бессильной злобе сцепились с фантомами, но без толку — стоило мне отойти, как они мирно развеялись в воздухе, оставив мертвяков ни с чем.

Зато я увидел самого некроманта — он стоял рядом с невысокой сгорбленной фигурой, уперев левую руку в землю. Именно рука некроманта помогала сосудам со Скверной продвигаться к городу.

«Нужно убить его как можно быстрее».

«Знаю».

«Сможешь?»

«Не знаю...»

Комок вздохнул и принялся работать над моими притупившимися чувствами. Когда я вернулся за частокол, то видел и слышал уже нормально. От обоняния, если оно даже и не пострадало, толку никакого — слишком кругом воняло.

Я рассказал Свею о том, что видел.

— И, как думаешь, что это будет? Эта Скверна, которая всё разлагает? Или что-то другое?

Я пожал плечами.

— Возможно, что-то со спецификой некроманта, — предположил я. — Возможно, поднимет погибших... — Я даже вздрогнул от собственных слов. Сколько не убивай противников, даже мёртвый встанет и набросится на тебя. Разве что совсем изуродованные трупы поднять у Алексея не получится, но сколько сил нужно тратить на то, чтобы сжигать трупы или превращать их в кашу? — Но если это и будет просто Скверна, всё равно ничего хорошего.

Я устало снял маску. Крылья за моей спиной скукожились, превращаясь в обычный плащ.

— Мне нужно хотя бы перекусить, — сказал я боссу. — И несколько минут уединения. И что, кстати, с нашими добрыми друзьями?

— Затихло у добрых друзей, отбились. Солдат потеряли очень много, но вот герои, кажется, легко отделались. Спроси еду на кухне. И делай всё быстрее, как будто у нас в запасе не больше нескольких минут до следующего нападения.

— Возможно, из-за этой сети сосудов под землей они немного потянут, — я в очередной занялся догадками, хотя и сам не знал, что хуже — немедленное нападение или более позднее, но с большими силами.

На кухне развернулся полевой госпиталь, но разжиться едой мне всё же удалось. Найдя укромное местечко, я наскоро перекусил и, закатив глаза, потянулся к бушующему над моей головой вихрю, чтобы хоть как-то восполнить запасы энергии. К добру или нет, но моя медитация продолжалась около часа.

Из отрешённого состояния меня вывели ощутимые толчки в плечо. Открыв глаза, я увидел Крыса.

— Тебя хотят видеть, — сказал он. — Шеф и те три бабы из местных.

Я поднялся на ноги и, натянув маску, отправился за охотником.

Ночь уже полностью вошла в свои права. Звёзд с юга не было видно — их заслонял мощнейший, из тех, что я когда-либо видел, шторм. Воздух застыл, стало даже душно. Внезапно налетел резкий порыв ветра, едва не сбивший нас с ног, а в чреве огромных туч засверкали вспышки.

— Кажется, драться придётся под лёгким дождичком.

— Стихийникам только на пользу пойдёт, — пожал плечами Крыс.

— Не всем.

— Пусть так, но половине — точно.

Крыс брёл впереди меня, сгорбившись. Я ощущал его подавленное состояние. Ему была неприятна моя компания, он не хотел встречаться с Судьёй. Не хотел умирать, как и все мы. А всего в километре южнее стояла мощнейшая армия, с которой когда-либо приходилось сражаться игрокам. Я сочувствовал охотнику, но моё сочувствие было последним, чего он сейчас хотел.

— Не знаешь, что у них там за собрание?

— Кажется, хотят объединить армию и ударить по Гниющему одним кулаком. — Крыс хотел рассказать что-то ещё, но тут же передумал. — Сам узнаешь.

Мы пересекли кое-как восстановленный частокол, прошли мимо городских ворот, около которых сейчас штабелями лежали раздетые почти донага трупы обычных солдат — не меньше четырёх сотен по моим оценкам. Мирные жители стаскивали к воротам всё, что могло гореть — мебель, дрова, вываливали на тела тележки с древесным углём. Оставлять потенциальных солдат для армии Гниющего никто не собирался.

— Впереди враг, — медленно сказал я, — позади погребальный костёр, справа лес и болото.

— Если атака сорвётся, был отдан приказ отступать на восток, потом по дороге сворачивать на север. Но, если атака будет неудачной, нас в любом случае окружают — слишком много у Гниющего народу. Эти, — Крыс указал на горожан, — запрутся в городе. Костёр даст им время в случае чего покончить с собой, чтобы не достаться оккультистам живьём.

— Всё очень позитивно.

— Как всегда, — фыркнул охотник и снова угрюмо замолчал.

Ставка Судьи, где, кроме дюжины её приближённых, находились Свей с Шапокляк в сопровождении десятка телохранителей с белыми брелоками, находилась в нескольких сотнях шагов от похоронного костра, ближе к опушке Белой Роши, чем к городской стене, у которой сейчас выстраивались войска. Впрочем, ставкой это и назвать-то сложно — складной стол, на котором лежала карта, и три стула. Судья с Гаей и Инчой сидели, остальные стояли, сгрудившись у стола. Меня встретили либо с откровенной настороженностью, либо с неприкрытой недоброжелательностью.

— А вот и я, — сказал я, улыбаясь. Пасть моей маски улыбнулась вместе со мной. Я чувствовал себя неплохо — энергетическая буря, что питала зону Игры, дала возможность восстановить порядочно сил, хотя, конечно, энергии из моего собственного канала мне сильно не хватало. Там ещё оставался резерв, но он был мне необходим — либо я исполню свой план, либо вычерпаю его до дна и заберу как можно больше врагов с собой в могилу.

Судья с неприкрытой ненавистью уставилась на меня, сузив глаза.

— Ты пойдёшь в атаку с нами, — медленно проговорила она. — Твой господин, — кивок в сторону Свей, — не против.

— Вообще-то против, — сухо проговорил берсеркер, — но другого выбора у меня нет.

— Мы вам, пришлым, не доверяем, — задиристо произнёс Гарт. — Будете слушать нас, и только попробуйте пикнуть.

— Вот не пойму, как ты вообще до такого возраста дожил с таким говённым характером? — фыркнул я, обращаясь к мечнику.

Гарт схватился за рукоять меча и, сторбившись, шагнул вперёд.

— Хочешь, покажу?

— Хватит, — резко сказала Судья. — Сейчас не время для свар. Ты идёшь с нами — и точка. Вон там твоё место, — она указала на выстраивающийся отряд воинов. — Будешь слушать Серого, его слово для тебя — закон. Всё, расходимся. Свей, выстраивай своих. Атакуем через полчаса.

Я едва подавил в себе Злобу, уже готовую прорваться наружу. Пройдя мимо Гарта, я зацепил его плечом.

— Посматривай во время драки себе за спину.

— Я вырежу твою печень и съем у тебя на глазах, — таким же полным ненависти голосом ответил мне мечник.

— Если я хотя бы заподозрю, что вы намерены сцепиться, убью без Суда обоих, — буквально прорычала Судья, но я даже не обернулся.

Моё место было в первом ряду, прямо перед Серым — тем засранцем в волчьей шкуре. Насколько я понимал, он в любой момент готов был воткнуть мне в спину меч. Что ж, удачи ему.

— Привет, зайчишки, — сказал я, — как, нормально в тылу отсиделись?

— Заткнись, — холодно оборвал меня Серый. — Ещё слово, и я тебя убью.

Я не боялся ни его, ни всех его людей, но всё-таки замолчал — пока провокаций было достаточно. Герои восприняли это как проявление слабости, на меня со всех сторон посыпались насмешки и оскорбления, но я не слушал.

Конницу всю перебили, отрезав во время вылазки от героев, так что наше войско выстроилось без всяких ухищрений — воины впереди, позади маги, которых по флангам прикрывали небольшие отряды воинов и убийц. Для атаки сойдёт, но что делать, когда нас окружают? Выстраивать танков так, чтобы маги оказались посреди строя? Успеем ли? Да и хватит ли солдат?

Я отбросил эти раздумья. Судья хочет генеральное сражение, она его получит. Среди героев магов не так уж и много, большая часть наши — их она, кажется, потерять не боялась. Резерва тоже никакого не осталось. Действовать по принципу пан или пропал глупо, но в то же время особого выбора у нас не было — затягивать бой не собирался и Гниющий, выигрывающий в количестве, но проигрывающий в качестве. Если ждать дальше он просто отрежет героев от игроков и перебьёт всех. Либо загонит в город, где невозможно ни нормально выстроить войско, ни контратаковать. Конечно, в этом случае его будет ждать битва за каждую улочку и каждый дом, но я не сомневался, что культ раздавит нас в этом каменном мешке. Вырвутся только единицы. А культ пойдёт на север, и у него по дороге будет достаточно населённых мест, чтобы восполнить потери.

Всего от войска осталось менее одиннадцати сотен человек. Герои занимали правое крыло, центр войска и левое крыло состояло из более многочисленных игроков вперемешку с обычными солдатами, которые всё же в строю располагались ближе к героям. Но не смешивать наши ряды было нельзя — местные вояки показали свою неэффективность в прошлой драке, если поставить их отдельно от игроков, войско быстро развалится на части. Наверное, именно поэтому Судья шла в самом центре войска, рядом со Свеем. Всего — четыреста героев, четыре с половиной сотни солдат и двести с небольшим игроков. А против нас ещё около двенадцати тысяч одержимых и сотни химер с оккультистами. Я уже не говорю о самом Гниющем и некроманте.

«Так вы никогда не победите, — заявил Комок. — Только объединившись по-настоящему, вы сможете разгромить жрецов и добраться до Сердца».

«По-настоящему, друг мой, объединяются только равные. Более сильные же используют слабых в своих целях. Сейчас слабые — мы».

«Вот, это по мне. Ты должен вести себя так же».

«Подожди с часок».

Войско выдвинулось к опушке Белой Рощи, которой в скором времени предстояло стать Красной. Через десять минут мы уже шли по земле, под которой раскинулась сеть из сосудов, созданная некромантом. Большого притока Скверны я не чувствовал, но, думаю, в

случае необходимости она себя ждать не заставит.

Или силы оккультистов настолько истощены? Зачем им ещё нужно было уводить игроков в плен, кроме как восполнить энергетические резервы? Но две сотни жертв — это чертовски мало.

Одержимые и химеры тоже двинулись нам навстречу. С юга донеслись первые раскаты грома — буря неслась на нас с чудовищной скоростью. Припомнив штурм замка Нервила, я задумался не работа ли это Гаи. Но в чём смысл? Гнев старой бабки молниями обрушится на головы одержимых, и они в страхе бегут? Нет, судя по всему, эту бурю вызвали энергетические возмущения наверху. Не зря же скопления энергии выглядят как огромные наэлектризованные чёрные тучи.

Из-за деревьев выбежали первые химеры, они пёрли прямо на нас, а одержимые шли с флангов. Как и ожидалось, войска Гниющего шли более широким фронтом. Сейчас охватят нас с флангов, потом зайдут в тыл...

Я выбросил эти мысли из головы. Бой планировал не я, мне отвели роль обычного солдата в первом ряду, а Судья не должна быть полной дурой. Что будет, то будет. Сейчас я могу просто дать волю своей Злобе и убивать.

Химеры пёрли на нас широким валом. Многие пострадали во время стычки с призванными нашими магами существами, но их ещё оставалось достаточно. Позади химер я разглядел плотные строи одержимых. У Гниющего было, чем нас развлечь. Судья отдала команду перейти на бег, и наши ряды ускорились. При этом правый фланг немного подался вперёд, но это не было запланировано — просто в подавляющем большинстве ни героев, ни игроков никто никогда не муштровал. А вот обычные солдаты держали строй, и благодаря им, это сейчас делали и игроки. Слова Комка стали просто пророческими — если бы наш ряд был смешанным, мы бы атаковали единым фронтом, действительно стали бы ударным кулаком.

Но пока не судьба.

В застывшем перед началом бури воздухе слышался только топот тысяч ног. Ни боевых кличей, ни воплей страха, как будто бы даже одержимых заткнули. Но уже через миг я понял, что ошибаюсь — кругом царила чудовищная какофония звуков, а топот я ощущал собственным сердцем, так сильно тряслась под нашими ногами земля.

До ближайшей химеры десятков шагов. Моя левая ладонь расцвела жалом и пастями Комка. В правой руке я по привычке держал тесак, хотя даже пользоваться пока им не собирался — он пойдёт в ход, только если меня подведёт Тень, а в этом случае я уже буду при смерти.

Химера направила в меня свои длинные лапы, но я легко их перепрыгнул, ударив по воздуху Крыльями. Плащ Тени закрутился спиралью вокруг моих ног, и, когда я приземлился, в спину химеры вонзились два раздирающих её плоть. Комок прошёлся по туловищу твари, располозовав химеру до внутренностей, и я прыгнул дальше, оставив добивать уже умирающего выползня героям. До меня донеслось что-то вроде «А ну, обратно в строй!» от Серого, но я его проигнорировал. Раз он в любой момент был готов убить меня, у него есть кому встать в строй, а мне нужен простор. Да и строя-то уже никакого толком не было — трудновато его держать против химер, большая часть которых весила, наверное, не меньше тонны. И всё же герои могли эффективно бороться даже с этими тварями.

Второй выползень попробовал сцапать меня так же, как и первый, но его длинные лапы перехватили Крылья Тени. На миг сосредоточившись, я оплёл лапы несколькими слоями

Тени и «потянул» в разные стороны. С хрустом и хлопанием тело твари лопнуло поперёк. Я поднял её останки на высоту десятка метров и зашвырнул их как можно дальше, стараясь попасть в напирających с задних рядов одержимых, но не сумел.

«Слишком энергозатратно», — сухо прокомментировал Комок.

«Зато эффективно».

«Опять перед Судьёй красуешься?»

«Конечно».

«Трахнуть её что ли хочешь?»

«Если только булавой по голове».

«Тогда тебе нужно потренироваться, ни разу не видел, чтобы ты брал булаву в руки».

Я попробовал прорваться к идущим за химерами оккультистам, но меня вновь начали закладывать «мясом». Пришлось стоять на месте, защитившись Крыльями, но, стоило мне остановиться, химерам будто был отдан приказ меня не трогать — они пробежали мимо, чтобы вцепиться в глотки героям.

Мне же проще.

Тем временем снова загредел гром, но причиной тому были не тучи, а наши маги — они защищали фланги, не давая одержимым обогнуть войско. С правого фланга с электрическим треском выросла ограда из Света — череда более мелких, чем обычно столпов, поперёк которых беспрестанно проскальзывали молнии.

В бой уже были вовлечены почти все войска. Заглядывая за грань физического мира, я наблюдал за сетью сосудов под землёй, но Алексей бездействовал, будто чего-то ожидая.

Не смотря на жестокость сражения, оно будто зависло — в тыл нам не давал зайти пожар погребального костра, разросшийся куда сильнее, чем этого можно было ожидать, с флангов работали маги. Одержимые, оставшиеся отрезанными от драки, принялись стягиваться в самую гущу боя, закладывая союзников горами трупов. Эта драка лоб в лоб могла тянуться до полного истощения одной из сторон. Но мы уже сделали всё, что могли, а Гниющий — нет.

Наконец, его ставка пришла в движение. Я почувствовал, как Алексей отрывает от земли свою руку, а после, хорошенько размахнувшись, бьёт кулаком в то же место, куда только что упирался. По сосудам пошёл резкий поток энергии. Но это была не Скверна, а самая что ни на есть чистая Тьма, знакомая мне по общению с Комком.

«Он некромант, а не оккультист», — напомнил мне Комок.

Раздался стон, на миг заглушивший все звуки боя. И в этот момент мёртвые начали подниматься. Только что убитая мной химера задёргала изрубленными лапами и медленно, неуверенно начала подниматься. Я смял её во второй раз, разрубив на десятки извивающихся кусков, но у других не было десятка Клинков Тени, как у меня.

«Пора», — сказал мне Комок.

«Пора будет, когда мы переломим ход сражения в свою сторону».

«И как мы это сделаем?»

«А это не моя забота».

У Гаи с Судьёй должен быть план. Должен. Они не могли не почувствовать Тьму под ногами. Они не могли сунуться в заранее проигранную драку.

Я оказался прав.

Над центром нашего войска поднялось зарево. Я увидел, как вперёд вышла Судья, окружённая коконом Света, подпитывающимся от Гаи и Инчи, что прятались в третьем или

четвёртом ряду игроков. Она шла вперёд, и химеры в панике отступали. Судья будто плыла над землей, и мертвяки падали, едва их касалось свечение кокона.

— Я Судья, — прогремел её голос на всю Белую Рошу, — и я выношу свой приговор. Вы, отжившие свой земной срок, освобождаетесь от всех грехов и всего зла этого мира. Вы, умершие душой, но не телом, освобождаетесь от собственных пороков, вина на всё, что вы сделали после смерти ваших старых личностей, перекладывается на Гаспа и Гниющего. Вам нечего здесь делать. **ВЫ ПОМИЛОВАНЫ!**

Я на миг ослеп от невыносимо яркой вспышки Света. А, узрев, увидел как Гая с Инчой поднимают валяющуюся в кровавой грязи Судью и уносят под защиту игроков. Это было единственным, за что мог зацепиться мой взгляд.

Потому что бой закончился.

Мёртвые, как им и положено, неподвижно лежали на земле. Одержимые и оккультисты умирали — кто стоя, кто лёжа, кто на коленях. У стоящего прямо передо мной улыбчатого с лица медленного отслаивалась кожа, его нижняя челюсть опускалась вниз, пока не повисла на истончающихся мускулах и не отвалилась. Нечто подобное происходило и остальными — у глазачей вываливались искусственно привитые глаза, химеры разваливались на десятки бесформенных кусков плоти, каждый из которых когда-то был человеком. Одержимые чаще всего просто спокойно ложились на земли и тихо умирали. Никакой агонии и мук. Это была тихая и мирная смерть. Думаю, они этого заслужили, после стольких-то мучений.

Под удар попала большая часть противников, но всё же не все. Десятка три уродцев — пара ведьм и жутковатые химеры, слепленные из разных видов послушников — не пострадали. Они окружили Алексея и Гниющего, намереваясь дать перед смертью последний бой.

Некромант огляделся — это можно было понять по движениям закутанной в лоскуты головы — и резко выпрямился, поднимая левую руку над головой. Через долю секунды с него свалились все тряпки, которые практически сразу рассыпались в прах — от Скверны не осталось и следа, а с левой руки сползла плоть. Голый, исхудавший, с помятым телом — рёбра Алексея частично были вмяты, частично выпирали из-под желтоватой кожи — он выглядел жалко. Его левая рука, состоящая из неестественно вытянутых и переплетённых человеческих голов, будто лишённых костей, была направлена в сторону Гниющего. Рты, понатыканные на руке Алексея то тут, то там, синхронно раскрылись и хором заговорили, растягивая каждое слово:

— Считаю наш временный союз расторгнутым, приятно провести остаток жизни.

Только сейчас я заметил, что от чего лица почти ничего не осталось — рот зарос, будто его и не было, от носа осталась лишь перегородка, лишённая ноздрей. Узнать его можно было только по глазам да растрёпанной чёрной шевелюре.

Впрочем, долго мне его разглядывать было не суждено — ещё раз опёршись на левую руку, Алексей в буквальном смысле этого слова провалился под землю. Я едва успел поймать направление его движения — по распластанной под землёй костяной «клетке» он уходил на юг. Должно быть, собирался найти новых союзников уже среди жрецов Корда.

«Как он легко кинул призвавшего его Гниющего», — заметил Комок.

«Что-то я начинаю сомневаться, что его призвал Гниющий. И я думал, что ты сейчас скажешь, что самое время начинать».

«Ты начал ещё полминуты назад».

«Ты прав».

— Палач! — услышал я голос Инчи. — Палач! Ты нам нужен! Где ты?

Будто собачку подзывала, только свиста и обещания угощения не хватает. И всё же, несмотря на раздражение, я отправился к ней. Наша армия безмолвствовала, понимающие неизбежность собственной смерти оккультисты тоже помалкивали, сбившись вокруг Гниющего. Наконец, ряды союзников зашевелились — кто-то принялся ухаживать за ранеными, другие начали искать погибших товарищей. Лишь небольшая часть войска, среди которой в полном составе находились игроки, окружила горстку выживших противников.

— Ты должен провести казнь, — сказала мне Инча, когда я нашёл их.

— А разве это — не ваших рук дело? — спросил я, тыча пальцем в нависшие над головой тучи, хотя уже начал понимать, что на такую бурю у Гаи сил бы не хватило. — Гнев небесный не сойдёт на злодея? Я так вымотался, что у меня на один Клинок Тени сил не хватит.

Гая сузила глаза, разглядывая меня с ног до головы.

— У тебя было достаточно энергии.

— Я потратил её в драке. В конце концов, там стоит твой братик, или дядя, или дед. Зачем мне лезть в ваши семейные разборки?

Вперёд вышел Свей. Увидев его обеспокоенное лицо, я улыбнулся. Тот неуверенно улыбнулся в ответ. Всё идёт по плану.

Нам даже метки не понадобятся — Судья и без нашей помощи ушла со сцены.

— Это приказ Судьи, — сказала Инча, хватая меня за правую руку и прижимаясь к ней грудью. Жест был настолько картинным, что все сразу поняли — мы любовники.

Мне на это плевать. Пусть сначала сама разберётся, кто я для неё — убийца на побегушках или союзник. Союзник или любовник. Любовник или простая игрушка, с которой время от времени приятно проводить время. Впрочем, я и сам не знал, как относиться к Инче. А уж после сегодняшнего...

— Судья в отрубе, — отозвался я, спокойно вынимая руку из объятий.

— Пока она без сознания, за неё говорим мы, — прошипела Гая.

— Что ж, хорошо.

Я закатил глаза, хапнул как можно больше энергии, и указал в сторону остатков оккультистов.

— Их-то уберите.

Дважды просить не пришлось — герои набросились на оккультистов. Они даже не сопротивлялись, видимо, надеясь, что так их смерть будет менее болезненной. Они ошибались. Их убивали долго и остервенением, ведь это были те самые ублюдки, которыми их пугали в детстве, не говоря уже о том, что их существование заключалось в том, чтобы убивать и пытаться обычных людей.

После расправы над приближёнными Гниющего, его самого окружили со всех сторон, но он как будто бы не замечал этого. Если бы глава Культа мог выпрямиться и задрать голову, он бы это сделал, но согнутый позвоночник не позволял. С его тощего лица отваливались куски плоти, оголяя кости, но тут же на них вскипал слой гноя, из-под которого медленно выросло воспалённое мясо. Жёлтые, в красных прожилках, глаза Гниющего смотрели прямо на меня. Я улыбался ему, зубы маски щёлкали в такт смешкам, которые произвольно рвались наружу.

— На этот раз тебе некуда бежать, — сказал я.

— Я это знаю, — едва слышно прошепел полный боли голос Гниющего.

— Это я вышил Лес Трупов.

— Я это знаю.

— Привет тебе от одной настоятельницы храма, что стоял между Прохладным Лесом и Светлым Местом.

Опухшие губы Гниющего раздвинулись в жуткую улыбку. Он расхохотался, несмотря на то, что его губы лопались и исходили гноем.

— Я помню эту шлюху. Как-то её поочерёдно трахала вся моя армия — две тысячи оккультистов. Сколько на это ушло? Месяц? Два? Не помню. Но она потом родила, да. Такого уродца, что и Гасп бы никогда не создал. Считалось, что он мой сын, но только пару дней — дольше он не прожил. Когда он сдох, я скормил его ей. Спасибо тебе за эти весёлые воспоминания перед смертью. Как она, кстати, поживает?

— Я лишил её страданий.

— Что ж, лиши их и меня. Повезло тебе сопляк, если бы все наши резервы не были исчерпаны, я бы... — Его голос сорвался на визг. Комок, изрыгнувший на Гниющего весь яд, что ему удалось сгенерировать, исчез — ушёл отдыхать. Я снял маску, убрал Крылья и, ссутулившись, угрюмо уставился на Гниющего, не ощущая ничего, кроме усталости. Если бы сейчас пришлось драться, я бы тоже с поднятой головой принял смерть — ни на что другое меня бы не хватило.

Кричал он долго. А умирал ещё дольше. Яд, который сделала Шапокляк, был невероятно мощной штукой, но Гниющий всё-таки почти полубог, да и ткани его регенерировали очень быстро. Я мрачно наблюдал за тем, как яд разъедает уже практически несопротивляющиеся смерти останки, когда Гниющий тихо рассмеялся. Даже в истлевшем теле, от которого осталась горсть кишок и разъеденные кости, ещё теплилась жизнь.

— Впервые... — прошептал он, — впервые за все эти годы... я... не чувствую боли...

Я шагнул к нему и ногой раздавил череп. Когда я поднял ногу, от Гниющего остался лишь прах.

— Хорошо, что я потратил свои силы, куда нужно. — Я повернулся к собравшимся кругом войскам и, найдя глазами Инчу, совершенно искренне ей улыбнулся. — А теперь у нас на повестке дня другой вопрос. Оскал, ко мне!

Пёс вынырнул из леса и, в один прыжок преодолев расстояние до меня, встал в боевую позу, неподвижный, как статуя, если не считать мелко подрагивающих ошмётков верхней губы.

— Кажется, нам нужно пересмотреть условия нашего мирного соглашения, — сказал Свей. По его губам блуждала счастливая улыбка, и вообще его лицо излучало сплошную доброжелательную мечтательность.

К месту боя с остатками Культа Гаспа уже собирались войска Теневой Рати. С юга подтягивались мои старые друзья во главе с Рельём. С юго-запада шли Северные Песцы, а с ними — те, кто оставался в Каменном Мешке. Всего семь сотен игроков. Считая остальных, нас было девятьсот против менее чем четырёх сотен героев и двух с половиной сотен солдат, которые в бою, как обычно, понесли самые тяжёлые потери. Я уже не говорю о том, что и большая часть героев, и солдаты разбрелись по полю, а все игроки стояли организованно, готовые к бою.

— Складывайте оружие, и тогда никто не пострадает. — Я пытался убрать с лица идиотскую усмешку, но у меня не выходило — слишком радовался. У меня всё (ВСЁ!) получилось.

Гая с Инчой смотрели на меня с всё более растущим удивлением. Наконец, старуха взяла себя в руки.

— Этот приказ может отдать только Судья.

— Кажется, кто-то недавно говорил, что пока она в отрубке командуете вы. Складывайте оружие, последний раз прошу. Вспомни те бомбы, что мы делали, Гая. Как думаешь, сколько у нас уйдёт времени на то, чтобы уничтожить вас?

Гая нервно огляделась. Но выхода у них не было. Героев, собравшихся на казнь, уже окружили, оттеснив от основных сил.

— Складывайте оружие! — рявкнула она.

— Да хрен там! — взорвался Гарт, выступая вперёд. — Хрен я послушаю этого выродка! Я рассмеялся. Мне не было так хорошо уже много месяцев.

— Только дай повод убить тебя, — сказал я.

Что-то в моём тоне заставило мечника сначала задуматься, а потом прийти в ужас. Гарт побледнел и первым бросил под ноги свой меч. За ним последовали и остальные.

— Новый мирный договор, — напомнил Свей. У него в руках уже белел пергамент, написанный, видимо, между последними двумя фазами боя. — Ты подпишешь его, старуха, имеешь права, сама сказала. Давай-давай, пока дождь чернила не размочил.

— Чёрта с два я подпишу какой-то документ под давлением.

— Да ладно? — искренне удивился Свей. — А как я прошлый подписывал? Добровольно?

Гая с ненавистью уставилась на меня. Я продолжал мило улыбаться.

— Как ты это сделал?

Меня переполняли эмоции, и я не мог не похвалиться. В конце концов, я же человек и ничто человеческое мне не чуждо.

— Ты сказала, что провела детей по своим тропкам, и это натолкнуло меня на мысль — а разве я сам не могу так? Пусть доступ во внешний мир закрыт, но можно же сделать что-то подобное полю Игры, только ВНУТРИ Игры. У меня за спиной канал с энергией, который когда-то находился в кармане, неужели у меня, обладающего столь огромными ресурсами, не получится создать три кармана и соединить их? Вернее, создать мне пришлось всего два кармана, у Каменного Мешка, и здесь. Через карман у Каменного Мешка я смог вернуть связь между болотом и Белой Рощей — их же давным-давно связывала Скверна, но я разъединил их, когда заграбастал Лес Трупов в собственное распоряжение, лишив Гниющего большей части энергии. Благодаря этой связи я вытянул созданный мной карман досюда. Как видишь, у меня всё получилось.

А там дело оставалось за малым — связаться с остальными. Вообще-то, конечно, первым делом я связался с Репьём, спасибо «чату», что так удачно оставила мне Трея. Мы разработали план. Всё делалось в одну ночь, ночь битвы с культом, чтобы вы ничего не успели узнать. Войска от болота переходят к Каменному Мешку, освобождают тамошних игроков (и мою собаку), а потом всем скопом перемещаются сюда. И вот, они здесь. — Я ещё раз ликующе рассмеялся.

— Что с детьми? — резко спросила Гая. Кажется, до неё только дошло, что за псина сидит рядом со мной.

— Ничего, — пожал я плечами. — Я что, зверь, по-твоему? Я как-то спас Смоги, зачем мне делать ему и другим что-то плохое? К тому же, если бы их кто-то попробовал тронуть, Оскал порвал бы ему глотку.

— Это точно, — вставил выросший из пустоты Репей, похлопывая меня по плечу. — Вот только ворота того грёбаного города чуть-чуть упали, пока мы освобождали наших друзей из гетто от вас, белых угнетателей.

Дождь лил уже как из ведра. Гая тарасилась на меня так, что её глаза вот-вот должны были выпасть из орбит.

— Ты сукин сын, — проговорила она, наконец, и поставила подпись на пергаменте. Я пожал плечами.

— А теперь добро пожаловать в лагерь, мы же займём город. Вам где-то нужно ночевать. Не волнуйтесь, ремесленники помогут вам восстановить... — Громыкнуло так, что последние мои слова заглушило, но оно и к лучшему.

— Да ладно ты, — фыркнул Свей. — Вместе отпразднуем победу, под одной крышей. Мы же союзники. Вот только всё оружие придётся оставить здесь.

— Но сначала помокнем! Тоже вместе! — Шапокляк протянула руку Гае и та, после коротких размышлений, пожалала её.

Дождь уже лил как из ведра, а порывы ветра едва не сбивали с ног.

— Полезем через стену! — прокричал сквозь усиливающуюся бурю Репей, когда узнал о костре перед воротами. — У нас с собой лестницы. Хоть пригодятся — в Каменном Мешке мы просто подорвали ворота.

Свей всё-таки сжалился над героями и разрешил забрать им с собой оружие. Хотя, думается мне, ему больше было жаль оружие, оставленное под дождём — про нержавейку здесь ещё не слышали. С Инчой мне так и не удалось перекинуться ни словом — меня унёс поток моих соклановцев, её же утащили с собой герои. Впрочем, у меня поселилось стойкое ощущение того, что наши отношения закончены.

И сейчас оно к лучшему.

Мы пересекли поле, перебрались через стену. Оскал выразил желание стать и побродить по окрестностям. Может, суку почуял, а может, проголодался. Я строго запретил ему жрать трупы. Мёртвых — и союзников, и наших — пока оставили на земле: им буря нипочём. Похороны будут, когда она закончится. Сейчас время живых.

Мы с Репьём и ещё парой старых знакомых забрались в какой-то дом. Рыжий убийца с видом фокусника доставал из сумки бутылки самогона и закуски и раскладывал снедь прямо на полу, а я пытался разжечь камин, разломав едва ли не последний в доме предмет мебели — большой шкаф. Огонь, наконец, загорелся, и мы уселись за «стол».

— Надеюсь, наши новые друзья оставят пару трезвых ребят, — заметил Репей, разливая самогон по стаканам.

— Свей догадается, — кивнул я.

Мы выпили за встречу, потом помянули погибших. Пили быстро, так как каждый хотел напиться. Разговаривали о каких-то мелочах, чтобы не погружаться в неприятные воспоминания о тяжёлых временах, проведённых в разлуке.

Во время третьего тоста Репей положил руку мне на плечо и, подмигнув, спросил:

— Ну, босс, куда направляемся теперь?

Я думал всего секунду.

— На запад. На востоке хаос, на севере никого уже не осталось, а на юг нам ещё рано. Поэтому установим господство игроков на западе. Я слышал, нашим и там приходится несладко.

— За королевство игроков! — рыкнул Репей, поднимая стакан. — И за его короля!

— За меня что ли?

— А за кого ж ещё?

— Есть пара претендентов получше.

— Поверю, когда их увижу. Ну, за нас!

Мы выпили. И снова. И опять.

Потом нас стало много, несколько десятков, причём мы уже были в другом доме, большом богатом поместье, пусть и порядком разгромленном. Я братался с таким же пьяным, как я, Эшком. Охотник сокрушался о неудачных первых встречах и благодарил меня за то, что я убил Гниющего, ведь ни у кого в этом мире не хватило бы сил и духу, чтобы его убить, ведь этот ТОТ САМЫЙ Гниющий, о котором рассказывала ему бабка, а бабка рассказывала только страшные истории, поэтому спасибо тебе, друг, плевать, местный ты или нет, ты настоящий герой, и Судья это поймёт, но со временем, дай ей время, а мне стакан, да вот тот, полный, ну, за нас...

Рядом целовались Крыс с Треей. Гая и Инча были с очнувшейся Судьёй, и та приняла новый договор — выбора-то у неё не было. Кажется, всё налаживалось.

«Не всё, — сказал мне Комок. — Нам нужно сходить вглубь Белой Роши. Ты же не забыл, что Гниющий уволок куда-то две сотни игроков? Они, конечно, уже мертвы, но мне, да и тебе, очень нужно проверить, что с ними случилось. Я чувствую что-то неладное».

«Завтра, — сказал я ему. — Или послезавтра — когда кончится буря. Сегодня время живых».

Милосердие III

Мы с Эшком и Репьём шли по когда-то заповедным местам этого мира. Сейчас здесь были только грязь, дерьмо, разлагающиеся трупы и мёртвые деревья.

— Здесь уже начинались деревья с белой листвой, — мрачно рассказывал обычно молчаливый Эшк. — Деревья Света. Говорили, что эту рощу высадил сам Корд, когда погибли его друзья — Гай и Гая, муж и жена. Они были настоятелями его храма, что располагается в центре рощи, но какие-то разбойники ограбили храм и перебили всех жрецов. Корд осудил разбойников на вечные муки, а здесь посадил рощу. Белая листва на деревьях означала чистоту Гая и Гаи. Листки нельзя было рвать с деревьев, только поднимать опавшие (они падали свежими), но вдали от этого места они начинали зеленеть, а потом засыхали. — Охотник остановился, чтобы оглядеть дерево с начисто обглоданной корой от самых корней до высоты человеческого роста. — Но сейчас засохла вся роща. Сколько было здесь птиц и животных... как можно их было всех сожрать?

— Одержимые должны были чем-то питаться несколько месяцев, — сказал я. — Иначе они сожрали бы друг друга, что было бы, конечно, к лучшему.

Взятых в плен игроков мы нашли почти сразу. Вернее, мы нашли их кости — армии нужно было жрать. Почему их не использовали для получения энергии — не понятно. Вероятно, не смогли. Иначе Гниющий не вышел бы на свой последний бой таким опустошённым.

Найдя могильник, я собрался поворачивать назад, но Эшк с Комком гнали меня дальше. Оба хотели узнать, что сейчас творится в центре Рощи.

— Долго ещё до храма? — спросил скучающий Репей. У него было довольно тяжёлое похмелье, и вызвался меня сопровождать он, скорее всего, из соображений проветриться.

— Пара миль.

И это была самая грязная пара миль в лесу. Обглоданные кости, гнилые остовы химер, ошмётки одежды смешались с дерьмом и грязью и хлюпали под ногами — прошедшая буря превратила землю в настоящее болото. Эшк вообще избегал смотреть под ноги, на деревья, да и в целом по сторонам и шёл с полузакрытыми поднятыми к небу глазами. Он едва не плакал. А подмётки его сапог вдавливали в грязь звериные и людские кости.

Перед самым храмом нам навстречу вынырнул один мой знакомый, на сей раз совершенно один. И доспехов на нём не было, лишь рубище вроде того, что носят жрецы Корда. Я сразу же попытался его убить, но его чудовищная мощь смяла Тень, словно скорлупу.

— Уже лучше, — сказал Игрок. — Но всё ещё слабо, Палач, очень слабо. Ты уж прости, я тебя целовать не буду, но Алая передавала большой привет.

— Как тебя не встречу, то каждый раз какие-то твои знакомые фрики попадают, — хмыкнул Репей, взвешивающий в руке свой дротик, но не спешащий атаковать — он видел, как пару секунд назад моя Тень разлетелась на ошмётки от одного небрежного движения руки. — Что это за хрен?

— Я знаю, что это за хрен, — тихо сказал Эшк.

— Ну-ка, ну-ка, — подбоченился Игрок, — интересно послушать.

— Это приспешник Властелинов. Мерзкий ублюдок, помогающий им разрушать миры.

Игрок картинно вздохнул.

— Если доживёшь до нашей следующей встречи, тебе придётся долго извиняться, Эшк.

— Это он создал Игру, — пояснил я Репью. — Из-за него мы здесь.

Игрок устало покачал головой:

— Я не создал Игру, я её организовал. Создал всё это попавший в опалу Властелин который слишком сильно любил этот мир. Любил, но не понимал, что и привело его к безумию. — Игрок уселся прямо в грязь, и совершенно неожиданно в его словах кроме насмешки и презрения послышалась боль: — Он изучал тайны этого мира, хотел стать полноценным богом. Другие Властелины на него плюнули — им было чем заняться, тогда их число равнялось восьмидесяти семи, а восемьдесят семь — это слишком много. Пока он познавал мир и энергию, они убивали друг друга, вели в бой огромные армии, которые рушили целые Империи.

— Вроде Гаспа.

— Вроде Гаспа, — кивнул Игрок, проводя по лицу испачканной в грязи ладонью. Лицо, тем не менее, осталось чистым. — А этот Властелин был вроде Корда... в молодые годы. Узнавая, как это мир устроен, как работает, откуда черпает силы, он наткнулся на Сердце Тьмы. Ужаснувшись той злой энергии, что питает Сердце, он лишь поверхностно изучил его, боясь, что сам запачкается. И из-за этого всё неправильно понял. Сердце Тьмы пьёт и перерабатывает тёмную энергию, а он решил, что создаёт, оскверняя Сердце Мира. И тогда он решил уничтожить Сердце Тьмы. Он был уверен, что это принесёт благо миру... что два сердца — это слишком много, ведь достаточно одного, одно сердце бьётся у каждого человека... и бога.

Но у него не хватило сил. Слишком мощным оказалось Сердце Тьмы, слишком много Корд вложил в него энергии...

— И тогда он решил отрубить его, — сказал я.

— Да. Властелин начал разрушать сосуды, перекачивающие Скверну. Так он не мог позволить Тьме пролиться на людей, он направлял потоки на себя, думая, что способен с ними справиться. Он решил, что это будет его испытанием во время становления богом. Но хлынувшая в него Тьма превратилась в Скверну, сведя самого Властелина с ума и пробудив Гаспа от сна. Гаспа устраивало происходящее. Он осквернил Изменённую Алу, изнасиловав её покоящееся тело (Корд, к сожалению, не оторвал ему член, хотя надо было бы), а после через неё начал воздействовать на жрецов, сводя их с ума и подчиняя своей воле. Жрецы начали творить всякие мерзости, пробудив остатки Культа.

Тем временем негативная энергия, которой некуда было деваться, хлынула в этот мир. Началась Третья Смута. Вы видели, что здесь происходит, поэтому о ней я рассказывать не буду.

И тогда мне пришла идея создать Игру. Я много бродил по мирам в своё время, и наткнулся на ваш, закрытый, практически отрешённый от всей Спирали, но всё же являющейся её частью. Я провёл в вашем мире достаточно времени, и не мог обратить внимания на компьютерные игры. Я должен развлекать Властелинов, а в вашем мире чего только не придумали ради развлечений...

— И тогда вы решили сыграть в людей, — зло прорычал я. — Ставочки сделали, да?

Впервые Игрок посмотрел мне в глаза. Если при первой встрече он смотрел на меня как на любопытную букашку, то сейчас интереса в его взгляде прибавилось. Ну, будто я стал любопытной собачонкой, примерно настолько. Но сейчас я видел ещё и разочарование.

— Твоя тупость меня поражает. Ты разве не знаешь, зачем вы здесь?

— Дай предположу — ради развлечения?

— Ради того, чтобы спасти мир, — сказал Репей. Башка у него всегда варила, а сейчас он ещё и был в более выгодной позиции — его разум не застилала Злоба. — Мы здесь, чтобы спасти мир, ведь это цель Игры. Убить сошедшего с ума Властелина, вычистить Скверну.

— Вот это парнишка умеет сложить два и два, хоть и сил у него кот наплакал.

— То есть Властелины развлекаются с нами ради высшей цели? — презрительно спросил я. — Думаешь, я такой идиот, чтобы в это поверить?

— Властелины развлекаются. А вот я организовал эту Игру ради спасения мира. Властелинам плевать на то, что твориться здесь, а мне — нет. Они получают развлечение, вы спасаете мир.

— О-кей, тогда причём тут мы? Ты не мог спасти мир силами только героев? Зачем тащить на смерть в чужой мир десятки тысяч человек? Или хотя бы скажи, почему из нашего мира? Я как посужу в Спирали кругом средневековье, так взяли бы средневековых вояк и магов, а не студентов и офисных работников.

— Необходимость. Героев в этом мире слишком мало. А именно вас выбрали Властелины. Им показалось забавно, что в бой вступят необученные новички. Поверь, я хотел их отговорить, но у меня не вышло.

Теперь зло взяло уже Репья, он смачно выматерился и сплюнул, едва не угодив Игроку в босую ступню.

— Ты выродок, дядя. Я только что был обеими руками за тебя, а теперь, признаюсь, сам хочу прирезать.

— Попробуй, — безразлично пожал плечами Игрок. — Но сначала дослушай. К счастью, у этого мира во время смутных времён есть средство спасения. Палачи и Судьи. Идея их создания принадлежит, конечно же, Гаспу — он задумывался о том, что судьбу мира должны решать сами люди, а не боги. И он же создал первую пару. Первой парой, как вы догадались, были Алу и Корд. Неудачной парой. Алу слушала отца, а не собственное сердце. Ну а Корд, в конце концов, её предал и сам стал богом. В принципе, это не противоречило задумке Гаспа — Алу, фактически, уничтожала мир, убивая избранных, которые должны были менять мир в лучшую сторону, а Корд решил его спасти. — Игрок некоторое время молчал, погрузившись в какие-то недобрые воспоминания, но, наконец, разлепил губы: — В этот же раз выбор Палача оказался очень странным. И ещё страннее оказалось то, что гибнущее от нехватки энергии, Сердце Тьмы тоже решило благословить его. — Игрок ещё раз посмотрел мне в глаза, на этот раз его взгляд был очень серьёзен. — На тебе лежит огромная ответственность. Ты обязан восстановить порядок.

— Или уничтожить этот ублюдочный мир, я знаю. Это всё? Если ты здесь для того, чтобы рассказывать нам охренительные истории, то с дороги, мы шли сюда не просто так.

Игрок поднялся и, как-то недоумённо взглянув на перепачканное рубище, провёл по нему руками, превратив в панцирную кольчугу и латные штаны.

— Я здесь ещё и для того, чтобы предупредить — не стоит ходить дальше. Лучше вернитесь. То, что вы там увидите, вам не понравится.

— Спасибо за совет, прям так и загорелся сходить туда, — фыркнул Репей.

— Я серьёзно.

— Мы тоже, — сказал я.

— Ваш выбор, останавливать вас силой я не собираюсь. Ещё увидимся, Палач. Скорее,

чем ты думаешь.

Игрок исчез. А мы пошли дальше.

Ещё на островах я видел заброшенный дом, который облюбовали овцы — они прятались там от жары или дождя. Храм Корда, второй по величине во всём мире, казалось бы, не должен был напоминать те развалины, но напоминал — от него остался лишь скелет из стен, а пол застилал такой же толстый слой испражнений.

По ту сторону храма нас ждало большой сад, пребывающий в том же плачевном состоянии, что и всё вокруг. Но была одна деталь, выделяющая это место.

Я думал, что умру от разрыва сердца. Достаточно было одного взгляда в энергетическую составляющую этого места, чтобы понять — что это.

Нет, здесь никого не распинали, не расчленили и не жгли. Тела покоились в залитых Скверной могилах, но не разлагались. Часть могил ещё пустовала, на их дне лишь чернели лужи Скверны. Но очень скоро почти все — или все — они будут заполнены. Черета могил тянулась ровными рядами, насколько хватало глаз.

— Сколько же их тут? — пробормотал Репей.

— Пятьдесят три тысячи семьсот сорок шесть, — ответил я.

— Где-то я уже слышал эту цифру... — начал было рыжий убийца, но осёкся. — Это — могилы игроков?

— Это — место, где нас создали. И сюда мы попадаем после смерти, вне зависимости от того, как погибли. — Я спрыгнул в одну из могил и на руках вытащил тело Тёмной Матери. — Как думаешь, почему не было паники на Земле? Почему ни одна из наших девчонок не забеременела за всё это время? Потому что мы — куклы. Стерильные говорящие куклы. — Я рассмеялся. — Не они, — я кивнул в сторону шокированного увиденным Эшка, — а мы. Понимаешь? Мы долгое время думали, что настоящие только мы, потом начали признавать за настоящих местных, а на самом деле... — Я перевернул Тёмную Мать и надавил ей на диафрагму. Её тело содрогнулось, содержимое желудка упало в лужу Скверны и зашипело. — Мы копии, абсолютные копии, вплоть до ужина. Сосисок и макарон в данном случае. Нелюди здесь мы. Потому мы так легко отличаем друг друга. Потому нас считают...

— Мы считаем вас людьми, — оборвал меня Эшк. — Настоящими. Поверь, к любым чужакам было бы подобное отношение. А вы доказали, что вы настоящие люди, герои.

— И даже если мы и копии, что дальше-то? — презрительно спросил Репей. — Мы ходим, думаем. Существоем. Душа? А она вообще есть? Я не видел ни одной, а если ты в них веришь, то ты сам только что сказал о полной копии.

— Я видел души. И именно из-за наших копий здесь обосновался Гниющий — он планировал использовать энергию умерших игроков, но у него ничего не вышло, потому-то он и проиграл, не позавчера, а в тот момент, когда я забрал у него Лес трупов.

Репей выругался.

— По-твоему души — это сгустки негативной энергии, что остались после жизни какого-нибудь ублюдка, и после смерти хозяина превращаются в червепиявку, которая утилизируется в Сердце Тьмы? Ты про них? В жопу такие души. И вообще, в жопу души, раз уж ты считаешь, что в нас их нет, я в них всё равно вообще не верю. Я — атеист.

— Кто? — переспросил Эшк.

— Он не верит в бога.

— Но они же ходили по этой земле, это все знают...

Репей помахал рукой, прерывая Эшка, и устроившись на земле поудобней, осклабился.

— Давайте-ка я объясню свою позицию, тем более, она окончательно сформировалась именно сейчас. Я не верил в сверхъестественное. И продолжаю не верить. Наш мир жил по одним законам. Быть может потому, что из него выпили всю человеческую энергию, или он её недополучает... в общем, не важно. Здесь же всё это работает. И отметь, Доктор, здесь это сверхъестественным не считается. Сверхъестественное для этого мира — это электрическая плита. Здесь, думаю, никто спорить не будет.

Что же до богов, то бог — это, вроде, Создатель или какое-нибудь сверхумное существо. Что-то ни о каком Создателе я не слышал, этот мир, да и вообще вся Спираль, были и до Гаспа, и до Корда, и будет ещё очень долго, если ты его, конечно, не уничтожишь. А уж про сверхразумное... прости меня, Эшк, но что Гасп, что Корд — это обезумевшие уроды, сосредоточившие в своих руках энергию, получившие силу, благодаря которой отправляли миллионы людей на верную смерть в своих дрязгах. — Репей перевёл взгляд на меня. — В общем, никаких высших существ нет. Если же ты, Доктор, думаешь, что душа есть, и она выражается тем, что человек может стать чем-то вроде батарейки для местной Матрицы, то давай, докажи себе сам, что мы настоящие люди. Сделай их своими батарейками, как сделал бывших жителей того грёбаного болота или острова в кармане, я уже почти не помню твои бредни — пьяный был. Валяй, — он махнул рукой в сторону поля.

— Хочешь, чтобы наши погибшие товарищи стали источником моей силы?

— Конечно. Это очень злая игра по очень жестоким правилам, а значит, нам нужно самим быть жестокими. Не будешь же ты, убийца сотен, говорить, что остался тем же растерянным лишившимся памяти мальчишкой, что очнулся в безымянной деревеньке на севере? Возьми их силу, пока это не сделали другие. Пусть те, кто погибли по вине организаторов, помогут закопать их в землю. Давай, чего ты ждёшь? Им уже плевать, ты ведь не устроишь им вечные муки, как это делают жрецы. А мы сможем отомстить за их смерть.

Я опустил тело Тёмы обратно в Скверну и выбрался из могилы. Закатив глаза, я покинул этот мир и распротёр Крылья Тени над центром Белой Рощи.

Ответа долго ждать не пришлось. Земля закипела, поглощая и фильтруя Скверну из могил, скрыла тела погибших от глаз посторонних.

И я почувствовал бешеный водоворот силы, захлёстывающий все мои энергетические каналы.

Часть четвёртая. По худшему сценарию. Лето I

— Господин Палач, к тебе пришли, — сказал Хворост. Из приоткрытой двери торчала только его всколоченная борода. — Говорят, это срочно.

— Я же сказал...

— Я прекрасно помню, что ты сказал, поэтому и впускаю гостью. Ты сказал, что я могу впустить Свея, Репья или очень красивую женщину, которая скажет, что пришла сюда ради тебя. Она так и сказала.

Борода Хвороста исчезла, вместо неё в дверном проёме появилась Алая. На сей раз на ней было чудовищно, просто неестественно красивое белое платье, расшитое кружевами, жемчугом, бриллиантами, нитями из белого золота и свежими лилиями.

— Прямо королева эльфов, — буркнул я, угрюмо рассматривая глубокий вырез её платья.

— Королева эльфов по сравнению со мной — дурнушка низкого происхождения.

Алая уселась напротив меня, налила в свободный бокал вина и, выпив его в три глотка, вновь наполнила.

— Не стесняйся, господин Палач.

— Возможно, тебе нужно поучиться манерам у всяких дурнушек низкого происхождения.

— Манеры — шелуха. И откуда ты вообще знаешь, как ведут себя королевы эльфов? Я вот не знаю, потому что эльфов не существует, по крайней мере, в этом мире. — Алая улыбнулась так, что я уже приготовился падать на пол, умоляя её стать моей на веки, но слова, произнесённые абсолютно не вяжущимся с выражением лица тоном, меня отрезвили: — Ну что, обосрались вы, смертнички. В первую очередь — ты, господин Палач.

— Мы провели разведку боем... — принялся я брюзжать в обычной манере, но спутница Игрока меня сразу же оборвала:

— Это ты своим союзникам лапшу на уши вешай. Что собираетесь делать?

Я задумался, вспоминая происшедшее за последние два месяца.

Произошло-то, казалось бы, много чего, вот только тот самый воз из басни никуда особо не сдвинулся, да мы ещё и чуть не сломали ему обе оси.

Наше пришествие на запад было триумфальным. Мы вдохновлённо несли и игрокам, и героям, и местным мир, говорили о дружбе и общих целях, необходимости единым фронтом выступить против обезумевших жрецов. Заявили, что основываем своё государство аж из четырёх городов и прилегающих земель со Свеем во главе. Почти все игроки с запада, почувствовав в нас силу, присоединились к нам. Местные же с героями слушали нас, соглашались с нами, заверяли нас в вечной дружбе... А сами собирали манатки и уходили на восток. Через неделю на нашей земле не осталось ни одного героя — подавляющее большинство присягнуло Судье на верность, редкие единицы ушли на восток — царящая там анархия подходила им больше. Вслед за героями потянулись обычные войска и часть населения.

Потом мы поняли, что стараясь занять местность, которая больше всего подходила для ударов по жрецам, мы сами подвергались опасности. Четыре города было под нашим управлением — три в ряд на границе с центральными районами страны, четвёртый чуть

севернее. На большую часть земель мы даже не претендовали, туда целенаправленно шла Судья, и её встречали с радостью (после уничтожения Культа народ начал верить в неё ещё больше), чего не сказать о нашем пришествии. Жрецы же не собирались смотреть на наш приход сквозь пальцы и предприняли несколько атак, которые мы, конечно, отразили, но...

Нам пришлось оставить один из городов — сил на его оборону не осталось, и тогда Судья предложила нам его охранять, конечно же, временно, пока мы не отодвинем границу соприкосновения с жрецами дальше на юг. Это нас устраивало. Под началом Свободного Унитарного Королевства Игроков (переименовать королевство собирались почти сразу, но Репей, который и предложил название, вписал его во все договоры с Судьёй) было три с половиной тысячи игроков, чего, учитывая усилившуюся со стороны жрецов агрессию, было недостаточно и на три города. Нет, городам-то хватило бы, а вот близлежащим территориям — нет. Мы не могли позволить жрецам утюжить ордами зомби деревни и хутора, пока сами отсиживаемся за городскими стенами. Вскоре мы бросили второй город. Судья со свойственными ей благородством и заботой о простых людях великодушно согласилась оборонять и его. Поразмыслив, мы предложили ей занять оборону и третьего города — мы не могли оставить простой народ без защиты: поля уже засеяны, дома восстановлены, очередного переселения многие могли бы просто не пережить. Мы же как раз планировали провести разведку боем, и скапливали силы на границе, тем более, сама Судья хотела в это же время отвоевать у жрецов ещё один город, чтобы вбить клин между центральной и восточной частями их земель, так мы бы смогли прессовать жрецов с двух сторон, и имели бы в случае неудачи какой-никакой форпост на их земле. В итоге на бумаге за нами было четыре города, а на практике — один, да ещё крупный замок поблизости, где расположилось аж полторы тысячи человек.

А потом случилась та самая разведка боем. Судья была мощным кулаком в одну точку, уповая на то, что войскам удастся отвоевать длинный язык земли, быстро вычистить нужный город и занять там оборону. Мы же пустили в бой более привычные нам небольшие сбалансированные по ролям отряды, надеясь разгромить противника по широкому фронту. В итоге у Судьи всё сложилось, а мы за три дня потеряли пятьсот человек из тех двух тысяч, что ушли в битву, и бежали. Жрецы, казалось бы, переняли тактику Культа Гаспа — закладывали нас мясом, что в густонаселённых центральных районах страны было просто. Да, мы нанесли урон Культуре Корда, и очень приличный урон, зачистили большую территорию и один город, но какой в этом смысл, если мы оставили освобождённые земли? У нас в любом случае не было сил их, чтобы их удерживать, но в результате не вышло даже создать какую-то буферную зону, где мы смогли бы разместить блок-посты для предупреждения последующих атак от жрецов. А граница владений Культа Корда от Зелёного Истока — города, который мы сейчас занимали — находится в десяти километрах. До Волчьего Логова, крепости, где находилась почти половина нашего войска, вообще шесть. Конечно, мы патрулировали границу, но если патрули накрыть, мы и очухаться не успеем, как окажемся в осаде.

Так и случилось. Жрецы тоже решили провести разведку боем, и пришли с пятнадцатитысячным войском к крепости. Атаку мы отбили, почти даже никого не потеряли (хотя и противника едва потрепали), но сразу стало ясно, что город и крепость — наш потолок. Мы надеялись на помощь героев и местных в обороне остальных наших земель, и они не подвели. Вот только народ перестал понимать, зачем мы им нужны, если кругом куча хороших местных ребят, способных их защитить.

Об этом тут же заявила Судья, о чём присланный Эшк нам рассказал через пару дней после её заявления. Он жутко стеснялся, ему было неудобно говорить такое людям, которых он считал если не друзьями, то союзниками, но всё же охотник донёс до нас эту мысль Судьи, а так же вывод, который она сделала. Если она охраняет население трёх городов от орд зомби, если население хочет служить ей, а не нам (тем более, нас-то там уже какое-то время вообще никто не видел), почему на бумаге эти места обозначены как принадлежащие игрокам, когда по факту они принадлежат ей? Пусть у нас остаётся свой закуток, где довольные нашей властью — а главное, охраняемые нами от напастей — люди служат нам, а уж она-то сможет разобраться со всем остальным. Это выгодно и нам, и ей, и, что самое главное, обычным людям, сказал Эшк, передавая нам последние слова Судьи.

В ответ Свей заявил, что это возвращение к «местам компактного проживания», только в немного большем масштабе и ввёл войска в Зелёный Берег — ближайший город, что был чуть севернее других. Местные жители встретили игроков камнями и прочими метательными принадлежностями, в то время как войска Судьи заняли выжидательную позицию, ожидая приказа. За день в городе погибло человек пятьдесят, среди них полдюжины игроков, и сгорела пара важных исторических зданий. Такого Судья стерпеть не смогла, назвав происходящее чем-то вроде обратной дискриминации, и повела к городу армию.

Вступать в драку не хотел никто, ни Свей, ни Судья. Пришлось договариваться. Частью нового мирного договора был совместный суд, как над смутьянами, так и над превысившими необходимую самооборону игроками. В итоге ещё пятьдесят человек, в том числе десять наших, было развешано на придорожных столбах. Свей, благодаря моим увещаниям, сдался, и мы стали называться (опять-таки по предложению Репья) Городом-государством Игроков Зелёного Истока. Так Судья захапала себе новые территории, откуда смогла набирать себе в армию солдат, а мы остались с тем куском, который смогли переварить, не обращая ни на кого внимания. Без трупов и частичного исхода населения (в том числе недовольных игроков, решивших, что у Судьи им всё-таки будет лучше), конечно, не обошлось, но мы навели на своей земле порядок, оставшись с теми местными, которые поняли, что с нами лучше сотрудничать, а не точить ножами. Думаю... нет, уверен, что без Судьи тут не обошлось, что кругом десятки шпигов, но мы, по крайней мере, жили спокойно уже месяц, и никто не смотрел на нас косо. К нам даже около сотни героев присоединилось, правда, многие из них явно были подсланы Судьёй. А может, и все.

На самом деле, наибольшую проблему в последний месяц доставляли сами игроки. Кто-то привык никого не слушать, кто-то решил, что его обделили властью... Смутьяны быстро исчезали, часто и вовсе без ведома самого Свее, либо меняли риторику своих выступлений (когда выступлением был обычный пьяный трёп среди собутыльников, но иногда до нас доносились и настоящие призывы среди бывших членов других кланов поднять бунт против людей, которых, вроде как никто не выбирал). Но у нашего короля был свой серый кардинал, и об этом все очень скоро узнали. Пусть меня боялись и даже ненавидели, репутация Свее от этого не страдала, даже местные считали его почти что за своего мужика, пусть и короля.

Вот столько всего произошло за последние два месяца. А в итоге — мы всего-то навели порядок на небольшой территории, и никто не знает, что нам делать дальше. Судья по-прежнему даёт нам понять, что наша хата с краю, и ни о каком реальном взаимодействии между нами речи не идёт, хватит и того, что мы изредка согласовываем наши ближайшие планы, да и то — на бумаге. Жрецы земли почти не потеряли. Как брат Сердце Мира никто

не знает.

— Мы работаем над планом, — ответил я Алой после раздумья. — А чего ты, собственно, забеспокоилась?

Алая пригубила вина. С её лица не сходила та же ангельская улыбка.

— У меня есть свои причины для беспокойства. Вот только ты, тот, на кого мой отец возложил столько надежд, не сделал за всё это время ничего. Пришил пару каких-то парней, да упокоил с сотню зомби во время похода. От тебя ждут не этого.

— Всё идёт своим чередом...

— Ни хрена не всё! — взорвалась Алая. — Мой отец вышел в прямую конфронтацию с Властелинами — они недовольны тем, что он влез в Игру. Если он не остановится в ближайшее время, Властелины могут и убить его, а уж он-то не остановится. На юге около пяти сотен героев и двенадцать тысяч игроков, пусть они и слабее вас, но всё же это настоящее войско. Он борется с жрецами, отвоевал у них дюжину городов. Он думал, что вы тоже не будете терять время и атакуете с севера. А в итоге вы опять перегрызлись из-за земли и своих прав и ни хрена не делаете, стараясь лишь прикрыть собственную жопу.

— Твои бы слова да Судье в уши, — пробурчал я.

— А к ней я тоже скоро схожу, — моя горластая гостья допила вино и поднялась из-за стола. — Через десять дней чтобы был в Каменном Мешке. Будем обсуждать план атаки на Сердце Мира. А пока... — Она выудила откуда-то из зоны декольте свёрнутый пергамент. — Сходи-ка к месту, отмеченному на карте. Иди один. Если справишься — шансов на победу станет больше. Если почувствуешь, что можешь погибнуть — беги, у нас нет времени искать второго Палача. Пойми, осталось лишь пара месяцев до того момента, как тебе даже при удачном исходе битвы за Сердце Мира придётся уничтожить этот мир. Просто из жалости, как сломавшего ногу коня.

Алая ушла, хлопнув дверью. Я, немного разочаровавшийся, так как от чего-то надеялся на то, что она меня поцелует, склонился над картой. Указанное место располагалось в трёхстах километрах на юго-восток, у самого Сердца Мира.

Рядом что-то тихо звякнуло. Я поднял глаза. У меня перед глазами возникли две белоснежные выпуклости, которые не могли быть ничем иным, как грудью моей уже ушедшей посетительницы. Алая бесцеремонно ухватила меня за подбородок и поцеловала.

— Не хотела тебя разочаровывать, — сказала она через минуту.

— Угу... — промычал я ей в след.

Она-то меня не разочаровала, зато я разочаровался в себе — Алая вернулась так, что я этого даже не понял. Конечно, с прошлой нашей встречи многое поменялось. Возможно, если бы я вступил с ней в бой, то прожил бы секунд тридцать или даже минуту. По сравнению с ней я был всё той же мелкой собачонкой, что может очень неприятно укусить за палец, но не более. А я ведь стал сильнее — у меня два собственных источника силы, да и из-за той бури мне удалось расширить канал, связывающий меня с общей кормушкой для игроков.

«Ты только что понял, что тебе не стоит переоценивать свои возможности, и тут же пытаешься оправдаться, что, мол, не сидел на месте».

Комок, как всегда, зрит в корень.

«Что делать с этой картой?»

«Искать указанное на ней место. Я бы не стал спорить с Алой, слишком сильна. Возможно, они с Игроком действительно хотят помочь».

«А может, просто играют с нами».

Я едва слышно вздохнул и, скрутив пергамент, пошёл собираться в дорогу.

В тронном зале, где чуть ли не ежедневно проходили заседания Совета Игроков, как обычно царил атмосфера всеобщей любви и понимания.

Если вкратце — срач был такой, что в ход (и далеко не в первые) могли пойти кулаки. Иногда после таких заседаний ко мне приходил Свей и говорил: «Я хочу попросить тебя убить для меня одного человека».

Сегодня артачился Бес, босс западного клана Адских Гончих. Ему не нравилось то, что его клан будет целую неделю патрулировать границу с землями, занятыми Судьёй. Или, вернее, ему не нравилось то, что он не сможет потрогать за мощну Зелёный Берег.

— Я от этих ублюдков натерпелся! — рычал он, брызжа слюной. — У меня двадцать человек там легло, а клану даже их лут не отдали. И ты мне говоришь, что я не могу попросить всё это обратно?

— Не в луте счастье, — пробормотал Репей, но его никто не слышал. Свей вскочил на ноги и принялся орать, что не просто так он унижался, пытаясь выторговать мир. Бес, Шапокляк и ещё пара ребят разом загомонили о том, что такой мир им не нужен, и если уж Свей такая тряпка, что даже не может...

— Нам нужен мир, — сказал я, усаживаясь за стол «переговоров» и небрежно бросая походную сумку под ноги. Говорил я спокойно, но со мной вместе разговаривала каждая тень в этом помещении, потому мой голос перекрыл каждого из вопящих. — Без этого мира нам не выиграть войну. Или ты, Бес, забыл, как Судья требовала вызвать тебя на Суд, а мы со Свеем этого не допустили? Услышав про Суд, ты не был таким храбрым. — Я обвёл всех присутствующих тяжёлым взглядом. — Что-то я не припомню, чтобы кто-то из вас записывался в камикадзе. Или вы, засев в этой дыре, решили, что вам всё дозволено? Вы забыли, кто загнал нас в эту дыру? Так я напомним. Судья. А почему она загнала нас сюда? Потому что если она захочет, она нас раздавит. Благодаря Свее мы с ней союзники, мы нужны ей, а она нужна нам. А ты, Бес, и вы, все остальные, хотите сделать нас врагами. Без неё и её войск мы не сможем закончить Игру. А конец уже близко. — Я швырнул на стол карту, которую мне дала Алая. Изначально это не входило в мои планы, я собирался просто напомним им, что случилось с теми, кому генеральная линия короля не пришлась по вкусу. Но лучше подарить надежду на скорую победу, чем запугивать. — Здесь отмечено место, куда я направляюсь. — Я замолчал. Всё, красоты закончились. Ведь я даже не знаю, что в этом месте находится.

— И что там, клад? — раздался в повисшей тишине голос Репья. — Или склад с Калашниковыми?

— Там... источник энергии. Если мы завладеем им, то наши шансы на победу вырастут в разы.

— Это в самом сердце владений жрецов, — задумчиво проговорил Бес. — Мы поведём туда армию? И что это вообще за карта, и откуда она у тебя взялась?

«Тебе нужно лучше обдумывать свои действия», — сказал Комок.

— Вообще-то я собирался идти туда один, — стараясь придать своему лицу невозмутимое выражение, произнёс я.

— То есть ты собираешься заграбастать источник себе? — спросила Шапокляк. — Не

много на себя берёшь, факир?

— Да он умом тронулся, — подал голос кто-то из присутствующих. — В собственное всесилие поверил.

— Господи, — выдохнул молчащий до этого момента Свей. — Какие же вы всё-таки идиоты. — Он взял в руки карту и развернул её на столе. — Вы разве его не слышали? Это — возможность вернуться домой. Вы вообще когда в последний раз все об этом думали? Не о том, как прожить следующий день и не быть убитым, или не завернуться от голода. Не о том, что кто-то кого-то предаёт и продаёт, а о том, что кто-то действительно хочет помочь. О том, что мы сможем победить и вернуться домой.

Об этом никто не задумывался очень долго.

А я — меньше всех. Я старался не встречаться взглядом с Репьём. Мы никому не рассказали о том, что нашли в Белой Роще. Я хорошо спрятал могильник с мёртвыми куклами, в том числе из-за возможной реакции на него игроков.

Рассказав о нём, мы бы всё уничтожили. Надежду в первую очередь. Если мы куклы, что с нами станет после победы? Не забудем ли мы вечным сном? Зачем тогда вообще побеждать? Ради спасения чужого мира, который для нас — лишь боль и страх? Спасения, которое, возможно, принесёт лишь смерть — ничто не мешает «выключить» отработанный материал и отправить его к другим погибшим. Или, что, быть может, ещё хуже, мы навсегда останемся здесь. Да, Смута закончится, жить станет лучше, но мы по-прежнему будем изгоями, чужаками.

Мы с Репьём надеялись на второй вариант развития событий, потому во время кризиса с Судьёй я убеждал Свюя в том, что с ней лучше дружить. Поэтому убеждал в этом остальных. Чтобы местные, тоже верящие в то, что после конца Смуты мы исчезнем так же, как и появились, не решили, что проблему с игроками можно (и нужно) решить самым быстрым и действенным способом.

Но сейчас, в тот момент, когда всё идёт к концу, можно начинать думать о том, что будет после. Я думал только о победе и мести. Но те, у кого были воспоминания, а значит — друзья, родственники и просто близкие люди, жаждали возвращения домой.

«Это лишь ложь во спасение, — сказал мне Комок. — К тому же, откуда ты знаешь, что их разумы не переместятся в старые тела?»

«Похоже на сказку».

«Вы все, по вашим представлениям, находитесь в сказе».

«Похоже на добрую сказку, — поправился я. — А мы в злой».

Пока я раздумывал, до всех, кажется, дошёл смысл слов Свюя. А босс тем временем развивал свою мысль. Заполучив источник энергии, мы станем сильнее, опять сможем встать с Судьёй наравне, и, объединив усилия, ударим по Сердцу Мира. Зачем ссориться с ней перед самой победой? Боссы кланов слушали и соглашались, но у каждого из них в ушах звучало только одно слово — дом.

Свей, взяв с Беса клятвенное обещание не устраивать Судье никаких провокаций, быстренько свернул заседание, и мы остались втроем с Репьём.

— Речь про дом очень меня вдохновила, — сказал Репей, глядя только в разложенную на столе карту.

— Ты же не такой идиот, чтобы в неё поверить? — фыркнул Свей. — Домой, — король игроков тяжело вздохнул. — Предание это протухло ещё осенью. После смерти никто домой не возвращался, иначе мы бы об этом узнали от тех, кто появился в стартовых локациях в

последнюю очередь. Кто сказал, что мы вернёмся домой после победы? Думаю, мы застряли тут до конца жизни, а в этом случае последнее, что нужно делать, так это ругаться с Судьёй.

Убийца ухмыльнулся, но мне не очень-то помог цинизм Свей, хотя мыслили мы с ним в одних категориях.

— А теперь мне нужны объяснения, — продолжил Свей, обращаясь ко мне. — Меня сказочка про белого бычка не устраивает. Что это за карта, и кто тебе её дал?

Я рассказал, ничего не скрывая. Да и что было скрывать?

— Значит, у нас ещё один союзник, — медленно проговорил берсеркер. — И этот союзник тоже хочет, чтобы мы объединились с Судьёй. Десять дней ты сказал? Ты успеешь за это время?

— Успею, — кивнул я. — Если не умру, конечно.

— Не умрёшь, — Свей хлопнул ладонью по столу. — В тебе я не сомневаюсь. Видел, как все заткнулись, когда ты появился? Ты настоящее пугало для всех наших, да и не наших тоже — среди местных ходят легенды о том, как ты уничтожил Гниющего одним плевком, а это, насколько я могу судить, многое значит. — Босс фыркнул. — Если бы мы выбирали короля по принципу — кто сильнее, тот и заказывает музыку, я бы, пожалуй, молча устроился к тебе в помощники.

Теперь слушайте, что мы будем делать. Я отправляюсь к Судье на переговоры, а ты, Репей, собирай людей, Шапокляк займётся обозом. Через десять дней девяносто процентов войска будет у Каменного Мешка. Когда Доктор вернётся, мы сразу же выступим на Сердце Мира объединённой армией и ломаем жрецам хребет одним ударом. За месяц управимся, если, конечно, не умрём.

— А Судья будет с тобой разговаривать? — поинтересовался Репей. — И как ты планируешь сдерживать жрецов десятью процентами войска?

— Если Доктор говорит, что эта Алая заставит Судью сотрудничать, то всё в порядке. Если же эта гадюка заартачится... ну, вернусь ни с чем, тогда и войска собирать не надо, и ни о каких жрецах можно будет пока не думать.

— Судья может попытаться тебя убить, — сказал убийца.

— Нет. — Свей усмехнулся и, взяв перо, нарисовал прямоугольник, внутри которого изобразил два уха. Рисунок он прикрывал левой ладонью. — Я должен идти сам.

— Как знаешь, — пожал плечами Репей.

— Через пять дней войско и обоз должны быть готовы, — продолжал Свей. — Я как раз пришло весть от Судьи — выдвигаться в дорогу или нет. Но идти придётся быстро...

Не к Судье собирался Свей. И я готов поклясться, что знаю куда. Три недели назад на юго-запад тайно (даже от меня и Репья) ушли пять наших разведчиков, и никто из них пока не вернулся.

Что будет, когда герои узнают, что Свей ушёл? Дорога займёт около пяти дней, за это время его никто не хватится. Или хватятся? Не появится Свей в первом же посёлке, где у Судьи есть уши и глаза. Что герои будут делать? Начнут искать его? Конечно, тайно... и, конечно же, не найдут. И что они будут делать дальше? Да ничего, досюда идти пять дней, а за пять (даже шесть) дней войско будет собрано. А ведь через десять дней войска Судьи должны стоять в Каменном Мешке — где же им взять ещё день или даже два, ведь в случае конфликта игроки просто так не сдадутся, и даже основным силам героев придётся повозиться, про тех, кто обороняет наши старые владения, я вообще молчу. Просто Свей нашёл удобный предлог, чтобы свалить на юго-запад. Вероятно, нашёл там союзников.

И кто вообще сказал, что герои захотят нас раздавить одним ударом? Я же сам говорил, что мы нужны друг другу. Просто нельзя исключать даже малейшую вероятность удара в спину от любимых «союзников». Дракониий Клык показал, что некоторые готовы пойти на всё, чтобы уничтожить чужаков.

Хрен с ними, с героями. Что будут делать жрецы, когда поймут, что войска ушли? Нанесут удар? Вполне возможно. Свей готов пожертвовать местными крестьянами и почти тремя сотнями игроков? Или это часть плана?

— Когда выходишь? — спросил меня Свей.

— Вообще, планировал выйти минут пятнадцать назад, — отозвался я, пиная сумку под столом.

— Тогда иди. Встретимся через десять дней в Каменном Мешке.

Я попрощался с друзьями и собирался уже уходить, но в этот момент в тронный зал ввалился бледный Крыс.

— Шеф! — рыкнул он. — Шеф! Всё пропало! Всё! Осколки Молота пропали!

Про них почти забыли, но по инерции продолжали собирать. А когда я рассказал Свее, что Корд — вполне реальная личность, и что Молот вполне может пригодится, вероятно, чтобы убить им босса Игры, его осколки решили стеречь, как зеницу ока. Даже не смотря на то, что герои к нему никакого интереса не проявляли, хотя должны бы — среди героев десятки, если не сотни, прямых потомков неудачливого бога. Мы собрали половину рукояти и часть самого молота, да ещё у нас была горсть осколков, которые пока не подходили к другим.

И вот теперь он кому-то понадобился. Кому-то, кто мог проникнуть в сокровищницу Свее, запечатанную десятками охранных заклинаний, не потревожив ни одного.

Кажется, я знаю — кому. Или, вернее, знаю, кто на такое способен. Поэтому, решив, что горю уже не помочь, я свалил из взбудораженного пропажей замка. Стоило мне выйти во двор, как ко мне подбежал Оскал.

— Опять втроём, — сказал я псу. — Как в старые недобрые времена. Засиделся в городе?

Оскал слабо вильнул хвостом в ответ, и мы направились к южным воротам.

Оскал ушёл, в первую же ночь. Видимо, понял, что мы идём не туда, куда он хочет. А хотел он к детям. Я не спал, когда пёс уходил, поэтому слышал, как он поскуливал и ходил кругами около меня, решаясь на побег.

Что для меня значил его уход? Даже не знаю. Я вернул его к жизни, или к некоему подобию жизни. Примерно так же, как жителей Леса Трупов. Но я не мог думать о нём как о каком-то пройденном, но необходимом этапе своей «прокачки». Мы провели вместе всю зиму, полную холода, голода и чёрных пятен в моей памяти зиму. И пёс был таким, каким нужно — спасал меня, терпел со мной все лишения. Был злобным ублюдком, иначе не выжил бы. Его уродливая морда и ядовитые клыки купались в крови, и он был этому рад, он не знал другой жизни. Раньше жизнь приносила ему лишь боль.

Но я бросил его весной, оставил одного на долгое время. Когда хозяин вернулся, он был рад. Но я опять его бросил, уже в городе. Устраивал дела Свея, строил королевство, пусть и своими методами.

Даже злобная тварь хочет добра по отношению к себе. Я не мог дать его псу. Дети могли. Они его не бросали. Он мог их защищать.

«Не ной, — сказал мне Комок. — Ах, какой я несчастный, все кругом умирают, а те, кто не умирает, бросают меня. Я тебя тоже покину, после нашей победы. Будешь обо мне грустить?»

«Конечно».

«Странный ты человек. Много с радостью бы от меня избавились при первой же возможности».

«Какой есть. Я — часть Тьмы».

«И Света, а во мне только Тьма, запомни это».

Убедившись, что Оскал ушёл на достаточное расстояние, я уселся и раздул костёр. Тени подтвердили — пёс направлялся к дому Гаи и Локта по прямой, как стрела, дороге.

Что ж, там ему действительно будет лучше. Если там, куда я иду, будет карман, пса опять пришлось бы бросить. В общем, что не происходит, всё к лучшему. Да, остановимся на этой позитивной ноте.

Шорох травы, сминаемой чьими-то сапогами, заставил меня раствориться в Тени. Костёр я тушить не стал — в его свете приближающегося будет видно лучше, его всполохи дадут Тень...

Яркая вспышка света едва меня не ослепила. Кто-то пытался рассеять Тень там, где я только что сидел, вот только я уже далеко от этого места.

— Я тебя вижу, — раздался хриловатый женский голос. — Не веришь? Поза такая, будто в кустиках посрать сел.

Я выбрался из ложбинки и подошёл к костру, возле которого Судья уже разбирала свою походную сумку. Расстелив на земле одеяло, она скинула пояс с мечом и принялась раскладывать скудный ужин — вяленую мясную стружку и сухари.

— Жри, — грубо сказала она, подталкивая ко мне часть еды.

— На хрена? — в тон ответил я.

— Обычай. Разделив еду, мы становимся вроде как... — Судья задумалась и, кажется,

даже смутилась. — В общем, семья всегда ест за одним столом, поэтому разделив еду с другим человеком... — девушка опять замолчала.

Слова «друг», «соратник» не говоря уже о «родственник» в нашем случае не подходили совсем.

— Я понял, — буркнул я, принимая кусок мяса. — Вот только скажи — какого хрена ты тут делаешь?

Судья задёргалась. По крайней мере, её нижняя губа начала подрагивать будто от страха.

— Я сегодня была в Зелёном Берегу, проверяла новобранцев. А когда обедала, ко мне пришла женщина в белом платье...

— Теперь ясно. Дала карту и сказала идти в указанном направлении.

— Нет, дала вот это. — Судья вытащила мой амулет, составленный из височных костей, и кинула мне на колени. Я даже не знал, что он у меня пропал. Видимо, поцелуй от Алой имел ещё и корыстные мотивы. — И сказала, чтобы я догоняла тебя, иначе она быстро найдёт другую Судью.

— Она может, — буркнул я.

— Я это быстро поняла. Кто это такая?

— Дочь Игрока.

Судья сплюнула и зло выругалась. Игрока здесь не любили. Интересно, откуда здесь о нём знали? Я задал этот вопрос Судье.

— Он частенько появлялся здесь в последнее время, набирал героев, обещая баснословные богатства, и уходил с ними куда-то. Возвращались немногие, а те, что возвращались, были уже другими людьми. — Она замолчала, закусив губу. Чёрт, да она же ещё совсем девчонка. — Мой отец был одним из тех, кто вернулся. Он мне ничего не рассказывал о своём походе с Игроком, но... — Судья замолчала, воспоминания явно были ей неприятны. — В общем, мать говорила, что он сильно поменялся после того, как вернулся.

Наши глаза встретились лишь на долю секунды, но я успел увидеть то, что Судья не хотела мне рассказывать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

...Высокий мужчина лет тридцати грубо держал её за руку. Маленькая девочка, не понимающая, что происходит, плакала. Перед её застланными слезами глазами болтались три мальчика — её братья, и бородатый здоровяк, в котором я признал помолодевшего Гризли, собирал под ногами каждого повешенного костёр.

— Мы должны быть уничтожены, все до последнего. — Отец перевёл взгляд на неё. — Все до последнего. Наше проклятое семя должно погибнуть. Я вырезал бы тебе матку, если бы он не запретил мне трогать тебя. Поняла? — Он поднял девочку на вытянутую руку и зло заглянул её в глаза. — Обещай, клянись, что никогда не ляжешь с мужчиной и не зачнёшь от него ребёнка. Клянись!

— Папа... папа...

Мужчина встряхнул её так, что выбил плечевой сустав.

— Клянись!

— Клянусь! Клянусь!

Он отбросил её к матери, избитой до полусмерти — она пыталась защитить детей.

— Гризли! Клянись, что сделаешь то же.

— Клянусь.

— Хорошо. А теперь...

Кузнец, закончивший с кострами, вытащил нож. Отец Судьи поднял валяющийся под его ногами окровавленный кинжал. И, спустив штаны, они оскопили себя под корень, выбросив ошмётки своей плоти в разгорающиеся костры...

Я рефлекторно поднял руку, защищаясь от удара. Не смертельного, как это обычно бывает, а от обычной пощёчины.

— Ублюдок, — прошипела Судья. — Зачем ты лезешь мне в голову? Кто научил тебя этому?

Я промолчал, а она, абсолютно раздавленная, уселась на своё одеяло.

— Как тебя зовут? — спросил я после долгой паузы.

— Зови меня Судья, Палач. Ты мне не друг и не родственник, чтобы по имени называть.

Я какое-то время молчал, а потом тихо сказал:

— Гризли нарушил клятву.

— Не совсем. К тому времени, как он вернулся в свою деревню, мой отец уже был мёртв, потому клятву можно было нарушить... в какой-то мере... Он оскопил сыновей, а дочери вырезал матку, Гая едва спасла девочку от смерти. А Нервилу он служил, потому что тот заставил его — конунг победил кузница в честном поединке и стал ему господином.

Я не нашёлся, что ответить. В конце концов, безумие, вызванное Скверной, закончило дело, которое начал сам кузнец. Не приходилось сомневаться, что отец Судьи и Гризли в походах с Игроком навидались такого, что поняли — кровь Корда является проклятьем этого мира. Достаточно вспомнить о прошлой и этой Смуте. Не будь у Корда потомков, Гасп не уничтожил бы с их помощью столько человеческих жизней.

Мы смотрели в костёр, я машинально жевал мясо, а Судья, видимо, предавалась мрачным воспоминаниям. В этот момент я почувствовал, будто между нами действительно появляется какая-то связь. Но стоило мне ещё раз посмотреть на неё, как эта воображаемая связь быстро разрушилась.

Девчонка осталась светочем, если так можно выразиться. Она продолжала верить в добро даже после того, что произошло с ней. Во мне проснулась Тьма после доли (с личностной точки зрения — точно) тех мучений, что перенесла она. Судья же продолжала давать людям надежду. Конечно же, не нам, пришлым, а своим землякам. И они верили в неё, видя спасение уже в её существовании. Поэтому девчонка сильна без всяких изменений своего тела или полчищ подпитывающих ещё энергией полутрупов. Вера людей в неё придавала ей сил.

Словно по команде, мы улеглись спать у затухающего костра. Мы уже были на территории жрецов, но не боялись их. У меня был Комок, отсыпаящийся, пока бодрствую я, у Судьи, видимо, свои методы защиты.

Я заснул почти сразу.

И мне опять снился чужой кошмар, как это было с Треей. Сначала мне снились какие-то болота с обезглавленными трупами, а потом пришёл кошмар Судьи, чёткий и явный, как воспоминание. Я погрузился в него, словно был участником тех событий.

Улица, залитая кровью, дома со снятыми с петель и выломанными дверьми. На грубо сваленном кострище, разнося по улицам вонь гари, горел отец Судьи. Сама девчонка валялась у костра, её правая рука невыносимо болела. Её мать, избитую, в ободранном платье, раскладывали на брусчатке четыре мужика. Горожане смотрели на них, но никто не

вмешивался, то ли от страха, то ли от того, что натерпелись в последние годы от её отца.

— Ну-ка, давай я покажу тебе, что такое настоящий мужчина, — шипел один, — а то твой-то давно уже баба. Был. Не трепыхайся, шлюшка, тебе понравится.

Девочка не понимала, что происходит. Что они делают с её матерью, но знала, что ничего хорошего. Она хотела заплакать, но слёзы покинули её в тот день, как отец убил братьев.

— погоди, — сказал один из мужиков, — делать это на глазах у девки слишком жестоко.

— Так вырежи их ей. Кром приказывал её не убивать, а уж до остального мне дела нет.

Первый говоривший присел к девочке, наступив ей на грудь, и, потянув за волосы, приставил к виску нож. Шпора разодрала кожу на рёбрах, но она почти не почувствовала боли — слишком большие муки причиняла сломанная рука.

— Твой папа — очень плохой человек, — сказал он, — и за это платите вы с мамой. Ты это понимаешь?

Нож прочертил неглубокую кровавую полосу от одного виска к другому, лоб жгло словно огнём.

— Очень плохой.

Вторая полоса, на сей раз ниже глаз.

— С тобой будет то же, что и с твоей мамой, когда мы отдадим тебя любителям девочек.

Она закричала, когда кровавая пелена сменилась тьмой. А держащий её человек продолжал вычерчивать на её лице кровавые узоры, уже без всякого порядка. Но это продолжалось недолго. Злой человек закричал, и она почувствовала, что его нога исчезла с её груди.

— Убить, всех! — прорычал кто-то. — Девчонку и бабу к жрецам.

— Нет! — закричала мать. — Нет!

Девочка не видела, что происходит, но по крику поняла — мать бросилась в костёр. Что ж, сейчас и она...

Чьи-то руки подняли её с мостовой, к горящему лицу прикоснулось что-то прохладное, снимающее боль.

— Чёрт, если бы я так долго не возился с его безумной гвардией... — прошептал тот, кто держал её.

Знакомый голос. Это тот, кто убил отца, Кром. Бывший отцовский военачальник. Тот, кто поднял против него восстание. Красивый и добрый человек, который когда-то (когда ещё братья были живы) учил её кататься на пони.

— Я хочу умереть, — сказала она.

— Нет, Ораю, нет. Если он, безумец, оставил тебе жизнь, я не могу отнять её. Я любил твоего отца, тебя, твоих братьев. Моё сердце обливалось кровью, когда я убивал моего обезумевшего господина. А тебя я просто не могу тронуть.

— Они меня тронули...

— Они за это заплатят.

— Как я? Как я заплатила за зло моего отца?

— Тише, тише, девочка... Никто не должен платить за чужое зло, только за своё. Гая! Наконец-то! Возьми людей и отнеси её к жрецам. Посмотри, что можно сделать с её рукой и глазами!..

— Я сделаю так, — тихо сказала девочка, — чтобы каждый заплатил за своё зло...

Я проснулся перед рассветом и тяжело сел. Голова раскалывалась так, будто это мне изрезали всё лицо, а потом ещё и вбили в висок кол. Судья уже раздувала костёр, а Комок, что-то промямлив, смылся — ему наша новая компания совсем не нравилась.

— Кто такая Топлюша? — спросила Судья, когда мы принялись за завтрак. — Ты любишь её?

— Откуда ты про неё знаешь?

— Ты звал её ночью.

— Я любил её, — сказал я. После того, что я увидел во сне, мне тоже нужно было что-то рассказать ей. — Но женщина, которая думала, что любит меня, убила её, чтобы я достался только ей.

— Любовь причиняет только страдания, — задумчиво проговорила Судья.

— Не только.

— В наше время — только. — Она поднялась с одеяла и принялась собирать сумку. — Ведь женщина, о которой ты говоришь, тоже мертва — я слышу это по твоему тону. Иначе сейчас страдает, но к тебе она никогда не вернётся, я её знаю. — Судья на миг замолчала, а после сухо буркнула: — Жри быстрее. За вчерашний день мы прошли слишком мало. У нас осталось всего девять дней.

Я затолкал остатки сыра в рот и, жуя, принялся собирать свои вещи.

Скверна медленно, но неотвратимо отравляла земли Сердца Мира. Нет, под ногами не простирались каналы со Скверной, чёрная жижа не булькала под ногами. Всё было гораздо хуже. Скверной был отравлен каждый вдох, что мы делали, трава под нашими ногами умирала на выжженной негативной энергией земле, опавшая с деревьев листва, на которой мы спали, разлагалась от ядовитых паров. Скверна поднимала мёртвых животных со сгнившей плотью, и они бродили по этому царству смерти в поисках хоть чего-то, что можно было сожрать. Чего-то живого. Но живыми были только мы с Судьёй, а мы — добыча зубастая.

Но и это не всё. Посреди мёртвой рощи мы натолкнулись на «ожившие» деревья — на их сухих ветвях набрякли чёрные почки, из которых распускались истлевшая листва. Под деревьями стелилась чёрная склизкая трава, длинная, как плющ. Я видел такую сотни раз, летом и осенью. Здесь побывал Некромант. Я не стал говорить об этом Судье. В конце концов, я планировал убить его самостоятельно.

За последующие четыре дня мы прошли около двухсот километров. Всего — двести двадцать. Шли быстро, как могли, часто переходили на бег, благо зелий выносливости с собой набрали достаточно — в отсутствии повреждений они неплохо восстанавливали силы, особенно, если учесть, что еды у нас было в обрез. Но мы всё равно не успевали. Мы старались не вступать в драки, но новость о нашем приближении дошла до жрецов, и за нами началась охота. Ни жрецы, ни проклятые не доставляли больших нам больших проблем, но они отнимали время. Таким темпом мы должны были добраться до указанного на карте места только через два дня, и всего три дня оставалось на возвращение. Не реально, и мы это понимали, но не говорили друг другу.

Комок предложил построить самолёт, я же планировал открыть канал до Каменного Мешка. Но любая попытка сделать что-то подобное срывалась: слишком много враждебной Скверны кругом, я даже обычные свои способности использовал с трудом. Мои энергетические каналы как будто кто-то перекрыл, слишком много усилий требовалось, чтобы прорваться к источнику силы. На третьей ночёвке я попытался переработать Скверну так, как делал это на болоте и в Белой Рощи, но меня захлестнула такая бездна зла и отчаянья, что я, едва не сойдя с ума, отказался от этой идеи — слишком велика была сила осквернённого Культа Корда.

На шестой день мир превратился в разлагающийся остов. Под ногами шуршала чёрная сухая земля, скелеты деревьев окаменели, и даже сильный ветер не мог шелохнуть и веточку. Мумифицированные трупы людей и животных лежали неподвижно, но я понимал, что поднять их — один щелчок пальцев жрецов или Алексея. Мы прошли мимо большого хутора, от которого остался лишь прах — всё, что сделал человек, одежда, дома, повозки, сгнило, рассыпалось в пыль, и лишь осквернённое капище угрюмо возвышалось над руинами храма Корда.

— Если войска пойдут здесь своим обычным ходом, то они никуда не дойдут, — разлепила губы Судья, наверное, впервые за последние пару дней. Она сунула руку в свой мешок и показала мне кусок мяса. Кусок, как кусок, но как только Ораю сжала его в своей руке, он превратился в мокрое гнилое месиво.

— Возможно, Алая с Игроком нам в этом помогут, — ответил я, слабо усмехнувшись. — Не зря же она сказала, чтобы мы были у Каменного Мешка через десять дней.

— Уже через четыре с половиной. — Судья впервые подняла эту тему. — Мы не успеваем, если даже повернём назад сейчас.

— Значит, не будем поворачивать, просто сделаем что нужно, а там уже посмотрим, что дальше.

Ораю слабо ухмыльнулась.

— Ты всегда по этому принципу живёшь?

— Когда у меня нет выбора.

— Его никогда нет.

— В том-то и дело.

— Всё равно нам лучше поторопиться.

Мы перешли на бег. За первым хутором появился второй, а за ним начался то ли какой-то пригород, то ли город, не обнесённый стеной.

— Костей нет, — на бегу проговорила Судья. — И трупов.

Вот это она верно подметила.

— Может, обойдём это место?

— У нас и так не времени, а ты предлагаешь потерять ещё больше.

Я закалил глаза, глядя в энергетическую составляющую этого мира. Ничего не видно. Сплошная чернота, скрывающая даже бурю в небе. Лишь слабый проблеск света справа указывал на то, что Судья никуда не делась и всё ещё бежит со мной.

Пришлось возвращаться в реальный мир и продолжать бежать, надеясь на лучшее.

— Как-то раз всё лето лил дождь, — сказала Ораю, — и я думала, что это худшее лето в моей жизни. Через два года мой отец ушёл с Игроком, а вернувшись, убил моих братьев. И я думала, что это худшее лето в моей жизни. Ещё через три года моих родителей убили, а меня изувечили. И я думала, что это худшее лето в моей жизни. Сейчас я бегу по священной земле, которую убили. И я надеюсь на то, что это худшее лето в моей жизни.

— Это единственное лето в моей жизни, мне сравнить не с чем. Но хуже-то уже быть не может?

— Надеюсь, но все надежды в моей жизни так редко сбываются.

Местность начала ощутимо подниматься. Резко, будто земля под нашими ногами вспучилась. Я вглядывался в каждый домик, но не замечал ничего подозрительного, пока не увидел, что стена одного из домов частично обрушилась так, будто действительно земля резко пошла вверх.

— Стой! — крикнул я Судье и остановился сам. Но было уже поздно.

Мостовая под нами провалилась, и мы с кучей мёртвой земли и камня рухнули в образовавшуюся яму. Я едва успел сплести кокон из Тени, чтобы хоть как-то смягчить падение, рядом полыхнуло Светом — Судья тоже успела среагировать.

Падение-то я смягчил, но энергии на то, чтобы кокон не разрушился при ударе о землю (хотя я быстро понял, что упал совсем не на землю), у меня не хватило. Я успел сгруппироваться во время короткого полёта, потому падал на ступни и ладони одновременно, чтобы распределить тяжесть своего тела, да и высота-то была метров пять, я вообще ничего не должен был сломать. Я и не сломал.

Знакомая раздирающая боль в животе, чуть выше и левее пупа, и я с тихим стоном замер на четвереньках, нанизанный на острую и твёрдую, как сталь, кость, торчащую кверху из

ровного чёрного пола. Комок истерично заверещал, информируя меня о том, что я здорово разорвал себе кишки. Хоть позвоночник цел... Но рана всё равно серьёзная, в нашей ситуации — даже слишком.

«Не шевелись, иначе увеличится кровотечение. Сейчас я оценю все повреждения, и будем думать, как снимать тебя с этого вертела».

«Длинная кость?»

«Метра полтора, просто так слезть с неё не получится. Скажи спасибо, что хоть тонкая».

— Эй, Палач! Жив? — раздался сдавленный голос Ораю.

Я огляделся, но не увидел Судью из-за поднявшейся пыли. Ну и чёрт с ней. Квест провален. Пусть возвращается назад, а я отлежусь и поползу к месту указанному на карте. Может, встретимся где-нибудь посередине пути... На меня напала жестокая апатия, хотелось просто полежать с закрытыми глазами, и чтобы меня никто не трогал, в том числе Комок.

«Кость отравлена?»

«Нет... не совсем... в ней Тьма. Настоящая, не Скверна».

«И что теперь?»

«Не знаю, как она на нас подействует. Прикажи этой бабе снять тебя, я пока буду сдерживать кровотечение».

«Я могу опереться на Тень...»

«Не можешь! Канал закрылся, Тьма его перебивает! Пусть снимет тебя с кости, её Свет должен помочь».

— Судья! — позвал я. — Судья! Мне нужна твоя помощь.

Перепахканная Ораю появилась из облака пыли и хладнокровно оглядела меня с ног до головы, после чего сдержанно выругалась. Её не слишком-то волновала моя рана, куда хуже было то, что она ставит под угрозу нашу миссию, которая и так уже почти провалилась.

— Сможешь снять меня? Каши много в детстве ела?

— Смогу, — деловито отозвалась Судья. — Что делать?

— Подсунь руки под меня. Одну под живот, вторую под грудь. И тащи вверх, только старайся не дёргать.

Что может быть проще? Восемнадцатилетней девушке ростом метр шестьдесят и весом килограммов в сорок пять, ну, пятьдесят от силы нужно поднять меня (метр восемьдесят и килограммов семьдесят) на вытянутые руки на высоту в полтора метра. Была бы она обычным человеком, мне не жить. Впрочем, был бы я обычным, тоже вряд ли пережил бы такое.

Судья подсунула под меня руки, как я попросил, и замерла.

— Резкий рывок? — спросила она.

— Если хочешь меня помучить, можешь снимать меня медленно. — Я едва ворочал языком, а в голове воцарился настоящий бардак — прямо перед собой я видел то Топлюшу, то Корума, то разлагающегося прямо на глазах Гниющего, и каждый из них покрывался тёмно-серыми пятнами, а после исчезал, чтобы появиться снова. Комок истерично верещал, запрещая мне спать.

— Заманчивая идея. На счёт «три»?

Я невнятно застонал в ответ. Мой живот пронзила резкая вспышка боли, и я вырубился.

...Я видел неясную фигуру. Она приближалась ко мне сквозь абсолютный мрак,

поглощающий любой свет. Странно, что я вообще заметил какие-то очертания подходящего ко мне существа — оно тоже отличалось антрацитовой чернотой. Через какое-то время я понял, что ко мне идёт — или, вернее, вышагивает, будто на подиуме — невысокая женщина.

— Где я? — спросил я, тяжело дыша. Странно, когда я успел запыхаться? По моему лицу струился пот, руки мелко дрожали, подгибались ноги. А в животе будто завелась крыса, пытающаяся прогрызть себе путь наружу.

— Там же, где и был, — прозвучал леденящий женский голос. — Я пришла к тебе не в своём физическом состоянии. Да и ты сейчас витаешь в других сферах.

Я огляделся и внезапно понял, что мы здесь не вдвоём. У моих ног копошился какой-то уродливый карлик. Он неуклюже пытался встать, словно был ребёнком... Да он и был ребёнком.

— Комок?

— Комок, — подтвердила женщина, и я почувствовал, как меня пронизывает могильный холод от одного звука его голоса. — Видишь, что ты с ним сделал?

— Что я сделал с ним?

— Ты его убил. Или дал жизнь, смотря с какой точки зрения судить.

— Не понимаю.

— Поймёшь.

Женщина приблизилась ко мне на расстояние вытянутой руки и остановилась. Я с трудом различал её фигуру, но мне почудилось что-то знакомое в ней. Будто я уже видел её где-то.

— Это последнее, что я могу для тебя сделать, человек, — сказала женщина. — Тебе нужно поторопиться, или я умру. Или перерожусь, если смотреть с другой точки. Но тогда мне придётся возложить свои надежды на него.

— На кого?

— Ты знаешь. Ты уже сам всё видел.

Сказав это, женщина шагнула вперёд и резким движением проткнула мой живот насквозь. Я даже не мог шевельнуться, пока она копалась в моих кишках. Это продолжалось долго, боль всё усиливалась, но, наконец, она выдернула руку. В зажатом кулаке я увидел ворох клубок червей, исходящих густой черной жидкостью. Женщина улыбнулась, показывая едва поблёскивающие от слюны чёрные клыки, и чавканьем затолкала червей в рот.

— Тень появляется, когда Свет рассеивает Тьму, или Тьма прокрадывается в царство Света. Если ты хочешь, чтобы всё встало на свои места, в тебе должен остаться Свет. Или я сделаю его своим избранником.

Женщина развернулась и так же чинно ушла, оставив нас с Комком вдвоём.

— Ма-ма... — простонал Комок. — Ма... ма...

...Лил дождь. Тяжёлые капли падали мне на лицо прямо с чёрного беззвёздного неба. Через пару секунд я понял — это тучи настолько чёрные и плотные, что стали абсолютно однотонными. К тому же, наступила ночь. Я попробовал пошевелиться, но мои руки оказались спутанными.

Я что-то невнятно просипел — в горле пересохло так, что даже это шипение причиняло мне боль.

Надо мной зависла размытая фигура, но я быстро узнал в ней Судью.

— Очнулся?

— Аххааа...

Ораю села рядом со мной и принялась распутывать ремни, стягивающие мои конечности. Когда мои руки были освобождены, я в первую очередь потрогал живот. Рана затянулась, но прикосновение вызвало боль, значит, кишки ещё не срослись. Мне бы отлежаться, а не растрясать требуху по дороге. Но... мы ещё днём говорили об отсутствии выбора.

— Зачем ты меня связала?

— Ты дёргался. И орал. Мне пришлось связать тебя.

Я сел и, найдя на поясе предпоследнее зелье выносливости, вылакал его.

— Где мы?

— Километрах в пяти от того подземного замка костей, дальше уйти у меня не получилось — моя энергия истощается. Я волокла тебя за собой на одеяле, так что у тебя может быть пара синяков на затылке и заднице.

Я потрогал саднящий затылок. Главное, волосы на месте, а синяки пройдут быстро.

— Нужно было меня бросить и идти одной. Я бы выжил.

Судья поднялась на ноги и кивнула в сторону возвышающихся невдалеке развалин.

— Нужно идти к храму Корда, возможно, там удастся укрыться от дождя.

— Почему ты меня не бросила? — спросил я, так же игнорируя последнюю её фразу.

— Потому что мы должны прийти в указанное место вдвоём, иначе ничего не получится, в противном случае Алая отправила бы кого-то одного.

Правильные слова, сказанные правильным тоном. Мы — союзники, соратники, друзья по несчастью (или вынуждению), не более. То, что я поначалу принял за жалость, лишь стремление к выгоде. Так и должно быть.

— Что там было? — спросил я. — В замке?

— Кости, — пожалала плечами Судья. — Стены из костей, перегородки, подпорки. А на нижних уровнях тысячи мумий, которые были когда-то жрецами и проклятыми. Мы угодили в ловушку, которую расставили на дороге специально. Нашу армию ждут.

— Ждёт. Это один человек, Некромант.

— Тот, что бросил Гниющего после поражения?

— Да. И теперь я знаю, зачем он здесь.

Я замолчал, задумавшись. Впрочем, всё складывалось в стройную картину. Неужели всем сильным мира сего нельзя говорить в открытую, прямым текстом? Только и слышишь — догадайся, ты уже знаешь, подумай. Будто им лень сказать лишнюю пару слов.

— Мир не погибнет, даже если мы не справимся, — сказал я. — Некромант выступает и против нас, и против жрецов Корда, а Гниющий ему был нужен для того, чтобы нахапать побольше энергии да обучится. Уверен, он и жрецов убедил в том, что его присутствие им необходимо, и сейчас пользуется ими. Именно Некромант окончательно убил эту землю. Хотя... убил — это если смотреть с одной точки, если посмотреть с другой, он дал ей жизнь. Новую жизнь. Всё изменится, Скверна растворится во Тьме и Свете, и Сердца Мира и Тьмы переродятся. Возможно, сольются, или то, что сейчас делает Некромант, станет третьим энергетическим центром этого мира.

— И весь мир станет таким?

— Да. То, что мы видели, это зародыш нового мира. Запасной вариант, так сказать. Лучше, чем гибель, но хуже, чем спасение, как я могу рассудить. Мы не должны этого допустить. Потому что обычным людям в этом мире места не будет. Ни им, ни нам —

героям и игрокам. А Алексей... станет новым богом. В этот раз призыванием Судьи и Палача не ограничились, видать, дело совсем труба.

Судья шла какое-то время молчала, раздумывая.

— Знаешь, — сказала она после паузы, — иногда мне кажется, что мы все этого заслужили.

— Мне тоже. Но давай будем судить каждого за свои злодеяния, а не грести всех под одну гребёнку.

— Когда я буду Судить этот мир, все пойдут под одну гребёнку.

— Если мне придётся его уничтожить. Если же Сердце не погибнет, у нас будет возможность и время, чтобы отделить зёрна от плевел.

Ораю промолчала, но я чувствовал, что она со мной согласна.

Мы забрались в развалины храма, где нашли два сухих закутка. Я забился в свой угол и закрыл глаза, стараясь уснуть побыстрее.

У меня не осталось ответа лишь на один вопрос: что же я сделал с Комком? А сам он не отвечал, забившись куда-то в самый угол моего подсознания.

— Я ненавижу лето, — сказала Судья спустя пару минут сонным голосом. Я в ответ издал грустный смешок.

Уснув, я слышал детский плач. Ребёнок звал маму.

Но мама не отвечала.

Смерть IX

Наше вторжение в Замок Костей не прошло незамеченным. Тем более не остались без внимания лужи крови, которые я оставил на каменном полу, благодаря им-то Некромант и смог до меня достучаться под утро. Я полдня провалялся в своём закутке, не подпуская к себе Судью — от чудовищных судорог и разъедающей кишки боли в моём разуме помутнело, но я твёрдо вознамерился не пускать в храм и капли Тьмы, что проникали сквозь открывшийся канал из Замка Костей в моё тело.

Куда-то запропастился Комок. Возможно, тоже боролся с воздействием Тьмы — я чувствовал, как воля Некроманта пытается подчинить себе мой рассудок, а после убить, чтобы поднять для себя верного слугу. Ораю пыталась помочь мне, но она не могла даже пробраться в закуток, который я занимал — я запечатал проход Тенью так плотно, как мог.

Я выл, грыз камень и стёсывал пальцы о неровные стены храма, но принимал в себя Тьму. А потом, поняв, что больше не выдержу, смешал Тьму с Тенью и вышвырнул часть обратно, стараясь зацепить Некроманта, а вторую потратил на то, чтобы порвать открытый Некромантом канал. Не думаю, что нанёс противнику хоть какой-то существенный урон, но мне удалось запечатать канал, и даже немного подпитаться энергией, пусть и слишком «тёмной» для меня.

Комок не объявился даже когда я встал на ноги. Я чувствовал себя совершенно обессиленным, несмотря на энергетическую подпитку. Вчерашний дождь превратился в настоящий ливень, под ногами едва слышно чавкала мёртвая грязь. К счастью, Некромант не собирался высылать за нами погоню, я понял это ещё в тот момент, когда его разум коснулся моего — у моего бывшего друга была куча дел, и он торопился не меньше нас. Да и не занимали его наши дела — он копил силы, уверенный в том, что в нужный момент просто раздавит одним ударом, да ещё и прихватит с нами всех игроков и героев, которых мы приведём к Сердцу.

Зато ему удалось натравить на нас жрецов. Впрочем, без какого-либо толку. Они нагнали нас ночью, когда мы остановились на короткий привал, но не смогли даже напасть — мёртвые земли выпили из них всю Скверну, дававшую им подобие жизни, и до нас дошли лишь полдюжины в буквальном смысле разваливающихся на ходу тел, чья плоть едва скрывала кости. Догнав нас, они с чувством выполненного долга повалились в грязь под ногами и на наших глазах истлели до костей, после чего погрузились под раскисшую землю, чтобы стать материалом для Замка Костей.

— Эта Тьма жрёт даже Скверну, — сказала Судья, невозмутимо жуя размокший сухарь, половину которого покрывала плесень. — Что станет, когда её коснётся Свет, я не представляю.

— Ты можешь узнать, — подал я голос.

— Могу, но не буду. Этот поход слишком вымотал меня. Если я лишусь последних сил... — Она не договорила и швырнула в грязь особенно проплесневевший кусок сухаря. Хотя, и так ясно, что будет, если мы останемся здесь совсем без энергии. Будет ли у Алой время, чтобы найти новых Судью и Палача?

Ответить мне было нечего.

— Нужно спешить, — сказала Ораю спустя пару минут. — Мы и так потеряли почти

сутки.

Я стиснул в руке кусок солонины, который так ни разу и не укусил (у меня был отменный завтрак из Тьмы), и поднял из грязи свой рюкзак.

— Знаешь, — медленно произнёс я, ощупывая ноющий живот, — у меня не осталось сил на обратную дорогу.

— У нас и времени на неё не осталось, что же теперь? Сам предлагал сначала сделать одно дело, а потом уже думать о втором.

Дождь кончился утром, резко, будто кто-то его выключил. На миг сквозь чёрные тучи прорезался багровый солнечный луч, но тут же пропал, оставив это царство Тьмы как без Света, так и без Тени.

Ночной переход совершенно отупил меня. Да и Судью, видимо, тоже. Не хотелось ни спать, ни есть, ни думать, всё, на что хватало сил, так это шагать к намеченной цели. Возможно, будет проще лечь рядом с нужным нам местом и умереть, как это сделали осквернённые жрецы. Не сговариваясь, мы даже на привал не стали останавливаться. Да и где было отдохнуть? Кругом плоская, как стол, равнина, покрытая слоем чёрной грязи, под которой окаменела земля.

Весь следующий день мы шли, как во сне. Даже словом не обмолвились. Останавливались лишь раз, чтобы справить нужду, отвернувшись друг от друга. На миг меня посетила мысль, что очнуться где-нибудь у указанного на карте места с мокрыми штанами или того похуже было бы удовольствием ниже среднего, но эта мысль почти сразу выветрилась, оставив в голове лишь тёмно-серый, почти чёрный, туман.

До места, указанного на карте, мы добрались поздно ночью. Даже не будь у нас карты, пройти мимо нам вряд ли бы посчастливилось — десятки мёртвых каменных деревьев были единственным, что поднималось над чёрной грязью.

По мере приближения к деревьям температура воздуха падала. Из моего рта вырывался пар, а грязь под ногами за несколько метров до цели превратилась в лёд.

— Что это? — прокаркала Судья осипшим от долго молчания и пересохшего горла голосом.

Я долго вглядывался в плотные ряды деревьев. Частично они срослись ещё когда были живыми, частично попадали, образуя непроходимую стену. Площадью эта рошица была в несколько сот квадратных метров.

— Проход в очередной «карман», — прошептал я в ответ. — И нам придётся в него зайти.

— Тебе уже удавалось это?

— Не раз. И ты как-то раз сделала это, когда прошла в зону Игры.

— Я плохо помню тот момент, — голос Судьи креп, да и ко мне постепенно возвращалась трезвость мыслей. Вероятно, здесь влияние Тьмы было куда меньше. Я даже почувствовал голод, но заглянув в рюкзак, понял, что все мои припасы сгнили. Одеяло превратилось в ворох мокрого вонючего тряпья, а сама сумка едва болталась на истончившихся лямках. Я бросил её и втоптал в грязь. Если сил на обратную дорогу не осталось, то и припасы ни к чему.

— Ко мне пришла Инча с отрядом героев и сказала, что нужно идти выручать Гаю, — продолжала Судья. — Что пропавшие земли вовсе не пропали, а лишь отделились от наших, и там сейчас идёт война за спасение мира. — Ораю на миг замолчала, а я превратился в слух — никто раньше и не думал мне рассказывать, что происходило по ТУ сторону барьера. —

Собирались все, кого я когда-либо знала. Иначе послала весть во все части мира, что появилась новая Судья, и всем героям необходимо идти к Сердцу Мира. Она рассказывала, как я прозрела, собирались сотни людей, чтобы увидеть это чудо. Остановилась даже война между двумя графствами Империи — сильнейшие воины дезертировали из рядов обеих войск, а сами графы решили подождать, когда исчезнувшие земли вернуться. А потом, собрав хороший отряд, мы пошли к Сердцу Мира, и в какой-то момент я почувствовала, что мир кругом стал другим, а меня наполняет сила.

— Погоди, — сказал я. — А разве твоё прозрение — чудо? Неужели раньше нельзя было вырастить тебе новые глаза?

Ораю фыркнула.

— Возможно, лет двадцать назад и можно было бы, но не сейчас, — она неопределённо кивнула куда-то в сторону. — Сила неотвратно утекала из мира, и теперь я знаю — куда, потому что здесь магия работает куда лучше, чем когда-либо раньше, разве что не считая времён молодости Гаспа или Корда. Всем магам приходилось очень долго копить энергию в амулетах, создавать обереги, чтобы использовать простейшее боевое заклинание. Здесь же одной силой воли можно заставить молнию ударить в нужное тебе место.

Я кивнул. Значит, Игрок готовил Игру не один десяток лет. Возможно, с момента самого воцарения Властелинов. Брал с собой куда-то потомков Корда после чего они сходили с ума... или же, наоборот, в трезвом уме уничтожали проклятье этого мира — потомков Корда. Я отбросил эти мысли. Нужно будет переговорить с Игроком при возможности, никто кроме него самого не сможет рассказать о его планах.

Похрустев шеей, я потянулся к Тени, но ответом мне была глухое молчание. Будто в стену врезался. В кармане от Комка толку нет. Остаётся только идти вперёд.

— Ну что, пошли? Попасть в «карман» — это просто.

Судья неуверенно шагнула вперёд, и я механически взял её за левую руку. Вот так, как малые дети, мы двинулись по замёрзшей грязи к деревьям. Деревья знакомо «поехали» перед глазами, я приготовился к возможному нападению, но всё испортила Ораю — взвизгнув, словно девчонка, она поскользнулась и села пятой точкой на лёд, утянув меня с собой. Я выругался, вскочил на ноги, резко рванул Судью вверх, помогая подняться...

... И понял, что мы уже в «кармане», под ногами уже не лёд, а камень. Хотелось обругать Ораю за неуклюжесть, но через секунду припомнил, как сам впервые очутился в подобном месте. Вот точно так же, упав на задницу. Сколько уже прошло времени с того момента? Месяцев восемь или девять?

Этот «карман» был совсем крохотным. Мы стояли на краю древнего круглого храма диаметром в полсотни метров. За границами храма практически ничего нельзя было различить, всё терялось в густом сером тумане. Сам храм состоял из трёх ярусов, один ниже другого, по краям верхнего стояли потемневшие от времени колонны, вершины которых венчали окаменевшие человеческие органы и части тела, причём комплекта было два, соответственно, мужской и женский.

На втором ярусе в круг выставили обезглавленных людей, и мужчин, и женщин. Стояли они ровно, как статуи, но мумифицированные тела принадлежали настоящим людям. На них была разная одежда, говорящая о принадлежности к разным народностям, у кого-то в ногах валялось оружие, у других какие-то амулеты, был даже один посох, а у троих не было ничего. Всего здесь собрали четырнадцать человек.

А по центру нижнего яруса возвышался саркофаг длиной в три метра и шириной в

полтора. Ни украшений, ни какой-либо резьбы, ни даже букв на саркофаге я не увидел, зато на крышке неподвижно сидел иссохший абсолютно лысый старик в потрёпанной серой одежде. Сидел-то он неподвижно и походил на мертвеца ничуть не меньше обезглавленных, но его глаза поблёскивали из-под безволосых век, и взгляд этих глаз был направлен на нас.

— Наконец-то, — проскрежетал старик, плавным движением спускаясь с саркофага. — Я уж думал, что даже мой зов не прошёл сквозь эти проклятые Тьмой земли, но, видимо, обошлось.

— Твой зов? — спросил я, придерживая Судью — она собиралась использовать на старике свою силу. Возможно, и она привыкнет, что обитатели подобных мест очень любят рассказывать интересные вещи.

— Ага, — старик усмехнулся, показывая абсолютно ровные белые клыки слишком острые, чтобы быть человеческими. — Или вы думаете, что последние пару дней шли сюда без усталости своими силами? Нет, детишки, прийти в Усыпальницу Бога может только тот, кого позвал её Хранитель. А позвать я мог только претендентов на становление богом, появившись такие в окрестностях. Ох, и заждался же я вас, ребятки.

— Хочешь сказать, — медленно проговорила Судья, — что в саркофаге лежит бог?

— Часть бога. Или части, если быть точным. Части Корда в нашем случае. Так уж устроен этот мир — если хочешь управлять им, оставь ему частицу себя, заряди, а потом уже заberi... или заберёт кто-то другой. А вы думали, почему этот мир прозвали Сердцем? Когда-то здесь лежало сердце Гаспа, одно из двух, родился он таким, и охранял его Корд, чтобы кто-то другой не посмел присвоить себе силу бога. Но потом Гасп решил забрать второе сердце потому, что сгнило первое, и уйти из этого мира, надеясь излечиться от пожирающей его Скверны, потому-то он и отпустил Корда убивать тех, кто может стать новым богом, — старик кивнул в сторону обезглавленных трупов. — Корд устроил из Усыпальницы Богов Могилу Полубогов. Головы, правда, он срубил им потом, чтобы запереть в саркофаге — пара претендентов вполне могла ожить, да и нужен же ему был какой-то дар. Так уж у Корда получалось, что, даже убивая людей, он делился с ними силой. Мир, видимо, решил, что этого достаточно, и Корд стал богом. Хотя, это, конечно, нарушение всех правил — Палач должен охранять останки бога, но что делать, когда Палач сам постиг Бездну Творения и стал богом? Потом, спустя сотни лет, как вы знаете, вернулся Гасп... а Корд после очередной неудачно попытки его усмирить попытался убить своего Творца. Гаспа-то он сам на части порвал, а когда решил добить, на части уже порвало его самого. Я, Нервил, тогда был ближайшим подручным Корда, я и моя жена, Гая. Я был Палачом, а она Судьёй. Я был человеком без памяти, а она потомком Гаспа. Мы отнесли куски Корда сюда и положили в саркофаг, правда, головы пришлось выкинуть, и я не знаю, куда они делись. Надеюсь, что Гая нашла их и уничтожила... Девочка, что с тобой?

— Потомки Гаспа? — тихо спросила Судья, её губы дрожали, а и без того бледное лицо позеленело. — Мы — потомки Гаспа? А как же Корд? Нас же называют...

Старик удивлённо выгнул кожу на том месте, где у него должна была расти бровь.

— Правильно, вас называют потомками Корда. Но вы ведь и потомки Гаспа тоже, это его кровь даёт вам силу. Разве это сделали тайной? Видимо, никому не охота помнить, что кроме крови нормального бога в его жилах течёт ещё и кровь бога-безумца, хотя именно она первопричина всего в этом мире происходящего... вернее, каждой Смуты. Ты, мальчик, тоже не в курсе всех дел? Хорошо, расскажу сначала об этом, потом уже просвещу в том, чем мы с вами будем заниматься дальше. Вернее, чем мы будем заниматься с тобой, Палач.

Корд убил Алу... это-то вы знаете?.. хорошо. Корд убил Алу, но не мог себе этого простить. Он разделил её на две части — тёмную часть он похоронил где-то на севере, а светлую вживил в тело одной деревенской дурочки. Дурочка эта так сильно напоминала ему Алу, хоть и не была ей — после обряда ей отшибло память, что Корд сделал её своей женой, они нарожали детишек... Вот, парень-то в курсе. Чего тогда своей женщине не расскажешь?

Судья перевела остекленевший взгляд на меня. А я стоял, облизывая пересохшие губы и вспоминал, как впервые услышал голос Комка в своей голове. Он мне рассказывал об этом, когда я стоял у тайного капища храма Корда. Но я не предал его словам никакого значения, или просто прослушал. И теперь всё вставало на свои места.

Кровь Гаспа в каждом герое. В каждом оккультисте, каждой ведьме, во многих жрецах. Думаю, даже в Эрвире текла его кровь, просто он этого не знал. Иначе его не затронула бы Скверна, которую призвал Гасп, осквернив изменённую Алу. Гризли, отец Судьи — все они потомки Гаспа, и они узнали о проклятье крови, потому изуродовали или перебили своих детей... И правильно сделал. Рано или поздно Скверна могла пробудиться в каждом из них, просто в этот раз Гасп ускорил процесс, изнасиловав и осквернив тем самым свою дочь.

Но Судью Игрок (а кому кроме него?) запретил трогать. Почему?

Сколько поколений сменилось за эти годы? Пятьдесят? Наверное, не меньше. Судья, бедная маленькая Ораю, сколько она всего перенесла за свою жизнь... и Скверна её не затронула. Неужели всё-таки грязь, что была в крови проклятого божества, вымаралась за это время? И, вероятно, только у Ораю. Возможно, и её потомки будут носителями силы, но не проклятья, которое она может за собой привлечь.

Корд просчитался, решив, что в изменённой Алу не будет Скверны, которой, судя по всему, всегда болел Гасп. Что-то злое осталось в ней, иначе бы их дети не страдали бы от проклятья безумного бога. Возможно, именно эта червоточина и помогла создать ему канализационную систему, высасывающую тёмную энергию из этого мира.

— Палач... — медленно произнесла Судья, голос у неё был такой же безжизненный как и лицо.

— Он не лжёт. Корд оживил Алу, вселив её в тело глухой деревенской девушки, которая умирала. А после её смерти сделал два полюса этого мира — из изменённой Алу он сотворил Сердце Мира, а из её тёмных останков Сердце Тьмы, высасывающее Скверну из этого мира. Два сердца... прямо как у своего Творца.

— Вспомнил! — вмешался Хранитель. — Девка умирала от родов — её кто только при жизни в кустах не валял, и когда Корд её оживил она родила дочь — Алу, они воспитали её вместе... Да что вы слабонервные такие? — проворчал старик, глядя на то, как я тяжело усаживаюсь на камень — слишком ноги затряслись. — Ладно, что-то ещё хотите знать? Или к делу приступим?

— Как умерла изменённая Алу? — спросил я.

— Убила себя, — старик с горечью покачала головой, показывая, что она сделала с собой. — Корд лгал ей всю жизнь, а она его слушала, смотрела на него. Поэтому она вырезала себе глаза и отрезала уши. Её язык переплетался с лживым языком Корда, её нос вдыхал его запах, когда они любили друг друга, и потому она отрезала себе язык и нос. А после она разрешила себе плотку от уха до уха. Но даже после этого её тело излучало лишь Свет...

— Не совсем, — процедил я. — Выходит, что она осквернила себя таким убийством, и Корд вытягивал эту Скверну из Сердца Мира с помощью Сердца Тьмы. И волки сыты и овцы

целы. В смысле, и Алу чиста, и мир хоть немного да стал лучше. Когда Гасп создал Культ?

— Ну, для меня совсем немного прошло времени... Вернее, я не знаю, сколько лет я тут просидел. Да и вообще, в последнее время у меня с головой непорядок, посиди тут в одиночестве...

— Я имею в виду — что перед этим случилось? Он видел изменённую Алу? Её тело? Может, Корд хотел, чтобы её Свет излечил его, а вместо этого и без того безумный бог увидел изуродованное тело своей дочери? Не началась ли их война с того момента, как Гасп узнал, что Корд убил Алу? Не сошёл ли он с ума окончательно, когда понял, что негативная энергия этого мира выкачивается при помощи её останков? Не решил ли уничтожить этот мир, чтобы освободить дочь?

— Ответ на это знают только Корд и Гасп. Ещё есть вопросы?

Я посмотрел на Судью. Девушка раскачивалась из стороны в сторону, схватившись за голову. Ей пока ни до чего не было дело. Кажется, она тоже начала понимать, что в действительности делал её отец.

— Нет, — сказал я. — Что дальше?

— Конечно, драться. Ты сможешь завладеть содержимым саркофага только после того, как убьёшь меня. И, мальчик, я не буду тебе поддаваться — таково условие. Если хочешь забрать кусок бога, чтобы стать богом, тебе придётся доказать, что ты этого достоин.

— Я не собираюсь становиться богом. Меня сюда прислали.

— Не ты, так тот, кто тебя сюда прислал, собирается. Мне-то что с того?

— Если ты не отдашь мне куски Корда, мир погибнет. Переродится в нечто практически мёртвое.

Старик, уже вытащивший из ножен за спиной два кривых клинка, фыркнул:

— Мне-то что с того? Я умру, если ты убьёшь меня, забирая останки. Умру, если мир погибнет. Так какая разница, как я умру? Видишь ли, наверное, прошла куча времени с тех пор, как Корд посадил меня охранять свои останки (я только что это понял), так что я сам немного сошёл с ума. Дерись, парень.

Я не успел моргнуть глазом, как старик взлетел на верхний уровень храма и, скрестив клинки, попытался отнять мне голову, как ножницами. К счастью, моргал я медленнее, чем действовали мои руки — старику пришлось уворачиваться от стрел и отступить. Я выстрелил в него ещё раз, но так же не попал, пришлось тянуться за тесаком и пробуждать от спячки тело Комка.

Старик на миг остановился — он всё время бешено метался из стороны в сторону, не давая мне прицелиться и выискивая лучшее направление для атаки — и поцокал языком.

— Ну и жуткий ты парень. Только учти, твои Тени здесь — ничто. Сюда можно принести только то, что у тебя внутри.

Я ослабилась... но пасть маски не раздвинулась в жуткой ухмылке. Я попробовал накинуть Плащ Теней, но Тени не откликнулись. Мои энергетические каналы были перекрыты.

— Да ладно, — буркнул старик. — Неужели ты — пустышка, которую накачивали силой? Ты же Палач, парень! Мельчает народ...

Я судорожно зывал к Комку, но тот не откликался. У меня остался только он, зубы и обычные оружие. Я потянулся к Клинку Тени... и с радостью почувствовал отклик. Вот только отклик этот был слабым, и вызвал он лишь всполохи всех оттенков серого на клинке тесака.

— Неужто всё будет так скучно? Вообще-то я рассчитывал, что ты меня убьёшь.

Старик ещё раз атаковал. Я принял первую саблю тесаком, а вторую на локоть, к счастью, она не прорезала плотную кожу плаща. Нет, не к счастью, старик играл со мной и пока не бил в полную силу. Хранитель отступил так же быстро, как и атаковал, я не успел даже приказать телу Комка выжрать ему лицо.

— Ты сказал, что не будешь поддаваться.

— Я не поддаюсь, я тебя раззадориваю.

Судья тем временем пришла в себя. Она поднялась на ноги и вытащила свой бастард левой рукой.

— Я помогу, — сказала она глухо.

— Нет, девочка, это наше с ним дело. Уж извини, ты тут совсем не причём. — Старик закрыл глаза и неожиданно усмехнулся. — Вот что, Суди-ка этих ребят.

Четырнадцать мумий синхронно сделали шаг вперёд. И так же синхронно атаковали Ораю — кто схватив оружие, кто магией. Судья подняла Щит Света, отражая магию, и сошлась на мечях с мумией, оказавшейся ближе всего.

— Не зевай, — прошипел мне на ухо Хранитель.

Его серовато-коричневая кожа была прямо у моих глаз. Он мог убить меня, но вместо этого столкнул на нижний ярус. Вывернувшись в полёте, я умудрился приземлиться на четвереньки и даже не потерял тесак.

— Здесь нам не помешают.

И старик налетел на меня, орудуя своими саблями. Не знаю, как у него это удавалось, но складывалось впечатление, что его руки работают отдельно друг от друга — правая сабля метила мне в маску, в то время как левая подрубала колено. Левая просвистела у открытого горла, а правая в это же время едва не выпустила мне кишки. Дважды меня спасла маска, один раз я успел воспользоваться тесаком, кишки же мои остались на месте только благодаря кольчуге, которая выдержала удар, несмотря на дыру.

— ОТПУСКАЮ ТЕБЯ! — прогремело сверху. Меня чуть не ослепило от вспышки Света, а один из четырнадцати повалился на пол кулём истлевших тряпок и сухой плоти.

— Торопись, парень! — рыкнул Хранитель, атакуя меня. — Таким способом со всеми ей не справится — слишком много нужно сил.

— Заткнись, — прошипел я, отбивая удар тесаком.

В этот раз старик не успел отступить вовремя. Комок «расцвёл» всеми своими пальцами, но в его зубах остался только клочок кожи и часть рукава Хранителя.

— Плохо! — рявкнул старик и надел на меня снова.

Я почувствовал, как его сабля прорезает-таки плащ и скрипит на кольчуге. Вот только кольчуга у меня только до плеч, потому за скрипом последовала вспышка боли. Я выругался и протаранил старика, но тот ловко выбил тесак из моей руки, подсёк мне колено и повалил на землю. Комок взвился в воздух, оплёл его правую руку, но старик ударил левой, и пальцы втянулись.

— Так... — протянул Хранитель. — Фехтовальщик из тебя хреновый. Но ты же не мечом будешь управлять, так? Проверим тебя на силу.

— ОТПУСКАЮ ВАС! — проревела Судья, и целых два тела упали на камень.

— Близнецы, — прокомментировал лысый старик, — магичка и воин. Но, погляди-ка, она едва на ногах стоит.

Я сам едва поднимался, орошая камень кровью. Рана не спешила затягиваться. Я бросил

короткий взгляд на Судью, но его было достаточно, чтобы понять — бывший Палач прав. Бледное лицо Ораю заливал пот, на куртке виднелось несколько прорех, а бастард зримо подрагивал в её руке. Четыре мумии наседали на неё с оружием ближнего боя, пока остальные готовили какое-то заклинание.

Сколько-то она продержится... А что делать мне?

— Ещё одна защита и одна атака — и всё, — сказал Хранитель Усыпальницы Богов, отбрасывая саблю. — Теперь, как я и говорил, померяемся силой. — Старик оскалил клыки, и на его безволосом теле буквально повыскакивали клоки тёмно-серой шерсти. Тело Хранителя раздулось, отдалённо напоминая волка-переростка вставшего на задние лапы. Но и это ещё не всё. В пасти волка запылал огонь, а глаза превратились в льдинки. — Лёд и Пламя! — нечеловеческим голосом проревел оборотень, и с его лап сорвалось заклинание — широки поток огня, следом за которым свистели мелкие льдинки.

Я выжил. Меня смяло и отшвырнуло к саркофагу, я почувствовал боль от ожогов и вонь горящих волос, от удара из меня чуть-чуть не выбило дух... но я выжил. Не знаю — как. Я поднялся, стряхивая с себя огонь, скукожившийся Комок почти втянулся в ладонь, но он-то почти не пострадал. Оборотень не терял время. Пока я возился с огнём, он втянул в себя столько воздуха, что его грудь неестественно раздулась, и плюнул в меня. Я поймал его плевков на правой рукой и тут же пожалел — слюна оборотня была чем-то вроде напалма. Огонь потёк по моему плащу, расплескался по сапогам и штанам, и я почувствовал нестерпимую боль. Я заорал, свалился с ног и покатился по камню, стараясь сбить огонь. Но он не сбивался.

— Вот и всё? — спросил бывший Палач и шагнул ко мне, чтобы добить.

Комок выстрелил в него жалом, но оборотень легко от него отвернулся... вот только ещё до выстрела Комок плюнул в него ядом, который мы забрали у Шапокляк. Завоняло гнилью, оборотень заревел. Он резко отступил назад, пытаясь выжечь яд прямо на своём теле, но выходило плохо. Я же пока судорожно освобождался от пылающей одежды. Магический напалм, попавший на открытые участки кожи, я затушил ядом. Мне-то от него никакого вреда, так же как и Хранителю от огня.

Справившись со своими проблемами, мы выпрямились друг напротив друга. Оборотень с прожжённой воспалённой грудью и обожжённый полуголый человек.

— Дай-ка я взгляну на твоё лицо, — едва различимо сказал Хранитель.

Я стряхнул маску, всё равно от неё сейчас не было проку.

— В твоём левом глазу ещё бродят Тени.

— Умри, старик, дай дорогу молодому.

Оборотень вдохнул и, скукожившись, снова стал лысым, как яйцо, стариком.

— Я бы с радостью. Но... тебе не хватило времени, парень. Тебя накачали силой, ты украл силу... А своих запасов почти нет. Собственную мощь нужно долго копить, собирать в себе по крохам энергию... Я знаю, что у тебя, судя по всему, не было времени. Но последнее испытание ты провалишь, это я знаю точно.

Старик сгорбился и шагнул вперёд. Воздух вокруг него пронизали разноцветные вспышки, и он ударил меня чистой силой. Я наскрёб какие-то крохи Тени, что были во мне и не дали мне ранее умереть от огня, но Хранитель смял мой щит, как скорлупу. Меня буквально размазало по земле, а старик налетел на меня и принялся лупить полыхающими энергией кулаками. Я сжался, заслоняясь от ударов, Тень не позволяла ударам стать смертельными, но не более. Я попробовал вывернуться, потом попытался сдержать кулак

старика, но тот не только фехтовал лучше меня. Очередной удачный удар едва не выбил из меня дух, и я почувствовал, как проваливаюсь во тьму.

— ОТПУСКАЮ ТЕБЯ!

Ещё один куль тряпок и костей. Но Судья падает на колени, и один из полубогов сбивает её с ног. Гремит гром. Ораю кричит от боли — она не сумела защититься. Нет, она ещё отбивается, но копьё пронзает ей бедро.

— В твоей зверушке, — говорил Хранитель, нанося удар за ударом, — есть Тьма, так как он порождение Тьмы. В подружке твоей Свет, но так и должно быть — она Судья. А ты должен был накопить свои резервы, идти своим путём. Вот я — зверь и стихийник, так как во время первой жизни, наверное, был друидом. А ты кто? Что ты из себя представляешь? Что такое — твоя сила?

— Тень, — прохрипел я, уже просто закрывая руками лицо, и принимая всё более и более чувствительные удары. Мощнейший тычок в грудь едва не остановил моё сердце, но каким-то механическим усилием я вновь заставил его биться. Но большее у меня сил не осталось.

— Не вижу Тени. Вижу слабака, жившего за чужой счёт. Пусть и живучего слабака. Можешь, видать, что-то. Но это мало. Мало!

Слабака... чужой счёт...

— Что такое Тень? Ну, парень, давай! Отвечай! Или я убью тебя! Я уже почти убил тебя! Да, что такое Тень?

Я раскинул руки, и откинул голову назад. Хранитель тяжело вдохнул и обрушил на меня удар милосердия, что должен был убить меня. Мои рёбра захрустели, а обожжённая и обмороженная кожа лопнула, брызжа кровью и оголяя осколки костей.

Моё сердце остановилось.

Что такое Тень, спрашиваешь?

Я харкнул кровью и улыбнулся старику.

А потом его смяло и вышвырнуло на другой конец храма.

В этот же момент попадали все мумии неудавшихся богов. Судья выбралась из-под упавшего недобого, замерла, тяжело дыша, и повернула голову в мою сторону. Её лицо превратилось в сплошной синяк, а судя по позе правая нога была сломана в паре мест. Я сейчас выглядел не лучше. Главное то, что между нами тянулась едва заметная светлая ниточка.

Я умирал, у меня оставались считанные секунды. Но я знаю, что делать, когда кто-то умирает. Я оживил Оскала. Я вернул жизнь Лесу Трупов. Сейчас всё хуже, но я справлюсь.

Левая ладонь, в которой жило порождение Тьмы, легла на рану на моей груди. Жало Комка вонзилось в остановившееся смятое сердце и влило в него Тьму, после чего втянулось в безвольно опавшую руку.

Правая ладонь, к которой тянулась нить Света от Судьи, легла на рану на моей груди. Свет смешался с Тьмой, превратившись в Тень, и моя рана закрылась, а сердце бешено застучало в груди.

Это заняло пару секунд из тех пяти, что мне вообще оставалось жить.

Я с трудом поднялся и, пошатываясь, подошёл к Хранителю. На него жалко было смотреть — мой удар превратил его в мешок с отбитыми внутренностями и переломанными костями. Кожа на его лице лопнула, но я видел, что старик улыбается.

— Я всегда пользовался чужой силой, — сказал я. — А Тень — это Тьма и Свет

одновременно. Спасибо за подсказку, старик. Спасибо, Палач.

— Нервил... так меня назвала моя жена... Нервил.

— Спасибо, Нервил.

— Я спас твою чертову шкуру... спаси этот мир... и... спасибо тебе за то, что убил меня... я сошёл с ума от этой скуки... и тишины...

Нервил закрыл глаза, и кровь хлынула из его ран с удвоенной скоростью. Через несколько секунд он скончался.

Я почувствовал за спиной движение. И совершенно не удивился, увидев у саркофага Алу в боевом облачении. В руках она держала мешок. Деловитым движениям девушка — хотя, можно ли её так называть, учитывая возраст? — спихнула левой ладонью плиту, закрывающую саркофаг, и принялась набивать мешок кусками тела какого-то животного. Кусок черепа с гривой и куском мозга, торчащим из-под кости. Лапа. Глаза. Клыки. Половина сердца.

— Почему Корд сам не пришёл за ними? — спросил я.

— Потому что Корд — это Корд только когда зверь и человек едины в нём. Сейчас Корд — это Игрок, человек, который при жизни развлекал Гаспа своей компанией и играми, во время одной из которых и был почти убит зверем, куски которого я сейчас складываю в мешок. А Игроку Нервил не отдал бы куски тела бога.

— Забрал бы силой.

Алая угрюмо уставилась на меня.

— Это было твоим испытанием. И Нервил — друг Корда, а значит, и Игрока — память-то никуда не делась. Сам-то легко бы убил друга? Не убил ведь, а? И даже не хотел.

— Пусть лучше это сделает кто-то другой? Когда я в следующий раз встречу с Некромантом, я уничтожу его лично. И именно потому, что он был моим другом.

— Это было твоим испытанием, — повторила Алая.

— А зачем тогда сюда было тащить Судью?

— А без её Света ты бы справился?

Я закусил губу. Всё правильно. Они испытывали меня, чтобы узнать — достоин ли я быть Палачом. Потому что на кону жизнь всего мира. И, несмотря на весь цинизм Алой и Игрока, они пытались спасти весь мир.

— Ну, что ещё? — устало спросила Алая, запихивая в мешок последний кусок тела Корда и начиная соскребать кровь со дна саркофага.

Я уже догадывался, какой будет ответ, но всё же задал вопрос:

— Куда подевались головы похороненных здесь? Они ведь лежали здесь сотни лет, и успели напитаться силой?

— Успели. Судя по всему, Гниющий украл в тот момент, когда Нервил запечатывал «карман» с Усыпальницей.

— То есть Некромант — бог? У него ведь теперь... Рука Бога.

— Почти. И станет им, если мы не разберёмся с обезумевшим Властелином. Что ещё?

— Гасп сцепился с Кордом из-за смерти Алу?

— Да. И решил основать Культ в тот самый момент, когда увидел, что она, пусть и изменённая, с собой сделала из-за него. Но... Гасп был злым... человеком и богом. Смерть Алу вызвала в нём только ненависть. Я была с Кордом, когда он нашёл её тело. Настолько раздавленным я его не видела ни разу, хотя вместе пережили мы многое. Он скорбел. Понимаешь разницу?

Я опустил голову в знак согласия и тяжело уселся на каменный пол. Я был прав. Все эти чёртовы войны, все эти трупы — миллионы трупов — из-за семейных разборок двух сверхсуществ.

— Ненавижу вас.

— Твоё право. Но придётся играть по нашим правилам.

Я усмехнулся.

— У нас осталось всего два дня до намеченного срока. Не успеем.

— Ты идиот? Я-то здесь по-твоему только для того, чтобы останки забрать? Радуйтесь, что есть ещё два дня, чтобы встать на ноги.

Алая завязала мешок и сделала странный пасс свободной рукой. У меня потемнело в глазах, я едва не задохнулся...

Мы с Судьей очнулись в просторной комнате, где кроме кровати и большого стола ничего не было.

— Где мы? — спросил я, будто ожидал ответа, но Судья, поднявшаяся на ноги, буркнула:

— В моей комнате.

— Твоя нога...

— У тебя дырка в груди тоже заросла.

Я скосил взгляд и кивнул, соглашаясь. Я вообще себя отлично чувствовал, разве что спать хотелось. Поднявшись, я услышал, как под ногой что-то брякнуло. Сабли старика. Видимо, Алая решила, что они мне пригодятся. Спасибо ей за догадливость.

— Пойду, — сказал я, подбирая сабли. — Меня же не убьют?

Судья покачала головой. Я отвернулся, но она схватила меня за правую руку.

— Останься.

— Хорошо.

Да, мы были нужны друг другу. Как никто. Потому что мы были боевыми товарищами, соратниками. И, возможно, станем друзьями, если у нас будет время.

Мы легли на кровать — благо места хватало — обнялись и забылись крепким сном.

Как я и думал, Свей не торопился вести войска к Каменному Мешку — ему было не до того.

В самый неподходящий момент пропал молот Корда, и об этом узнали все. Через пару часов прошла информация о том, что исчез я (возможно, с молотом), причём, никто из тех, что реально знали, куда я иду, не мог точно сказать, зачем я ушёл, и когда вообще объявлюсь. Шапокляк заявила, что я вообще смотал удочки и ушёл к Судье. Репей вступил в ней чуть ли не в прямую конфронтацию, утверждая, что игроков я никогда не предаю, и цель моего похода — уничтожение Судьи. Бес высказал предположение, что я сошёл с ума и собираюсь убить Некроманта. Ещё через час выяснилось, что вслед за мной исчез и Свей. Причём, куда пропал он, вообще никто не мог сказать. Бес с Шапокляк объединились, утверждая, что Свеем убил я. Репей как мог меня защищал, но ему особо не верили — многие припомнили наш со Свеем конфликт во время похода на Белую Рощу, что я был другом Некроманта, и вообще якшался с Гаей и Инчой.

Назревал серьёзный конфликт, при этом, уже к вечеру стала ясна его настоящая подоплёка — Репей, Шапокляк и Бес собирались делить власть. А кто делит власть без войск? Клан Беса бросил северные рубежи и пошёл к городу, клан Шапокляк оставил южную границу, Репей сосредоточил верные ему войска у города, а ребята, что засели в Волчьем Логове, вообще прикинулись, что им всё побоку, и заняли выжидательную позицию.

Город кипел два дня, дело уже шло к прямому конфликту. Ни меня, ни Свеем, ни молот никто не мог найти. И тут прошла весть, что Судья тоже пропала. Репей решил сделать первый шаг — выступил с зажигательной речью о том, что вот сейчас, в эти часы, решается судьба всех игроков, что нужно объединиться, чтобы сбросить ярмо, которое Судья наложила на нас... В общем, пошли забирать те города, что герои забрали у нас, видимо, другой причины для объединения игроков уже просто не нашлось. Бес выслушал его, похлопал в ладоши и сказал, что для этого теперь не нужны никакие Репьи, и он со своим кланом справится самостоятельно. Шапокляк в ладоши хлопать не стала, но тоже намекнула, будто и ей нужно побольше свободы, и вообще не помешает свой город, а там уже будет решать, кто будет новым королём игроков. Или королевой, чем чёрт не шутит. Репей орал и бесновался, утверждая, что Теневая Рать и люди Свеем поддержали его, потому ему и быть исполняющим обязанности короля до тех пор, пока не станет известна судьба Свеем. В итоге к вечеру город кипел, как муравейник, оставшиеся герои начинали сматывать удочки, да и кто-то из горожан об этом задумался...

И тут ночью пришла новость с юга — на Зелёный Исток идёт войско в пять тысяч проклятых, а с ними не меньше сотни жрецов. Репей принялся бить тревогу, повторять про единый фронт... Его никто не слышал. Клан Шапокляк уже уходил на северо-восток, а Бес пожал плечами и сказал, что у него тоже куча дел. Да и неужели Репей не справится с жалкой горсткой проклятых сам?

Через день количество проклятых, пересёкших границу, стало вдвое больше. А ещё через два их было около тридцати тысяч, да сотен шесть жрецов в придачу. На северной границе практически никого не осталось, и вообще ряды жрецов порядочно поредели километров на пятьдесят вглубь их территории. Собравшись воедино, эта армада атаковала

Зелёный Исток, намереваясь захватить сначала его, а потом, обратив жителей в источник энергии, двигаться дальше на север, туда, где сейчас игроки резались с героями, возвращая себе города. Кроме численного превосходства у жрецов был ещё один козырь — около десятка героев из тех, что остались с игроками, поразила Скверна, они-то и давали информацию обо всём происходящем. Они же открыли ворота города, толпы проклятых бросились по улицам Зелёного Истока...

Не знаю, быстро ли они поняли, что улицы пусты. Думаю, быстро. Как раз в тот момент, когда на них обрушились огненные бомбы и не меньше пяти сотен игроков. Ворота как-то сразу закрылись, отрезая процентов десять проклятых, что успели за них проникнуть. Фактически, в городе образовался мешок — основную массу проклятых уничтожили сразу, а потом принялись добивать разбежавшиеся остатки. Но это были только десять процентов войска — небольшая победа...

Если не считать того, что за стенами города сейчас «заваривался» большой котёл. С флангов на жрецов и проклятых налетели кланы Шапокляк и Беса, с тыла пёрли игроки из Волчьего Логова. И бомб у всех было в избытке. А жрецы даже не понимали, что это за колдовской огонь обрушился на них, не понимали опасности того, что они сбили проклятых в кучу. В любом случае, у них было подавляющее численное преимущество. Они решили прорывать окружение и уже самостоятельно окружать игроков — сил на это ещё хватало. Но стоило большому отряду прорвать окружение (большого сопротивления они не встретили) и зайти клану Шапокляк и войскам из Волчьего Логова в тыл, как им самим под зад прилетел мощнейший пинок. И число ударивших было в полтора раза больше, чем в сумме имели войска Города-государства Игроков Зелёного Истока. Это Свей привёл союзников с запада.

Бой закончился за два часа, хотя резня по кустам и лесам шла ещё почти сутки, но её итогом было сокрушительное поражение жрецов. Не выжил, фактически, никто, хотя трупы особо не считали — многих и сосчитать-то было нельзя из-за использования бомб и магии. В целом, ушла хорошо если двадцатая часть.

Нет, Репей не знал, что затевает наш король, он, как и я, мог только догадываться. Так же он подумал о жрецах, которые могли воспользоваться отсутствием Свее. Берсерк планировал заманить жрецов на нашу территорию, потому придумал поход к Каменному Мешку — вот, мол, почти пустая земля, приходите и берите. В его плане имелся недочёт — чтобы заманить жрецов, нужно было действительно отвести войска от города, да и времени на его реализацию ушло бы больше. Но Репей, разыграв спектакль, показал нашу слабость, а когда, спустя три дня после ухода, с ним связался Свей, намеревающийся всё объяснить, вывалил ему свой план. На том и сошлись.

В общем, Свей не торопился по очень серьёзным причинам, и Судья не расстроилась из-за его опоздания. И у неё на это тоже были причины. Во-первых, войско, которое берсеркер собирался вести к городу, имело численность в пять с половиной тысячи человек, среди которых было не меньше трёх сотен героев. Во-вторых, он побеспокоился о местных, которые оставались под нашей защитой — угрозы для них просто не осталось. Отсюда вытекает и третье — побеспокоиться о местных Свей мог только убрав опасность, исходящую от жрецов, что король игроков и сделал, нанеся им тяжелейшее поражение. А в-четвёртых, он уничтожил шпионов Культа Корда, что были как среди обычных жителей Зелёного Истока, так и среди героев. В-пятых, он вообще сообщил о том, что таковые имеются, из-за чего пришлось проводить чистку в своих рядах уже Судье.

Итог чистки был неутешительным — сотня героев подверглись действию Скверны. И

всех их пришлось уничтожить, в не зависимости от того, могли они себя контролировать, или им уже долгое время мыли мозги жрецы. Одним из убитых был Гарт, и после его казни Ораю проплакала у меня на плече полвечера — парень ей нравился. Меня этот ублюдок бесил, но разбираться в женских закидонах я и не собирался. Понравился же я, в конце концов, Инче, которая вообще-то должна была прикончить меня ещё в первую нашу встречу.

Я же пытался всё это время достучаться до Комка, но тот молчал, будто его и не было. Поначалу мне показалось, что его как-то задела Скверна, но я быстро в этом разуверился — всё было нормально, он всё ещё внутри меня, его сила никак не изменилась, просто он не откликается. Возможно, причиной тому Тьма, что влил в меня Некромант... или что-то ещё... В любом случае, я мог использовать его оболочкой, не трогая сознания, и на там спасибо. Для сабель Нервила я создал «карман» вроде того, где у меня хранился Клинок Тени — обе сразу использовать я не мог. Разве что в зубы одну взять, но эту идею из-за бредовости я даже не рассматривал.

Следующий день прошёл в других заботах — Судья собирала войско героев, рассылала приказы по подконтрольным городам, писала письма в города неподконтрольные. Каждый, способный держать в руках оружие, должен был явиться в Каменный Мешок, а потом идти к Сердцу Мира по указаниям оставленных по всему пути информаторов. Так себе план, но другого у нас не было — возможно, в условленный день Алая что-нибудь подскажет. Если она не объявится, планировалось дожидаться Свея (он должен был объявиться через три дня) и героев, что были разбросаны по территории, подконтрольной Ораю. Учитывая, что приёмная дочь Корда говорила о паре месяцев, которые у нас ещё оставались, задержка в два дня не представлялась такой уж критичной. Тем более, после той победы над жрецами — первое время поход будет вроде лёгкой прогулки по зачищенной территории, что поможет сэкономить время.

Я в этот день занимался игроками, что остались в местах компактного проживания, и переписывался со Свеем. Игроки, в целом, представляли из себя жалкое зрелище — кроме десятка приличных вояк мне и положиться было не на кого. В основном в Мешке остались отребья и безынициативные товарищи, предпочитающие условную безопасность под крылом Судьи борьбе за собственное государство. В общем, я больше испортил себе настроение, пока разбирался с ними, но какую-то личную гвардию всё же подобрал.

В ту ночь мы с Ораю всё-таки переспали, в первый и последний раз. Произошло это чисто механически, без особой страсти и эмоций, скорее из-за того, чтобы молодые мужчина и женщина улеглись спать в одной комнате и в какой-то момент испытали острый приступ одиночества. Думаю, у Ораю были и другие мотивы — она явно собиралась нарушить клятву, данную отцу, да и умирать девственницей не хотела. Я, понимая, что на моём месте должен был находиться Гарт, ни о чём не спрашивал. Я бы тоже предпочёл уйти к Инче, но та ещё за день до этого дала мне знать, что до глубины души оскорблена моим предательством, и вообще, всё, что произошло между нами, было ошибкой. Я ошибкой это не считал, но если не быть послушным пёсиком на побегушках — это предательство, то я уж лучше посплю ночь спокойно. Спокойно не вышло, но то уже не забота Инчи.

Ночью я несколько раз просыпался от того, что мне снилась странная чёрная фигура, расхаживающая вокруг нашей с Ораю кровати, но это каждый раз оставалось лишь сном. Комок по-прежнему молчал, Судья сопела у меня на плече — видимо, просыпалась ночью и плакала. Я же лежал, уставившись в потолок, и спрашивал у себя, что будет дальше. Дальше ко мне приходил сон, но я вновь просыпался и задавался тем же вопросом.

Кроме того, что скоро начнётся бойня, которую эту мир не видел со времён прошлой Смуты, а может, и куда более кровавой Первой, я ничего не мог себе ответить. Возможно, пришло время просто делать то, что должен, и не задавать лишних вопросов. В омут с головой, как всегда.

С этой мыслью я уснул в последний раз за ночь. А перед рассветом к нам ввалилась кровавленная и измазанная копотью Алая и велела быть у храма Корда через полчаса.

Собирались молча, на это ушло минут пять — всё было приготовлено ещё с вечера. Наконец, собрав оружие и скудные припасы, я устоял на Судью и, слабо усмехнувшись, сказал:

— Удачи нам.

— Удачи, — кивнула Ораю и, ссутулившись, будто весь груз ответственности перед этим миром в один момент лёг на её плечи, вышла из комнаты.

Я шёл следом, но мои плечи были расправлены. В моей груди кипела Злоба, а Тень тихо и мягко нашёптывала мне, что мы с ней справимся.

Всё, что было раньше — ничто, по сравнению с тем, что нас ждёт в Сердце Мира. Все эти смерти и лишения, все битвы — лишь прелюдия. Сейчас, в ближайшие часы или даже минуты, мы начнём решающую схватку за этот мир. К чему грусть Судьи? К чему её хмурый взгляд и ссутуленные плечи? Нужно лишь убивать всех, до кого дотянешься, а после тянуться к другим, и их убивать тоже.

За моими плечами росли Крылья Тени, и ими я бережно окутал Светоч, идущий впереди — чтобы ни капли Тьмы на него не попало. Судья почувствовала это и, обернувшись, впервые улыбнулась мне по-настоящему.

У храма Корда (полуразрушенного здания, с которого безуспешно пытались стереть пятна от крови и прижаренных внутренностей) нас уже ждали Инча с Гаей. Алая кивнула старухе, будто старой подруге, но Гая смотрела на падчерицу Корда со страхом. Инча, кажется, не совсем понимала, что происходит. Что ж, не она одна.

Алая прошла в здание, одним пассом левой руки выломала заколоченную дверь, ведущую к тайному капищу, и, подойдя к постаменту, тяжело на него уселась. Какое-то время она ковырялась в своей поясной сумке. Вскоре на свет были извлечены два ломтя вяленого мяса и небольшой амулет — миниатюра тайного капища. Амулет отправился на постамент, мясо — в рот.

— Так, — промямлила Алая, старательно разжёвывая мясо, — так, так, так... Палач, Судья, действуем вот как — набираете отряд из дюжины человек... нет, из десяти — с вами будет двенадцать, и идёте за мной. Вы, девочки, остаётесь здесь с отрядом... не знаю, сколько хотите человек, столько и берите, главное, чтобы из внутреннего двора в город ничто не проникло. Чем больше, тем лучше, в общем. Да храм окружите в три-четыре ряда. — Девушка замолчала, старательно прожёвывая особенно жёсткий кусок мяса, но через какое-то время просто выплюнула его. — И готовьте второй ударный отряд — человек ещё тридцать-сорок, больше за один раз я перебросить не смогу даже по налаженному каналу. Через час чтобы был готов. Второй такой же отряд ещё через час. А дальше всё будет зависеть от нашего спасителя, — Алая кивнула на меня. — Если он облажается, по крайней мере, потеряете не больше сотни человек. Так... ну, если ты, Палач, облажаешься, придётся выдумывать другой план... Но тебе-то уже будет плевать, ха!

— Что я должен буду сделать?

— То же, что и в Белой Роще — открыть проход для армии. Ты же был в Сердце Мира, как думаешь, пройдёт там армия или нет? Значит, нужно перебросить её туда как можно скорее. Ладно... — Алая поднялась с постамента, сплёвывая под ноги коричневую слюну. — Сначала тебе нужно будет выжить. И тебе тоже, — она грубовато толкнула Судью в плечо.

— Сколько у нас времени на сбор первого отряда? — спросила Ораю.

— Нисколько, они уже идут сюда — я нашла имена в твоей голове и вызвала их обладателей сюда. Минут через пять выдвигаемся. У меня как раз будет время как следует всё подготовить. Вы же не хотите, чтобы из портала повалила орда осквернённых, ха-ха?

— От тебя можно ожидать чего угодно, — холодно произнесла Гая, глядя куда-то в сторону.

— Девочка обиделась, когда её мальчика запихнули в тюрьму, чтобы он охранял останки Корда? Девочка обиделась, когда ей не отдали Руку Бога? Тебе сто тридцать, неужели до сих пор не поняла, что у тебя кишка тонка богом стать?

Старуха что-то невнятно прошипела. В этот момент я впервые увидел Алаю взбешённой. И зрелище это было неприятное — её лицо заострилось, по нему пошли гневные морщины, превратившие прекрасную девушку в старую мегеру.

— Иди набирать отряд для обороны капища, соплячка! Я не вырвала тебе язык в прошлый раз только потому, что ты была Судьёй, а сейчас ты не так важна.

Гая... убежала. Действительно убежала выполнять приказ. Инча пятилась к двери,

видимо, тоже собираясь смотать удочки, но Алая буквально пригвоздила её одним взглядом.

— Я, кажется, сказала, что для охраны канала мне нужны люди.

Падчерица Корда перевела взгляд на меня и улыбнулась. Только сейчас я заметил, что она делает какие-то пассы руками над амулетом. Миниатюра постамента окрасилась в цвет подсохшей крови и начала расти.

— Да, это мы воровали осквернённые капища, — сказала Алая, всё ещё улыбаясь, но теперь я видел в её улыбке лишь гримасу, за которой не было никаких чувств. — Без них сеть не восстановить. Хотя, старой её уже не сделаешь.

Во внутренний двор вошли трое — Эшк (он всё-таки был шпионом Судьи и смотался в Каменный Мешок после нашего со Свеем исчезновения), Жнец и Сотера. За ними пришли Одноглазый, Кремень и Шервил. Оставшиеся четверо — Храп, Мёртвый, Арстия и Конес — заявили поодиночке. Я знал их всех, и видел не в первый раз — это была старая гвардия Судьи. В частности, именно Эшк с Одноглазым гнали меня тогда зимой по лесу. За Конесом начали появляться другие — те, кого сюда согнала Гая: стражники, сонные герои, несколько игроков, всего до двадцати человек, но протолкнуться у постамента уже было практически невозможно.

Судья быстро объяснила происходящее — Алой было некогда, а меня бы никто особо не стал слушать. Иначе в это время пыталась как можно более эффективно расставить людей — солдаты взяли постамент в кольцо, герои перекрыли вход, маги сместились к стенам храма.

Выслушав Ораю, Мёртвый потёр левой культей остатки своего носа под тряпкой, закрывающей лицо, и невнятно что-то промычал — у него почти не осталось ни губ, ни зубов. Да и пальцев на правой руке было всего три, что не мешало ему быть одним из сильнейших магов этого мира.

— Да, наконец-то зададим сукам жару, — отозвался Жнец — здоровенный лысый детина с косой и цепом.

Кремень промолчал — у него не было языка. Убийцам он ни к чему. Ни один из десяти не походил на другого. Охотник Эшк, рыцарь в сияющих доспехах Конес, выглядящая как ведьма Сотера, необъятный маг Храп, похожий на разбойника Кремень, копейщик Шервил, будто выточенная из серого камня убийца Арстия, вооружённый двуручником громила Конес. И мы с Судьёй. Шоу уродцев. Или какие-то боссы из стартовых локаций. Нам в команду действительно не хватало какого-нибудь сумасшедшего кузнеца Гризли или нагилюдоедки, и тогда можно будет собирать игроков низких уровней в группы и, рассказав какие мы плохие и как угрожаем ближайшей деревне, отправлять в наше логово.

Чёрт, неужели действительно конец близко? К чему эта ностальгия по временам, когда всё было не так плохо? Когда была жива куча народу. Когда местные ходили болванчиками и выдавали зазубренные фразы, а действительность ещё представлялась как приключение из игры или книги, пусть мрачное, но всё ещё приключение.

— Вперёд, — коротко и напряжённо сказала Алая, отвлекая меня от размышлений.

Моя маска улыбнулась всем присутствующим — народу набилось уже человек тридцать если не считать ударный отряд — и я шагнул в зияющую рану портала.

Мои глаза наполнились кровью, по коже заскребло мелкой тёркой, а воздух в моих лёгких обратился в камень. Проход по каналу — неприятная вещь, как я это не заметил в прошлый раз? Вероятно, из-за саднящей боли в груди и костях.

Выход из канала был таким же резким, как и в прошлый раз, вот только очутился я не в комнате Судьи, а посреди внутреннего двора очередного храма Корда. Тускло светящееся

багрово-красным капище окружили любопытствующие проклятые, среди первого ряда которых стояла пара разлагающихся жрецов.

Щупальца Тени заполнили весь внутренний двор, из-под расплывшейся по земле темноте поднялись мои двойники, а Крылья заслонили клочок неба, выглядывающий из-за стен. На это ушла доля секунды. А потом я ударил.

Мои уши наполнились визгом и рёвом, стонами и стенаниями. Кровь хлестала в разные стороны, заливая растерзанные тела жертв на стенах. Мёртвый, выскользнувший из капища парой секунд позже меня, остался без работы. Коротко кивнув мне, он спрыгнул с постамента и побрёл по щиколотку в крови к проходу в храм. Растерзанные тела проклятых зашевелились, за Мёртвым потянулись змеи кишок, обвившие его ноги, пояс, грудь... Через несколько секунд маг составил из растерзанных тел и внутренностей тускло поблёскивающий зелёным экзоскелет, полностью закрывший его сторбленную фигуру.

Во внутренний двор ворвались двое жрецов. Экзоскелет Мёртвого осветился несколько ярче, из-под груды плоти высунулись два сердца, которые спустя миг лопнули, исходя кровью, и жрецы повалились в кровь и начали отплясывать яростный мажор — не совсем живые тела сопротивлялись смерти, но недолго — их грудные клетки буквально расплавило изнутри. Потом жрецы медленно поднялись на ноги и, шагнув вперёд, повалились на Мёртвого, чтобы стать частью его экзоскелета.

У капища раздался отборный маг — Жнец поскользнулся в крови и едва не слетел с постамента. Сотера презрительно посоветовала деревенскому увальню смотреть под ноги.

Я отвернулся от них — у меня было дело поважнее. Крылья Тени бережно окутывали каждую жертву жрецов, которых здесь было в изобилии, вдыхали в них в жизнь, отсоединяли их от сети Скверны, напоминали о том, кем они являлись при жизни. В моей голове царил суший бардак — водоворот голосов стенал и выл, молил о пощаде и грозился отомстить. Для тех, кому нужна месть, у меня было отличное предложение. Остальные сами решали для себя — умереть окончательно или получить нежизнь и влиться уже в мой энергетический поток. Некоторые решили умереть, и я не виню их в этом. Борься согласились четверо из двух дюжин, остальных пришлось отпустить. Я снял их тела со стены и аккуратно сложил у капища — им нужно ещё много времени прежде, чем разум вернётся к ним, и ещё больше, чтобы встать в мои ряды. Зато энергию из них можно будет тянуть уже сейчас.

О нашем прибытии узнали. Город, в центре которого стоял храм, наполнился диким гвалтом, хотя во время моего появления царила мертвенная тишина. Я уже заканчивал работу над жертвами, когда во внутренний двор храма повалил бесконечный поток проклятых.

Жнец с надсадным рыком рассёк своей косой первую троицу, а его цеп вбил в плечи голову сунувшегося жреца. Храп впился в свой необъятное брюхо пальцами и издал жуткий звук, от которого рухнула часть стены храма, погребая под толстым слоем камней несколько десятков проклятых. Но этого было мало. Против нас выйдут тысячи проклятых и сотни жрецов, а в скором времени подтянутся противники и серьёзней, стоит вспомнить того когтистого парня, что так напугал Трею.

— О, у вас тут всё схвачено, — делано весёлым голосом сказала Алая. Кожа на её лице обвисла, руки дрожали от напряжения. — Готовьте площадку для следующих двух партий. Палач, как долго ты будешь открывать свой канал?

— Сперва скажи, где мы находимся.

— Милях в шестнадцати от главного храма Корда, в городе-спутнике столицы Людном

Месте.

Я прикинул свои силы и расстояние до Каменного Мешка.

— Часов двенадцать.

— Несколько десятков человек против всего Сердца Мира на двенадцать часов? Я думала, ты справишься быстрее.

— Несколько десятков лучших, — отрезала Ораю. — Другого шанса у нас не будет. Ты сама-то что собираешься делать?

— Отправлю вам бойцов и найду отца — он наступает на Сердце с юга или юго-востока. Дня через четыре будем в Столице.

— Тогда через четыре дня захлопнем ловушку.

— Не облажайтесь. — Алая исчезла.

Судья на миг зажмурилась, тяжело выдохнула, а после заговорила резким голосом.

— Палач, Жнец, Конес — за мной. Нам нужно очистить храм. Мёртвый, Эшк, прикрываете нас. Остальные не давайте никому проникнуть сюда через стены. Когда мы вычистим храм, будете удерживать его.

Мы ворвались в помещения храма парами — я шёл с Конесом, а Ораю со Жнецом. Конес вступил в бой первым. Его палаш прорубил в группе проклятых настоящую просеку, по ней я добрался до жрецов, и Тень превратила их в окровавленные ошмётки. Судья с Палачом прошли в соседнее помещение, где сразу же закипел бой. Запели стрелы Эшка, он пускал их по полторы дюжины в минуту, а Мёртвый превратился в настоящую движущуюся грудку из внутренностей и ошмётков тел, пожирающую всё на своём пути.

Оценив площадь храма, я понял, что дело выходило не таким уж и лёгким — храм был переделанной крепостью, с тремя этажами в основном здании и двумя башнями, возвышающимися над западным и восточным крылом. Нет, с проклятыми, которых жрецы гнали на убой, мы справлялись легко. Вот только дюжина человек физически не могла удержать такое большое здание. Бойницы когда-то расширили до обычных окон, куда десятками лезли враги, узкие двери на фасаде переделали в украшенные ворота, которые сейчас находились в плачевном состоянии — одной створки вовсе не было, вторая болталась на петлях. И кругом — везде — распятые жертвы, сожжённые и переломанные кости. В этом городе в одночасье погибли тысячи человек, но резня продолжалась долгие недели. Масштаб местной трагедии в десятки раз превосходил то, что происходило когда-то в Светлом Озере и Прохладном Месте. Окультисты — ничто по сравнению со жрецами.

Я тихо зашипел, чувствуя, как Злоба застилает все мои мысли. Я растворился в Тени. Каждый закуток стал моим убежищем, моей парой глаз, моими руками. Собрав всю силу в кулак, я «шагнул» вперёд, поднимаясь десятками фантомов. Тень оцетинилась сотнями Клинков. Я коснулся затылка Судьи, принимая её Свет, прошёлся по тайному капищу, собирая Тьму. А после пропустил через себя весь этот поток энергии.

Над храмом поднялся тёмный столп, отбросивший Тень на несколько кварталов вокруг. Этот столп впился в нутро энергетической бури над зоной Игры и пробил её. Мир замер для меня, в небе зависли крупные капли дождя. А потом толп раскололся, и из него вверх воспарили десятки хищных птиц с гипертрофированными клювами и крыльями, заканчивающимися когтистыми лапами. Взрыв к небу на доли секунды, они безмолвно обрушились на застеленные Тенью кварталы.

И город превратился в Царство Тени.

По засохшей месяцы назад канализации потекла дождевая вода, через миг окрасившаяся

кровью. Потоки воды смывали грязь с улиц и уносили её по забитой останками канализации.

Где-то тихо плакал очнувшийся от кошмарной пытки ребёнок.

Плач, плач, дитя. Тебе будет дана новая жизнь.

Тебе, а после и всему миру.

Я держал заклинание около полуминуты, когда Тень сообщила мне о появлении в округе какой-то сильной сущности.

Сквозь сплошной поток воды, льющийся с неба, к храму быстро вышагивала человеческая фигура, силуэт которой нельзя было спутать ни с каким другим — огромные ладони, заканчивающиеся клинками, могли бы закрыть половину тела их обладателя. Худое молодое лицо Лезвия походило на восковую маску, выражающую крайнюю степень сосредоточенности.

Он шёл, не скрываясь, его руки душили птиц, рвали Тень на клочки, скребли по стенам, превращая освобождённых жертв в груды мяса. Детский плач замолк — Лезвие смёл со стены тело младенца, даже не обратив на него внимания.

Я ещё несколько секунд держал поле Тени, но после снял его — проходившая сквозь моё тело энергия едва не прикончила меня. Бойня, которую учинили птицы, нанесла серьёзный урон противнику, но дала лишь временную передышку, да позволила за несколько минут вычистить храм. За тёмной фигурой Лезвия уже тянулся бесконечный поток проклятых и жрецов.

— Мёртвый, удержи его, — прокричала откуда-то из храма Судья. — Палач, ты помогай. Помните, что он очень быстрый!

Бесформенная фигура Мёртвого выползла из главного входа храма. Я шёл чуть позади, ступая по кровавому следу.

Экзоскелет мага зашевелился, из-под груды плоти вынырнул полный набор внутренностей, через секунду превратившийся в кровавую кашу. Лезвие пошатнулся, на миг замедлил шаг, но тут же встряхнулся и, проведя по своему телу лезвиями, оставившими на серой одежде красный след, перешёл на бег. Его руки вытянулись назад, с кончиков клинков слетали чёрные капли — остатки магии Мёртвого. А потом он буквально размазлся в пространстве.

Я вышел вперёд, Тени потянулись по стенам домов, но Лезвие рассёк их на куски. Через долю секунды он был уже рядом с Мёртвым. Засвистел ветер, и из груды внутренностей, что скрывала мага, на землю повалились куски. Доспехи Мёртвого засветились зелёным, в разные стороны брызнули груды извивающихся кишок — маг пытался поймать ими противника. Но кишки превратились во влажную труху, валяющуюся на мокром камне, за пару секунд.

Тем временем пережившие мою атаку проклятые сбились в кучу и плотным валом двинулись к храму. Их встретили стрелами и заклинаниями, проредив толпу, однако зомби этим было не остановить.

Я снова атаковал Лезвие. Крылья Тени зацепили его, замкнули в кокон. Я выпустил тело Комка, и на противника хлынул поток яда. Лезвие задёргался, от его одежды поднимался дым, но его лезвия всё же рассекли Тень, и он сумел вырваться наружу. Отступив, он с сочным звуком втянул в себя воздух и выдохнул. Яд разлетелся в разные стороны, забрызгав наступающих проклятых и доспехи из плоти Мёртвого, а на серой хламиде Лезвия не осталось и следа. Пока проклятые корчились, умирая от яда, а маг сбрасывал на мостовую обожжённые участки экзоскелета, Лезвие стоял на месте, будто предлагая мне атаковать. Но

я не собирался лезть на рожон.

Мимо пролетела чёрная тень — Арстия врубилась в группу проклятых, орудуя своими катарами. С крыши соседнего здания спрыгнул Кремень, его короткие каменные клинки скрестились, высекая искры, и одежда ближайших проклятых вспыхнула белым пламенем, несмотря на дождь. Железной поступью прошёл Конес, его доспехи трансформировались во что-то отдалённо напоминающее ежа, у которого вместо игл торчали тонкие трёхгранные лезвие. Этот стальной ёж ускорился и врезался в первые ряды зомби, с плотью которых происходили те же метаморфозы, что и с мясом в мясорубке.

Нам троим очистили приличный кусок площади. Лезвие наблюдал за этим с лёгкой усмешкой.

— Уж если нам очистили площадку для поединка, — сказал он приятным голосом, — то давайте драться по одному.

Мёртвый что-то зашипел и двинулся вперёд, его доспех затеял очередную пляску. Лезвие уставился на прущую на него груды внутренностей и покачал головой.

— Скучно. Тебя я раскусил.

Он сорвался с места и врезался в Мёртвого. Секундная схватка, наполненная росчерками стали и зелёными всполохами, и Лезвие отступил, а маг остался стоять неподвижно. Ещё секунда, и экзоскелет Мёртвого рассыпался на составные части, а его обладатель пошатнулся и, поддерживая руками собственные кишки, повалился в груды мяса.

— Он ещё жив. Если справишься со мной за пару минут, вы вытащите его с того света.

— Да мне на него насрать, — отозвался я и перешёл в атаку.

Мы схлестнулись. Сталь скрежетала о Тень, клинки мелькали как молнии. В какой-то момент этого хаоса Лезвие оказался прямо напротив меня. Ухмыльнувшись, он выплюнул мне в лицо длинную тонкую рапиру, едва не угодившую в прорезь для глаз. Я в ответ наклонился к его шее, и маска вцепилась в плоть зубами. Но Лезвие успел отступить, оставив на стальных клыках лишь кусок кожи.

— Время идёт.

Я зашипел и рванул следом. За моей спиной маячили Крылья, из-под которых вылезло полдюжины двойников. Лезвие ушёл влево, нырнул под мой выпад, сбил меня с ног и почти мгновенно расправился с пятью двойниками. Шестой тоже очень быстро превратился в разодранные куски Тени... ядовитые куски — во время атаки он взорвался в руках Лезвия, обдавая его новой порцией яда. Несколько брызг попали моему противнику на лицо, и он, коротко вскрикнув, попытался сбежать. Я остановил его двумя шупальцами, рванул на себя, готовя раскрытую пасть Комка. Но до победы было ещё далеко — сократив расстояние, Лезвие дёрнул левой губой, обозначая ухмылку, и его правая ладонь вцепилась в жало Комка. Пасти прошлись по предплечью Лезвия, но его серая одежда как будто была из стали — не осталось даже следа. Зато сам он едва не выдернул Комку жало. Я попытался пырнуть его саблей, однако Лезвие увернулся, двумя движениями левой руки превратив Комка в окровавленное месиво.

Это было больно.

Я взвыл от бессильной Злобы и вернул Комка в руку. Через какое-то время он восстановился, но что мне делать сейчас? Я взял саблю и в левую руку... Пока я тянул её из «кармана», Лезвие на миг исчез из поля зрения. Он понял, что я замешкался и сразу этим воспользовался. Я и глазом моргнуть не успел, как он атаковал меня в спину, его пальцы заскребили по моей спине, раздирая Тень и превращая плащ, кольчугу и плоть в болтающиеся

ремни. Я завыл, отмахиваясь десятком Клинков Тени, но Лезвие был уже далеко. Я снова видел его, вот только преимущество теперь на его стороне — я потерял Комка, а моя спина — сплошная кровоточащая рана.

— Всё, — раздался позади меня голос Судьи, — ты хорошо справился. Иди открывай портал, я сама займусь им.

— Всё? — переспросил Лезвие. Но тут ещё ухмылочка угасла — пока мы дрались, остальные успели отнести раненого Мёртвого в храм.

— Иди, — повторила Судья.

Выматерившись, я ушёл. В храме меня встретила Сотера, в окровавленных руках она держала шило и огромную иглу, а с рукава свисали человеческие жилы, которые она явно одолжила у убитых проклятых.

— Садись, — сухо сказала она.

— Что с Мёртвым?

— Заштопала. Он и не такие вещи переживал, на рожу его погляди. Садись, говорю, тебя штопать буду. Одежду только скинь.

Я снял плащ — Тень уже стянула прорези — и бросил на пол. Сверху упала бесполезная уже кольчуга, после окровавленная рубаха.

— Раны затягиваются, но лучше им помочь.

Сотера принялась штопать мою спину. В прямом смысле штопать, не зашивать. Она прокалывала плоть шилом, а после накладывала шов из жилы. И шило, и игла, и тем более жилы были раскалены так, что в глазах темнело от боли, но я чувствовал, как швы стягивают и заживляют мою плоть.

Судья с Лезвием тем временем трижды сцепились, но никакого урона друг другу нанести не смогли. Ораю пока что пользовалась только мечом, который держала в левой руке. Видимо, поняв, что это бесполезно, она перекинула бастард в правую руку. Лезвие опять заулыбался. Он остановился и, подбоченившись, с издевкой сказал:

— Ну, давай, посмотрим, на что ты способна.

Ораю перехватила бастард двумя руками и подняла его над головой. Её спина напряглась, шея выгнулась. И Лезвие окутали два световых потока, вырвавшиеся из её глаз. Он купался в Свете с полминуты, потом потоки спали. Судья не шевелилась. Её меч не рубил противника. Суд не работал?

Лезвие рассмеялся.

— Ты думала, что уничтожишь очередную прогнившую душонку? Что ж, рад тебя разочаровать — я не имею никакого отношения к происходящему. Мне просто заплатили гору золота за то, чтобы я какое-то время продолжил развлечение Властелинов. Но, стыдно сказать, сейчас я бы с удовольствием прикончил того серого ублюдка и тебя вместе с ним. Просто ради интереса. Драка ради драки — это же прекрасно.

Улыбка на его лице угасла, оно вновь стало маской сосредоточенности. Лезвие выставил вперёд правую руку, а левую спрятал за спиной. Судья поменяла стойку, теперь кончик её клинка смотрел в землю, и осторожно двинулась вправо. Её противник повёл правой рукой и, согнув ноги, приготовился отражать атаку.

В этот момент на него сзади навалился Конес. Рыцарь походил на веер окровавленных клинков, какими-то неведомыми силами собранных воедино. Лезвие отвлёкся, отражая его атаку, и тут на него набросилась Судья. Её бастард светился так ярко, что резало глаза. Три фигуры смешались в единый ком, совершенно невозможно было разобрать, кто из них где

находится. Это продолжалось несколько бесконечных секунд — лязг стали, натужное дыхание, топот ног. Потом раздался крик, и ком расцепился.

Конес упал на землю, его левая рука, закованная в сталь, со звоном покатила по мостовой. Но кричал не он. Лезвие завывая и поскуливая отскочил к краю площади.левой рукой он поддерживал правую, лишившуюся четырёх клинков, из обрубленной стали хлестала багровая кровь. Судья на миг замерла и бросилась его добивать, но наёмник, видимо, решил, что погибать ему не обязательно, и смылся, буквально провалившись сквозь землю. Судья постояла какое-то время над местом, где только что исчез её противник. Я видел, как меч подрагивает в её вытянутых руках. Ораю тряхнула головой, будто приходя в себя, и сунула меч в ножны.

— Одевайся, твоя спина как новая, — буркнула Сотера, похлопав меня по плечу. — А мне нужно проверить Конеса.

— Не нужно, — отозвался я.

Судья уже стояла над рыцарем, её плечи содрогались от едва сдерживаемых рыданий. Она приобняла валяющегося на земле Конеса и, сунув руки под спину, попробовала его поднять, но голова рыцаря отвалилась, а в объятиях Ораю осталась лишь часть грудной клетки с вываливающимися из неё внутренностями.

— Нужно хотя бы отнести тело, — сказал Эшк, сдирая со стены чудом уцелевший гобелен.

Пока они укладывали Конеса в тряпку, вернулись Кремень и Арстия. От безмолвного убийцы воняло гарью и кровью, а его напарница шипела, кривя наполовину откушенную левую щёку.

— Собирается новая волна, — коротко сказала убийца прежде, чем Сотера усадила её лечить.

Волна проклятых пришла через несколько минут, её вёл здоровенный жрец с полностью разложившимся лицом и гигантской утыканной гвоздями дубиной в руках.

— Пора и мне размяться, — сказал Жнец, а Храп ответил ему удовлетворённым хрюканьем.

Я же, повинувшись взгляду Судьи, закатил глаза и начал работать над порталом. Визг, стоны, бешеный рёв, лязг железа и грохот рушащихся зданий не отвлекали меня от работы.

Да и зачем вообще отвлекаться? Это далеко не последняя волна нападающих.

Работа шла своим чередом. В первую очередь нужно было создать центр силы здесь, в этом мне помогали находящиеся в анабиозе источники — уже около дюжины человек по всему храму. Они ещё не осознали себя полностью, их мозг привыкал к новой нежизни, воспоминания о жестокой боли, перенесённой за время нахождения в магической сети жрецов, вымарывались ими самостоятельно. Возможно, кто-то из них даже вспомнит, кем они были до того как их, фактически, убили и обрекли на вечные муки, мне до этого дела нет. Главное то, что они прижились в моей сети, и теперь были источниками энергии, пусть и слабыми. Но, так сказать, создать отправную точку они мне помогли.

Далее требовалось соединить её с болотами — там до сих пор находился самый большой мой энергозапас, и с этой стадией проблем у меня не возникло. Третьей точкой была Белая Роща с могильником игроков. И вот тут меня постигло некоторое разочарование — часть кукол осознала себя. Поднявшись, они расползлись по окрестностям в поисках еды, а значит, собрать энергию с них было несколько сложнее. Но после часа усилий мне это удалось.

Ну а дальше самое сложное, то, чем я в прошлый раз занимался несколько дней, и это с учётом того, что на окраину Белой Рощи мне нужно было перекинуть всего несколько сотен человек, а в этот раз придётся вести несколько тысяч. Не говоря уже о том, что в прошлый раз канал держался около часа, а сейчас нужна устойчивая связь на несколько дней. Единственное, что упрощало задачу — нужен только один портал.

Мне требовался... хм... «прокол» — дыра в энергетическом мире, да такая, чтобы зацепила физический. И сделать его нужно в «пустом» месте — без всяких источников силы и ориентиров. Но ещё спустя час мне это удалось, благо, нашлась небольшая отметка в энергетическом поле, оставленная Алой, когда она перебрасывала в храм первые три отряда. Теперь оставалось самое простое, но в то же время трудоёмкое — накачать портал энергией, а этот процесс проходил без моего непосредственного участия, я только чувствовал, как иссушаются мои резервы. Прикинув свою силу, я предположил, что часов за шесть управлюсь. То есть всего на работу мне потребуется девять с половиной часов, а не двенадцать. У нас будет войско уже днём, а не вечером, что не могло не радовать. И я мог оказать посильную помощь в обороне храма. Но сперва требовалось поесть и хоть немного привыкнуть к своему телу — блуждая в других измерениях бесследно не проходят.

Если бы я не пытался с полчаса достучаться до Комка, справился бы ещё быстрее — с его помощью работать было бы попроще. Но Комок молчал. Он будто закрылся в какой-то кокон. Не знаю, что с ним происходило, но если Тьма действительно отвергла его после того, как я с ним что-то сделал...

А что я с ним сделал? Я дал ему жизнь. Он был частью Тьмы, тупым слизнем с единственной целью в жизни — доплыть по сосуду до Сердца Тьмы и раствориться в нём. Но я забрал его, и он осознал себя как некто пусть и тесно связанный с Тьмой, но всё же с зачатками собственной воли, и чёткой целью — вернуться. Если же он за всё это время пережил что-то такое, что помогло стать ему самостоятельной личностью, я только рад. Возможно, мне удастся найти ему новое тело, которое позволить жить ему отдельно и от меня, и от Тьмы. В телах недостатка не будет.

Но что-то я далеко забегаяю. Пока нужно хотя бы отстоять храм и начать переброску армии. А нам активно мешали.

Когда Жнец и Храп отразили третью волну нападавших, жрецы затаились, копя силы и, видимо, составляя какой-то план. Впрочем, кроме заваливания мясом у них ничего пока не выходило, а уж жирный маг постарался сделать так, чтобы следующее нападение вышло ещё более тяжёлым для противника.

Храм стоял на небольшой возвышенности. Позади — пересохшая река. Прямо и с боков — площадь, к которой плотно прилегают дома. Жрецы собирались попрягать кучу осквернённых в домах, да и вообще активно пользовались тем, что в плотной застройке их число тяжело было тяжело определить. Поняв это, Храп разнёс по камушку почти все дома в радиусе пары сотни метров. Первое, что я увидел, закончив работу, это руины, посреди которых то тут, то там виднелись растерзанные и заваленные обломками тела.

Кроме того, пока я занимался порталом, прибыли два подкрепления. В первом было тридцать пять героев, среди которых Инча, и каждый тащил с собой просто ворох всяких амулетов и артефактов. Друидка при поддержке отряда за час устроила вокруг храма такое минное поле, что мало не покажется. Во втором подкреплении было тридцать три человека, среди них — десяток игроков, что я отобрал в свой отряд. Семьдесят девять человек против всего Сердца Мира? Ну, это лучше двенадцати, не так ли? Если мы удержим храм на протяжении требуемого времени, то можно будет переходить в наступление в любом направлении — какая разница, куда атаковать, когда ты окружён?

Но жрецы прекрасно понимали, что захват храма в самом центре их владений — это не простая вылазка. Я как раз дожёвывал последний кусок подкопчённого сыра, когда в воздух начал звенеть от энергии. Я проглотил остатки еды, сделал долгий глоток из бурдюка с пивом, и принялся искать Судью.

Ораю со своей гвардией, в том числе и Инчой, находилась центральной башне храма (как и многие другие храмы, здание представляло собой крепость с минимальными изменениями), благо людей для обороны сейчас хватало. Кроме того, пока я занимался порталом, никто без дела не сидел. Кроме минного поля на площади было ещё пара сюрпризов — герои навалили настоящие баррикады у центральных ворот, как могли заделали камнями окна, навалив целые каменные валы, оставив несколько самых больших открытыми — для них как минимум нужны доски. Пустые зевы таких окон будто приглашали жрецов в атаку, но я бы не стал в них соваться даже полностью скрывшись в Тени, столько всякого неприятного дерьма понапихали в створки.

На третьем этаже башни, видимо, располагались покои настоятеля — лестница обвивала большую комнату, в которой кое-как навели порядок — выбросили трупы да кое-как расставили не до конца переломанную мебель. В центре поставили большой стол с частично отломанной крышкой, за ним и расселась гвардия во главе с Судьёй. Мёртвый всё ещё придерживал живот руками, хотя, думаю, над ним хорошо потрудились.

— Что с порталом? — спросила меня Ораю, едва увидев.

— Часов через шесть, даже немного меньше, можно будет начать переброску армии.

Судья буквально расцвела. Даже среди её приближённых послышалось что-то вроде одобрительного ворчания.

— Не через девять? Да ты просто молодец.

— Стараюсь. Вот только вы не чувствуете, что что-то готовится?

Ораю закрыла глаза, будто вслушиваясь, так же поступили присутствующие маги.

— Ничего, — сказала Судья спустя минуту. — Может, показалось?

— Мне не может казаться, — сухо отрезал я.

— Огоите, — слабым голосом произнёс Мёртвый. — Я что-то ую... как утто...

Судья, насупившись, поднялась из-за стола и картинным жестом обвела всех присутствующих.

— Готовимся к обороне, всех людей на посты. Мы будем резервом на случай прорыва или контратаки.

Я слабо усмехнулся.

— От меня сейчас проку почти нет.

— Всё равно держись с нами. Инча, Мёртвый, Жнец, будете охранять его. Если погибнет Палач, мы обречены.

Друидка смерила меня взглядом полным злости и боли. Я стоял с каменным выражением лица. Хотя, под маской, лица, наверное, не было видно.

— Ну, чего вы встали?

Мы сбежали по лестнице так, будто штурм был уже в самом разгаре. Но жрецы не торопились.

Напряжение в воздухе становилось всё более ощутимым, теперь его чувствовали даже те, кто был далёк от Тьмы и Скверны. У многих начало звенеть в ушах. Я же услышал голоса. Они умоляли плачущими голосами. Стенали и жаловались.

— Умрите, умрите...

— Не мучьте нас... умрите...

— Дайте нам покой... умрите...

— Не убивайте нас... умрите...

Я стиснул зубы и сжал кулаки. Нет, это не жертвы, у них мозг полностью выключен. А кто же тогда? Осквернённые? Сами жрецы? Что мы знаем о них? Жизнь оккультиста — пытка, так, может, и жрецы испытывали что-то подобное? С другой стороны — какая, к чёрту, разница? Всё, что мы могли — это избавить их от мучений.

— Умрите... сделайте милость... умрите...

— Не слушайте их! — крикнула Судья так громко, что я даже вздрогнул. Голоса не исчезли, но перестали так настойчиво лезть в голову, видимо, Ораю применила какую-то магию, защищающую от ментального воздействия.

По улицам медленно пополз серый туман. Он пробирался по камням и завалам так, будто был живым существом — осторожно прощупывая дорогу, иногда отступая, а иногда обвивая выставленные ловушки. Впрочем, живым он не был, иначе ловушки бы сработали. Первые струйки стелились по земле, но уже спустя пару минут серая субстанция поднялась до уровня пояса, а ещё через три могла бы закрыть человека с головой. Уверен, сунься туда кто-нибудь, и он бы исчез без следа в этой серой непроглядной пелене. Туман замер в нескольких шагах от храма, будто его остановил какой-то незримый барьер.

Визг в ушах начинал сводить с ума. А потом в тумане что-то зашевелилось. Чёрные тени сновали в непроглядной пелене, выполняя какие-то приготовления.

Где-то у самой границы разрушений, устроенных Храпом, что-то глухо «ухнуло», поднялся белый огненный столп. Клочки тумана разлетелись в разные стороны, очистив небольшое пространство, но почти сразу прореха затянулась, остался лишь запах горелой плоти. Впрочем, звук взрыва окончательно заглушил стоны в моей голове.

Мельтешение на площади возобновилось, даже стало интенсивней. Вспышки, молнии,

лезвия, камни, глыбы льда и удавки из плоти погибших осквернённых начали свою жестокую жатву. Гремело так, что чуть не лопались ушные перепонки.

— Они снимают ограждение, — прошипела Инча.

Я усмехнулся и пожал плечами. Ничего удивительного...

Удивительно то, что с каждой жертвой серая пелена начинала окрашиваться в багровый. Я с нарастающим беспокойством наблюдал, как пространство заполняет кровавый туман. Знакомое ощущение? Ещё какое! Я закатил глаза и осторожно коснулся энергетической составляющей завесы, закрывшей город... и едва не задохнулся от Злобы. Здесь её скопилось столько, что даже мне не под силу было её переварить. Тем не менее, я осторожно — а то можно сойти с ума и начать крошить всех, кто попадётся под руку — начал тянуть энергию. На случай драки сгодятся даже эти крохи, пусть Тень я использовать практически не смогу, но остались ведь старые добрые Метки и Отравленные Стрелы.

«Разминирование» продолжалось с четверть часа. Жрецы быстро определили, где были установлены одноразовые, а где многоразовые ловушки. Многие имели время перезарядки, но несколько десятков лишних проклятых для повторной разрядки таких ловушек у них имелось. Туман к тому времени совершенно окрасился в цвет крови, смешанной с грязью. И в какой-то момент тени застыли, воцарилась тишина.

Я стоял у раскрытого окна, втягивая ноздрями влажный воздух. В знакомом запахе смерти в этот раз было куда больше угрозы. В моих руках были заряженные арбалеты. Меня что-то беспокоило, что-то практически неощутимое, как будто какая-то тень застыла на самой границе бокового зрения. Что-то не так. Что-то совсем...

— Они перекрыли доступ к буре, — прошептал я помертвевшими губами. — Этот туман не даёт проникнуть сюда той энергии, что питает Игру и всех игроков!

Где-то вдалеке раздался издевательский хохот — меня слышали. А потом багровая завеса наконец пришла в движение. С едва слышным влажным звуком, какой могли бы издавать тысячи ползущих слизней, кровавая пелена двинулась к храму. Никакого барьера не было, просто хозяин (или хозяйка) тумана не спешил нападать. Сейчас же, когда их игрушка наполнена энергией пролитой крови, самое время.

— Пожалуйста, умрите! — раздался душераздирающий визг. — Умоляю! СДОХНИТЕ!

Кровавая пелена окутала стены храма, на миг задержалась у открытых окон. С надсадным хрюканьем Храп выставил дополнительную защиту на ближайшем ко мне окне, другие колдуны занимались тем же. Магическое марево попробовало проникнуть в храм, но защита пока держала. Через пару минут усилий Хозяин Тумана решил сосредоточиться на самом большом окне, посылая туда просто прорву энергии. Насколько я могу судить, борьба шла ожесточённая. Защита поддалась лишь раз, но ворвавшиеся в храм клубы кровавого пара буквально за пару секунд заживо сварили двух героев до такой степени, что мясо начало отслаиваться с костей.

— Сдохли! — визжал Хозяин Тумана. — Сдохли, сдохли, сдохли, сдохли! Умрите и вы. Ну что вам, сложно?

Остатки выбитых витражей зазвенели в окнах. Раздался короткий звук, будто что-то лопнуло, и через то самое окно в храм ворвалось бесформенное существо, скрытое от глаз кровавой дымкой. За ним в помещение повалили толпы проклятых. Сразу стало тесно. Храм наполнился лязгом железа и криками. На моих глазах трёх игроков буквально растерзали на куски — их умения не работали.

— Уходите! — рывкнул я остальным, но мои приказ успели выполнить только пятеро.

Стрела — невысокая стройная магичка — с выражением полного непонимания на лице отмахивалась посохом от прущих на неё зомби, её парень неуклюже орудовал мечом. Их задавили числом, а через пару секунд толпа проклятых оставила на полу изъеденные и изломанные тела.

Нужно было отдать приказ раньше, когда я только почувствовал, что канал перекрыт... Я никогда не командовал людьми, всегда думал только о том, как лучше действовать в одиночку... Из меня не только оратор хреновый, но и командир. И только убийца — хороший.

Я истратил все свои стрелы секунд за тридцать. Стрелял по осквернённым — на босса тратить их не было никакого смысла. Мысли об ошибке уже ушли — мы сюда шли не в бирюльки играть, погибнуть может любой, в том числе и из-за ошибки другого. Оставив арбалеты, я взял саблю, отравил её, и, выпустив Комка, врубился в толпу атакующих.

Основная масса противников пёрла через окно, оставшееся без защиты, но кто-то умудрялся проникнуть и черед другие ходы — на улице шла активная работа по разбору завалов. Впрочем, защита была поставлена хорошо, и большую часть проклятых удавалось удержать на улице. Единственная проблема — резерв уже вступил в бой с Хозяином Тумана, который не давал пробраться к окну и перекрыть его. Единственные, кто не участвовал в битве — пять лишённых силы игроков. Отличный резерв.

Я прорвался к окну, но простоял в проёме всего несколько секунд: Тень можно использовать по минимуму, а Злоба поступала очень медленно, иначе я бы захлебнулся. Я отступил и встал в строй в форме полумесяца из двух десятков игроков, в том числе Судьи и её гвардии. Этот отряд, фактически, не давал сотням противников прорваться в храм и начать резню, после которой не выживет никто.

Хозяин Тени беспорядочно метался, атакуя то одного героя, то другого. Он и не ставил своей целью кого-то убить, он тянул время. Что-то нужно было менять, и Судья сделала первый ход. Она шагнула вперёд и, высоко подняв осветившийся меч над головой, что-то неразборчиво рявкнула. Меч вспыхнул, Ораю махнула им наискось сверху-вниз. Десятки разрубленных проклятых повалились на камни, их поток на несколько секунд ослаб — видимо, зацепило и тех, что ещё оставались снаружи. Но Эшк едва успел затащить Судью в строй — Хозяин Тумана набросился на неё с такой энергией, что едва не размазал по полу.

Я вышел из строя и атаковал босса с фланга, но мне навстречу высунулись две тонкие руки с отравленным дротиками и одна толстая, почти похожая на человеческую, с мясницким ножом. Один дротик я отразил саблей, вторым завладел при помощи Комка, а вот нож едва не пропорол мне брюхо — длинна рук тоже не была стандартной для человека. В это же время ещё десяток рук успешно отражал атаки героев, а туман, подсвеченный багровым, отражал магические атаки, причём, такой силы, что у меня челюсти сводило. Впрочем, Хозяину Тумана всё же пришлось отступить к окну. Примерно в этот же момент в проём хлынули осквернённые, но первая партия превратилась в фарш — Мёртвый успел выставить защиту. Однако под натиском тумана она продержалась недолго.

— Почему вы не хотите умирать? — разочарованно спросил Хозяин Тумана. — Смерть — это же хорошо. Смерть — конец мучений.

— Сделай одолжение, не мучайся и сдохни, — прорычала Судья.

— А я за тем и пришёл, — оживился Хозяин. — Вот только сначала надо отпустить как можно больше других. — Из-за багрово-серой завесы высунулись с полдюжины рук и провели по всем, кто находился в храме и за его пределами. — Нужно, чтобы сдохло как

можно больше, понимаете? Больше! Больше! БОЛЬШЕ!!! СДОХНИТЕ!!!

Багровая пелена начала вращаться в бешеном темпе, внутри замелькали тени, наружу выглянуло десятка полтора рук, держащих разнообразное оружие. Этот вихрь врубился в наш строй, теперь уже чтобы убивать. Вновь попёрли проклятые. Ещё одна партия разобрала один из завалов и, усыпая телами сколький окровавленный пол, продавила защиту. Снова храм наполнился озлобленными зомби, и на этот раз мы были очень близки к поражению.

— Мёртвый! — рявкнула Судья.

Груда плоти вышла из нашего строя и, теряя куски, направилась к окну. Брызги от лопающихся органов сплошным слоем покрыли пол и стены, но при поддержке полудюжины героев Мёртвому удалось выдавить прорвавшихся осквернённых. Но это была лишь отсрочка. Прорыв стоил нам пяти человек, а самому магу пришлось остаться, чтобы оборонять окно от прущих с утроенной силой противников.

А Хозяин Тумана продолжал бесноваться. Из строя выпал Эшк — к счастью, живой, но окровавленный, с иссечёнными до костей девятихвостой плетью лицом и грудью. Более невезучий герой остался лежать на полу, насквозь пронзённый копьём и с ржавым косарём в левой глазнице.

Вновь атаковала Ораю. На этот раз она Судила Хозяина Тумана. Свет из неё глаз на миг рассеял туман, оголив исковерканное тело, состоящее, казалось, из одних беспорядочно переплетённых конечностей. Суд возымел своё действие — плоть босса задымилась, сама Ораю в трансе сблизилась с Хозяином Тумана и принялась крошить его тело в капусту. Но продолжалось это ровно до тех пор, пока две не задетые Светом руки с хрустом не вогнали под правую грудь Ораю обломок меча. Свет погас, и Судья повалилась на пол.

Завизжала Инча. Строй героев беспорядочно колыхнулся и буквально разлетелся на куски. Осквернённые разорвали его на куски, хотя сопротивление ещё продолжалось. Жнец ценой собственной жизни вырвал потерявшую сознание Судью из-под решающего удара Хозяина Тумана. Кремень проложил кровавую дорогу сквозь толпу зомби и вынес Ораю к дальнему концу зала, куда ещё не добрались зомби, Арстия уже хлопотала над своими нитями.

Всё это хорошо — Судью спасать надо. Вот только бой-то не кончился. А мы остались без командующего. Без светоча. Без опоры. В прошлый раз такое произошло в Белой Роще, и мы вынудили героев подписать перемирие на своих условиях. В этот раз никакого перемирия не будет.

— Отступаем! — заорал я. — Кто может, уходят на второй этаж! Остальные к тайному капищу!

Удивительно, но меня послушали. Десятка полтора героев вслед за Инчой и Кремнём бросились к капищу, остальные более или менее организованно отступили к лестнице. Одному из отрядов отрезали дорогу, и герои погибли под атакой Хозяина Тумана, но забрались с собой ещё много проклятых. Нас осталось не больше пяти десятков, многие были ранены...

Я прикрывал отступление к тайному капищу. Отравленная сабля и жало Комка сеяли смерть. Дымящиеся от яда осквернённые завалили пол. Мы бы спокойно отступили и продолжили оборону — пока место, где будет открыт портал, контролируется нами ещё ничего не потеряно, мы ещё сможем получить подкрепление, пусть и через восемь долгих часов... Но буквально в паре шагов от двери меня накрыл вихрь клинков, принадлежащих Хозяину Тумана. Плеть со стальными шипастыми шариками на концах прошла по моей

ключице, превратив открытый участок шеи в кровавую кашу. Быстрый удар великолепно украшенной, но заржавленной, сабли отсёк две пасти, принадлежащие Комку, и это было куда больнее, чем разорванная кожа на шее.

Проход в тайное капище запечатали магией и принялись баррикадировать заранее заготовленными камнями и предметами. Всё верно. Для них главная — Судья. Пока жива она, есть шанс. Моя смерть никого не волнует, даже на портал им плевать. Пусть им придётся возвращаться через мёртвые земли, занятые противником, они всеми силами будут стараться спасти Ораю. Да, у них появится куча лишних хлопот, но Судьёй ради какого-то Палача они рисковать не станут.

Мне удалось отступить к двери. Хозяин Тумана начал играть со мной, не торопясь убивать. Что ж...

Я закатил глаза и отдался окружающей меня Злобе. Теперь можно наплевать на всё, я остался один, кругом только враги, а значит, можно убивать всех, кто попадётся под руку.

Я купался в Злобе. Она пронзала меня, проходила сквозь моё тело и возвращалась, чтобы течь по моим венам. Я уже испытывал что-то подобное, вот только не помню где и когда. Да и картина похожая — груды тел под ногами, только замороженных, куча противников перед глазами.

Нет уж, убийцы так себя не ведут. Самопожертвование? Прикрыть отступление? Только если это выгодно. Только если это приведёт к убийству врага. Можно сдохнуть, все мы смертны, но враг должен умереть первым. Если это достойный враг, конечно. И сейчас у меня был такой.

Толпы проклятых прут к двери, которую я хотел оборонять. Плевать на это мясо. Другая ломится на второй этаж. На этих тоже плевать. Передо мной настоящая цель.

— Привет, брат, — сказал я, сплёвывая кровью.

— У тебя остались силы? — истерично спросил Хозяин Тумана.

— Меня питает та же сила, что и тебя. Иногда.

Я сорвался с места и нырнул под выставленные руки моего врага. Пасть Комка выдрала из одной нож и вонзила его в раскрытую ладонь. Сабля срубила кисть с плетью.

— Я-то думал, откуда ты всё это берёшь.

— Ты кто такой? — взвизгнула моя цель.

— Палач. А Судья уже вынесла тебе приговор.

Копьё проткнуло моё правое бедро, но я даже не обратил на это внимания. Да и боли почти не было. Я выдрал копьё с куском мяса и вернул его хозяину, воткнув в сплетение рук.

— У меня самого есть карман, знаешь? — сказал я. — Только поменьше. И я не прячу в него части своего тела, как трус.

Мой левый глаз светился красным. Благодаря ему я видел энергетические нити, связывающие десятки карманов с физическим миром. Часть была пуста — оружие из них Хозяин Тумана уже использовал. Другая часть пустовала по причине того, что плоть, спрятанную в них, сжёт Свет Судьи. Но большинство ещё ломились от содержимого — плоти самого Хозяина и стали, дерева и камня его оружия. Я разрубил одну из нитей, и в кровь на полу со звоном высыпался ворох ножей. Второй удар и искалеченная нога валился рядом с ножами.

— Больно!!! — взревел Хозяин Тумана, подаваясь назад. — Больно!!!

— Мне тоже, — сказала маска на моём лице. — Но только смерть принесёт нам облегчение.

Мы схлестнулись в центре зала. Проклятые держались от нас подальше, у них были другие дела. Зазубренный топор разрубил мою маску, даже сквозь шум битвы я почувствовал, как хрустят мои зубы, как лопается нижняя челюсть. Но Хозяин Тумана заплатил куда больше — в кровь валились его куски, и уже нельзя было отличить его органы от чужих. Я добрался до его настоящего тела. Где-то там, чуть глубже, скрыты сердце и голова. И я обязательно до них доберусь.

Мы разошлись. Хозяин Тумана начал двигаться куда медленней, в багровом мареве, скрывающем его тело, появились дыры. Я старательно сращивал челюсть, но враг не дал мне на это время — едва придя в себя, он напал. Мы снова сошлись в битве.

И разошлись. Я остался стоять на правом колене — из бедра хлестала кровь, судорожно сокращались вывернутые наружу суставы. Мой противник выл, расплёскивая кровь, его кишки, неестественно торчащие из, фактически, пустого места, волочились по полу.

— Не хочу! Не хочу! Не хочу! Не хочу страдать!

«Подойди ко мне, и я лишу тебя страданий», — сказал я ему мысленно. Вслух я мог только бессмысленно мычать.

Но он услышал. С трудом подался вперёд и навалился всем телом. Мы покатались по полу, налетая на мёртвые тела, погружаясь с головой в кровь. Врезались в стену, на миг замерли, а после вновь заскользили по полу. Это продолжалось до тех пор, пока жало Комка не вошло в сердце Хозяина Тени и не впрыснуло в него остатки яда.

По телу моего противника прошла судорога, и он осел на полу храма бесформенной грудой останков. Я с трудом поднялся, опираясь на саблю, как на трость, попробовал сделать шаг, но ноги подломились, и я ничком повалился на поверженного противника. Туман рассеивался, больше неоткуда пить силы... а я ещё столько не убил... Я заскрёб пальцами, стараясь подтянуться к ещё живому проклятому, валяющемуся всего в паре шагов. Нужно вцепиться зубами в его плотку. Не выйдет — нижняя челюсть не слушается. Нож... воткнуть нож ему в сердце... Не выйдет — я потерял всё оружие. Комок... Нет, и он спит, спрятавшись в руке.

Неужели я бесполезен?

Злоба стремительно вытекала из моего тела вместе с кровью. Сейчас меня затопчут осквернённые, обглодают моё тело и бросят бесформенной мёртвой куклой. Вот-вот придёт смерть. Я уже слышу её — топот десятков ног.

Вашу мать, как больно-то! Я тоже не хочу страдать! Где же ты, избавление? Я ведь хочу обратно, на север, в тёплый туман Озера Мертвецов, на собственный плащ, и чтобы к моему разгорячённому боку прижималась холодная гладкая кожа Топлюши. Чтобы её тонкие пальцы скользили по моей груди, чтобы дыхание щекотало кожу... Хочу туда, где был счастлив, действительно счастлив, а не искал успокоение или отдушину.

Моё тело кто-то поднимает с пола и грубо швыряет. Вот и всё? Не будет портала. Не будет прорыва. Мир погибнет? А мне-то уже что до этого? Я уже там, там, с Топлюшей, сжимаю ладонью её упругую грудь, целую её...

Приди, избавление! Быстрее! Не нужно боли! Хватит! Я устал! Так устал...

Но боль, казалось, начавшая угасать, вновь возвращается, превысив все мыслимые пределы. Она-то и швыряет меня обратно в действительность. В действительности нет Топлюши, только груды тел, беспорядочно наваленные на полу, а между ними плещутся лужи крови. Чьи-то пальцы безжалостно хватают меня за лицо и с жутких хрустом ломают наросшие на нижней челюсти хрящи, вправляя и соединяя разрубленную кость. Грубые руки

крутят меня и срывают одежду. Я почти ничего не вижу — на лице спёкшаяся кровавая корка.

— Мы победили! — орёт кто-то на моё ухо. — Победили! Ты победил, слышишь? Только не подыхай ты, ублюдок! Слышишь? Не подыхай!

И что? Плевать мне на какую-то победу. Верните меня на север. Верните!

Но вместо этого меня грубо швыряют на твёрдый мол. Шершавые пальцы счищают кровь с глаз. Я вижу над собой изуродованную рожу Мёртвого, а рядом с ней лицо Арстии. Мою кожу на подбородке стягивают в горсть, а потом она начинает гореть.

— Не вздумай мне тут умирать, — говорит чей-то слабый голос слева.

Я не знаю, кто это, но понимаю, что кто-то знакомый. И близкий.

— Верните меня на Север, — невнятно прощу я сквозь сжатые челюсти.

— Вернём, — шипит Арстия, — вот только закончим дела на юге.

— Хорошо, — говорю я и закрываю глаза.

Опять я стоял посреди Тьмы. Вот только в этот раз она не была полной, в ней угадывалась серость, или, если угодно Тень. А Тень возникает только там, где есть Свет. Я видел абрисы странных предметов, беспорядочно сваленных в кучу. С трудом различал свою правую руку, видел, как она сжимается в кулак и разжимается. А вот левой руки у меня не было. Практически не было, остался лишь небольшой кровотокающий ошмёток длиной сантиметров в десять, с торчащей из него обломанной костью.

— Где я? — спросил я у вещей, валяющихся передо мной, но они промолчали.

Странно. Я думал, что они ответят.

Я приблизился к свалке и принялся разгребать предметы. Кожа, бумага, кость, дерево, железо... Какая-то несусветная хрень, сделанная сумасшедшим. Но когда в мои руки попало что-то отдалённо напоминающее птичье крыло, выполненное из скальпа, натянутого на костяной каркас, я понял, что это. Неумело сделанные детали планеров, воздушных змеев и даже какое-то подобие самолётов на ручной тяге.

— Комок! — сказал я во Тьму. — Ты здесь?

— Да, — раздался низкий неприятный голос.

Обернувшись, я увидел его. Я мог различить каждую деталь его лица, каждую впадину между рёбрами, будто его фигура была освещена или обрисована серым на чёрном фоне. Сразу стало ясно — это мой двойник, только жутко уродливый, с деформированными чертами лица и костями, неестественно большой левой рукой. Нет, рука на самом деле была нормальной, если бы принадлежала взрослому мужчине, а не карлику ростом в метр двадцать.

— Это твои самолёты? — спросил я. Сейчас это было куда важнее всего остального.

— Да.

— Куда ты пропал?

— Я размышлял.

— И что надумал?

— Пока — ничего. Я всё ещё размышляю.

— О чём?

— О ком. О себе, о тебе, о нас. О Синеглазке. Ты знаешь, что она носит под сердцем моего ребёнка?

— Нет. Я думал...

— Да-да. Ты дал семя, но перенесло оно мою Тьму.

— Поздравляю?

— Не с чем. — Комок впервые пошевелился, махнув левой рукой. — Я — никто. Кусок тебя. Кусок Тьмы. И в то же время чужой и тебе, и Тьме.

— Мы что-нибудь придумаем.

— Возможно. А может, и не придумаем.

— Мы постараемся.

— Я стараюсь, — ответил Комок, делая ударение на «я». — У тебя другие заботы.

— Я знаю.

— Знаешь? — фыркнул карлик. — Ни хрена ты не знаешь, Палач. Ты же сдался. Чуть не

угробил нас. Не в первый раз. Я помню эту Топлюшу. Можно сказать, я тоже занимался с ней любовью. — Он поднял левую руку. — Я помню прикосновения её кожи.

— Зря ты мне это говоришь, — сказал я с угрозой.

— Да мне плевать. Потому что в следующий раз ты опять решишь пожертвовать собой.

А когда раны будут слишком болеть, ты решишь, что лучше умереть. Ты человек. — Последнее слово звучало как оскорбление. — Слабый человек.

— Я больше не сдамся.

— Ты говорил это себе много раз. Но ты каждый раз готов сделать это. И знаешь, что?

— Что?

— Когда ты сдашься в следующий раз, я заберу у тебя тело.

— Не посмеешь, — прошипел я, делая шаг к карлику. — Помни, главный здесь — я. Ты лишь орудие.

— Когда ты готов бороться — нет, не посмею. А когда ты решишь, что твой путь окончен — ещё как. Ты убил меня, человек. Видишь мою Тьму? Она перестала быть непроглядной, в ней появились отблески Света Ты убил меня этим. А потом воскресил, совсем другим. За это я тебя ненавижу. За это же я тебе благодарен. А теперь... уходи. И помни, что я сказал тебе. Мне нужно размышлять.

Карлик проковылял мимо меня и устроился в куче обломков. Одним движением левой руки он снял с себя лицо и принялся то так, то эдак прикладывать его к деревянному каркасу. Это продолжалось какое-то время, пока кровавая маска не повернулась ко мне.

— Я сказал тебе уходить.

Я хотел что-то ответить, но не мог — безвольный язык болтался в щели на нижней челюсти. Я шагнул вперёд...

... и провалился во Тьму...

... осветившуюся багряным.

Я тяжело сел в кровати. Настоящей кровати с пуховой периной, пусть и тонкой, даже подушка с одеялом были. Хорошо хоть никаких простыней, иначе я бы умер от неожиданности. Оглядевшись, я понял, что нахожусь в одной из келий храма Корда, а значит, мы действительно победили. Никакого освещения в келье не было, багряные и оранжевые всполохи виднелись из окна или, фактически, бойницы.

В первую очередь я пощупал челюсть. Удовлетворительно — кость срослась почти ровно, зубы восстановились, вот только шрам, наверное, жуткий. Плевать на шрамы. Нога тоже, вроде, шевелится, но с трудом, придётся разрабатывать. А раз ноги у меня ходят, нужно добыть чего-нибудь съестного — в животе как будто год ничего не было.

Я выбрался из-под одеяла. Одежды на мне не было, но я быстро её нашёл — выстиранные лохмотья аккуратно лежали на небольшом столике. Кто-то даже попытался заштопать спину у куртки, но без особого успеха.

Чёрт, сколько же я тогда здесь провалялся? И открылся ли портал?

Последняя мысль будто пробудила меня. Не время искать жратву. Возможно, пожар на улице разгорелся во время очередного штурма... Но тут же я расслабился, окончательно придя в себя. Из храма доносилось множество голосов, слышался лязг оружия и топот ног. Но никакой паники, криков или чего-то подобного. Это не штурм. А раз я слышу кучу народу, значит, портал открылся, даже пока я был в отключке. Проверив свои энергозапасы, я понял, что практически истощён, и что-то продолжает тянуть из меня силу.

Мы победили. Теперь это можно сказать. Но победили лишь в одной битве, а не войне.

Выйдя из кельи, я увидел, что штаб Ораю прямо напротив. Из-за двери доносились голоса, так что туда я и направился.

Народу прибавилось, и парочку из присутствующих я бы с удовольствием придушил за то, что оставили меня наедине с Хозяином Тумана. Ораю с гвардией, Алая, Свей, Репей, Шапокляк и ещё трое незнакомых парней в непривычной одежде. Видимо, те, что пришли с запада.

— А, спящая красавица, — оскалился Репей. — Тебя какой-то зубастый принц укусил за нижнюю губку вместо того, чтобы поцеловать.

— У него в зубах вместо розы был топор, — отозвался я, усаживаясь на свободный стул. — Сколько я провалялся?

— Два дня и десять часов, — отозвалась Ораю. Она-то выглядела ничуть не хуже, чем раньше, даже как будто её лицо осветилось каким-то внутренним светом. — Мы ещё даже переброску войск не закончили.

— Долго.

— Долго? — переспросил Арстия. — Да ты чуть не умер. Я готова была поклясться, что ты сдохнешь — у тебя крови вылилось, наверное, не меньше половины, и это не считая того, что портал высосал у тебя почти всю энергию.

— Я живучий, — отозвался я. — И голодный.

Мне сразу сдвинули какие-то тарелки с закусками, откуда-то появился стакан с пивом. Я набросился на еду, забыв обо всём. Хорошая традиция — кушать и выпивать во время советов.

— Мы тебе ещё не представили наших новых друзей, — сказал Свей. — Это Степан, это Корвус Костоправ, а это Синий Господин. Парни, это тот самый мифический Палач. Как видите, вполне себе вещественный. И жрёт за троих.

— Привет, — буркнул я.

— Привет, — сказал Синий Господин. Перегаром от него несло будь здоров, хотя голос был абсолютно трезвым. — Не обращай внимания на запах, у меня вся магия черпает свою силу в алкоголе. Зато я здесь, наверное, самый трезвомыслящий человек. — Его красные заплывшие глаза уставились на меня. — То есть ты тот, кто уничтожит мир?

— Если на то будет воля Судьи.

— Никто не будет уничтожать мир, если мы всё сделаем правильно, — пророкотала Алая. — И вовремя.

— Девушка, — буркнул Синий Господин, — вы, конечно, прекрасны, но скажите-ка ещё раз, кто вы, мать вашу, вообще такая?

— Погодите, — вмешался я. — Может, кто-нибудь объяснит, что это за собрание? И вообще, что произошло за последние два дня?

— Я расскажу, — сказала Судья. — Когда ты убил того многорукого ублюдка, осквернённые сразу разбежались — большую часть жрецов, судя по всему, мы уничтожили во время первых стычек. Эти несчастные разбрелись по городу и разлеглись по своим местам. Парочка жрецов сопротивлялась, но их быстро убили. Потом мы — я быстро оправилась от раны — вычистили храм и подготовились к встрече с войсками. Когда пришли войска, мы начали зачистку города — нужно было где-то расквартировать людей, освободить дороги для маршей. Думаю, зачистку мы закончим к завтрашнему обеду...

— У нас нет времени до завтрашнего обеда, — обрезала Алая.

— ... а нам ещё нужно подготовить героев и игроков к двухдневному переходу до

Столицы, — продолжала Ораю, не обращая внимания на падчерицу Корда. — Чёрт знает сколько времени уйдёт на её штурм, а сколько понадобится для того, чтобы добраться до сумасшедшего Властелина. К тому же, мы ещё не привели всё войско — около полутысячи игроков ещё не здесь.

— Это и есть предмет спора?

— Да.

— Прекрасно, — фыркнул я. — Давайте посидим в городе ещё пару недель. Может, восстановим стены. Окончательно придём в себя, сыграем пару свадеб, закатим по этому поводу пирушку... Устроим, в общем, праздник жизни посреди груд разлагающихся трупов. А пока мы этим занимаемся, осквернённые жрецы будут окружать город десятками тысяч своих зомби. Или Некромант подтянет свои войска. Ораю, ты же помнишь те катакомбы?

— Дело человек говорит, — кивнул Синий Властелин. — Нужно идти вперёд. Разбиться на три или четыре...

— Только одним кулаком можно будет пробиться к Сердцу Мира! — взвизнула Алая. — Я пришла сюда, чтобы помочь, а вы даже слушать меня не хотите. Игрок сейчас уже почти у южных пригородов Столицы. Он никого не будет ждать. Если мы ударим одновременно с двух сторон...

— Я, кажется, спрашивал, кто ты на хрен такая? — пророкотал пьяный маг. — И кто вообще сказал, что я собираюсь воевать бок о бок с этими ублюдками? — он кивнул в сторону Ораю. — Срать я хотел, Судья она там или адвокат. Вот этот безрожий хрен как-то превратил десяток хороших ребят, моих ребят, в грудку мяса, которая тащилась за ним попятам...

Я уже видел это не раз. Чёртовы склоки. Если не остановить их сейчас, то потом сделать это будет уже невозможно. Один раз я промедлил, и это стоило пяти жизней, больше я так делать не буду.

— Тихо! — взревел я. — Синий Господин — Алая, падчерица Корда. Алая — Синий Господин. Упомянутый ей Игрок и есть Корд, только чуть-чуть неполноценный, но он может вернуть себе силу в любой момент. Они с нами в одной упряжке. Далее. Город я зачищу сам. За ночь, а то выспался за последние перу дней. И, если я правильно помню ваши зачистки, проку от моей будет куда больше, потому что я смогу пить из некоторых жертв силы. У меня и так энергии практически не осталось, а портал нужно будет держать ещё долго. Тем, кто отстаёт, передать, чтобы шли как можно быстрее на юг по нашему следу. Думается мне, след наш будет заметен, по пожарищам и трупам идти легко. И что-то я ни хрена не понял — герои и игроки здесь, а где обычные войска?

— Какой от них прок здесь? — удивилась Ораю. — Они погибнут, практически ничего не сделав. Мы просто пустим их как скот на убой.

— ПРАКТИЧЕСКИ? — прошипел я. — Ты знаешь разницу между практически ничего и совсем ничего? А теперь представь, что нам не хватит пары десятков человек для решающего штурма. Два десятка — это практически ничего, но они могут быть разницей между победой и поражением. И мы можем заплатить за эту разницу жизнью обычных вояк.

— Ты хочешь угробить десять тысяч...

— Я не хочу. Я говорю, что надо. Когда на кону сама жизнь не стоит считать потери. Иначе можно разворачивать войска и возвращать их через портал.

Алая улыбалась. Ораю кусала нижнюю губу. Свей был абсолютно невозмутим.

— Я за план Палача, — сказал король людей.

— Я тоже, — осклабилась Алая.

— У нас тут, вообще-то, не демократия, — подал голос Репей, — но я тоже «за». Доктор плохого не посоветует.

— Он угробит нас всех одним махом, — буркнула Шапокляк.

— Это лучше, чем длительная агония.

Но пока говорили только игроки и Алая, у которой за собой никого нет. Герои пойдут только за Судьёй. Наконец, Ораю решила.

— Хорошо, так и сделаем.

— Вот так, — кивнул Синий Господин, — я хоть и против, но даже за такое решение можно выпить.

Я поднялся из-за стола. Желудок был полным, тело как будто бы отдохнуло. Нужно пополнить запасы энергии.

Выйдя из храма, я какое-то время шёл по заваленной камнями брусчатке. Даже сотни прошедших этой дорогой людей не до конца вытоптали следы того побоища, что проходило здесь двое с половиной суток назад. Я миновал догорающее кострище. Кости сжигали в прах, но я различил несгоревший череп, уставившийся на меня пустыми глазницами.

— Привет, друг, — сказал я ему.

Череп не ответил, и это было нормально.

Город действительно практически зачистили, осталось всего-то несколько кварталов. Я шёл на всё ещё горящий костёр. Там трудились союзники — и игроки, и герои. Равные выполняли грязную работу вместе. Вскоре многие из них вместе лягут в землю, выполняя работу не менее грязную работу.

— Расходитесь, — сказал я работающим. — Приказ Судьи, приказ Свее. А ты брось ребёнка на землю, я сам всё доделаю. И передайте остальным, чтобы заканчивали.

Мимо прошла пара знакомых игроков. Они старались не смотреть в мою сторону. Обо мне ходило много всяких легенд, и сегодня одна из них найдёт подтверждение. Я буду пить жизни врагов. Но некоторые, те, что могут стать друзьями, получают новую жизнь. И их я тоже буду потихоньку высасывать в качестве платы за существование, за возможность увидеть солнце, убить врага, завести семью.

Да, мой народ — не люди. Но я и сам не человек. Комок ошибается.

Потому что теперь он сам куда больше похож на человека. Я видел это в его чёрных глазах.

Я поднял руки над головой, тонкие Крылья Тени стелились над крышами домов, и принялся отделять тех, кто будет жить, от тех, кто этого не заслуживает. Даже когда-то хорошие люди заслуживали жизнь куда меньше, чем ублюдки. Первых я отпущу, вторым дам шанс. Потому что первые не хотели жить, отказались от неё. Спасибо, Комок, ты объяснил мне разницу. Достоин тот, кто хочет жить и может бороться.

Я — Палач. А Палач должен казнить других, но не себя. Не мне решать, жить мне или умирать, я лишь орудие в чужих руках. Пусть думают Судья, Алая, Свей, Корд наконец. Да, я им жизненно необходим, возможно, я даже король на шахматной доске, но я — фигура, а они игроки. Пёс-поводырь для слепого.

И, когда все нужные кварталы закрыла Тень, я начал казнить виновных в нежелании продолжать борьбу. И так будет со всеми. Даже с теми, кто ещё по-настоящему жив. Ведь именно это я и сделал полчаса назад — отправил их на верную смерть. Куда не сунься — смерть. И я тоже — смерть. Даже орудие может обернуться против своего хозяина,

самостоятельно решив жить ему или умереть.

Ведь это ты и сделал, Корд?

Чем я хуже?

Конечно же, ударить по Столице сразу не удалось. Войска были растянуты, нас постоянно отвлекали крупные отряды противника, действующие по известной схеме «ударил, убежал».

За следующие два дня мы заняли приличный кусок столичного пригорода, вычистив пяток крупных храмов и два города. К этому времени мы перебросили все войска, началась подготовка к штурму Столицы — огромного по местным меркам города, окружённого двойной стеной, да ещё и разбитого на три сектора, каждый из которых был ограничен собственной оборонной системой. К нашему счастью каждая из стен сейчас находилась в плачевном состоянии. Настолько плачевном, что мы планировали провести войска (а это больше восемнадцати тысяч человек) через северные ворота и два близлежащих пролома в стене. И пусть армия у нас была внушительная, за стенами Столицы, имеющей до начала Смуты население в сто двадцать тысяч человек, нас ожидало не меньше полутора тысяч жрецов и двадцать с лишним тысяч осквернённых, не считая самого виновника Смуты и его приближённых.

Закрыв портал, я начал восполнять свои энергетические резервы. Но дело шло медленней, чем я рассчитывал — новых адептов Тени насчитывалось не более пяти тысяч, что составляло примерно десятую часть от общего числа жителей тех мест, где я прошёлся. Слишком тяжёл был груз повторного обретения разума и воспоминаний. В этом-то Осквернённый Культ Корда и был куда хуже гасповского.

В чём разница? Казалось бы, ни в чём, но она есть. Оккультисты черпали силу в муках. Поддавшись влиянию послушника, жертва пытала себя какое-то время, а потом умирала. Во время жертвоприношений оккультисты пытали людей куда дольше, но итогом была всё же смерть — в частности, из-за того, что служителям Гаспа требовался материал для создания химер, оккультистов, новая плоть для ведьм и, конечно же, внутренние органы для амулетов. Лишь сам Гасп, вспомнив что-то из своих старых умений, кое-как сумел создать относительно объёмный источник энергии, но несколько десятков тысяч человек, которых он осквернил, в масштабах Осквернённого Культа Корда — ничто.

Жрецы же и сам Корд (и Судья в том числе) черпали силу в живых людях. В живых, но не обязательно разумных. Люди верили, любили, поддерживали, и тем самым восполняли энергетические потребности жрецов. Осквернив Культ Корда, Гасп привнёс в него свои идеи — силу стало можно черпать и в муках. То есть осквернённым жрецам не оставалось ничего другого, как создавать живые куклы, постоянно испытывающие муки. Мучились и те, что оставались в городах, «батарейки», и воины — но вторые только для того, чтобы оставаться под властью жрецов, и лишь эта энергия поддерживала в ордах зомби «жизнь». То есть короткая, но болезненная пытка превращалась в бесконечный кошмар. Именно это Гасп с большим трудом и провернул на болотах сотню лет назад. Сейчас у него был опыт и куда больше материала, но, насколько я понял, даже это не позволило ему вернуть себе тело. По крайней мере, пока. Возможно, именно это и было причиной спешки — если безумный бог возглавит Культ, то его новое войско не остановит никто. Разве что Корд, но и тот по каким-то причинам пока оставался вне кондиции.

Я же черпал силу в жажде мести, ненависти и желании жить. Моя сила была на стыке

— она черпала негативную энергию, но из, фактически, живых существ, которых пытаться было не нужно.

Эти два дня, что мы готовили плацдарм для штурма Столицы, я мотался как угорелый от одного храма к другому, от города к городу. Спать не приходилось — не успевал. Это порядочно истощило меня. Потому вечером второго дня меня чуть ли не насильно уложили спать, подсунув под бок милую девушку из игроков и бурдюк с вином. Вино успокоило мои нервы, а девушка самыми приятными методами забрала последние силы, так что спал я как убитый.

А проснувшись, увидел Алюю, стоящую у моей кровати. Заметив мою непровольную попытку прикрыться, она слабо усмехнулась.

— Пожил бы ты с моё, потерял бы всякий интерес к сексу.

— Через тыщонку лет встретимся и обсудим этот вопрос, — буркнул я, садясь и всё же прикрываясь одеялом. — Судя по твоему виду, у нас какие-то проблемы.

Алая поправила окровавленный доспех, в котором красовалась дыра, пробитую, должно быть, тараном. В дыре можно было разглядеть обгорелую кожу и шевелящуюся плоть — рана зарастала буквально на глазах, но не рана беспокоила падчерицу Корда. Я видел, что она практически вымотана. Кожа обвисла, появились морщины. Если взглянуть на неё внимательно, то можно было увидеть старуху ничуть не моложе Гаи.

— Проблемы, — хмыкнула Алая. — Они у нас вечно. Но тут ты прав. Нам нужно было атаковать как можно скорее...

— Но это было невозможно.

— ... но это было невозможно. Вот, в общем, и дождались. В тыл к вам идут две армии жрецов, одна с северо-запада, около пятнадцати тысяч человек, вторая с северо-востока, около двадцати. Осквернённые в основном, жрецов Култ Корда судорожно стягивает к Столице, чтобы отразить штурм, но тоже ничего хорошего. Если жрецы скопят силы и ударят одновременно с двумя этими армиями, уже вы будете зажаты с двух сторон.

— А чем в это время занимается Корд? — сухо поинтересовался я. — Помощи от него ждать не придётся, да?

Лицо Алой ожесточилось.

— Не вякай, сосунок. Он занят, и делает куда больше вашего. Властелинов осталось всего одиннадцать, и одного из проигравшихся на ставках добил именно он. С моей помощью, — она указала на свой живот.

— Ему позволили добить, — сказал я, не обращая внимания на сосунка. — Знаешь, ты пугала нас тем, что Властелины тоже возьмутся за нас... но что-то мне кажется, что вы действуете по их плану. Развлечение продолжается, а?

— Помалкивай. — Алая резко выпрямилась. — Я дала тебе важную информацию, ты решай, что с ней делать. Можете сидеть на месте, и тогда рано или поздно вас раздавят.

Она исчезла, а я, вдохнув, взялся за одежду. Моя вчерашняя любовница сладко посапывала, уткнувшись носом в подушку, и я решил её не будить. Хотя бы потому, что даже не мог вспомнить её имя или ник.

Пришлось попотеть, чтобы найти Судью, Свея и всех причастных, и собрать их на совещание. Все готовились к штурму и думали только о нём. Ничего удивительного, если учесть, что циклопические ворота в Столицу можно было заметить практически из любого места в занятом нами городе. Я начал поиск и сбор ранним утром, а закончил уже ближе к полудню. Проблема была ещё и в том, что все были чертовски заняты. Когда я нашёл Судью,

ей ещё не менее получаса потребовалось, чтобы раздать последние приказы и сообщить всем курьерам, где её следует искать. Игроки как обычно тяготели каждый к своему клану, и поиск не был большой проблемой, но всё та же подготовка к предстоящей битве не давала им бросить всё и отправиться на совет. Да и какой, к чёрту совет, когда у всех есть задание, на выполнение которого остались считанные часы? Всё же уже порешали вчера. Новость о подкреплении у противника воспринималась с недоверием. Опять же, новые знакомые с запада не слишком-то меня жаловали, ожидая распоряжений от главного союзника, Свея, а не его подчинённого. Но через четыре часа я всё же собрал всех в большом зале храма Корда, где находилась ставка Судьи.

Я обрисовал обстановку, уже зная, что первые две стены Столицы планировалось занять уже сегодня — штурм был намечен на два часа пополудни, и Ораю рассчитывала взять их к закату, а после начать методично прокладывать дорогу к главному храму Корда, где должен был находиться Гасп. Мы надеялись, что Игрок займётся тем же с юга, но подтверждения получить не могли — разведчики, отправленные в обход Столицы, вернулись либо ни с чем, либо не вернулись вовсе.

— Времени рассусоливать нет, — сказал я, угрюмо обводя всех взглядом. — Нам нужно решать, что делать. Либо мы идём брать Столицу, надеясь, что успеем занять оборону, в чём я лично сильно сомневаюсь, иначе Алая бы не появилась. Либо мы пытаемся разбить идущие к нам армии. На худой конец задержать.

— Задержать? — спросила Судья, устало разминая указательным и большим пальцами перепачканную в гари переносицу.

— Есть четыре варианта, — пояснил я. — Я, по крайней мере, придумал только четыре. Первый. Мы выходим большими силами навстречу одной армии, оставив здесь небольшой заслон, громим её, потом выдвигаемся к другой. Риск в том, что пока основные силы бьют первую армию, а мы даже не знаем её точно месторасположения, вторая при поддержке жрецов из Столицы может разгромить оставшийся здесь отряд. Мне это вариант не нравится — мы запросто можем разбить подкрепление, но, скорее всего, окажемся на той же стадии, что и два дня назад.

Второй вариант, мы делимся на две примерно равные части, оставляем заслон и идём драться. Армии меньше, риска проиграть либо затянуть бой на длительное время куда больше и опять-таки просрать всё, что мы завоевали.

Третий. Плюнуть на подкрепление и идти на Столицу. Как долго мы будем брать стены и хоть сколько-то кварталов, чтобы было где разместить войска и откуда можно развивать успех, не знает никто. Запросто можем получить удар в спину, а в окружение в случае, когда у тебя перед носом стена, а за спиной две большие армии, думаю, попасть никому не охота, из него можно будет просто не выйти и полечь на месте.

Ну, и четвёртый... — Я перевёл дыхание. — Мне он нравится больше всех. Мы жертвуем двумя отрядами, которые уходят, чтобы задержать армии жрецов, а основные силы спокойно начинают штурм стены.

— Самый дерьмовый план, — сказала Шапокляк.

— На взятие стены уйдёт несколько часов, — ответил я. — А у нас, насколько я могу судить, большая спешка. Именно последний вариант даёт нам наибольшую фору во времени.

— Если твои отряды не разнесут в клочки за пару минут, — сухо сказал Синий Господин.

Я с трудом удержался, чтобы не изменить выражение лица.

— Если одним отрядом будут обычные солдаты при поддержке сотни-другой героев, а вторым — полноценный клан игроков, в клочки их не разнесут. Сил других кланов и героев хватит на штурм. Возможно, удастся даже спасти кого-то, когда...

Грянула буря. Четвёртый вариант не нравился ни кому. Судья не собиралась жертвовать десятками тысячами обычных солдат. Никто из клан-лидеров не хотел вести на убой своих людей. Предлагались другие варианты атаки, но они так или иначе были не более чем вариациями предложенных мной. Это продолжалось бы долго, если бы в залу не ворвался Репей.

— Мы в жопе! — рявкнул он. — В двух часах ходу на запад к нам идёт орда зомби! А разведчики у стены докладывают, что в городе наметилось какое-то оживление.

— Они знают об армиях, — сказал я. — И намереваются ударить одновременно. Будем сидеть на месте, ожидая атаки? Пусть мы отобьёмся раз или два, придут ещё армии — не думаете же вы, что эти тридцать пять тысяч, всё, что смогут собрать жрецы со всей своей территории? Или атакуем город, подставив спину под удар?

Все молчали. Но это даже было плюсом. Именно потому, что молчали ВСЕ. Не делились на простых солдат, героев и игроков, ведь проблема была общая. Возможно, пройдёт ещё какое-то время и на решительный удар по Сердцу Мира пойдёт единое войско, действительно союзники, способные к общей работе, которую будут делать без скандалов и споров.

Со своего места встал Свей.

— Раз мой молодец так разошёлся, указывая всем что и как делать, отвечать за него придётся мне. Я веду свой клан, своё королевство на запад, чтобы дать время для штурма Столицы.

Тишина стала ещё более гробовой, хотя казалось, что это невозможно.

— И я поддерживаю план Палача, — сказал наконец командир местных. — Мы пришли сюда умирать, и нет разницы, сделаем это мы сегодня в обед или к ужину. Вставать не буду, чтобы никто не увидел мои обмоченные портки.

Раздались сдавленные смешки.

— Судья, — продолжал он, всё-таки поднимаясь и демонстрируя абсолютно сухие штаны, — сделай так, чтобы мы погибли не напрасно.

— Начинаем штурм через полчаса, — холодно проговорила Ораю, бросая на меня взгляд полный боли. — Палач, ты пойдёшь в передовом отряде со мной...

— Я пойду со своим кланом, — покачал я головой. — И со своим королём.

Судья коротко кивнула.

— Постарайтесь не сдохнуть. Все вы. Удачи.

Мы со Свеем и Репьём покинули храм и, не перебросившись за всю дорогу и словом, вышли в квартал, который занимал наш клан. Тысяча двести человек с учётом всех последних битв. И среди них — не меньше сотни героев, решивших, что с нами им будет лучше, чем с Судьёй. Клан был готов выступить — большая часть уже собралась на площади. Планировалось, что мы выйдем в бой первыми, чтобы расчистить достаточно широкий коридор, по которому пойдёт остальное войско. Но так уж выходило, что все планы катились коту под хвост. Свей прошёл сквозь войско и запрыгнул на постамент, когда-то принадлежавший статуе Корда, обломки которой валялись по всей площади.

— У нас новая цель! — рыкнул Свей, гремя на всю площадь и, наверное, на несколько ближайших кварталов. — Весь наш поход находится под угрозой! С запада сюда идёт

пятнадцатитысячная армия осквернённых. Это грозит определёнными проблемами при штурме, так что мы пойдём и навешаем им по первое число. Пятнадцать тысяч, ребята, семечки для нас, учитывая, что жрецов с ними почти нет. Мы уничтожим этих сосунков к обеду и ещё успеем поучаствовать в штурме городских стен. — Король поднял свой правый кулак, закованный в сталь. — Так что бросаем сумки с провиантом — они нам не понадобятся — и выступаем. В бой, мужики, в бой, девчонки! Размажем их и станем на шаг ближе к дому! За Город-государство Игроков Зелёного Истока! За людей!

Клан загалдел, поддерживая Свея. Но каждый понимал, в каком мы дерьме. Большая часть бомб либо была использована, либо хранилась в нескольких телегах, которые стояли у южной границы города — планировалось использовать их во время штурма Столицы. Да, мы были тёртыми калачами, да, жрецов мало... Но в прошлый раз с такой же по числу армией удалось управиться только с Судьёй, если, конечно, можно сравнивать оккультистов и жрецов. Да и не сражались мы с осквернёнными, как следует не сражались. Мы с подавляющим преимуществом наступали на город и вычищали аморфные группы зомби по очереди. Сейчас же предстояла настоящая битва...

Я почувствовал, что дёргаюсь. Понимать, что надо сделать какую-то вещь, не означает это «надо» принимать. Я фактически обрёл на смерть добрых одиннадцать тысяч человек. Я расписывал Ораю необходимость притащить сюда армию местных, чем подписал большинству из них смертный приговор, но сегодня я привожу этот приговор в исполнение. Конечно, можно обманывать себя, говорить, что мы легко победим, что мы действительно управимся к обеду. Но так не получится, я это чувствовал, не могут жрецы в такой ответственный момент просто бросить в бой кучу пушечного мяса лишь бы задержать нас на пару часов.

Но по-другому нельзя. Наше милосердие — смертная казнь. Моё личное — нежизнь для будущих адептов или «батареек», как будет угодно. Звучит дерьмово, но в данном случае мы действительно меньше из зол.

Я вдохнул тёплый воздух полной грудью. Пахло гарью. Её вонь перебивала даже смрад Скверны и запах крови. Город превратился в сгоревший остов самого себя, каменный скелет, перепачканный сажей. И жизни в нём не больше, чем в скелете — нет птиц, травы, насекомых, кругом полная тишина, лишь слабый ветер да незванные пришельцы были источниками звука. Но тут наш клан сдвинулся с места, и мы стали будто бы комками свернувшейся крови, что потекли пожилам мёртвого тела. Мы были словно жизнотворная бактерия, которая обязана рано или поздно превратиться в колонию, а после переродится в нечто большее, настоящее живое существо, обладающее разумом, чувствами и мечтами. Мы выжгли болезнь из этого места, как сталь прижигает гноящуюся рану. Стали одновременно и лекарством, и самим организмом, которому ранее требовалось лечение.

Я дрожал, ощущая, как на меня накатывают чувства, которые я давным-давно не испытывал — ожидание чего-то нового, надежду. Мы шли в тишине по мёртвой земле, единственные живые существа, которые вот-вот погибнут, чтобы дать этим местам шанс снова стать домом для людей или нелюдей, стать живым, ведь сама местность без населяющего её народа ничего не значит, это просто земля и камни. У нас была лишь надежда обречённых на то, что кто-то придёт после них, чтобы зажить по-настоящему.

Возможно, иногда нужно пожертвовать своей жизнью, чтобы почувствовать, что такое оставаться живым по-настоящему. Каждый в клане чувствовал это. А я лишь должен был убить как можно больше противников. Нет, Комок, я не сдался, я веду борьбу. Я не

собираюсь умирать. Как не собирается каждый из тех двенадцати сотен, что идут со мной. Но кому-то придётся заплатить за жизнь других своей смертью. Дать пройти по своей голове следующему, который, возможно, тоже сложит голову, но даст шанс третьему. Надеюсь, я не буду среди первых двух, иначе приводить в исполнение приговор этому миру будет Комок.

Я плохо помню, как мы вышли из города, прошли по предместьям и вывернули наперерез армии противника. В себя я пришёл уже в тот момент, когда перед глазами замаячил сплошной вал человеческих тел, которые принадлежали уже не людям. Мы стояли посреди вытопанного пожелтевшего поля. Слева река с разрушенным мостом, справа тянется бесконечное поле, позади — развалины храма и двух деревень. Странно, но на этом поле почти не было трупов.

Но скоро их станет очень много.

— Маги! — прогремел Свей. — Приготовиться!

Я смотрел на чёрную полосу исковерканных тел с перекошенными лицами, скрюченными руками и изувеченными телами. Их топот заглушал практически все звуки. Пыль поднялась такая, что почти ничего не разглядеть. Но я видел и чувствовал каждого.

Хозяин Тумана, я сделаю всё, чтобы ты был доволен. Отпущу как можно больше человек.

— Бегом, марш!

Клан сорвался с места. Как обычно — воины впереди, маги позади, охотники с флангов. Вперёд, танкам нужно набрать инерцию, чтобы от натиска врага не сломался строй.

— Маги! Обратный отсчёт! Десять! Девять!..

Фронт проклятых куда шире. Они уже буквально со всех сторон — их фланги двигались быстрее. Хотят совершить охват, образовав котёл? Или большая часть войска просто попробует миновать нас, чтобы ударить по лагерю?

— Три! — орал Свей. — Два! Один!

До армии противника метров пятьдесят. Я вдохнул пыльный воздух.

Пахло сухой травой. Давно забытый запах. Не гарь, не гниль, не кровь. Сухая трава. Или я просто перестал распознавать другие запахи, кроме тех, что так или иначе имеют отношение к смерти?

Армии сошлись.

А потом запахло озоном. В небе бушевала буря. Но та, что разошлась на земле, была ничуть не слабее.

За несколько секунд первые ряды обеих армий смешались в исходящий кровью ком. Где-то за моей спиной ухнуло, задрожал воздух, земля под ногами взбесилась. На центральные и задние ряды осквернённых обрушилась знакомая по битве с оккультистами буря, но жрецы выставили над своими головами сочащийся чёрным гноем щит, принявший на себя всю прорву энергии, что выпустили наши маги. Яркая вспышка света, и оба заклинания взаимоуничтожились, превратившись в облако гари, которое медленно осыпалось на землю крупными хлопьями сажи.

Тем временем началось полноценное землетрясение, почва под ногами проклятых вздыбилась, погребая под собой сотни врагов. В несколько широких разломов рухнули целые ряды противников. Поднятый погибающими визг слился в единый сводящий с ума звук.

Пара ребят из тех, что сражались рядом со мной, упали, их тела искажались и мялись, будто были слеплены из пластилина. Я с ожесточением разрывал, разрубал и сминал тела осквернённых Крыльями и Клинками Тени, стараясь выискать жрецов. Рядом выл Свей,

вырубавший своим бродексом настоящую просеку в рядах врага. Один из найденных мною жрецов умудрился прорваться сквозь Тень, потеряв половину собственной плоти, но я раздавил ему голову голыми руками, превратил его тело в ядовитую бомбу и зашвырнул подальше в толпу осквернённых. Труп разорвался ещё в воздухе, орошая головы жертв настоящим дождём из яда. Заживо разлагающиеся проклятые с нечеловеческими криками валились на землю, где их затаптывали прущие и прущие вперёд орды других проклятых. Репей за минуту расстрелял все свои стрелы и с дротиком в каждой руке держался в моей Тени, стараясь добивать тех, кого не успел я.

Из-под земляных завалов поползли големы, ящерицы и всевозможные черви и змеи исполинских размеров разрывающие, заглатывающие и удушающие осквернённых. Жрецы за пару минут уничтожили эту ораву, но нам со Свеем и несколькими десятками наиболее крепких ребят удалось прорваться в образовавшуюся брешь, отрезать часть противников от общей массы и занять земляной вал, куда начали стягиваться маги, чтобы вести работу по врагу с возвышения. На вторую бурю сил у них уже не было, но одиночные заклинания забирали то одну нежизнь, то несколько в том или ином месте. Но бреши в рядах противника быстро затягивались, а жрецы отвечали собственной магией — из ниоткуда возникали светящиеся двойники Комка, вцепляющиеся в игроков. Закованный в полный доспех воин взорвался изнутри, обдав сражающихся рядом соратников кровью, и почти пустой доспех повалился на землю. Замычал Репей, в чью щеку вцепился слизень, но я успех смахнуть его прежде, чем тот успел убить разведчика.

По рядам осквернённых прошёл стон, и часть из них будто ободрённая этим звуком рванулась в атаку с утроенной силой. Строй воинов, прикрывающих отход к холму магов и охотников, прорвали, с десятков несчастных повалили на землю и принялись рвать голыми руками на части. Удар нескольких смельчаков отбросил назад эту орду и восстановил ряд. Наше войско плавно перетекало из одного места в другое сквозь ряды противника и занимало круговую оборону у холма.

Я с удивлением вслушался в казалось бы бессвязные вопли Свее, которые он издавал, продолжая орудовать уже мечом — топор сломался — и услышал, что берсеркер раздаёт абсолютно чёткие и осмысленные команды отрядам. И его приказы слышали все, даже те, что сражались в сотне метров, несмотря на царящую на поле битвы какофонию звуков. Без этих команд, распространяемых, должно быть, магией нашего короля, битва превратилась бы в бойню стенка на стенку.

— Палач! Спускайся в том месте с холма и помоги остальным! — абсолютно чётко донеслось до моего слуха.

Я направился в указанном направлении. Около двух десятков воинов и вдвое больше магов оттеснили от основного войска и зажимали со всех сторон. Я разодрал на куски двух жрецов, управляющих отрядом осквернённых, и прорвался к нашему отряду. Часть игроков уже полегла, но я с полудюжиной танков и тремя охотниками прикрыл отступление остальных. Они прорывались сквозь порядочно прореженный строй противника, но проклятые превосходили их числом даже на том участке, через который прошёл я. Отряд таял буквально на глазах. Крылья Тени защищали одного, в то время как в десятке шагов осквернённые убивали двух других, заваливая числом, вгрызаясь в открытые участки плоти зубами и отрывая своим жертвам конечности. Маги с вершины холма провели более или менее организованную стихийную атаку, едва не прикончив меня с уже тремя напарниками, но именно этот удар позволил отряду добраться до холма. Я с ужасом заметил, что до своих

добрались только два с половиной десятка человек — меньше половины. Даже я со своими способностями смог спасти лишь горстку людей... А в двух сотнях метров к западу осквернённые разорвали группу из двух дюжин человек, отбившуюся от своих. Но ими Свей пожертвовал, спасая больший отряд.

Я прошёл вдоль нашего строя полсотни метров у подножия холма, но вскоре отступил. На меня бросались проклятые, чьи руки светились белым, голые кости их пальцев рвали Тень на куски, что причиняло мне физические страдания, словно вместе с Тенью рвалась и моя кожа.

— Маги! Три! Два! Один!

Вторая буря, куда слабее первой. Жрецы опять поднимают над своими головами щит, но и он гораздо меньше прежнего. По краям щита толпа осквернённых превратилась в прах и грязь, а через четверть минуты стихия продавила щит из Света и Скверны, выкосила пару сотен проклятых и утихла. За нашими спинами бушевали големы и миньоны. То ли на том конце холма было куда меньше жрецов, то ли они не успевали справляться с призванными, но эта атака возымела куда больший эффект, на пару минут очистив приличный кусок поля от живых проклятых. Но и здесь маги не сумели привести нашу армию к победе — жрецы быстро залатали прорехи и отправили осквернённых в рукопашную.

Отрядам с моей стороны холма приходилось несладко. Свей отошёл на левый фланг отбивать массивованную атаку жрецов, и его место беснующейся в толпе врагов машины для убийства пришлось занимать мне. А осквернённых со светящимися пальцами и глазами становилось всё больше. Трое прорвали защиту из Тени, практически не пострадав, и мне пришлось взяться за саблю. Голова одного развалилась на две половины, второй повалился, лишившись руки и части грудной клетки, а третий вцепился зубами в мои пальцы на левой руке. Моя ладонь выстрелила пастью Комка в его голову, прошив насквозь, но челюсти проклятого размозжили вторые фаланги у указательного, среднего и безымянного пальцев. Я вновь влился в ряды воинов, не давая дрогнувшему ряду развалиться. Заметил, что окровавленного Репья кто-то уносит к вершине холма, но тут же отвлёкся на крупного жреца, пытающегося достать меня костяным копьём.

Всё это время я судорожно выискивал засранца, освящающего осквернённых. Убью его, и о зомби, что рвут Тень, можно забыть. Он должен быть где-то рядом... должен... в ряду врагов, но так, чтобы можно было следить за мной...

Вот он. Вернее — она. Высокая стройная женщина с длинными льняными волосами, торчащими из практически голого черепа, в полусотне метров от наших позиций. Она пару секунд стояла, высоко задрав руки к небу, а после опускала их, будто совершая какую-то молитву. Её распотрошённая правая грудь вывалилась из разодранного жреческого одеяния, в ней кишели личинки, шевелящиеся в гниющем жире, в то время как левая, нетронутая, крепкая и мощная, размером с голову взрослого человека, эротично колыхалась при каждом движении. Её окружали осквернённые, причём большая часть стояла лицом к ней. Один из них сделал шаг вперёд, погрузил пальцы обеих рук в кипящий гной правой груди. Он несколько секунд шарил руками в месиве, его собственная плоть отваливалась с кистей до тех пор, пока не осталась голая кость, после чего осквернённый сжал ладонями левую грудь, и те засветились. Когда он повернулся ко мне, я увидел, что и его глаза сияют тем же светом, что и ладони. Осквернённый исчез в толпе безумцев по направлению ко мне, а его место занял следующий. Всё это продолжалось не больше десяти секунд.

Я растворился в Тени, вызвал как можно больше фантомов, чтобы наш ряд не распался

под напором зомби, и принялся прокладывать себе дорогу к этой жрице. Проклятых с костяными пальцами были уже десятки, один из них прорвался сквозь защиту и вонзил правую руку мне в бок, разорвав куртку и выдрал кусок кожи, но я упокоил его, смахнув саблей голову. До стоящих ко мне спиной осквернённых были уже считанные шаги, но в этот момент дорогу мне преградили ещё две жрицы, держащие в руках короткие деревянные посохи с вырезанными витиеватыми узорами, по которым явно проходили всполохи Света. Они напали на меня с чудовищной скоростью и ещё большим рвением. Я плюнул в одну из них ядом и отступил. Яд начал разлагать кожу на лице моей жертвы, но та, даже лишившись зрения, продолжала наседать, в то время как другая разбивала в клочки один Клинок Тени за другим. Осквернённых вокруг стало меньше (не считая тех, что обступали главную жрицу), будто они давали нам место для поединка, но всё равно продолжали путаться под ногами, вонзая свои светящиеся пальцы в мою защиту. Я налетел на слепую, нанося беспорядочные удары Клинками Тени, но та ловко отбивалась своим посохом.

— Чтобы увидеть твою Тьму не нужны глаза, — сказала мне та, у которой ещё оставалось какое-то подобие лица.

— Мою Тень, — ответил я. — Тень, что превратит твою Скверну в прах и выпьет твой Свет.

Жрицы синхронно пригнулись, готовясь к атаке, а я поднял потрёпанные в бою Крылья Тени. Сейчас они действительно напоминали крылья птицы, а не перепончатые вроде тех, что у летучих мышей — встретившаяся со Светом Тень превращалась в похожие на перья лоскуты.

А время шло. Время кончалось. Короткие вспышки боли в голове говорили о том, что фантомов оставалось всё меньше и меньше. На мою спину попробовали запрыгнуть трое осквернённых с освящёнными пальцами. Жрицы атаковали...

... и в этот момент их от меня отрезала стена огня. Мои противницы пробили её, но я без труда расправился с полыхающими фигурами, уже находящимися на грани агонии. Свей умудрялся следить за всем полем битвы и оказывать помощь там, где она была нужна.

Стена огня опала, и я, в один прыжок оказавшись у ждущих освящения осквернённых, принялся резать их. Первые несколько секунд они не оказывали никакого сопротивления, а когда жрица сбросила свои чары, притягивающие их к себе, было уже поздно. Я ударил её Крыльями в грудь — во все стороны полетели опшётки Тени — и, повалив на землю, принялся кромсать её тело Клинками. Она отбивалась, выставляла защиту, но та быстро пала под моими ударами. Я вонзил жало Комка под её левую грудь и, впрыснув большую дозу яда, начала отступать — со всех сторон ко мне тянулись жрецы, жаждущие мести за свою предводительницу.

— Отступай медленней! — Казалось, что Свей говорит мне на ухо, хотя я чувствовал, что он даже не в сотне метров от меня. — Затягивай, заманивай!

Противник напал толпой. Среди них в достатке было и тех, что успели унести крупицу Света на своих костях. Я закричал от боли, когда одно крыло вырвали чуть ли не с мясом. Я быстро отрастил его, но это стоило больших усилий и отняло слишком много энергии для моих и без того пострадавших запасов.

— Ещё десять шагов. Медленней!

Я стиснул зубы и принялся вычерпывать остатки собственных сил, чтобы выстроить достаточно хорошую защиту вокруг себя и обеспечивать хотя бы полдюжины Клинков, которыми можно было отбиваться от самых настырных противников. Сил едва хватало. Я

испытывал острое желание зачерпнуть силу из своих новообретённых адептов, но это могло прикончить большую их часть — слишком мало в них было энергии, слишком небольшое время прошло с тех пор, как они влились в мою сеть.

— Пять шагов, Доктор. Четыре.

Ни один из осквернённых не мог добраться до меня. Но разорванные клоки Тени будто кровоточили, вытягивая из меня всё больше и больше сил.

— Ещё шаг, Доктор. Шаг.

Я отступил и собрал остатки своих сил, чтобы выставить Щит прямо перед собой. И всё равно едва не ослеп от белого яростного пламени, пожирающего всё в радиусе полусотни метров — в ход пошли тщательно сберегаемые бомбы. Свей берёг их либо для того, чтобы переломить ход сражения в свою пользу, либо чтобы погибнуть, забрав с собой как можно больше противников. Чувствуя, как моя одежда нагревается и начинает тлеть от нестерпимого жара, я опрометью бросился бежать к холму, где можно было встать плечом к плечу с соратниками и хоть немного отдохнуть. Возвращаясь, я заметил, что такой же пожар полыхает ещё в трёх местах.

А ещё обратил внимание, что солнце уже ушло за полдень. Мы что здесь, уже часа полтора сражаемся?

Я не успел встать в строй, как земля под моими ногами задрожала и вспучилась. Я едва успел отпрыгнуть назад, к разрастающемуся благодаря магии пламени, благо там не оставалось противников.

Из-под земли медленно выкарабкивалось нечто. Огромный — метров четырёх в высоту — скелет с многосуставчатыми руками, рёбрами, покрытыми рядами длинных шипов, и головой, собранной, казалось, из десятка разных видов животных и нескольких человек. Когда он выбрался из-под земли до пояса, возникла вторая пара рук, куда длиннее первой, она выростала из спины и вместо пальцев из ладоней торчали шипы с сочащимся ядом. Изогнувшись, скелет одним рывком высвободил нижнюю часть тела и встал надо мной.

— Хозяин приказал забрать тебя, — прощёлкал скелет, шевеля жвалами, хелицерами и клыками нескольких ртов. — Забрать твой труп.

Пара рук на спине скелета с шелестом раскрылась, превратившись в полдюжины жал каждая. Они образовали фигуру, напоминающую сидящего на паутине паука, полностью скрывшись от возможных атак с тыла. Между жалами поочерёдно проходили волны то Тьмы, то Света.

— Больше всего ему нужны левая рука и голова, — уточнил скелет. — Рука ему нужна чтобы стать сильнее, а из твоей головы он сделает чашу, чтобы пить из неё кровь потомков Корда.

С этими словами он напал на меня. Я едва успел уйти от первой атаки. Все семь левых конечностей скелета вспороли грязь и трупы у моих ног и тут же взвились вверх, обдав Щит Тени чёрными парящими брызгами. Щит начал истончаться буквально на глазах — яд и Тьма проедали в нём крупные дыры. Я зашипел от ярости и сделал единственное, что мог — растворился в Тени и принялся кружить около монстра, одновременно стараясь не попадаться ему на глаза (возможно, он мог видеть сквозь Тень) и найти его слабые места. Но между костями можно было разглядеть только пустоту.

Скелет заметался на месте, атакуя наугад. Достать меня он не мог, значит, Тень работает как следует. Но и я ничего не мог ему сделать — мои резервы практически пусты. Слугу Некроманта накрыло несколько заклинаний, но он плевать на них хотел. Огонь стекал

с белоснежный костей, не оставляя даже следа, ледяные глыбы и камни разлетались в пыль.

— Если ты сейчас же не вылезешь из своего укрытия, я начну убивать твоих союзников, — пророкотал скелет, одновременно разнося в крошку голема и разрывая многоглавую змею на куски.

Я вынырнул из Тени слева от него, плюнул в грудную клетку как можно больше яда и принялся отступать, уводя противника от позиций клана. Одновременно я начал пить энергию из своих новых адептов. И сразу же связь с несколькими потерялась — я вычерпал их до дна. Для победы придётся жертвовать жизнями не только чужих людей, но и соратников, слуг. Друзей. Но и я готов пожертвовать ради них всем.

Раны Тени затянулись, по Щиту забегали искры. Я ударил Крыльями по воздуху и взлетел, оставив витать у земли десятки ошмётков-перьев, каждый из которых превращался в уже знакомую птицу с гипертрофированным клювом. Да и сам я изменялся — крылья выросли до огромных размеров, ноги с хрустом согнулись, сапоги порвались, и пятипалые птичьи лапы с саблевидными когтями расправились, поблёскивая серыми искрами. Я раскрыл свой клыкастый клюв, при помощи Тени срастил саблю с правой рукой, превратив её в какое-то подобие изогнутого клинка с неестественно длинным и широким лезвием. Комок расправил десятки пастей, часть из которых начали обвивать моё тело, выстраивая дополнительную защиту из плоти и Тьмы.

Скелет рассмеялся, и я узнал голос Некроманта.

— Ты чудовище ничуть не лучше меня, друг! Думаешь, если победишь меня, сможешь дать этим людям лучший мир? Чем хуже царство Тьмы, где нет эмоции и страданий?

Я каркнул в ответ и взвился в небо. Мне нечего было ответить, а если бы я и нашёл слова, мой клюв пока не был способен произносить слова.

— Твоя паства — чудовища. Не люди, не мертвецы. И ты жертвуешь ими словно какой-то тиран, не обращая внимания на каждого в отдельности. Чьи жизни ты забрал сегодня, чтобы подпитать свои истощённые силы? Думаешь, меньшее зло — это ты?

Полёт на какое-то время заставил меня забыть обо всём. Я висел в глубоком синем небе, не обращая внимания ни на слова скелета, ни на армию осквернённых. В голове воцарилась настоящая очищающая пустота, я словно переродился.

— Этот мир — боль. Сколько мы страдали? Скольких потеряли? Скольких бросили? Бросил лично ты, Палач. Я видел твою чёрную душонку, Палач. Ты винишь себя в том, что была убита Топлюша. В том, что случилось со мной. И ты прав. Она была убита из-за тебя. Я превратился в то, кем сейчас являюсь, из-за тебя. Одиноким безрукий парень, оставшийся без девушки и друга, вот кто я был. Я долго сопротивлялся им, думая, что я хороший человек, но они обещали мне новую руку, могущество и месть. Они показали мне, кто мы на самом деле такие. Куклы, в которых сидит разум, куклы, которых накачивают чужой энергией. Я отказывался считать себя убийцей, предполагая, что действовал из лучших побуждений, что убивал только в целях самозащиты, и только разумных мобов, а не настоящих людей. А всё оказалось наоборот. Нас создали только как машины для убийств, мы — настоящее зло, одно зло из тех, что обрушились на этот мир. Поэтому этот мир должен переродиться. Ни боли, ни эмоций, лишь Тьма и могильная тишина, такой будет новая жизнь этого мира.

Скелет гремел, носясь по полю битвы за мной. Он громил ряды противника, не обращая внимания на жертвы, втаптывал в землю жрецов. Некоторые тяжело падали на землю на землю, разлагаясь на глазах — Тьма растворяла в себе Скверну и гасила в них Свет. Но до меня Скелет достать не мог, продолжая бесполезно метаться по полю и наносить урон

собственным союзникам.

Я повернул голову, чтобы увидеть распростёртые надо мной крылья. Я впитал достаточно силы. Это стоило нескольких сотен нежизней. На первый взгляд Некромант, говорящий через свою игрушку, прав. С другой... кто он такой, чтобы судить меня, и тем более других игроков?

— Глупец, — прокаркал я, с трудом разлепив клюв, и спикировал на скелет. — Жизнь, рождённая без боли — это не жизнь. Жизнь, продолжающаяся без боли — не жизнь. Боли не чувствуют только мёртвые. И камни.

Теперь мы дрались на равных. Пасти Комка перехватили большую часть жал скелета. Одним ударом клюва я разметал на осколки правую ключицу противника, а Единый Клинок Тени заскрёб по рёбрам, проламывая их. Скелет рвал зубами и жвалами Тень, его конечности впивались в моё новое тело, но в них оставались лишь гости перьев, сразу превращающиеся в птиц. Левая рука моего противника захватила горсть пастей Комка и с мясом выдрала их, орошая землю ядом. Я отрастил новые и пустил их между рёбрами Скелета, они ползли по его костям как побеги вьюна, пытаясь раздавить кости. На миг тело игрушки Некроманта превратилось в абсолютную Тьму, и я почувствовал, как она отсекает плоть Комка, перерабатывая её на собственные нужды. Я зашипел и убрал большую часть жал и пастей, оставив только те, что служили для защиты. Наши фигуры будто замерли друг напротив друга, но Тьма и Тень вели беспощадную борьбу.

Осквернённые тем временем предприняли ещё одну отчаянную попытку атаковать, но их потери были чудовищны. Птицы Тени стаяй носились над их головами, и каждая, прежде чем раствориться в Скверне, забирала минимум одну жизнь. Вал осквернённых налетел на холм, но разбился о его подножье и откатился назад. Битва остановилась на несколько мгновений, но тут же вспыхнула вновь, когда пять ударных отрядов спустились на равнину и рассекли армию, окружающую холм, на шесть частей. В живых оставалось не более десятка жрецов, они уже не могли управлять всей массой осквернённых. Да и от этой массы осталась лишь пятая часть. Отряды игроков, практически не сократившись в числе, отступили к основным силам, и проклятая армия вновь качнулась за ними. Несколько десятков осквернённых полезли на холм, но их смешали с землёй за пару секунд, после чего последовала вторая контратака, окончательно смешавшая ряды противника и заставившая их отступить, очищая полосу земли в несколько десятков шагов. Гниль, грязь, кости и трупы — вот чем являлась эта земля, но по ней всё ещё могли ступать живые. Ещё три отряда быстрым броском достигли нестройный ряд противника и при поддержке магов начали громить проклятых.

С титаническим усилием я поднял своего противника на несколько метров над землей. Его жала кромсали мою защиту, иногда добираясь и до плоти, но, потеряв опору, Скелет будто бы начал драться яростней. Я выломал ему уже половину жал, но оставшиеся пробили Крылья Тени и разодрали их. Мы рухнули в грязь, подняв столб брызг, и покатались по сплошному слою трупов. В какой-то момент Скелет оказался сверху, одним ударом ноги он раздавил моё левое бедро, но, вывернувшись, я ударил клювом, превратив его лицо в мешанину из болтающихся костей. С некоторых обломков закапала Тьма, и я понял, что и как питает эту костяную куклу. Ударив Крыльями, я отпрыгнул, наступил на сломанную ногу, едва не упал, но всё же сохранил равновесие. С хрустом переломанные и раздробленные кости становились на место. Скелет тем временем поднимался, уперев все свои конечности в землю. Он тупо мотал головой, расшвыривая обломки собственного тела.

Я схватил один из осколков его челюсти. Сухая мёртвая кость, но внутри неё чётко видно канал, по которую текла Тьма.

— Тебе конец, — с трудом сказал я. Мой противник мотнул головой ещё раз и взвился над землёй в самоубийственном прыжке. Всё, что он мог — нападать. И я принял его атаку, обвинив его тело Тенью.

Я разбил клювом Скелету грудную клетку. С сухим щелчком сломалось его последнее жало. Клыки вцепились в хребет, клюв задвигался, словно пилы. Мощным ударом когтей я превратил бедро и часть таза Скелета в сухую костяную кашу, и он начал заваливаться на бок. Его голова с выданными либо переломанными челюстями едва болталась на шее. Наконец, позвоночник поддался, и в грязь из гнили, крови и земли потекла Тьма. Поднялись облака пара — Тьма очищала землю, превращая её в безжизненный мокрый песок, но Некромант быстро перекрыл канал, питающий его создание.

И тем не менее, я успел быстрее. Я влил в закрывающийся канал весь Свет, что ещё оставался во мне — всё, что успел забрать у Судьи за последние дни. Не нужно было оборачиваться, чтобы разглядеть, как на востоке поднимается высокий столп Света. Звук взрыва не достиг нашего слуха. Но Некроманту и его Замку-из-Костей должно было достаться так, что какое-то время ему придётся зализывать раны. Возможно, это выведет хотя бы одного противника из строя на некоторое время.

— Не троньте их! — прогремел над полем мой голос.

Отряды начали стягиваться к холму, а я раскинул Крылья Тени над полем. Остывшие и лишившиеся всех жрецов, осквернённые потеряли всякий интерес к происходящему и бестолково толпились на поле, кто-то из них уже улёгся в грязь. Их осталось не более полутора тысяч, и я выжрал всех, не обращая внимания на то, что некоторых можно было спасти.

С неба посыпались пепельные перья, теперь уже безвредные. Падая на землю, они расплзались в грязи. Я стоял у холма, босой, в болтающихся лохмотьях, но Тень быстро сращивала их, превращая в закрывающий всё тело доспех. Маска рассыпалась ржавыми лохмотьями, но я создал себе новую, на пример той, в которой проходил первые месяцы — маску чумного доктора. Она прочно срослась с моим лицом и сжала голову своими серыми ремнями.

Вместо Злобы пришло отчаянье. Я чувствовал, как Тьма поглощает меня, чувствовал тоску и чёрную беспробудную безысходность, но какая-то искра Света внутри всё же рассеяла её. Перед глазами на миг появилось лицо Топлюши, таким, каким я его увидел впервые — сквозь прорези для глаз, бледное, немного отстранённое, с жестокой улыбкой на тонких губах. Но эта жестокая улыбка и безумный смех пробуждали во мне и другие воспоминания. О друзьях, ради которых я готов был пожертвовать жизнью. Они мертвы либо изменились, но я-то жив, я продолжаю борьбу.

Потому что перед моими глазами перепачканная в грязи фигура Свея, поднимающая двуручник над головой. Потому что за его спиной клан, созданный с такими усилиями, со столькими жертвами. Шесть с половиной сотен человек — все, кто пережил эту битву, среди них не меньше половины раненых. Но Свей поднимает свой двуручник и кричит:

— Победа!

И стройный хор голосов подхватывает его крик, а вместе с ними кричу и я. И их Свет проникает в меня, поддерживает, успокаивает.

Пускай большую часть я не знаю не то что поимённо, но и в лицо. Плевать. Мы —

королевство игроков. Клан. Большая сплочённая семья. Пусть я лишь урод среди них, но я СРЕДИ них. Мы стоим, попирая поле смерти, пролившуюся здесь кровь, Тьму и Скверну Мы — надежда, жизнь, будущее.

А Некромант, Властелины и Гасп — лишь неприятное настоящее. Но всё проходит, и не каждому настоящему суждено стать будущим.

Я глубоко вдохнул влажный от зловонных испарений воздух, но даже сквозь всю вонь почувствовал запах сухой травы.

Прокричавшись и продышавшись, я окончательно пришёл в себя. Пришло время пожинать плоды победы, собирать раненых и идти к Столице. Судя по тому, что я видел с высоты птичьего полёта, им нужна наша помощь.

Свей уже раздавал приказы, лекари занимались ранеными, воины строились, выкрикивая имена — искали выживших, залатывали дыры, образовавшиеся в рядах из-за убитых. А после тонкой цепочкой игроки начали спускаться с холма. Десятка три тяжелораненых тащили на носилках. Я нашёл среди них Репья и ободряюще сжал его плечо. Рыжий убийца ответил мне слабой улыбкой. Его правый бок был разодран так, что сквозь раны белели рёбра, но он это переживёт.

Раны, какими бы глубокими они не были, заживают на живом теле. На мёртвом — нет. Я когда-то едва не совершил такую же ошибку, намереваясь добить щенка. Сейчас Оскал вырос и охраняет людей, которые ему дороги.

Этого-то Некромант и не понимает.

Голова жреца с хрустом лопнула посередине, коричневый от гнили мозг потёк по его подбородку, но ублюдок, не обращая на это никакого внимания, вцепился мне в плечо и потянул на себя, намереваясь засадить мне в брюхо кривой жертвенный нож. Разрубленный череп восстановился за долю секунды, лишь вылетевший из глазницы левый глаз продолжал болтаться на стебельке. Я впечатал в рожу жрецу левый кулак, щупальца Комка обвили ему голову. Рванул противника на себя, собираясь оторвать его чёртову башку, но жрец упёрся и потянул голову назад, продолжая попытки достать меня ножом. Раздался хруст, и голова моего противника безвольно повисла на сломанном позвоночнике, но тот будто ничего не почувствовал. Он резко качнулся в мою сторону, припал ко мне, пытаясь всадить кривое лезвие под рёбра, но, к счастью, Доспех Тени выдержал — на его серой поверхности лишь осталась чёрная полоса. Я потянул жреца на себя, ударил клювом его в шею. Плоть наконец поддалась, клюв рассёк спинной мозг, и жрец, задёргавшись, повалился на меня. Я отшвырнул его тело за баррикаду и тяжело привалился на полуразрушенную стену когда-то красивого трёхэтажного здания, за которое уже пару часов шла ожесточённая борьба.

Противник, наконец, дрогнул. Пара десятков осквернённых рассыпались по улице, жрецы вновь отступили за стену. И никакой возможности понять, сколько осталось дееспособных проклятых среди десятков трупов, наваленных на улице и полуразвалившейся баррикаде, которую мы с таким трудом воздвигли два часа назад.

Рядом сел Свей. С подбородка берсеркера текли слюни вперемешку с кровью. Должно быть, это уже десятый слой крови, что остался на его светлой бороде за сегодня. Комки спёкшейся крови буквально висели на слипшихся волосах, от чего борода короля напоминала развороченную рану.

— Отошли, — тихо сказал Свей, баюкая свой двуручник на коленях.

— На пару минут, — буркнул я, разминая одеревеневшие мышцы правой руки.

— Как обычно, — пожал плечами король игроков.

— Что там дальше? — спросил я, имея ввиду другие отряды нашего клана, раскиданные по трём ближайшим к внешней городской стене кварталам.

— То же, что и у нас.

Я угрюмо кивнул и поднял лицо к небу. Предзакатное солнце окрашивало стены домов в цвет крови, будто мало её пролилось за последние восемь или девять часов. Но тёплые лучи, упавшие на мою маску, немного меня взбодрили. Повинуясь приказу, маска оголила мой рот и подбородок. Я потянулся за висящей на поясе фляжкой и, сделав три хороших глотка зелья выносливости, протянул её Свею. Тот поблагодарил меня лёгким кивком и жадно вылакал остатки.

— Собираются, — сказал он, бросая фляжку на землю.

Осквернённые снова замаячили в проломе, и на этот раз их было больше, чем в прошлый. Жрецов пока не видно. Я распахнул Крылья Тьмы над участком улицы, где лежало больше всего поверженных противников, но не учуял жизни — они научились прятаться. Плевать. Их атаки заканчиваются кучами трупов, мы же почти не несли потерь. Разве что скоро начнём умирать от усталости.

Идея с заслонами была хороша. Фактически, она была единственным выходом. И жрецы

с Некромантом это понимали. Пока мы втаптывали в грязь одну армию противника, вторая — большая по числу, да ещё и усиленная сотней-другой поднятых мертвецов — шла навстречу обычным солдатам и двум сотням героев. Армии сошлись в полутора часах пути от нашего лагеря, закованные в тяжёлые латы воины катком прошли по осквернённым, разметав их за жалкие полчаса... а потом поняли, что сражались едва ли против двух тысяч зомби с десятком жрецов. Не один я умел открывать порталы. Скелеты Некроманта ценой собственной нежизни пробили проход к городской стене, и пока авангард их армии вырезали под корень, остальная часть войска вцепилась в арьергард армии Судьи, которая уже вошла в Столицу, практически не встречая осмысленного сопротивления. В этот же момент со всех сторон на них обрушились отряды, засевшие в городе. К счастью, подозрительная Судья, не встречающая сопротивления, не бросилась на рожон, а заняла несколько улиц и принялась выстраивать оборону. Благодаря этому мы ещё сражаемся. Это я и увидел с высоты птичьего полёта.

Закончив с первым заслоном, наш клан подошёл к городу. Свей отобрал две сотни самых крепких ребят, оставив остальных оборонять лагерь с горсткой героев, и провёл успешный прорыв в Столицу парой километров западнее основного сражения. Практически никого не потеряв, мы прошли через город, воссоединились с армией Судьи... и уже почти три часа вяжем в изнурительных уличных боях.

Итоговая картина такая — войско обычных солдат с остатками нашего клана и двумя с половиной сотнями героев обороняют лагерь; восточная армия жрецов удерживает внешнюю стену, не даёт войскам из лагеря прорваться к нам, одновременно постоянными атаками поддерживая наш тонус; мы вместе с войском Судьи зажаты со всех сторон, не можем ни прорваться к своим, ни продолжить атаку на город — из-за малого числа войск и большой занимаемой ими территории прорыв противника по одной или двум улицам может стать фатальным. Самое хреновое то, что войска, шедшие на прорыв, не имели практически никаких припасов — планировалось, что мы займём часть города, а еду и воду будем получать из лагеря, чему сейчас немножко мешали одержимые. Чем занимались Корд и Алая — не понятно, впрочем, уверен, что им на южной оконечности Столицы тоже приготовили тёплый приём. Единственной не разыгранной картой с нашей стороны оставались повозки с гранатами, которые сейчас охранялись так, что к ним даже пара микробов не подобралась бы незамеченными. Сколько козырей припасено у жрецов и Некроманта, мы не знаем, а ведь в строю сам сумасшедший Властелин, являющийся нашей целью, и Гасп тоже никуда не делся.

— Доктор, разведай, что там, — сказал Свей, кивая в сторону третьей дома на запад, где кучка осквернённых затеяли странную пляску.

Я кивнул, с трудом сдержав усталый вздох. Зелье подействовало, но довольно слабо, наверное, вышло из наших «подпольных лабораторий», а не из котла Гаи. Я растворился в Тени и, низко пригибаясь к земле, метнулся влево. Прошла какая-то чёртова доля секунды, я едва успел миновать один дом, как что-то впечатало меня в стену на уровне второго этажа.

— Привет, Палач, — прошипела мне в лицо слюнявая клыкастая пасть. — Сразимся на общей территории?

Пасти Комка клацнули пустоту. Я свалился на грудку камней, валяющуюся на раскуроченной мостовой. Правый бок и грудь пронзила боль — я даже не успел сгруппироваться и свалился как мешок, сломав минимум пару рёбер. В мою маску вцепилась семипалая когтистая ладонь, дёрнула её за клюв так, что я едва не откусил себе язык, а

потом вжала мой затылок в стену. Я практически ничего не видел. Отмахнулся наугад саблей, но, кажется, попал в кого-то — раздался короткий вздох, кривая тощая лапа отпустила моё лицо.

— Дальше в Тень, — прошипел враг мне на ухо, и я почувствовал, как проваливаюсь куда-то.

Солнце исчезло, воцарился полумрак. Дома и баррикада стали полупрозрачными, кругом вяло копошились фигуры лишь отдалённо смахивающие на человеческие, не понять, где враг, а где друг.

Впрочем, враг рядом со мной. Его скрюченная нескладная фигура мелькала то тут, то там с такой скоростью, что я не мог его толком рассмотреть.

— Дальше в Тень, — повторила тварь.

Я ощерился и шагнул в ту сторону, где противник был долю секунды назад, намереваясь зацепить его Крыльями Тени... и понял, что Тень тает. Она буквально растворялась в окружающем полумраке, переставала мне подчиняться.

Мой противник на миг замер, и я успел его рассмотреть. Это был человек, когда-то. Урод, ошибка природы. Череп гидроцефала, будто изломанное тощее тело, семипалые ладони, ступни же наоборот — атрофированные культы, из-за чего ему приходилось перемещаться на каком-то подобии четверенок. Тень изменила его — на тонких костях вились толстые жилы, из узкой кривой челюсти торчали клыки, пальцы оканчивались острыми когтями. На короткий промежуток времени я испытал острый приступ жалости. Но жалостью драки не выигрываются. Я видел его суть, такую же уродливую, как и тело — сотни убитых людей, которых он подстерегал в Тени, десятки изнасилованных женщин, воспользовавшись которыми, он бросал их сходить с ума и умирать в муках в царстве Тени, возвращаясь к ним время от времени, чтобы продлить и усилить их агонию.

— Я всю жизнь в Тени, — прошипел урод. — Я знаю о ней то, чего не знаешь ты.

— Бла-бла-бла, — с издевкой сказал я, — бедный ты несчастный. Родился уродом, в детстве почему-то не задушили, вырос, возненавидел мир, решил его уничтожить. Не мог просто повеситься, когда осознал свою ущербность?

Гидроцефал истерично взвизгнул и набросился на меня. Но я уже выпустил Комка и взялся за саблю. Мы схлестнулись. Моя растрёпанная и рваная одежда не давала никакой защиты, а Доспех растаял, но и мой противник был абсолютно голым. Жало Комка оставило на его лице длинную глубокую царапину, которая вмиг задымилась от яда, а я отступил, обливаясь кровью из разорванной щеки. Плоть неестественно сильно болела, прикоснувшись к ране, я понял, что она уже загноилась. Будет шрам похлеще того, что едва затянулся на подбородке.

— Ну, — сказал я, — давай, вымести на мне свою злобу, свою ненависть ко всему человечеству. Или кишка тонка нападать на сильного противника?

— Ты у нас что ли сильный? — прошипел урод и метнулся в сторону.

— Я.

Он не успел закончить движение, когда я впечатал колено ему в солнечное сплетение.

— Моя Тень может заиграть багровыми красками, — прошипел я ему на ухо и высвободил Злобу наружу.

Сабля со звонким свистом врубилась в его правую культю, отсекая недоразвитую ступню. Когти уroda разворотили мне левый бок, но я успел охватить его голову щупальцами Комка и сдавил. Противник задёргался, в панике пытаясь оторвать мою руку от своей

головы, но я сдавливал её всё сильнее, параллельно кромсая узловатое тело саблей. Его кости были крепкими, но плоть легко от них отходила. Он на глазах слабел от кровопотери, а в определённый момент не выдержал его череп. Голова лопнула, забрызгав меня с ног до головы своим содержимым — какой-то жижей, совершенно не похожей на мозг.

Я отшвырнул бездыханное тело и огляделся. Отсюда надо выбираться. Я закрыл глаза и с трудом призвал крупницы Света, что ещё теплились во мне — Тень нужно развеять. Это заняло много времени, должно быть, минуты...

Я вновь оказался в обычном мире. Израненный, в лохмотьях, с одной саблей. Я стоял посреди бури. Своей одним ударом разрубил жреца от макушки до паха, правая половина его тела упала на меня, словно какой-то сломанный манекен, свалив с ног. Я ударился виском об острый камень, в рот набилась кровавая грязь. Кто-то наступил на мою голую ступню, едва не раздавив её. Я призвал Тень, но ту ещё рассеивал Свет.

А над нашими головами всё быстрее и быстрее поднимался чёрный столп. Зависнув над тремя или четырьмя кварталами, он замер на секунду, после чего по всей его поверхности прошла дрожь...

...Столп лопнул, заливая всё Скверной.

Мир будто замер. Низко стелился чёрный дым, его запах, смешанный с запахом крови и грязи, щекотал ноздри. Из соседней улицы вытекал целый поток кипятка, смывающий и разбрасывающий осквернённых. Голем, составленный из булыжника мостовой и кирпичей, размазывал по стене двух зомби, уже окончательно превратившихся в кровавую кашу, но каменного воина это не останавливало. С одной стороны баррикады толпились воины, с другой на неё ползли упорные и бесстрашные осквернённые. Жрец вышагивал по свободному участку улицы к засевающим за домом кастерам, его руки были по локоть в крови, а в правой он держал кусок сердца, от которого отрывал острыми зубами кусок за куском. Я стонал, пытаясь призвать хоть крупницу Тени на свою защиту, и та откликнулась, но слишком медленно — я чувствовал, как под одеждой появляется доспех, но полупрозрачный, способный разрушиться от одного неосторожного чиха.

Я выставил вперёд руку с раскрытой ладонью, будто пытаюсь защититься от чёрного потока, льющегося в мою сторону. Секунда, и он захлестнул меня с головой, отбросил к баррикаде, размазал по камням, продержался несколько секунд и схлынул, оставив после себя чистую мостовую с обглоданными костями. Эта Скверна разъедала мертвечину, но живым пришлось куда хуже. Я с трудом поднялся, чувствуя горький вкус за зубами, голова шла кругом.

Впервые за долгое время я был абсолютно спокоен. Даже умиротворён.

Я взлетел на баррикаду и вцепился скрюченными пальцами в первую попавшуюся цель. Мои выросшие клыки впились в шею жертвы, я чувствовал как твёрдая мёртвая плоть поддается, наполняя мой рот свернувшейся кровью и мерзким склизким мясом, и сжимал челюсти всё сильнее. Пасти Комка сняли с жреца, попавшего под мою яростную атаку, лицо, выдрали ему левую руку, но тот, будто очнувшись, начал отбиваться. Крепкие пальцы вцепились мне в волосы. Рывок чудовищной силы оторвал мою голову от шеи жертвы. В моё солнечное сплетение уткнулось что-то твёрдое, кажется, локоть неестественно вывернутой левой руки, и надавило так, что я почувствовал, как хрустят рёбра и выгнувшийся позвоночник. Жрец отлепил меня от своего тела и швырнул в ближайшую стену. Удар пришёлся на левую руку, с громким щелчком моё плечо вылетело из сустава, а из предплечья высунулся острый осколок кости, похожий сейчас на окровавленный клык. Я кулём

повалился на камни, но сразу же вскочил на ноги. Плевать мне было на всё, я должен был убивать.

«Нет, так не пойдёт», — сказал мне Комок.

Я на миг остановился. Этот ублюдок всё ещё во мне. И никто не может знать, насколько сильно я ненавижу его. Я вытащил из «кармана» саблю, с трудом вытянул вперёд левую руку, намереваясь отрубить её, но чёртов жрец помешал, ещё одним ударом отравив меня на мостовую. Сабля со звоном отлетела куда-то в переулок, и я, даже не пытаюсь подняться, вцепился в руку зубами, стараясь её отжевать.

«Придётся тебя подвинуть, Палач».

Я зашипел в ответ, чувствуя, как собственная кровь придаёт мне силы.

Это было куда больнее любого удара. Боль, пронзившая всё моё тело, от макушки, до самых пяток, каждую жилку, каждую нервную клетку. Боль, заставляющая моё тело выгибаться, глаза вылезать из орбит. Боль, остановившая моё сердце на миг, убившая способность мыслить.

Она ушла, и я почувствовал, что нахожусь в клетке. В тюрьме из плоти. Холодной камере пыток, которую ещё недавно именовал собственным телом.

— Так не пойдёт, — сказал Комок моими губами.

Кость захрустела, становясь на место. Одно из щупалец удлинилось и выхватило откуда-то из-за угла саблю.

— Вы должны сражаться, — произнёс Комок и, наклонившись, прыгнул в самую гущу бойни. — Иначе Мать погибнет.

Он забрал у меня тело, но вернул способность мыслить. С нарастающим ужасом я наблюдал за тем, что происходило в драке, и чувствовал всепоглощающее отчаянье, усиленное ощущением того, что я не мог контролировать своё тело.

Я услышал знакомый полукрик-полувовай-полусмех. Если бы тело сейчас не контролировал Комок, мои волосы встали бы дыбом. В прошлый раз подобные звуки издавал один клан лидер, сейчас другой. Это были абсолютно разные люди с разными целями и жизненными приоритетами. Их объединяло одно — безумие берсеркера, поддавшего действию Скверны.

Комок нашёл Свея глазами. Король людей стоял на груде тел и с хохотом рубил на куски Крыса, который, уже имея несовместимые с жизнью раны, пытался ткнуть своим коротким клинком берсеркеру в глаз. Окровавленный меч взвился в воздух последний раз и опустился, верхняя часть тела Крыса отлетела в сторону, а нижняя — всё, что ниже пупа — повалилась на камни. Свей завыл ещё раз и спрыгнул со своей баррикады, чтобы в два удара превратить полдюжины осквернённых в дёргающиеся обрубки.

— Они слишком слабы, — сказал мне Комок, — все ваши игроки. Ты единственный, кто мог бы сопротивляться, но у тебя не было сил.

Комок кружил около едва не убитого меня жреца, методично превращая его тело в голый скелет. Жрец предпринял отчаянную атаку, но запнулся о собственные кишки, грудой свисающие из вспоротого в двух местах живота, и повалился на мостовую, минуту назад чистую, но уже покрывшуюся кровью. Комок в два удара сабли добил жреца и рванул на баррикаду, уже практически целиком заполненную кишками проклятыми.

— Они стали сильнее, когда пролилась Скверна, — заметил Комок. — На ваше счастье у неё не избирательное действие — поддавшиеся её действию игроки бросаются на каждого встречного, благодаря этому наши враги ещё и не прорвались. Вот если бы игроки принялись

убивать только других игроков...

Сабля снесла голову жрице, которой, наверное, едва исполнилось двенадцать, когда Скверна поразила её, босая нога отправила её в грудь мертвецов.

— Тень меня не слушает, — с сожалением сказал Комок, и это была первая эмоция, прорезавшаяся в его голосе. — Всё-таки ты добился кое-какого успеха.

Комок разметал группу осквернённых,седающих на визжащего как гигантский боров Своя, и одним мощным ударом рукоятью сабли отправил короля игроков в глубокий нокаут.

— Надейся, что он очнётся в тот момент, когда уже будет в себе.

Два жреца набросились на нас как собаки на кусок мяса, но Комок невероятно быстрыми и отточенными движениями щупалец превратил их в стоящие на коленях костяные статуи.

— Да уж, я бы лучше управился с твоим телом, не будь ты таким упрямым.

Комок спрыгнул с баррикады, врубился в толпу осквернённых и практически сразу отошёл назад, оставив после себя груды тел.

— Что, выродки, кишка тонка взять настоящего сына Тьмы?

Щупальца выстроились в несколько концентрических окружностей, раскрыли пасти и одновременно выхаркали в прутьях от стены осквернённых несколько литров яда. Даже в царящей какофонии звуков прорезался вой разлагающихся жертв, вонь их дымящегося мяса едва не вывернула наш желудок наизнанку. Но именно эта атака возымела действие. Ряды осквернённых смешались, зомби затоптали собственных жрецов и в панике отпрянули назад, мешая новой партии нападающих продолжить атаку.

— Ну, ублюдки! Давайте! Давайте, мать вашу, сраные выродки! Ваше существование оскорбляет меня, оскорбляет мою Мать. То, что вы топчите землю — уже преступление! Идите ко мне!

Осквернённым негде было развернуться на тесной улице. Те, что потеряли жрецов, бестолково мотались из стороны в сторону, оставляя свою разлагающуюся плоть на ещё незатронутых ядом зомби, из-за чего и те начинали дымиться и теряли контроль над своим телом. Наконец, жрецы бросили заражённых, оставив их медленно умирать на развороченной мостовой среди обломков и камней, и отвели остатки своего войска к стене.

— Мы справились, — с едва ощутимым довольством в голосе проговорил Комок, — но на других улицах, думаю, не всё так гладко. Твоей Судье нужно будет...

Нам в спину ударил горячий порыв ветра, едва не сбив с ног. А за ним словно по цепной реакции начали вырастать столпы Света, один за другим взмывая над крышами. Комок попытался уйти от удара, но угодил прямо в центр одного из столпов. Он взвыл в агонии и юркнул куда-то в самые закутки моего тела, оставив меня корчиться от боли на покрытых грязной жирной сажой камнях.

Следом за столпами по улице промчался сплетённый из Света таран, разметавший не успевших отойти за стену осквернённых. Мне он вреда не причинил — послушная Тень уже закрыла моё израненное тело в Доспех. Но боль не ушла, наоборот, она нарастала — болела каждая сломанная кость, каждый отбитый кусок мяса на моём теле, каждая сведённая судорогой мышца.

Хуже того, ко мне вернулись мои кошмары, только происходили они наяву. С зимы прошли уже месяцы, но я видел картинки, появляющиеся в моей голове, так, будто они происходили сейчас. Это были тёмные и кровавые воспоминания об охваченных безумием городах, о сумасшедших людях, что встречались на моём пути сквозь заснеженные

предгорья. О снеге и льде, что были красны от крови и черны от сажи сторевших домов и людей. О бесконечном холоде и голоде, о тёмных ночах, наполненных криками и стонами людей, убивающих друг друга.

От этого кошмара меня отвлекла Инча. Она вцепилась в мои плечи и трясла так, что я бился затылком об камень. С невероятным, нечеловеческим усилием я заставил себя перестать кричать. Наверное, это было что-то схожее с истерикой, только вместо слёз был крик боли.

— Что здесь произошло? — рявкнула мне в лицо друидка.

— Лопнул сосуд... — просипел я и болезненно закашлялся — связки были сорваны. — Скверна... — Инча отстранилась, и я с трудом поднялся, опираясь на правую руку — левая не слушалась совершенно.

Баррикаду уже занял отряд в десяток героев под предводительством Стеры. Ещё несколько человек принялись методично стаскивать убитых игроков к баррикаде — трупы тоже неплохой материал. С соседних улиц слышались крики, но и там бой уже заканчивался.

Рядом тяжело стонал приходящий в себя Свей. Его рвало кровью. Среди обломков и выгоревших до костей тел осквернённых медленно и тяжело вставали выжившие — пара воинов, охотник. Кто-то кричал от боли из-за угла, значит, и кому-то из магов удалось пережить эту атаку.

— Господи, — простонал Свей, — что это было?

— Безумие, — прошелестел я в ответ.

Я подошёл к одному из погибших и, сорвав с его пояса фляжку, принялся лакать зелье выносливости, даваясь и едва не захлёбываясь. Напившись, я протянул флягу Свею, но тот отстранился от меня словно от прокажённого.

Нет, не так. Словно он был прокажённым.

— На, — каркнул я и насильно сунул ему фляжку. — Или от драки отдохнуть решил? Здесь больничных нет. Или думаешь, что они успокоятся ночью, когда наступит их время?

Свей пустыми глазами уставился на фляжку, но через пару секунд всё-таки принялся пить. Зелье вперемешку с кровью текло из дыры в его правой щеке и казалось почти чёрным в предзакатных лучах солнца.

Я с трудом вдохнул полной грудью и, пошатываясь, побрёл к баррикаде.

— Нет, — Инча выросла передо мной буквально из-под земли, — вам действительно нужно отдохнуть.

Я поглядел в сторону стены. Полсотни осквернённых и десяток жрецов строили какое-то подобие щита, собирая валяющиеся на земле кости и сращивая их. Готовят очередную атаку.

— Иди. — Друидка толкнула меня. — Сейчас от тебя никакого проку.

Я подошёл к Свею и тяжело опустился на мостовую. Берсеркер плакал, закрыв лицо ладонями.

— Разрешили отдохнуть, — сказал я и закрыл глаза. Хотелось спать...

... Меня грубо дёрнули за плечо. Я резко сел, хрустнув позвоночником.

Шёл дождь, было темно хоть глаз коли... было бы темно, если бы в паре кварталов южнее не полыхал пожар.

— Пошли, — резко произнесла Судья. — Корд и Алая просят тебя.

Я оглядел улицу в поисках берсеркера, но не нашёл его. Баррикада окончательно превратилась в мешанину из камня и изломанных человеческих тел, но пока никто не

торопился брать её штурмом. Подцепив с пояса фляжку, я промочил горло и заспешил следом за торопящейся к центру города Судьёй.

Улица действительно была практически пуста, причём, складывалось впечатление, что уже несколько часов. То тут, то там лежали трупы, в некоторых домах я чувствовал присутствие жизни, но не мог определить находятся ли там кто-то из союзников или это осквернённые, которые в таком количестве никакой угрозы не представляли.

— Что произошло? — спросил я, нагнав Ораю.

— Часа четыре назад, сразу после заката, жрецы и одержимые напали на нас серьёзно. Думаю, тысяч десять кукол и не меньше тысячи кукловодов. Мы использовали гранаты, усиленные магией.

Судья кивнула куда-то в сторону. Поглядев туда, я увидел начисто разрушенные дома. Сделав ещё несколько шагов, мы очутились на забитой обломками и камнями равнине. Несколько кварталов просто сравняло с землёй. От нападавших не осталось и следа.

— Всё кончилось за полчаса, — продолжала Орая, осторожно пробираясь по покорёженной и заваленной камнем мостовой. — Развернувшись, мы смяли армию, отрезавшую нас от лагеря. К этому времени подошёл Корд с полутысячей своих людей — остальные отвлекают жрецов, удерживая несколько кварталов в юго-восточной части города. Сейчас большая часть людей там, здесь остались лишь часовые... и лучшие из лучших.

— Каковы потери?

— Хуже, чем я ожидала, но лучше, чем могло бы быть. У нас осталось полторы тысячи героев, около трёх с половиной тысяч игроков и тысяч шесть солдат. Половина небоеспособна как минимум пару дней.

Я в полголоса выматерился. За день погибло около шести тысяч человек, ещё почти тысяча за прошлые дни. И из одиннадцати тысяч выживших половина изранена и истощена.

— Сколько всего людей у Корда?

— Не знаю. Привёл он пять сотен, я же говорила.

Пройдя через руины, мы вышли на широкую и почти непострадавшую улицу.

— Артерия, — сказала Судья, — так она называется. Это главная улица всего мира, ведущая к его Сердцу.

Мы шли мимо величественных зданий, единственными обитателями которых сейчас были осквернённые, оставшиеся без жрецов. Я раскинул Крылья и начал «есть» — обращать несчастных не было времени. Судья, почувствовал это, вздрогнула.

— Никак без этого? — спросила она, не поворачиваясь.

— Я весь день сражался. А того, что успел накопить за время сна, недостаточно. Или мы идём просто поговорить?

— Нет, мы идём штурмовать главный храм Корда. В этом районе Столицы только он ещё и держится, да резиденция Императора. Мы думаем, что Властелин, заваривший всю кашу, во дворце.

— Вот и не отвлекай, нам ещё храм и императорский дворец штурмовать.

Ещё через два квартала началась зона активных боевых действий. Незнакомые игроки и герои в странной одежде зачищали здания, строили баррикады и отражали неуверенные попытки осквернённых напасть. На нас бросали хмурые взгляды, впрочем, несколько героев всё же сдержанно поприветствовали Судью. До меня никому дела не было.

Вскоре мы вышли на большую площадь, в дальнем конце которой стояла группа из двадцати человек. Половину я знал — это была гвардия Судьи, Свей, Синий Господин,

Игрок и Алая. Вторая половина явно пришла с Игроком, причём, половина из них была игроками. В их руках было оружие, от которого за километр разило невероятной разрушительной мощью.

— Наш спящий Палач, — оскалился Игрок, опираясь на уродливый двуручник. — Познакомься — мои ребятки. Мои ребятки — Палач.

— Двадцать два человека? И это всё? — спросил я, игнорируя «ребяток» точно так же, как они игнорировали меня.

Алая рассмеялась, хотя казалось, что закаркала.

— Вот он храм, — сказала она, указывая на небольшое двухэтажное здание, находящееся на выложенном мрамором холме. — Два этажа вверху над землёй, три под землёй. Куда тебе больше народу? Двадцати двух достаточно.

— К тому же, — усмехнулся Игрок, — нас там ждёт ровно двадцать два противника. Не находишь, что так будет честно?

— Я нахожу, что вы больные ушлёпки, — ответил я. — Что я хотел бы оторвать твою ухмыляющуюся башку и сыграть ей в футбол, но, мать твою, если я так сделаю, для ровного числа нам придётся позвать ещё одного игрока, а мне лень ходить.

Игрок расхохотался.

— Вот таким тебя люблю я. Давай отложим этот вопрос до того момента, как я буду в форме. — Он похлопал по висящему за его спиной мешку. — Доченька, ты готова?

— Да, папочка. — Алая с надсадным стоном подняла с мостовой абсолютно целый молот Корда и взвалила себе на плечо. — Ну, чего встали, приглашения ждёте?

Мы двинулись к холму. Посреди больших мраморных плит нашлось несколько лестниц, таких узких, что по ним мог пройти только один человек, но, к счастью, нам никто не мешал. Поднявшись к храму, мы вновь сгруппировались.

Должно быть, храм был пережитком старых времён, когда Столица являла собой крохотный городишко или даже группу посёлков. Это было древнее здание, сложенное из грубого и практически необработанного камня, с большими щелями между единственной дверью из окаменевшего дерева и створками. Уродливое и мрачное здание.

— Это место построил Гасп, — сказал Игрок. — Здесь же он впервые познал Бездну Творения. Предварительно ему пришлось запытать до смерти всю свою первую семью, частично съесть их тела... Но своего он добился — созданный им гомункул питал его силой, с которой он мог управлять людьми, растениями и природой. Тогда его хватало только на то, чтобы призвать дождь или вылечить болезнь... но гомункулов вскоре стало больше, а в какой-то момент он научился обходиться и без них и забыл про этот способ получения энергии... до поры до времени. Будет символично, когда он, лишённый практически всех своих сил, обретёт здесь свой конец, в месте, где всё началось.

Игрок высадил дверь плечом и ворвался в храм.

— Чисто! — сказал он через пару секунд. — Видать, собрались внизу.

Мы вошли в низкую залу, занимающую весь первый этаж. Чисто здесь не было, наоборот, весь пол был усеян останками, на стенах привычно висели жертвы, большая часть ещё живая. Игрок, поморщившись, дёрнул плечом, и жертвы замерли, а я почувствовал дополнительный энергетический канал, тянущийся от Игрока ко мне.

— На здоровье. В конце комнаты лестница, нам туда.

Для того чтобы освободить проход, нам пришлось оставить своё оружие и поработать руками. Мы свалили тела рядом с грубоватой каменной дырой, за которой виднелись кривые

и узкие ступени, так же заваленные осквернёнными телами.

Пока мы работали, Игрок делился со всеми воспоминаниями:

— В этой комнате Гасп принимал просителей. На втором жил. Там всегда была куча еды и женщин. В подвале же он проводил опыты и содержал источники своих сил. Я так к нему и попал, ха. Благородный король из маленькой северной страны, которую захватили южане. Я просил у него силу и людей. Он не отказал, но сказал, что я должен буду прослужить ему десять лет. В какой-то момент мы подружились. — Игрок искривил губы. — Я всегда хорошо охотился, хорошо дрался, был большим выдумщиком в плане развлечений и трахал девок так, что те пищали от удовольствия. Но о тех пяти годах я вспоминать не хочу. Про подвал я узнал на девятый год своей службы, когда меня, живого только благодаря магии, приволок туда Гасп. С тех пор всё как в тумане, хорошо помню только последние лет сто. Но это временно.

Я нырнул вниз по лестнице, запрыгнул на груды тел, лежащих у её подножия, и скатился на неровный каменный пол. Нижний этаж представлял собой пещеру естественного происхождения с минимальными следами обработки — тут немного выравнена стена, чтобы было где развешать приспособления для пыток, сейчас отсутствующие, здесь стоит пара опрокинутых деревянных колод. В центре пещеры дыра, из которой торчит толстенная лестница. Я осторожно заглянул в эту дыру, но никого не почувал. Впрочем, немудрено, это место было настолько пропитано магией, что я мог верить только своим глазам. Способности, судя по всему, тоже придётся использовать только те, что годятся для ближнего боя.

Я обошёл пещеру и, так ничего и не найдя, крикнул:

— Чисто!

Вскоре спустился весь отряд. Ирок огляделся, вздохнул, и сказал:

— Здесь он делал артефакты из органов, зачаровывал людей и животных. В общем, занимался всякой мелочью. Основные работы проходили на втором этаже. А на третьем у него был тайник два на два метра да три в глубину, эдакий колодец, куда он складывал самые удачные образцы и перспективные отходы. Там Корд оставил изменённую Алу... а после и Гаспа. Там он попробовал убить старого бога и стал грудой кишок. Там вернулся к жизни я. — Он тяжело перевёл дыхание. — Что ж, на этот раз, пожалуй, первым буду я — обороняющимся просто больше негде ждать нас, кроме как на втором этаже пещеры.

С этими словами он поудобней перехватил свой двуручник и нырнул в дыру. Сразу же послышались крики и звон оружия. За ним следом бросилась Алая, кто-то из «ребятков», Судья, а за ней спрыгнул я.

Пока я летел до пола ко мне в голову пришла единственная мысль — здешние потолки максимум в два с небольшим метра, Игроку едва ли не наклоняться приходилось, как он собирается драться здесь двуручником? Да и у Алой совсем не маленький молот...

На втором уровне подземелья царила полная неразбериха. По пещере металась десятка полтора уменьшенных копий двуручника Игрока, сам он с упоением лупил затылком о стену какого уродца, упирающегося ему в грудь ногами. Алая забросила молот и металась между тремя противниками, её тело размазывалось в пространстве и искажалось, руки деформировались в клинки, а кольчуга превратилась в тучу мелких железных мух, которые отвечали на каждую атаку электрическими разрядами. Судья замерла, воздев руки к потолку, а к ней бежали не меньше полутора десятков противников. Пещера была маловата для драки сорока четырёх человек, но выбирать не приходилось.

Меня ослепила вспышка Света, я упал на ступни, завалился на бок, откатился и встал в защитную стойку, выпуская Комка. На меня сразу же набросился противник — высокий жрец, с почти голого скелета которого свисали полосы чужой кожи. Я ударил его несколькими Клинками Тени, но те сломались о его странный доспех. В какой-то момент запахло жареным, и я увидел дымящееся тело, лежащее на неровном полу — не повезло кому-то из «ребят». Жрец неуклюже бросился на меня, выставив вперёд ладонь с растопыренными пальцами, я принял его удар Теневым Щитом. Тот заскрипел бы, если бы был вещественным, но выдержал, и я отшвырнул жреца, повалил его на пол ударом Крыла и принялся терзать его доспех пастями Комка, одновременно поливая ядом.

В этот момент смрад горящего мяса исчез. Вернее, его переборола другая, ещё более жестокая вонь. Синий Господин, пьяный настолько, на сколько человек вообще может быть пьян, едва стоял, держась за лестницу, и, надув щёки и сложив губы бантиком, дул. Когда его перегар заполнил всю залу, Господин, с трудом вдохнул и издал резкий крик. Каждый из двадцати двух противников в пещере вспыхнул неровным синим пламенем. Маг пьяно расхохотался и свалился на пол лицом вниз.

Жрец, с которым я сражался, замер. Ударом закованной в Тень ступни я раздавил его голову и бросился на поддержку Судьи — ей сейчас приходилось хуже всего.

Гая перекинулась в ту полужвериную форму, в которой сражалась с предводительницей ведьм. Вот только теперь её аура переливалась не всеми цветами радуги, а чёрно-бело-коричневой смесью Света и Скверны. Старуха не выдержала всех испытаний за этот день и поддалась, что не мудрено. Ораю отступала от неё и ещё одного противника — двухголового уroda с необъятным туловищем и каменным молотком в единственной руке, на месте второй змеилась хищная пасть, наполненная человеческими клыками. Судья могла драться, но почему-то отступала... Хотя, понятно — почему.

Я налетел на Гаю сбил её с ног и заключил в кокон из Тени. Старуха разбила его тремя ударами своих сухих кулаков и, издав жуткий визг, набросилась на меня. Я насадил её на одну из сабель, что когда-то принадлежали её жениху, ударом Крыла повалил на землю и, взяв вторую саблю, принялся рубить её тело на куски. Старуха попробовал подняться, но я сбил её ещё одним ударом, едва не размазав по полу.

Бой шёл с переменным успехом. Свей вцепился в невысокую жрицу и пырлял её длинным ножом, пока один из «ребят» вколачивал в её тело уже третье короткое копье. Мёртвый валялся на полу бесформенным кулём, походило на то, что его просто сломали пополам, а потом ещё и как следует потоптались по телу. Кремень бесцельно бродил по зале, пока не запнулся о валяющееся на полу тело и не упал — у него не было височной кости и половины головы, изувеченный мозг с тихим хлюпаньем вывалился на камень. От «ребят» осталось всего шесть человек. Алая, постанывая, отползала к лестнице — ей оторвали правую руку, от доспеха из железных пчёл ничего не осталось.

Плевать. Нужно делать то, что начал. Мы не должны проиграть из-за того, что я не доделал свою работу. Я с остервенением врубился в плоть Гаи, и кость её правого предплечья, наконец, поддалась. Вторым ударом я отсёк её руку, а потом с тяжёлым стоном напряжения пронзил насквозь голову. Тень задрожала раны и проникла внутрь головы ведьмы. Через миг череп старухи раскололся на пять частей, и Гая, наконец, замерла.

В этот момент мне в спину прилетело так крепко, что доспех из Тени едва выдержал.

— Ублюдок! — визжала Инча, её лицо перекосилось, изо рта текла слюна. Я заметил, как по её шее поднимается Скверна, превращающая белую гладкую кожу в бугристый

гнойник. — Предатель! Мама говорила мне... Говорила!

Она швырнула в меня ворох амулетов, которые на лету вспыхнули несколькими цветами. Я поднял Щит, но те его миновали, врезались в Доспех и взорвались, отшвырнув меня в дальний конец пещеры. Я с невероятным трудом поднялся на четвереньки. Из рта, носа, глаз и ушей текла кровь, капая на камень. Правая рука подкосилась, и я упал лицом на камень. Повернув голову, я понял, что моя правая рука превратилась в сплошную вывернутую наружу рану.

— Твоя сперма, помнишь, предатель? — прокричала Инча, вытаскивая из поясной сумки ещё два амулета. — Помнишь, как дал её мне? Как я высасывала её там, в лесу? Как ты...

За её спиной появилась Алая. У неё уже было две руки, причём правая явно ещё несколько минут назад принадлежала мужчине. Поднятый под самый потолок молот Корда плавно опустился Инче на затылок. Друидка пошатнулась вперёд, но не упала. Алая подняла молот во второй раз — камень отбойника был в крови и прилипших волосах — и опустился между лопатками поддавшейся Скверне друидке. Инча повалилась на пол, и Алая размозжила ей голову третьим ударом. Падчерица Корда бросила молот, ухватила тело Инчи за руку и потащила ко мне. Пока она проделывала этот путь, я едва смог сесть, привалившись к стене.

— Нет времени, — сказала она, бросая труп к моим ногам. В её руке появился кривой нож. — Но ты не боишься шрамов? — Она сняла кожу с руки Инчи и приложила к моей правой руке. — Немного пощиплет.

Мою руку будто опустили в чан с концентрированной серной кислотой. Я зашипел, тело непроизвольно выгнулось. Но вскоре боль отступила, превратившись в терпимую. Нет, рука не зажила, она по-прежнему оставалась распухшей раной лишь кое-где затянутой чужой кожей, но я мог ей пользоваться. Я заключил своё тело в Доспех и подобрал выроненную саблю. Алая уже выгрызала глотку высокому красивому парню с перевязанными крест-накрест глазами. Парень пытался достать её короткой саблей, но моя союзница вертелась и пританцовывала вокруг него, погружая в его тело то зубы, то скрюченные пальцы с отросшими когтями. Я обошёл парня, подрубил ему правую ногу, толчком пятки в крестец отправил его на пол и оставил Алой.

Судья издала выкрикнула что-то вроде «осуждён, поддайся Свету», и двухголовый упал на колени, подставляя шею под удар бастарда. Игрок с отвратительным звуком разорвал пополам своего противника. Свей с могучим криком раздавил тонкие ладони жрицы, а один из «ребят» вместе со Эшкой утыкали её тело стрелами, вонзая их прямо руками. Замер противник Алой, и падчерица Корда подняла к потолку окровавленную пасть, издавая нечто среднее между чередой судорожных всхлипов и смехом.

— Вот так, — произнёс Игрок, обводя взглядом выживших — восемь человек, считая храпящего на полу Синего Господина. — Всего-то тринадцать полегло, а? Тринадцать в обмен на жизнь бога. Когда-то, в другом мире, я положил триста тысяч человек из своего полумиллионного войска за неделю, чтобы добраться до него, а он смылся в последний момент. А сегодня всего тринадцать.

— Если бы эта старая сука с её дочуркой не сбрендил, было бы меньше, — отозвалась Алая, жадно слизывая с чужой — теперь уже своей — руки кровь. — И помни о тех нескольких тысячах, что полегли за последние несколько дней. Или они не в счёт?

— Они — нет, они умерли для другого. Давай молот, доченька. — Игрок уставился на

меня. — Палач. И ты, Судья. Вы должны присутствовать.

Он нашёл на полу каменный ключ и, потянув за него, открыл узкий люк. Алая передала ему молот.

— Не стойте. Или у вас на глазах уже убивали бога? — Он сбросил в люк молот и спрыгнул следом.

Я положил руку на Ораю на плечо и едва ли не насильно поволок её к люку, слушая, как она всхлипывает. Я тоже скорбел. Скорбь — это то, что люди испытывают, когда они выжили, а их друзья — нет.

Но мы выжили, а значит, нам нужно доделать дело.

Милосердие IV

В колодце не было ничего, кроме невысокого каменного лежака, на котором сейчас извивалось нечто лишь отдалённо напоминающее человека. Определённо, основу его составляло женское тело, немолодое, но ещё и не старое — немного отвисшая крупная грудь, живот и бока в растяжках после многочисленных беременностей и родов. Но в её мёртвое тело прочно вросли куски живого мужского тела, причём, судя по позе, в момент, когда этот обрубок занимался с женщиной любовью. Под её левой грудью торчала повернутая на бок половина головы с изуродованным лицом, чёрный распухший язык скрёб по коже, будто недочеловек пытался что-то сказать; трёхпалая рука тянулась вдоль её рёбер; из пупа торчал кусок вросшего в живот позвоночника. Но и это ещё не всё. Лицо женщины было изуродовано, и из раскroенного рта, выдранных ноздрей, вырезанных ушей и пустых глазниц медленно сочилась Скверна.

Я повидал многое, но это было одно из самых отвратительных зрелищ. Судья зашла в истерику, и я прижал её к себе, стараясь успокоить. Игрок стоял рядом с лежаком, ссутулившись и опустив голову, его правая безвольно лежала на рукояти стоящего на полу молота.

— Ублюдок, — устало произнёс Игрок, — ничтожество. Как же я тебя ненавижу.

Единственный глаз Гаспа вертелся в глазнице, безумно таращась в никуда. В его взгляде не читалось ничего кроме ненависти. Абсолютно ничего.

— Ты изнасиловал собственную дочь. Ты её Осквернил.

Существо резко сел, из-за чего руки и голова женщины безвольно откинулись назад. Изуродованный рот зашевелился, будто нечто пыталось что-то сказать, но у Изменённой Алу не было языка, ведь она вырезала его прежде, чем покончить жизнь самоубийством.

— Не нужны мне твои отповеди, — холодно сказал Игрок. — Плевать мне на твои мотивы. Я знаю, что убил одну Алу, что вторая из-за меня убила себя. Мы все допускаем ошибки. Но ты допустил их слишком много, и последней каплей было её изнасилование. — Его правая рука сжалась на рукояти молота. — Ты не можешь мне ничего сказать, зато я скажу тебе. Чтобы эти двое, что стоят за моей спиной, услышали и не допускали наших ошибок, когда их сила достигнет тех же высот. Слушайте. Слушай ты, Гасп, слушай, Судья, слушай, Палач... Слушай и ты, любимая, хоть ты и не можешь.

Гасп родился уродом, ошибкой природы. У него было два сердца. Родись он с двумя головами или лишней рукой, его бы просто убили. Но два сердца — дело другое. Его сразу же признали особенным, воспитали как особенного, отождествили с богом. Не маленькую роль в этом сыграли его родители — жрецы одного достаточно крупного культа, решившие, что ребёнок с двумя сердцами — знак их выдуманного бога. Они смогли убедить в этом своё племя и несколько соседних, основав выгодный для вождей союз, объединённый одной религией. В то время это были дикие места, и союз из шести племён стал большой силой, способной влиять на политику соседей... или просто подчинить себе. Был заложен настоящий город, с храмом, в котором вы сейчас находитесь. Город оброс настоящей каменной стеной, превратившись в оплот нового государства, в последствие ставшего первой Империей.

К Гаспу с детства ходили за советом, просили силы... и он играл свою роль, хотя

прекрасно понимал, что никакой он не особенный, что он обычный человек. И это его бесило. Тогда он начал экспериментировать. К нему приходили, чтобы просить богатый урожай, здоровья, удачи в войне, приносили дары, но урожай как был плох, так и остался, здоровья не прибавлялось, и лишь на войне народ постигали успехи, ковавшиеся большой армией, но не силой лжемессии. Вождям было выгодно единство и послушное жречество, и его никто не трогал, благо рабы и награбленное из соседних земель текло рекой в Столицу. Но Гасп, желающий реальной власти, возможности влиять на жизнь людей, решил, что дары никуда не годятся. Не достаточно забитой козы или коровы? Нести ребёнка. Не хватает ребёнка? Давай десять. Церемониальные изнасилования и убийства стали нормой. Люди боялись его, но продолжали обожествлять.

И в какой-то момент их вера наполнила его силой. Не знаю, как это произошло, да и он сам не знает. Просто что-то изменилось в мире, возможно, виной тому жертвоприношения, возможно — плохая погода. В тот чёрный день, почувствовав, что всё изменилось, Гасп понял, что должен испытать себя, наполнить себя хоть какой-то силой, но жертвоприношения должны были состояться только в день зимнего солнцестояния. Он вырезал свою семью, как я уже говорил. А познав силу и поняв, как ей управлять, Гасп начал изменять мир под себя. Возомнил себя богом. И люди в это поверили, убедились окончательно. Он показывал свою магию, и вожди склонились перед ним. Уже он устанавливал, что будет с очередным покорённым племенем, и куда армия отправится в следующий поход.

Из-за этого я пришёл к нему. Помогал ему в охоте на животных, которых он после превращал в химер. Он отстранился от жертвоприношений, желая нести благо... Старые жертвы не должны пройти в пустую, так он говорил мне, заключая вместе со своим вторым сердцем в тюрьму. Я уже сделал достаточно зла, говорил мне Гасп, так пусть моё сердце очистится, питаюсь силой веры. Я поверил ему.

Но выйдя из тюрьмы, я увидел абсолютно другое. Помню этот момент так, словно он был вчера, хотя происходило это вовсе не со мной. Гасп забрал своё сердце и толкнул ко мне девчонку лет четырнадцати, самую прекрасную из тех, что я когда-либо видел.

«Видишь, — сказал Гасп мне, — это сердце действительно очистилось. Я стал другим».

Он приказал мне сторожить этот мир. Наказал убивать всех, кто может познать Творение, и ушёл, сказав, что этот мир стал идеальным. Я ничего не понимал в целях той миссии, что он возложил на меня, ведь Творить мог только он, другие были не способны. Как я ошибался. Я бродил по материку, с ужасом глядя на то, во что превратилась его Империя, по нынешним меркам — лишь небольшое государство, но в тот момент величайшее царство людей во всём мире. Не все хотели верить в него, и тогда он решил принести людям веру огнём и мечом, заставить их поклоняться ему. Люди возненавидели его из-за бесконечных войн, которые перекинулись на весь материк, и тогда он начал создавать армию, подчинённую только ему. Химеры, созданные из людей и животных, неживые-немёртвые существа, когда-то бывшие людьми, горсть злодеев, упивающихся властью и вседозволенностью. По всему миру полыхали костры, кругом стояли виселицы, сотни тысяч людей лежали, непогребённые.

Но хуже всего было другое. Чувства и мысли людей стали вещественны. Изменив себя, Гасп изменил этот мир. Пусть энергия одного человека подобно лёгкому дуновению ветерка, не способного затушить и свечу, вера миллионов способна сворачивать горы и управлять стихиями. Появились люди, которые смогли аккумулировать в себе эту энергию — Гасп

Создал их, надеясь привлечь на свою сторону, но многие отвернулись от него, некоторые начали появляться спонтанно. А теперь представьте, какая энергия преобладала в людях после сотен лет бесконечной войны.

И тогда Гасп, поняв, что дело пошло на самотёк и стать равным ему может любой, испугался и смылся, приказав мне и Алу устранять конкурентов. Вот так. За красивой легендой стоит лишь трусость. Так я стал Палачом, а Алу Судьёй, но все её приговоры были обвинительными — эта малолетняя дурочка слишком любила отца, который представал перед ней только под личиной любящего и благородного существа, обвинявшего во всех бедах, постигших этот мир, неверных ему ублюдков, что дорвались до бесконтрольной силы.

Разочаровавшись в друге и своём создателе, я всё же решил исполнять его волю — второго Гаспа мир не смог бы пережить. Надеялся, что всё утрясётся само собой. Но ничего не утрясалось. Мир уже наполовину заселили утопленники, зомби и прочие твари, которых возвращала к жизни негативная энергия. В конце концов, я решил всё это остановить своими силами. Вся моя жизнь — это попытка исправить то, что натворил Гасп, и здесь, и в других мирах. Одна Алу стала Матерью Тьмой, высасывающей негативную энергию из этого мира — первым Сердцем Мира. Вторая, убив себя, помогла довести эту энергетическую сеть до ума и стала вторым Сердцем Мира.

Пытался я изменить и его самого, но вы видите, к чему это привело. — Игрок вздохнул и поднял молот. — А всё потому, что это ничтожество подстраховалось трижды. Первой его страховкой были мы, убивающие претендентов на его трон, и другие Палачи и Судьи. Если же рождение нового бога было решённым делом, то они должны были уничтожить мир. Но так уж вышло, что Палач убил Судью, и судить мир стало некому, а только она могла дать Палачу достаточно силы. И, наконец, он наложил на себя чары. Вся сила произошла от него, и он смог создать для себя защиту, отражающую любую смертельную атаку от равного.

Да, Гасп? Если тебя попытается убить бог, у него ничего не выйдет. А у человека не хватит сил, так ты думал. Но ты не предполагал, что окажешься в таком плачевном состоянии. Поэтому сегодня ты умрёшь.

Палач, Судья, мне нужна ваша помощь. Судья Освети тело Изменённой Алу, а ты, Палач, вырежи из неё Скверну.

Ораю вышла вперёд и сквозь слёзы что-то зашептала. Я почти не разбирал слов, но это не было приговором или чем-то вроде этого. Она шептала слова поддержки мёртвой женщине, уродливо сидящей на лежаке. И в какой-то момент это подействовало. Её белая кожа начала подсвечиваться, заиграла всеми цветами радуги, засверкала, словно бриллиант на солнце. Но в этот же момент по телу Изменённой Алу пошли чёрно-коричневые полосы. Скверна и мёртвая гниющая плоть, впившиеся в её тело. Я шагнул вперёд и начал саблей вырезать гнилые куски. Это была тяжёлая и монотонная работа. Плоть Гаспа цеплялась и липла к телу его дочери, извивалась, стараясь уйти из-под удара, но я действовал быстро, и груды останков на полу росла. Она шевелилась, срастаясь в нечто единое и уродливое, абсолютно хаотичное — у плоти не было разума, лишь стремление слиться воедино.

Наконец, я выдрал череп с остатками позвоночника и частью таза, практически лишённой плоти, но с остатками чресел, Осквернивших собственную дочь. Тело Алу выгнулось и рухнуло на камень, из её ран на голове вытекли последние капли Скверны. Я швырнул этот обрубок к остальным останкам, и они начали трепыхаться, пытаясь подняться с пола. Безумный глаз Гаспа вращался в глазнице, единственная рука тянула ко мне три изогнутых пальца. Я отшвырнул эту грудку требухи на пол Крылом Тени.

— Прощай, Гасп, — сказал Корд и обрушил на череп первого бога молот.

Камень хрустом и чавканьем глубоко вошёл в тело Гаспа. Глаз вылетел из орбиты и замер, по телу прошла дрожь. Одно из торчащих наружу сердец лопнуло, оросив всё кругом чёрной отравленной кровью. Молот поднялся во второй раз, и, когда камень разможил второе сердце, раздался сухой щелчок. Пол под ногами дрогнул, раздался резкий стон... и то, что осталось от Гаспа, рассыпалось в сухую серую пыль.

— Вот так, — сказал Игрок и, поставив молот, взялся за мешок. — Старая эпоха кончилась. Теперь мы сделаем этот мир таким, как угодно нам, а не таким, каким его сделал Гасп. — Он на миг замер, уставившись на нас, из его правого кулака свисал длинный кусок плоти. — Отвернитесь, зрелище будет не из приятных.

— Лучше мы поднимемся, — сказал я и, буквально вышвырнув Ораю на второй этаж, взлетел по лестнице.

Шестёрка выживших работала — зализывала раны, собирала оружие, стаскивала тела погибших к лестнице. Судья уселась прямо на пол и уткнулась лицом в колени, я обнял её и замер, глядя куда-то в одну точку.

Что-то я не чувствовал, как мир изменился. Уверен, работы по этому пункту у нас ещё непочатый край.

Спустя несколько минут наполненных стонами, чавканьем и влажным хрустом срастающегося мяса и костей, к нам вышел Корд. Высокий нечеловек с волосами, переходящими в гриву и хвост, с когтями и клыками, жёлтыми глазами с неестественными фиолетовыми вертикальными зрачками.

— Мой бог! — насмешливо сказала Алая и шутовски поклонилась.

— Ваш бог, — отозвался Корд рычащим голосом. — Пошли наверх, мёртвые подождут.

Мы выбрались из храма. На площади собралось несколько десятков человек — все, кто в данный момент отдыхал от битвы. Кто-то при виде Корда упал на колени, кого-то куда больше занимали собственные раны. Корду на это было плевать. Он ударил молотом о камень мостовой, раскрошив приличный кусок, и взвалил его на плечо.

— А теперь, — сказал он, — вы увидите, на что способен настоящий бог.

Молот, поднятый на вытянутую руку, прочертил над головой бога окружность. Раз, другой, третий, ускоряясь и ускоряясь, пока не превратился в размытое пятно. А потом движение резко остановилось, и молот, медленно — невероятно медленно — опустившись, столкнулся с землёй.

Мир троился, двоился, прыгал и падал, шёл то влево, то вправо, уходил куда-то вдаль и резко приближался. Казалось, что каждая молекула воздуха скребёт по коже. Земля била по ногам, её притяжение могло размазать. И при этом всё кругом, и мы в том числе, оставались абсолютно неподвижными.

По тяжёлому облаку, зависшему над нашими головами, прошла судорога. В его чреве засверкали молнии, бьющие из абсолютной черноты неба прямо в стоящий на земле молот Корда. Тучи энергетической бури набрякли, будто готовясь пролиться дождём, и начали бешеную пляску, выглядящую хаотично из-за сверкающих молний, но я мог рассмотреть направление их движения. Все они стягивались в молот.

Это продолжалось какое-то время. После весь мир содрогнулся так, что мне показалось, будто меня подбросило на добрую сотню метров в воздух вместе со всем городом. Тучи резко, будто корова слизнула, исчезли с небосклона, одна за другой начали загораться звёзды. Мир замер.

Раздался тихий вздох. Это был первый звук за последние секунды или века. Я повернулся к источнику звука, и понял, что это был Свей. Король людей тяжело повалился на колени, из его рта вырвался второй стон, прервавшийся неудержимым потоком кровавой рвоты. Завизжал кто-то из «ребят» — его выворачивало наизнанку. Кто-то из стоящих на коленях героев поднялся и, теряя по пути плоть, сделал несколько шагов, чтобы прочертить на голом торсе Корда кровавую линию беспалой кистью и повалиться замертво. Меня обдало горячим потоком крови — Эшка разорвало на куски, рядом с ним билась в агонии Стера, из её ушей вытекал окровавленный мозг.

Повернувшись, я понял, что это происходило со всеми. По всей Столице, в лагере. Десять тысяч героев и игроков, собравшихся здесь со всего мира, погибали в жесточайших мучениях.

Но гибли не только они. В небо начала подниматься чёрная туча, сочащаяся гноем. Она поднималась всё выше и выше, стягиваясь в место, расположенное где-то в центре города. Валяющийся в нескольких метрах от меня труп жреца рассыпался в прах, который начал излучать странное сияние. Засветились окна в домах. На одной из боковых улиц будто вспыхнул пожар. Вскоре стало светло как днём.

— Обычные солдаты выжили, — сказал Корд, лежа молот на правое плечо. — Игроков и наших с Гаспом вырождков чуток подразделало. Но таков был план.

Я стоял, оглядываясь в поисках выживших, но видел лишь три фигуры — Корда, Алюю и Ораю.

— Девочка, ты молодец, — ласково сказал бог, обращаясь к Судье. — Скверна действительно не коснулась тебя. Палач, ты стал тем, кем стал, поздравляю.

— И кем я стал? — сипло спросил я, вытирая пересохшие губы.

— Претендентом на роль бога, конечно, — фыркнула Алая. — Какое счастье, что я являюсь им уже добрых лет пятьсот, и меня это дерьмо по разделению Света и Скверны не затронуло. И знаешь, что? Лучше оставаться в таком подвешенном состоянии, а то папочка рано или поздно решит тебя грохнуть ради высшего блага, как и всех этих людей.

— Это решать ему, — холодно отрезал Корд. — Ораю, девочка, ты чувствуешь, как Свет наполняет тебя?

Судья кивнула. Свет действительно был кругом. Но он не мог осушить слёзы на её щеках.

— Сейчас нам нужно закончить дело. Пошли, они собрались во дворце Императора.

— Они? — спросил я.

— Властелины. И твой конкурент, если Рука Бога дала ему достаточную мощь. Я, конечно, надеюсь на то, что он погиб, но беспочвенные надежды редко сбываются.

Корд целеустремлённо зашагал к Императорскому дворцу, Алая заспешила за ним, а я чуть не насильно потащил Ораю следом. Меня разбирал истеричный смех.

Пешки, все мы — игроки, герои, Властелины, Гасп, Культы... Даже лишившись силы Корд оставался единственным игроком за этой шахматной доской. Единственным кукловодом.

Корд солгал, заявив, что лишился всех сил, попытавшись убить Гаспа. У меня был свидетель, заявивший, что Корд лишился ПОЧТИ всех сил. Хозяин Болота. Он же фактически, подтвердил, что Властелины — его ставленники, чьей задачей было убийство Гаспа. Но сам Корд исчез почти сотню лет назад, и спустя какой-то десяток лет в этом мире воцарились Властелины. Видимо, что-то у них не срослось.

Что нужно было Корду? Убить Гаспа, вывести к чёртовой матери его гнилое потомство и сохранить мир. Чтобы убить Гаспа ему были нужны обычные люди. Ну, не совсем обычные — маги, великие воины, кто угодно, но не боги. Так он нашёл Властелинов — недобожков откуда-то из захудалого мира. Наверняка, он предложил им силу. Силу они получили, но его волю выполнять отказались. Возможно, даже попытались убить своего патрона, ведь они, не являясь полноценными богами, вполне могли это сделать. Вероятнее всего, после этого Корд смылся.

Обессиленный, он остался один, его поддерживала разве что Алая... и собственный Культ, который уже был проклят Гаспом. И тогда Корд решил использовать Властелинов по-другому. Корд разъединил своё тело на Игрока и останки зверя, оставив останки напитываться силой этого мира. А сам втёрся Властелинам в доверие, он уже намекал, что для него это просто, стоит вспомнить, как он сошёлся с Гаспом. Игрок предложил им развлечения, и они, считая себя пупом всей Спирали, согласились. Плевать, какие развлечения у них были до этого, главной Игрой была эта. Энергию для её проведения он взял у Властелинов, заманил их сюда для наблюдения за Игрой. Стравил их между собой на ставках. Возможно, повлиял на Властелина, заварившего эту Игру. А ведь настоящей ставкой был пост бога или кого-то его подобного — победитель Игры из Властелинов стал бы самым сильным существом, возможно, во всей Спирали. Но победителя просто не могло остаться, ведь они играли по чужим правилам и стали четвёртой целью этой злой Игры.

Игрок мог убить Гаспа, но его потомство (и потомство самого Корда) слишком велико. Да, он проредил его во время прошлых игр, но в этот раз решил убить всех одним махом, благо оно разбилось на три категории — жрецы, правители и герои. Жрецы вместе с основной сетью храмов сразу выселились из внешнего мира. Большая часть героев осталась вне зоны Игры, но их забросили сюда для спасения мира. Судья обмолвилась, что во внешнем мире шла война между какими-то графствами, но остановилась, стоило ей обрести зрение и превратиться из обычной послушницы в несущую Свет Судью. Вероятно, один потомок бога решил замочить другого, но тут нашлись дела поважней. Итог — большая часть проклятого потомства отправилась в зону Игры, подавляющее большинство было собрано у Столицы Судьёй и самим Кордом. Возможно, какие-то единицы остались, но устранить их — не большая проблема, когда всё закончится, можно развязать самую обычную войну или нанять убийц.

Итак, Корд в облике Игрока убивает Гаспа. Первая цель выполнена. Большая часть из потомства уже мертва. Вторая цель выполнена. Вернув себе силу бога, Корд ворует энергию у Властелинов. Забирает весь Свет из осквернённых жрецов. Осталось убить Властелинов и вернуть контроль над этим миром и сетью, выкачивающей негативную энергию из этого мира. А там уже и до возвращения господства над Спиралью недолго.

Что же до нас, игроков... Он нашёл среди нас Палача. Без нас не было бы никакой Игры. Толк в нас исчез, когда буря, питающая нас энергией, пропала. И тогда он принёс нас в жертву, не гнушаясь применить пытку, чтобы получить побольше силы за короткий промежуток времени. Всё до ужаса просто и тривиально.

Я хотел его убить. Сейчас же. Но уже не мог, ведь он и в облике Игрока был мне не по зубам, а уж сейчас...

Осталось не так много вопросов — какие роли в последних событиях отведены мне, Судье и Некроманту. Впрочем, если вспомнить его слова, кто-то из нас — Палача и Некроманта — должен погибнуть. Что сделает последний? Изменит мир, вероятно. Сделает

его таким, каким он должен быть после всех этих войн, Смут и прочего дерьма. Почему сеть так долго выкачивала негативную энергию из Сердца, но в мире всё ещё оставалась нежить и прочие чудовища? Не потому ли, что для создания сети Корд нуждался в единой Империи, а создать её можно только посредством войны? Сколько крови пролил ты, ублюдок?

Не только гасповские ошибки ты разводишь, Корд, но и свои тоже. Плевать на мотивы, бога несущего благо или бога-злодея, результат вашего правления — кровь и разруха.

Алая повернулась ко мне и подмигнула.

— Ты умный парень. Прости, твои мысли чуть ли не от стен отражаются.

— Да, — устало сказал Корд. — Кровь и разруха. Но неужели ты не можешь поверить, что в этот раз получится что-то лучшее, чем в прошлые?

— Я не питаю себя беспочвенными надеждами, они ведь так редко сбываются.

— Иногда беспочвенные надежды — единственное, что остаётся, мальчик.

Я огляделся. Мы шли сквозь руины города. Руины, в которых не осталось и намёка на жизнь. Я уже видел подобное на востоке, в царстве Некроманта. И это новый мир? Поваленные статуи ушедших в историю правителей. Разгромленные дома. Стены, испачканные сажей пожаров и засохшей кровью. Сломанная мебель. Растоптанные детские игрушки. Канувшие в небытие жители.

— Это — результат любой войны, мальчик. Подумай, сколько их мы предотвратили.

— И сколько развяжем новых. Всё, что поменялось, это КТО их будет развязывать — Властелины, Гасп или ты лично.

— Это сама суть власти.

Ответить мне было нечего. Я продолжал упорно тащить за собой Судью, которая едва переступала ногами. Её доспех ослепительно полыхал, а меч просвечивал сквозь кожу и металл ножен.

— Тише, — шептал я, — тише. Всё будет хорошо. Мы другие, не такие как они.

— Я знаю, — резко сказала Судья и неожиданно отстранилась от меня.

Я только заметил, что глаза Ораю излучают Свет, словно во время Суда. Её лицо обратилось ко мне. Я не почувствовал боли, как это обычно бывало. Я шёл в сиянии пару секунд, а после меня вышвырнул из него резкий толчок. Меня оттолкнула Судья. Секунду назад мы шли, и я поддерживал её, чтобы она не упала, а сейчас она оттолкнула меня, и я, упав, сию на земле.

— Я знаю, — повторила Судья, — поэтому мы с тобой теперь по разные стороны. Они, — она кивнула в сторону Корда и Алой, — успокоятся на этом, вытроят новый мир и успокоятся. А ты продолжишь драться, до самой смерти или до тех пор, пока не умрут твои враги. Возможно, когда-нибудь это погубит тот мир, что мы построим сегодня. Скорее всего, именно мне придётся остановить тебя. Прощай, Палач. Прощай.

Я поднялся с земли и тупо стоял, отряхивая штаны, не понимая, что происходит, отказываясь признать себе в том, что всё у нас с Судьёй кончено, что бы у нас ни было — дружба или ещё какая человеческая шелуха под названием «чувства». Судья скорбно покачала головой и заторопилась вслед за ушедшими далеко вперёд «небожителями».

— Кстати, — произнёс издали Корд, — у тебя гость. Не умри, и, возможно, когда-нибудь мы сразимся на равных.

Земля под ногами дрогнула. Одно из зданий величественного Императорского дворца обрушилось и загорелось.

— Пытаются смяться, — насмешливо сказал Корд, из-за расстояния между нами его

слова уже почти не были слышны, — не понимают, что я запечатал весь мир на время. У них совсем не осталось сил, мы легко справимся. Да, Ораю, деточка?

— Да, Корд. Я буду Судить их.

Больше я их не слышал. Да и плевать мне стало на всё это дерьмо. По пустой улице ко мне шёл Некромант.

— Всё сломалось, — с печалью в голосе заявили мне рты на его левой руке. — Все Осквернённые исчезли. Остался только я, моя Тьма да Властелины. А от них сейчас никакого проку — несколько, прогорев на ставках, погибло от рук своих же товарищей, остальные пытаются смыться, но, судя по всему, у них ничего не получится.

— Бегство не для тебя, да? — спросил я, ухмыляясь.

— Нет, — покачал головой Некромант. Его лицо окончательно исчезло. Но на левой руке уже было пятнадцать ртов. — Я всё ещё могу сделать мир таким, каким надо мне. Не сейчас, гораздо позже — появление Корда спутало мне все карты, но всё же могу.

— Только через мой труп.

— Вообще-то так и задумывалось, — хмыкнул Некромант, и в его голосе впервые прорезалось что-то от старого Алексея. Лишь на миг. — Игрок так и сказал мне — должен выжить кто-то один.

— Игрок? А когда ты его видел?

— Когда они с Гниющим дали мне эту руку.

Вот оно что. Всё, чёрт побери, запланировано.

— Приступим, — сказал я и расправил Крылья за своей спиной.

Некромант замахнулся Рукой Бога и ударил ей о мостовую. По земле прошла дрожь, несколько ближайших зданий обрушились, подняв тучи пыли. Раздался тихий протяжный стон, будто застонал сам мир. И из-под земли, ломая брусчатку, прорываясь сквозь нагромождения камня, полезли полчища умертвий.

Мои фантомы, расцветая пастями и щупальцами, схлестнулись армией Некроманта в безумной битве, в которой не было места живым. Кость и Тьма рассекали Тень, Тень ломала кости и рассеивала Тьму. Земля дрожала от поступи двух армий, воздух наполнился скрипом стали и треском ломаемых костей.

Один из фантомов неожиданно рассеялся, но тут же материализовался, изменив форму. Теперь это был не ссутуленный убийца с саблей в правой руке и ворохом зубастых пастей вместо левой, это был высокий берсеркер с двуручником. Его фантомный меч рассёк закованную в сталь кость одного из скелетов. Из-за спины берсеркера выскользнул незримый охотник с дротиком, пронзившим голову умертвия, та лопнула, заливая мостовую чёрной жижей. Тьма. А ведь кругом, по всей Столице, воцарился Свет, который не грел и даже не обжигал, он палил дотла. В том числе и мою Тень, но не с такой силой — всё-таки наличие Тени говорит о присутствии Света, а не его отсутствии. Вскоре лужа Тьмы превратилась в горсть пепла, смешавшегося с пылью.

Несколько более крупных умертвий-химер выползли из гущи армии Некроманта, плюясь отравленными шипами и Тьмой, но ни у одного из фантомов не было плоти, чтобы её отравить. Два безликих берсеркера, у одного из которых был обычный двуручник, а у второго оплывший и затупленный, преградили им дорогу. Их мечи поднялись и опустились, и один из скелетов упал. На короткий миг мне показалось, что я слышу их кличи, слившиеся воедино.

Не знаю, сколько шла это битва. Она кипела в нескольких кварталах, фантомы,

принявшие чужой облик, и скелеты бесновались на улицах, рвали друг друга на куски в домах, бились на руинах. Казалось, что это будет продолжаться бесконечно, но в какой-то момент битва кончилась. Несколько десятков фантомом осталась стоять, в то время как все умертвия превратились в груды сломанных костей и обломков ржавого железа.

— Так не пойдёт, — задумчиво сказал Некромант и одним движением левой руки рассеял оставшиеся фантомы. — Думаешь, придал им форму близких людей и сразу начал выражать их волю? А ведь именно я выражаю наши чувства. Нас, сломанных кукол. Знаешь, чего мы хотим? Убивать. Это доказала Тёма. Когда я рассказал ей, что ты ходишь за пределы замка вовсе не по приказу Корума, она отправила одну свою подружку следить за тобой. Мою девушку, Алёну. Вообще-то, я именно ей и обмолвился, совершенно случайно — никогда не умел держать язык за зубами. Думаешь, она стала бы убивать ту твою утопленницу, если бы не хотела? Ты бы видел её лицо — ну, то, что от него осталось — когда Алёнка ей всё рассказала. Квинтэссенция ненависти. А потом Корум, решив, что вы его предали, захотел убить вас с Репьём и Тёму. Думаешь, я поверю, что они сейчас встали бы на твою сторону?

Я промолчал. Да и если бы хотел что-то сказать — не смог бы, моё тело трансформировалось в птичье. Злобы не было — она исчезла вместе с бурей. Осталась безграничная усталость и боль от ран. Но такую усталость испытываешь, когда уже почти доделал очень трудное и важное дело. Осталось лишь собрать силы на последний рывок и получить заслуженный отдых.

— Ты же видел, — продолжал Некромант, — мы — всего лишь мясо, которое после своей смерти превращается в источник энергии. Умри, отдай мне свою левую руку, и тогда я уничтожу этот проклятый мир быстрее. Не мучай себя. И меня не мучай.

— Закрой свои рты, — прокаркал я, едва ворочая языком. — Думаешь, я встану на твою сторону? После всего, что я видел? После того, что пережил? Вот так встану и скажу — убивай меня? Нет уж, дружище. Что для меня ещё несколько минут мук, если я смогу убить тебя и увидеть, как в этот проклятый мир возвращается жизнь? Увидеть, что всё было не зря. Что все они погибли, чтобы жили другие.

— Что ж, так тому и быть. Ты умрёшь и не увидишь конец этого мира. Впрочем, так оно и задумывалось, и мной, и тобой.

По левой руке Некроманта прошла дрожь. Его тощее тело изогнулось, деформируясь. Кости вылезли наружу, заключая плоть в доспех, Рука Бога превратилась в исходящее Тьмой оружие — костяную дубину с пятнадцатью мощными шипами, на концах которых располагались искривлённые от жажды убивать пасти.

— Мы похожи, — прошипела одна из них. Правая рука Некроманта махнула в сторону извивающегося Комка.

— Внешне — может быть. Но у нас разная начинка.

Я ударил крыльями и, взлетев над крышами задний, спикировал на приготовившегося к моей атаке Некроманта. Он подставил Руку Бога под выпад моей руки-сабли, и та разлеталась от удара, оголяя израненную плоть. Но Комок впился в костяной доспех, оставляя на нём следы от зубов и шипящие потёки яда. Голова Некроманта распахнулась, как бутон уродливого цветка, и из Тьмы внутри неё выстрелили костяные стрелы, прошившие мой доспех насквозь, прошедшие сквозь моё тело, разорвавшие Крылья. Тень зашила свои раны, а я успел вонзить вторую саблю в ещё не сросшиеся кости. Рука Бога отшвырнула меня в сторону, я врезался в чудом уцелевшую стену, пробил её насквозь и покатился по соседней

улице, пока не встретился с очередной уцелевшей стеной. Крылья Тени трещали, но не ломались, они и смягчили удар.

Чувствуя вкус крови на зубах, я опёрся на Крылья и встал. Нет, у меня не были разбиты губы (у меня и губ-то не осталось) или выбиты зубы, кровь шла из горла.

— Кажется, нас нехило потрепало, Комок, — прошептал я, но Комок не ответил. Когда же ты закончишь свои размышления, дружище?

Некромант кружился на месте, тряся своим подобием головы и пытаясь вырвать правой рукой застрявшую саблю — левая для этого не была предназначена. Я сорвал с пояса арбалет, и Тень послушно впитала его, искажая с ним и мою руку. Вот уж не думал, что он мне когда-нибудь пригодится...

Я поднял разросшийся до размеров пушки арбалет и выпустил в Некроманта череду Теневых Стрел, и две из них пробили его костяной доспех, впились в плоть, причиняя муки и парализуя мышцы, принялись ввинчиваться в его тело, выскивая сердце. Некромант закричал, выгнулся, потом наоборот будто сжался и исторг из своего тела стрелы. В этот же миг я налетел на него, ударил крыльями, сбивая с ног, подхватил скрюченными когтями и, подняв в воздух, швырнул в ближайший источник Света — несколько сияющих тел жрецов, нашедших свой конец в полуразрушенном здании. Скверна исчезла, и их тела обрели обычный вид, плоть выросла на кости, или же Свет заменил её там, где она сгнила при жизни.

Раздался вой пятнадцати глоток. Некромант поднялся, опираясь на левую руку, но тут же новый залп Теневых Стрел опрокинул его землю. Его доспехи в сиянии Света стали менее прочными, и на этот раз сразу полдюжины стрел пробили его. Нужно было сделать несколько шагов или подняться в воздух, атаковать, добить его, но я стоял, скрючившись и харкая кровью, которая и не думала останавливаться.

Некромант выбрался из здания. По его телу проходили судороги. Запнувшись о камень, он упал, и один из шипов на его дубине обломился, рассыпавшись в прах. Он что-то бессвязно бормотал, пока шёл ко мне, из его спины торчали Стрелы, одна, высунувшаяся из колена, скребла по камням. Его костяное оружие неуклюже ткнуло меня в грудь, но силы удара не хватило на то, чтобы пробить Доспех Тени, наоборот ещё два шипа превратились в серую сухую пыль.

Мы вцепились друг в друга, пытаясь раздавить противника проходящими сквозь наши тела чудовищными потоками силы, но неспособные самостоятельно устоять на ногах. Мы боролись, валясь друг на друга, хлещущая из наших ран кровь заливала мостовую, смешивалась, превращаясь в парящую на Свете грязь. Силы были равны.

Но я-то хоть немного умею драться в ближнем бою в отличие от него. Я стиснул Некроманта в объятия и упёр клюв в его безлицую голову.

Крыло скользнуло по доспеху, выскивая дыры, и, найдя, впилось в сухую плоть моего противника. Некромант заизвивался, пытаясь вывернуться, но Тень проникала в его тело всё глубже. Моя правая рука освободилась, и я упёр её на уровне пупа противника. Последние несколько стрел пронзили костяной доспех, и мой враг в миг обмяк, силы покинули его. Я привычно ударил когтями его в колено, и нога, не выдержав, переломилась, словно сухая ветвь. Голова Некроманта раскрылась, в очередной раз пытаясь исторгнуть саблю, но удар Крыла лишь вогнал её глубже. Я запрокинул голову и из последних сил ударил врага окровавленным клювом в грудь. Доспех рассыпался на мелкие костяные обломки, рёбра раскрылись и, мгновенно удлинившись, пробили мой Доспех, вошли в живот.

— Последний мой козырь, — сказал Некромант насмешливо. — Я бы даже сказал — самоубийственный.

Я раскрыл клюв и выхаркал на него поток крови вместе с ядом, и раскрытые внутренности Некроманта задымались. Я ударил его лапой, отталкивая от себя, и сам свалился на мостовую. Щупальца Комка зашарили по моему животу, выискивая отравленные осколки костей в ранах.

Я с трудом перевернулся на живот и встал на четвереньки. Под моими ладонями заскрипели пепельные перья — то, что ещё несколько секунд было Крыльями Тени. Свет сжёг их. Что ж, и меня он тоже спалит, но нужно завершить начатое. Я с трудом подполз к Некроманту. Он лежал неподвижно, прикрывая живот левой рукой, от которой уже мало что осталось — шесть ртов кривились на изуродованном обрубке.

— Я вылечился, — сказал один из оставшихся ртов. — Но драться мне нечем — эти пятеро меня никогда не слушали. Надеюсь, что ты сдохнешь быстрее меня.

— Нет. Только после тебя.

Опираясь на щупальца Комка, я встал, склонился над Некромантом. Наше оружие оказалось слишком убийственным для нас самих. Быть может, мы слишком мало думали о защите в стремлении победить врага?

Мы, первые игроки в этой Игре, умирали последними. Но был ещё третий, и его можно спасти.

Я протянул правую руку и взялся за рукоять сабли. С трудом потянул и чуть не свалился — клинок на удивление легко вышел из кости. С хлюпаньем рана затянулась. Это хорошо. Больше шансов на успех.

— Прощай, — сказал я Алексею и разрубил его рот, саблей разделяя то, что осталось от Руки Бога с туловищем.

Некромант дёрнулся, его тело выгнулось... и замерло, а в сторону откатилось пять голов с искажёнными мукой лицами.

Я закашлялся, обливаясь кровью, стиснул зубы, будто бы это могло её остановить, и последним усилием вызывал совершенно несуразный ошмёток крыла, в которое переложил саблю.

«Что ты?..» — начал Комок, но я не дал ему договорить, отрубив себе левую руку. Из обрубка в поисках того, к чему можно припасть, высунулась пасть, и я последним движением приставил её к ране, образовавшейся на теле Алексея, когда я отрубил Руку Бога. Пасть впилась в плоть, вкрутилась в неё. По телу прошла судорога. Голова будто начала лопаться, но в этот раз на ней проступили черты лица — рот, нос, глаза...

Я свалился в прах и закрыл глаза. Всё. Теперь можно умирать. Как ты и сказал, Комок, когда я сдамся, ты займёшь моё место. Вот тебе новое тело. Живи, Комок. Моё место теперь среди мёртвых.

Кто-то схватил меня за волосы и проволока по камням. Швырнул меня о неровную твёрдую землю. Стальная хватка сжала рану...

Боль пронзила мою ключицу, но второй приступ мучений, куда худший, коснулся моей головы — в неё будто вогнали раскалённый стальной прут. Я открыл рот, чтобы закричать, но из него вырвался лишь поток крови и желчи.

— Так не пойдёт, — сказал Комок голосом Алексея. — Я не могу оставить тебя без компании.

Третья вспышка боли, четвёртая... Я уже знал, что их будет шесть — от первого

прикосновения и по счёту каждой из голов — и приготовился к этому.

— Был я один, теперь будет пять собеседников. А то с кем тебе говорить, когда меня не станет?

Последняя. Я взвыл, когда жизнь начала возвращаться в моё тело. Я корчился, стонал и скрёб пальцами правой руки бесформенный сгусток там, где должна быть левая рука.

— Вот так, — насмешливо сказал Комок. — Вот так. Люди должны кричать, когда им дают жизнь. А мне нужно кое-что сделать.

Когда ко мне вернулось зрение, я увидел, что Комок стоит лицом ко мне и улыбается. Черты его лица были ещё уродливей, чем в том сне, грубая рана на месте рта кривилась, обнажая кривые зубы, но это определённо была улыбка. Пальцы его левой руки сжимались в кулак и разжимались, казалось, что само действие доставляет Комку удовольствие.

— Властелины погибли слишком быстро, чтобы нам можно было поболтать как следует. Сюда уже идёт Корд, а Алая с Ораю восстанавливают сеть. Или, скорее, с помощью капищ не дают пролиться всей Скверне, которую Властелины собрали в хранилище под дворцом Императора. Без тех копий, которые ты оживил в Белой Роще, сеть восстановить не выйдет — им нужен дополнительный центр силы, кроме того, что Корд сделал сегодня, убив игроков и героев, а он подчинён тебе. К счастью, у всех нас есть я, иначе миру пришла бы крышка. — Комок направил мою (теперь уже его) левую руку в сторону Императорского дворца. — Там скопилось слишком много Тьмы и Скверны, Корд ни за что её не переработает. Нужно очень много времени, очень много хранилищ энергии. Но начало сегодня будет положено. — Он снова улыбнулся. — Вообще-то, я хотел забрать тебя с собой... но там, куда я уйду, совсем нет Света. Я долго думал, человек, и понял, что самопожертвование — не такая уж и плохая штука. Обо мне сложат легенды... ты сложишь, больше некому. Да и вся моя жизнь — это путь к Тьме. Я был рождён, чтобы безмозглым слизнем пройти по сосуду к Сердцу Тьмы и раствориться в её тёплых объятиях. Но ты вырвал меня из сети. И теперь, спустя всё это время, я вернусь к ней, к своей Матери. Как равный. Как живое существо, способное мыслить и чувствовать. И пусть у меня не будет тела в привычном для тебя понимании, я-то останусь сам собой.

— Ты... — прошептал я. — Ты... так и не полетал... на самолёте... и никогда больше... а я... потерял всех... Репей... и остальные... — Я попытался встать, но у меня совершенно не было сил. — Остановись... Живи. — Силы стремительно возвращались ко мне, голос окреп. — Я же вижу, какое удовольствие доставляет тебе каждый вдох. Каждое движения. Восстанови сеть с моей помощью. К чему мне продолжать мучиться?

Комок рассмеялся.

— Я летал дважды. На твоих крыльях. Разве ты забыл? Что до остального... пораскини мозгами, человек. И я не умру, я же сказал. Я стану... кем-то большим, чем Комок. Что ж, они заканчивают, а значит, мне пора. Прощай. И позаботься о моём ребёнке... если он тебя не сожрёт, конечно.

Комок в последний раз улыбнулся мне и, раскинув руки, буквально растаял, превратившись в потоки Тьмы, мгновенно впитавшиеся в землю. Я чувствовал, как они устремились в разные стороны, впитывая и перерабатывая Скверну, до которой не дотянулись ни Корд, ни Свет. Самый большой поток ударил в чудовищную по своим размерам гнилую рану на теле этого мира, находящуюся в паре километров южнее...

Резервуар Скверны лопнул, бешеный поток закружился, выливаясь в образовавшуюся щель. Он, словно вода, стремился пройти по пути наименьшего сопротивления, разливаясь в

разные стороны, заливая весь мир. Но чёрные сосуды, опутавшие его, Артерию, Храм Корда, Изменённую Алу и стремящиеся на другой конец сети далеко на севере, будто магнит притягивали к себе эти потоки гнили, порока и ненависти. Сосуды едва не лопались от чудовищных потоков, готовых разорвать всё и вся, но Комок справился.

И где-то на севере в болоте выплыли первые пиявки, стремящиеся к одному — раствориться в объятиях Матери Тьмы. Сердце Тьмы содрогнулось, переваривая первую партию, и раскрылось, забило, высасывая из Сердца Мира Скверну.

— И всё равно слишком много пролилось за это время, — сказал Корд. Я даже не заметил, как он подошёл. — Сеть капищ задержит эту Скверну, пока она не вытечет. Но что делать с той, что продолжает образовываться по всему миру? Кому-то надо её собрать. А у меня чертовски много дел. Нужно восстанавливать храмы, Столицу... искать нового Императора, в конце-то концов, ведь этот мир состоит не только из тонких материй. Да и для кого мы его спасали, как не для людей?

— Я что ли буду всё собирать и восстанавливать? — буркнул я, разминая свои новые пальцы. Ничего так, если не считать рта на ладони, да парочки под локтём. Ага, и ещё два на плече. Вроде пока молчат, но, ручаюсь, скоро заговорят. Нужно будет наставить их на путь истинный. Или они начнут наставлять меня. Посмотрим ещё кто кого...

— А кто же ещё?

— Не боишься, что я стану богом? Слишком много мне придётся апеллировать высшими субстанциями и познавать мир. Проще убить меня здесь и сейчас.

Корд посмотрел на меня, и в его нечеловеческом взгляде я прочитал тоску.

— Тебя? Нет, не боюсь. Я боюсь только одного. Что, в конце концов, останусь не прав. Абсолютно и бесповоротно не прав. И не смогу себе в этом признаться, а это верная дорожка к безумию. Тогда должен быть кто-то, кто сможет меня остановить. Алая не сможет, слишком уж она меня любит. — Грустная ухмылка коснулась толстых губ бога. — Тебе же подобные сантименты по отношению ко мне чужды.

— Замётано. — Я поднялся и, пошатнувшись, сделал шаг вперёд. Голова раскалывалась. Мир в белом Свете выглядел как не разрисованная раскраска. Но скоро он приобретёт цвета. Я уже чувствую, как моей правой части тела касается нечто ласковое и тёплое.

Первые лучи солнца. За долгое-долгое время, пока буря висела над моей головой, я уже забыл, что это такое — рассвет.

— Но если ты будешь абсолютно и бесповоротно неправ, я тебя быстро приструню, — сурово сказал Корд.

— Как будто это так просто.

Я сделал ещё два шага и уже уверенней пошёл вдоль артерии. Нужно возвращаться домой.

На север.

Раскисшая грязь чавкала под моими сапогами, но это была хорошая грязь — она пахла сгнившей травой и листьями, а не смертью. Совсем скоро станет теплее, грязь подсохнет, и на ней вырастет новая трава.

Я на миг остановился около трухлявого мёртвого пня. Нет, он уже никогда не сможет дать жизнь новым побегам. Что ж... Я прикоснулся к нему левой ладонью, изгоняя те остатки Скверны, что ещё не выветрились за прошедшие годы. Возможно, этот пень облюбуют птицы, и в их помёте окажутся целые семена какого-нибудь растения. Скорее всего, для этого понадобятся десятки лет... Хотя, нет, поменьше. Я в последнее время видел чертовски много птиц — четыре штуки за последнюю неделю.

В нескольких сотнях метрах севернее находился обрубок старого сосуда, в котором скопилось немного Скверны. Я присоединю его к новой сети, и он заработает как миленький. Зачем делать что-то новое, если старое прекрасно справляется?

Но сначала нужно закончить одно дело, которое я откладывал уже сорок лет — всё своё путешествие по Каменному Мешку и за его пределами. Так уж вышло, что нужно было спасти людей, и это забытое всеми место на севере осталось на десерт.

Тропинка сохранилась — вытаптывать её было некому, но и зарости она не могла, хотя бы из-за отсутствия в радиусе пары десятков километров живой травы. Мёртвые деревья, склонившиеся над тропой, напоминали скелеты. Их сухие ветви щёлкали и тихо шелестели на ветру. Нет, они не окаменеют, жизнь возвращалась в эти места, и я — её вестник. Сначала всё сгниёт, и перегной даст развиваться новой жизни. Эта гниль не имеет никакого отношения к Скверне. Скверна забирала жизнь. Эта — даёт.

Здесь всё вымерло в первую очередь, а оживает в последнюю. Алая травила нам байки, утверждая, что локации закроются. Или, вернее, предупреждала, что все, кто останутся — погибнут, ведь здесь не было никаких средств для выживания, закрывать эти места не было никакой нужды.

Зато на юге кипит жизнь. Корствен, первенец Корда и Ораю, уже прозванный Новым Солнцем Империи, прижал к ногтю уже практически всех, кто смел ему сопротивляться. На дальнем юге, среди пустынь, война ещё шла — несколько его родственничков ещё сопротивлялась, но по местным меркам война долго не продлится, лет ещё, может, десять или пятнадцать. Слышал, что у него подрастает сын. А его младшая сестра, Инча, ушла в храм, где лечит прокажённых и под покровительством Алой познаёт силу. Новая династия, лишённая Скверны в сердце, будет править долго, в этом я не сомневаюсь.

Впрочем, какое мне до них дело? Мои интересы расположены куда северней. Свей с Корумом уже полгода как восстановили замок Нервила и несколько ближайших деревень, но большая часть из сорока с лишним тысяч оживших игроков, решивших идти со мной на север, и ещё такого же числа их подросших детишек ещё не переправились с материка. Остальные либо погибли, либо участвуют в южных сварах. И, наверное, один Василий сохранил нейтралитет, упиваясь вином в одном из восстановленных храмов Корда, где он по совместительству подрабатывает настоятелем.

Сероглаз пытается показать игрокам, что у него клыки побольше, но я поговорил с его матерью, предложив уйти через перевал в земли, когда-то принадлежавшие Хегле, где было

куда больше болот. Синеглазка хоть и отошла от дел, но имела на своего сына большое влияние. Хотя, когда нужно было показать кому-то своё место, сын Комка не слишком-то её слушал. Корум, впрочем, был не против драки, Тёма, уже родившая ему троих, постоянно подбивала его на то, чтобы показать, кто в доме хозяин, но куда более рассудительный Свей его сдерживал.

Единственные, кто не хотел войны, это бывшие обитатели Леса Трупов. Их земли раскинулись вокруг рощи могучих дубов, которые не поддались Скверне те сорок лет назад, когда всё кругом умирало.

А уж без меня эта свора агрессивной нежити давно бы передралась. Я стараюсь не мешать им жить, но когда дело пахнет керосином, появляюсь во главе своей гвардии из двенадцати озверевших потомков Гаспа и одного неживого пса, которой вымахал уже до размеров лошади. Хотя и у этой компашки есть свой лидер — Смоги был жестоким и злобным ублюдком, и даже я иногда начинал его опасаться. Он стал ещё злее, когда понял, что детей не завести никому из них, но тут уж ему нужно было проклинать Гаю, которая позаботилась об этом ещё сорок лет назад. Приходилось держать его при себе, и не отпускать на юг, иначе он пролил бы много крови.

Тропинка начала забирать вверх, и я оказался на полянке, посреди которой возвышался голый камень — длинный лишайник давно истлел. Зато колодец оказался на месте, и был полон воды, на поверхности которой плавали мёртвые листья.

Я опустился на колени рядом с колодцем. Хорошо, что он цел, иначе пришлось бы хоронить Топлюшу в земле. Не думаю, что утопленнице это бы понравилось. Я осторожно снял рюкзак и развязал его. Пришлось попотеть, чтобы найти тело, но силу полубога дают кое-какие преимущества. Сначала я опустил в колодец скелет, и только потом череп, предварительно прижавшись губами к гладкой лобной кости.

Прощай, Топлюша. Хорошо, что ты не увидишь, что стало с тем местом, где вы со Стрыгой и Лешим проводили большую часть времени. Жаль, что ты не увидишь, как сдружившиеся с утопленниками жители Светлого Озера и Прохладного леса запускают в Вечное Озеро рыбу и обустривают там жилища — кто-то в туманном лесу, кто-то на дне озера.

Постояв на коленях ещё несколько секунд, я отправился к сосуду. Вот он, обрубок, отравивший это место. Лужа Скверны застыла на дне небольшого оврага. Я раскинул над ним Крылья и Кершев принялся работать, создавая два центра силы и перекидывая между ними мост. Тёмная сеть, раскинувшаяся под землёй, сразу проглотила один из центров, и сосуд зашевелился, тянясь к сети, соединённой с Сердцем Тьмы.

Закончив, Кершев практически бесследно исчез. Мои новые сожители давно превратились в послушные орудия и никак себя не проявляли, лишь их рты иногда тихо шевелились, словно во сне. Лишь Алексей иногда приходит поболтать, но это другой Алексей, и я мало что могу ему сказать. Возможно, конечно, они готовят бунт и собираются захватить моё тело, но Шевела, отключенная когда-то от всего внешнего мира и даже меня на двадцать лет, на своём примере успокоит горячие головы.

«Привет, человек, — сказал тот, кого когда-то звали Комком. — Это последний невосстановленный сосуд?»

«Да».

«Значит, прощаемся?»

«Я буду жить тут неподалёку, так что, возможно, приду пару раз в гости, чтобы

поболтать».

«Вспомнить старые времена, а? Мы с Тьмой будем ждать тебя».

Я устало кивнул. Нужно передохнуть, а потом отправляться на юг. Сюда мой новый народ придёт ещё не скоро. Нужно дождаться хотя бы того времени, когда здесь будет кого сожрать.

Ведомый давними воспоминаниями, я вернулся к лесной полянке с камнем. Взобрался на него и уставился на тропу так, как это возможно делала Топлюша много лет назад.

Смешно, но на миг мне показалось, что я вижу, как пять молодых и наивных ребят выходят из леса и испуганно озираются в поисках грозящих опасностей...

Зато мне не показался плеск воды.

Топлюша вынырнула из колодца и, улыбнувшись, ладонями согнала струи воды со своей обнажённой груди.

— Хорошо, — сказала она, — что ты сначала принёс мои кости, а не восстановил сосуд, иначе я бы сейчас была на пути к Сердцу Тьмы.

— Нам повезло, что я такой сентиментальный, — отозвался я, давая ей забраться на валун.

Моё лицо кривилось в странной, непривычной и давно забытой гримасе. Пришлось прикоснуться к нему, чтобы понять, что это.

Улыбка.

— Я так долго тебя ждала, — промурлыкала утопленница, прижимаясь к моему плечу. — Боялась, что ты не вернёшься. Боялась, что растворюсь в Скверне. Боялась...

Я поцелуем заставил её замолчать. Время тянулось и тянулось, а мы сидели, прижавшись друг к другу и не замечали его течения.

— Я есть хочу, — прошептала, наконец, Топлюша. — И мне нужна новая одежда.

— Помнишь то место, где ты в последний раз пыталась меня убить? Недалеко есть дом, где когда-то пряталась старуха со своим мужем и внуками. Репей уже должен был навести там порядок. В этом доме найдётся еда, одежда. Там мы будем жить с тобой, в покое и радости, и воспитывать детей.

Топлюша улыбнулась, но почти сразу улыбка сошла с её лица.

— Люди всегда стремятся убивать таких как мы. Думаешь, нам дадут жить там в покое? Не боишься, что кто-то опять попытается захватить Сердце Тьмы? Наш дом ведь совсем рядом с ним.

Я рассмеялся.

— Я человек, но меня же ты не боишься? К тому же, скоро ты всё увидишь. Наше царство, где я буду серым кардиналом, а ты моей женой. Десятки тысяч превратившихся в сильную и клыкастую нежить игроков. Сотня тысяч жителей болот. Ещё сотня тысяч оживших деревьев, который только в спокойное время выглядят как люди, а стоит появиться опасности, и они превращаются в состоящие из острых костей машины убийства. Думаешь, сюда хоть кто-то сунется? Думаешь, кто-то рискнёт нарушить покой всего мира и Сердца Тьмы, когда его защищают столько опасных и злобных существ, во главе которых стоит полубог?

Знаешь, что? Пусть только попробуют.

Больше книг на сайте - Knigolub.net